**ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА:
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПО ПУТИ РЕФОРМ**
ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

**CENTRAL EUROPE:
THIRTY YEARS OF REFORMS**
PROBLEMS, CHALLENGES, PERSPECTIVES

Под редакцией Л.Н. Шишлиной

1989-2019

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПО ПУТИ РЕФОРМ
Проблемы, вызовы, перспективы

CENTRAL EUROPE: THIRTY YEARS OF REFORMS

Problems, challenges, prospects

Edited by Lyubov Shishelina

2021

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт Европы Российской академии наук

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА:
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПО ПУТИ РЕФОРМ
Проблемы, вызовы, перспективы

Под ред. Л.Н.Шишлиной

Москва
ИЕ РАН
2021

УДК 32(437+438+439)"1989/20"
ББК 66.3(45),1+66.4(45),03
ЦЗ8

Ответственный редактор: Л.Н. Шишелина
Редакторы: В.В. Воротников, М.В. Ведерников

Рецензенты:

Дрыночкин А.В., доктор экономических наук,
профессор МГИМО МИД России
Александрова А.К., кандидат исторических наук,
н.с. Института славяноведения РАН

Тема НИР 0167-2021-0005
«Комплексные исследования политического, экономического и социального развития
стран и регионов Европы»

Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы = Central Europe: thirty years of reforms. Problems, challenges, prospects / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук ; под ред. Л. Н. Шишелиной / — М. : Институт Европы РАН. — 326 с. — Парал. тит. л. англ. — ISBN 978-5-98163-171-9.

Л. Шишелина, Л. Н., ред.

В книге, написанной ведущими авторами из России и стран Центральной Европы на базе обсуждений в рамках одноименной международной научной конференции из серии «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» дается глубокий всесторонний анализ процессов, произошедших в странах Вишеградской группы за 30 лет с момента «бархатных революций» 1989 года. Ученые в широком контексте рассматривают исторические, политические, социально-экономические предпосылки, сделавшие трансформации в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии неизбежными, и оценивают их результат в ключе современной геополитики.

ISBN 978-5-98163-171-9
DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/978-5-98163-171-9>

© ИЕ РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021

*Памяти Петра Вагнера,
нашего коллеги и друга*

*In memory of Petr Vágner,
our colleague and friend*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.	8
----------------------------	----------

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА НА ПОРОГЕ СВОЕГО ВТОРОГО СТОЛЕТИЯ: ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ СО ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ УРОКИ

Центральная Европа: три десятилетия после «бархатных революций» <i>Любовь Шишелина</i>	10
The Long Shadow of August 1968: Czech View of Russia <i>Oldřich Tůma</i>	22
Советское руководство и его отношение к событиям в странах Восточной Европы в 1989 году <i>Михаил Прозуменщиков</i>	30
Some Interpretations of the Place of the Events of 1989–1990 in 20th Century History. Hungarian Perspectives <i>Attila Pók</i>	42

30 ЛЕТ РЕФОРМ: ИТОГИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН И РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

1989 – 2019: Thirty Years after: Re-Enchanting Europe? <i>Ferenc Miszlivetz</i>	58
The Role of Civil Society in Liberal Democracy. The Czech Republic Thirty Years down the Road <i>Karel B. Müller</i>	78
Evolution of Ideological Discourse on post-1989 Society in Slovakia <i>Peter Dinuš, Dominika Dinušová</i>	92

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

«Trans» without «Formation» – Reloaded. The Social Models of the Eastern and Central European Countries <i>Jody Jensen</i>	101
Barriers to Consolidation of Democracy in Poland <i>Joanna Dzwonczyk</i>	120
Стабильные нестабильности: чешский политический ландшафт восьмого электорального цикла <i>Элла Задорожнюк</i>	134
Представления о «Польше нашей мечты» спустя три десятилетия после начала трансформации: анализ избирательной кампании 2019 г. <i>Олег Михалев</i>	158
Особенности политической трансформации в постсоциалистических Чехии и Словакии <i>Михаил Ведерников</i>	182

ОБ ИТОГАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Оценка экономического развития Вишеградской группы	
<i>Анатолий Бажан</i>	196
Primary and Secondary Privatisation in some Former Communist Countries	
<i>Károly Attila Soós</i>	203
Эволюция внешнеторговых связей Польши спустя 15 лет после вступления в Европейский союз	
<i>Анджей Габарта</i>	210
The Success of the Polish Economic Transition	
<i>Zbigniew Stańczyk</i>	224
The Role of the Exchange Rate Regime in the Systemic Transition and Economic Integration: the Evidence from Poland's Economy	
<i>Marta Wajda-Lichy</i>	236

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Central Europe under Pressure of the New Geopolitical Context: Time for Decisions and Choices	
<i>Witold Rodkiewicz</i>	248
Внешняя политика Венгрии и кризис либерального международного порядка. Балансируя между мировыми державами и национальными интересами	
<i>Ласло Чичманн</i>	253
Отношения России и Польши — возможен ли выход из тупика	
<i>Максим Саморуков</i>	262
Польская восточная политика и политика России по отношению к Западу — возможен ли диалог?	
<i>Рафал Лисякевич</i>	267

ВИШЕГРАДСКАЯ ГРУППА – ВОСХОДЯЩИЙ ФАКТОР ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

(Sub)regionalism and Foreign Policy: Case of the Visegrad Group	
<i>Bernadett Lehoczki</i>	281
Trends of the Visegrad Foreign Policy 2019. Selected Results	
<i>Pavína Janebová</i>	290
Сотрудничество стран Вишеградской группы в образовательной сфере	
<i>Луциана Гоптова</i>	298
Страны ЦВЕ и балканские дилеммы ЕС	
<i>Павел Кандель</i>	308
Послесловие / Afterword	318
Contents	320
Об авторах	322

ВВЕДЕНИЕ

Дорогие Коллеги!

Представляем Вашему вниманию очередную книгу серии «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» на тему «Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы».

Она основана на материалах конференции, которую Вишеградский центр Института Европы РАН организовал и провел в партнерстве с Посольством Чешской Республики в Москве в декабре 2019 года, когда Чехия председательствовала в Вишеградской группе. Мы благодарны Послу Чехии в Москве Господину Витезславу Пивоньке за выбор Института Европы и нашего проекта в качестве партнера для проведения в Москве столь важного мероприятия в рамках председательства его страны.

Эта конференция стала юбилейной для нашего проекта «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях», которому в декабре 2019 года исполнилось 25 лет. Одновременно она стала и последней нашей конференцией «доковидного» времени. В те декабрьские дни, увлеченные дискуссией, мы надеялись на продолжение, желали друг другу счастливого Рождества и Нового года, и думали, что расстанемся максимум на год. Размышляя об иных вызовах, мы и представить не могли, что стоим на пороге большой трагедии, которая мало кого обойдет стороной, обречет нас на затяжную изоляцию, переживания за близких и коллег. Так или иначе, но все, происходившее с нами в декабре 2019 года было «до пандемии». И нам остается с теплотой и добром вспоминать о том времени, надеяться на скорейшее преодоление «коронакризиса» и возвращение жизни в привычное для нас русло.

Не будет преувеличением сказать, что данная книга стала лучшим вкладом в наш проект за всю его историю. В нее вошли статьи, написанные признанными экспертами из стран Центральной Европы и России, основанные на многолетнем опыте и глубоких знаниях региона, его истории, лабиринтов политики, особенностей экономики, международных отношений. Мы также включили в нее тексты начинающих исследователей региона — экономистов, историков и политологов, размышляющих о старых и новых вызовах для стран Центральной / Вишеградской Европы.

30 лет от начала реформ — это много с точки зрения непростой истории Центральной Европы. Результаты совершенных за три десятилетия преобразований — как доказывает большинство наших авторов — убедительны и поучительны. Фактически за три десятилетия регион совершил впечатляющую эволюцию от статуса периферии мировой и европейской политики до ее важного политического субъекта. Достоинство пройдя путь реформ, центральноевропейцы нашли способ существования без межэтнических и межгосударственных конфликтов.

Фактически они осуществили идею Центральной Европы, к которой подступалось не одно поколение наследников некогда второй крупнейшей континентальной империи. Эта идея и стиль жизни воплотился в реально новой форме межгосударственной интеграции, которую сегодня представляет Вишеградская группа, имеющая все задатки стать ядром нового центральноевропейского процесса.

Вдохновленные результатом, мы будем продолжать наш проект. Скорее всего, это будут уже совершенно иные конференции. Драматизм ситуации еще и в том, что хаос и отчаяние, возникшие в начале 2020 г. перекинулись и на другие сферы нашей жизни, нарушив ее поступательный ход. Нервоз безысходности стал выливаться в резкие решения, повернувшие вспять и межгосударственные отношения. Внезапно обнаружилось, что нас стало разделять гораздо больше, практически столько же, сколько и в самом начале пути реформ. Но мы уверены, что так быть не должно. Мы продолжим нашу работу, наши встречи и обсуждения, объединенные, возможно, другим обобщающим названием, и будем стремиться к возвращению атмосферы наших дискуссий, за которую ратовали прошедшие четверть века. Да, именно раз в два года четверть века (!) мы встречались с нашими коллегами из стран Центральной Европы, чтобы обсудить волнующие нас глобальные, региональные проблемы, вопросы реформирования наших экономик и общественного устройства, новые тенденции в региональной политике и перспективы наших взаимоотношений, и надеялись, что наши рекомендации будут полезны тем, кто принимает решения высшего уровня.

В соответствии с многолетней традицией наших изданий, мы публикуем выступления без изменений, сохраняя стилистику изложения авторов, позволяя читателю почувствовать остроту и напряженность дискуссии, хотя и не до конца разделяем некоторые из точек зрения, которые кажутся нам недостаточно аргументированными. Открытый и прямой диалог — особенность наших конференций. Какими бы ни были точки зрения участников — большим достижением является то, что диалог наш длится уже более четверти века, вселяя надежду на возможность преодоления время от времени возникающих сложностей и даже кризисных явлений в отношениях между нашими странами и регионами.

Данная конференция безусловно состоялась бы, но, может, атмосфера ее была бы иная без помощи Посла Чешской Республики в Москве Витезслава Пивоньки и сотрудников посольства — Советника — посланника, к.и.н. Петра Вагнера, памяти которого мы сегодня посвящаем эту книгу, заместителя Посла Лубоша Веселы и сотрудника политического Отдела посольства Яна Йиндриха.

*Автор и руководитель проекта «Россия и Центральная Европа
в новых геополитических реальностях»,
доктор исторических наук **Любовь Шишелина***

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА НА ПОРОГЕ СВОЕГО ВТОРОГО СТОЛЕТИЯ: ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ СО ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ УРОКИ

Центральная Европа: три десятилетия после «бархатных революций»

Любовь Шишелина

Аннотация. В 2019 г. страны Центральной Европы отметили знаковые юбилеи — тридцатилетие со времени смены системы. Часто анализ произошедшего сводится к самому характеру революций, акцентируется их системный антикоммунистический характер, подчеркивается преемственность антирежимных выступлений в этой части Европы во второй половине XX века. В статье впервые предпринимается попытка комплексного анализа трансформационных процессов. Автор не только выделяет наиболее существенные достижения этих стран в сферах экономики, внутренней и внешней политики (также как и некоторую непоследовательность в области социальной политики и идеологии), но и рассматривает произошедшие изменения с трех точек зрения — точки зрения Западной Европы, общественно-политическую и хозяйственно-экономическую модель которой эти страны в конце 1980-х гг. выбрали в качестве конечной цели начавшейся после слома старой системы трансформации; с точки зрения России, с которой они некогда составляли единый политический и экономический блок и расстались 30 лет назад; и с точки зрения Будапешта, Варшавы, Праги и Братиславы, имевших возможность за три прошедших десятилетия скорректировать свою позицию по ряду вопросов конвергенции. Особое внимание уделяется исследованию этапов становления внешней политики «четверки», ее отношений с ЕС и с Россией с учетом влияния международного экономического и политического климата на конкретные решения центральноевропейских государств. В статье впервые предпринимается попытка проанализировать феномен Вишеградской группы с точки зрения региональной модели межгосударственного объединения на мультикультурном пространстве, исторически формировавшемся как единое целое в рамках некогда крупнейшей европейской империи, а затем разделенном между новыми субъектами государственности.

Ключевые слова: Вишеградская четверка, Вишеградская Европа, трансформации, реформы, международные отношения, двусторонние отношения, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия.

Сегодня, когда отмечается тридцатилетие от начала транзита центральноевропейских стран из послевоенной тоталитарной системы к условной западноевропейской демократической модели экономики, общественного управления и ценностных ориентиров, эксперты и аналитики все чаще задаются вопросом — можно ли рассматривать пройденный ими немалый и непростой исторический путь как некий трансформационный итог, который хотя бы в общих чертах совпал с представлениями революционно-настроенных романтиков конца 1980-х гг. и в какой-то степени устраивает сегодня страны региона? Или же они все еще находятся в процессе адаптации к выбранной некогда целью западноевропейской модели и попутно — с учетом некоторых имевших за это время разочарований — уже формируют свою собственную региональную модель развития¹? Или общий нестабильный и тревожный фон в мире вызван в том числе и утратой прежних ориентиров, пониманием несоответствия тех, разменявших три десятка лет, ожиданий нынешнему этапу развития общества?

Отношения с ЕС: от адаптации к сбалансированной конвергенции

Поскольку речь идет об особом регионе Европы, где смешались этнокультурные, историко-политические и иные особенности двух частей континента, к тому же находящемся сегодня в определенном «ценностном сопряжении», вопрос, поставленный нами, может иметь как минимум три ответа. Западные страны, которые смотрят на регион «к востоку» от них все еще с нивелирующим чувством превосходства, пытаются в эти дни оценивать три минувшие десятилетия для этих стран как «догоняющее развитие», пенять им по поводу уклонения в ряде случаев от «западных ценностей», давать советы, навязывать нормы, грозить санкциями. Эта шкала оценок наиболее строгая, поскольку предполагает ориентацию на определенную модель, сформированную в ходе уникального трансатлантического (романо-германского и англо-саксонского) исторического опыта, опирающегося на совокупность традиционных именно для этих культур ценностных ориентиров. Однако следует отметить, что страны Центральной Европы сознательно сделали выбор в пользу западной модели в начале 1990-х гг. и, подавая заявку на вступление в Европейский союз, обязались не только модифицировать свои политические, экономические, юридические системы и иные сферы жизни, но и фактически вписать

1 Здесь можно опереться на дискуссии в рамках нескольких центральноевропейских конференций в которых автор приняла участие в 2019 г.: «1989–2019: 30 Years After: Central Europe in a Global Context», Köszeg, Hungary, June 30–July 6, 2019; «The Europe of Tomorrow. 'Strong' Meaning What?», Krynica, Poland September 3–5, 2019; «Fault lines and Frontlines of European Transformation». The 4th Blue sky conference in Budapest, nov.7–10, Budapest, etc.

их в сложившуюся схему, инкорпорировав в свою правовую и регулируемую систему сформировавшиеся в Западной Европе нормы. Т.е. добровольно согласились играть по правилам интеграции, к которой они присоединялись¹.

Формально эти страны уже скоро два десятилетия являются членами Европейского союза и открыли третье десятилетие своего членства в НАТО. Т.е. по внешним признакам вопросов об их принадлежности системе и модели как-бы не возникает. Что касается внутренней ситуации, то, во-первых, здесь нет полностью совпадающего опыта, а во-вторых, с момента принятия решения о приеме этих стран, Европейский союз научился работать с ними по схеме «условного соответствия». Это, несмотря на Копенгагенские и иные критерии, как показывает время, вполне допустимая практика в Европейском союзе. Несмотря на единый стандарт, все страны, присоединявшиеся уже после создания ядра ЕС, имеют свои особенности. Где-то это монархии, где-то президентские, где-то парламентские республики. Нельзя сравнивать экономики Германии и Греции. На традиции опираются многие параметры реального функционирования этих государств. Если сравнивать темпы развития центральноевропейских государств среди других 27 членов европейской интеграции, то по большинству из показателей они выглядят вполне «по-европейски».

Вот лишь некоторые из них, по последним данным Eurostat². Рост населения в Чехии и Словении превышает средний по ЕС. В Словении также выше среднего продолжительность жизни, но, тем не менее, ни одна из центральноевропейских стран не является целью миграционных потоков. Также в Чехии и Словении ниже среднего по ЕС уровень безработицы, хотя эти страны не присутствуют в верхней части списка наиболее богатых стран Европы. В пересчете ВВП на душу населения в Евросоюзе между государствами остаются большие различия. Самым богатым является Люксембург. На другом конце — шкалы Болгария с объемами ровно в пять раз меньше. Выше среднего уровня ВВП Германии, Финляндии и Франции. Менее богатыми являются страны на юге и востоке. На Чехию приходится 90% от средней по ЕС планки, на Словакию — 76, на Польшу 70 и на Венгрию — 68%.

Государственные расходы в странах Евросоюза составляют менее половины от ВВП. Эта доля является самой высокой во Франции, Скандинавии и в некоторых южных странах. Ниже — в основном в посткоммунистических государствах, включая Чехию, а также в Ве-

1 Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза на восток и интересы России. М.: Наука, 2006.

2 EU v číslech: půlmiliardy stárnoucích lidí, čtvrt miliardy aut, drahotanaseveru. Česká televize. 03.11.2019. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/svet/2958869-eu-v-cislech-pul-miliardy-starnoucich-lidi-ctvrt-miliardy-aut-drahotana-severu> (accessed: 01.05.2020).

ликобритании и Ирландии. Большая часть государственных расходов направляется на социальное обеспечение.

Сюрпризом явилось то, что Венгрия находится по этим показателям на первом месте среди стран ЦЕ и на десятом в списке ЕС, превышая средний уровень среди 27 государств. На эту позицию она вышла в большей мере благодаря отчислениям на сферу образования и государственное обслуживание (*general public services*), отставая все же в сферах социальной защиты и здравоохранения. В социальной сфере ее обошли Словения, Польша, Эстония и Словакия, хотя по этим показателям и они не приблизились к среднеевропейскому уровню. В области здравоохранения лучше, хотя и ниже среднего уровня, ситуация в Чехии (лучше всех транзитных стран, и даже Швеции), Словении, Словакии, Эстонии и Литве. На последнем месте по всем параметрам находится Ирландия, и близко с ней Румыния, Латвия, Болгария.

Между государствами союза также существуют различия в уровне цен. Наиболее высокие цены на севере, немного ниже на юге и значительно ниже - на востоке. Между тем, самыми большими являются различия в стоимости жилья. Суммарно жизнь в Чехии считается шестой по дешевизне среди всех государств Евросоюза.

Таким образом, можно констатировать, что государства Центральной Европы сумели стать достойными странами Европейского союза и по ряду параметров даже смогли обойти их. Хотя закономерен и вопрос — благодаря каким именно факторам, поскольку известно, что Прага и Пражский регион еще до вступления в Европейский союз считались наиболее зажиточными в Европе.

Известно, что политические и правовые реформы в Центральной Европе проводились со времени подачи заявок, т.е. примерно с середины 1990-х гг. по дорожным картам, созданным в Брюсселе. Однако на момент принятия в члены ЕС не все требования были выполнены, также не все выполняются и сегодня, хотя напряженная работа по совмещению моделей в этой сфере продолжается¹. Здесь достаточно вспомнить нашумевшие сначала в Венгрии законы о печати, верховных судьях, Конституции страны, а также аналогичный процесс в Польше, к которой появились множественные претензии с момента победы на выборах в 2015 г. партии «Право и справедливость» Ярослава Качиньского².

За три десятилетия неоднократные изменения преодолевали как сама система выборов, так и структура законодательных и исполнительных органов власти центральноевропейских стран. В целом они шли по пути упрощения и удешевления достаточно громоздких про-

1 Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции / под ред. Л.Н. Шишлиной. М.: ИЕ РАН, 2017.

2 Центральная Европа: политический портрет на фоне столетия / под ред. Л.Н. Шишлиной, М.В. Ведерникова. М.: ИЕ РАН, 2018.

цедур и органов, возникших тридцать лет назад на стихийной волне демократического строительства. Так в Венгрии в два раза уменьшилось число депутатов Государственного собрания. В Польше и Чехии не первый год на повестку выносятся вопросы ликвидации верхних палат парламентов, роль которых имеет скорее представительский и комплементарный характер.

Первоначальное попури из отечественных и западноевропейских правил в организации производства и приватизации, управлении государством и предприятиями постепенно обрело систему. В области приватизации вполне нормальным явлением стало огосударствление или ограничение прав иностранных собственников. Первоначально радужное отношение к иностранным инвесторам сменилось прагматичными антимерами. Хотя стоит отметить, что часть таких мероприятий, связанных с оптимизацией роли и места иностранного капитала, вызвала критику и даже нападки со стороны западноевропейских политиков, порой реализуемых ими через центральные органы Европейского союза. Особенно тяжело восприняли в Брюсселе уравнивание в налогообложении иностранных компаний в Венгрии, отказ вишеградских государств от квотированного приема беженцев по решению Европейского союза и т.п.

Это углубило наряду с вышеперечисленными областями противоречий конвергенционные расхождения между государствами Западной и Центральной Европы, продемонстрировало отсутствие понимания в Брюсселе специфики положения этих государств именно, как государств, главной целью которых изначально была демократизация и достижение уровня социально-экономического развития своих западноевропейских партнеров¹. Неконтролируемый прием беженцев угрожал им не только дополнительными бюджетными тратами, но и размыванием идеологического базиса, строительство которого — в отличие от экономического и правового — шло не так быстро и не столь поступательно, поскольку цели для него изначально не были столь четко обозначены. Вернее, были обозначены всего лишь как выход из коммунизма. Эта зыбкая сфера ориентировалась преимущественно на традиционные национальные установки и одновременно на общеевропейские христианские ценности (все чаще в этих странах обозначаемые как христианско-иудаистские)², совмещаясь с политикой памяти. Существовали нешуточные опасения, что вмешательство чуждой региону мусульманской компоненты могло помешать этому процессу, добавив к строительству новой идеологии отвлекающие акценты.

1 Йенсен Д. Социально-экономические модели стран Центральной Европы: перезагрузка // Современная Европа. 2018. № 7. С. 19-33. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720181933>

2 Выступление госсекретаря Венгрии Саболча Такача на 4-й конференции «Blue sky» в Будапеште 8 ноября 2019 г.

Таким образом, если для западных стран с устоявшейся идеологией и крепкой правовой системой эта проблема сводилась преимущественно к возможностям их социальной и экономической сферы; то для стран Центральной Европы она представляла угрозу для еще одной, менее доступной для понимания западными партнерами области, а именно — формированию национальной политико-идеологической среды.

Потому в целом, акцентируя в эти дни значение революций 1989 г., западная пресса и западные политики подчеркивают — как и все эти годы — их первостепенное значение в свержении коммунизма и «диктатуры Москвы», уделяя меньше внимания анализу самих трансформационных процессов. Это в целом укладывается в современную парадигму отношения к России. Присутствует также осуждение политических систем, сложившихся в Венгрии и Польше (притом, что они являются продуктом свободного избирательного процесса) и на этой основе делается заключение об откате от прежних идеалов демократии, без учета того, что и сам мир, и Запад, и отношения между двумя частями (западной и центральной) Европы также за три десятилетия прошли определенную эволюцию, причем, двигаясь не всегда поступательно. Это не могло не оставить отпечаток и на первоначальных представлениях о целях реформ как исключительно о «выходе из коммунизма» и «возвращении в Европу». Сегодня уже встает вопрос о том — в какую Европу? Какой желают видеть эту цель те, кто начинал реформы и кому предстоит их продолжать? Весьма образно выразил это состояние бессменный лидер венгерской партии ФИДЕС, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан: «Тридцать лет мы думали, что Европа — наше будущее, теперь мы знаем, что мы — будущее Европы»¹.

Со временем все более бросается в глаза, что обе стороны не боятся критиковать друг друга (в то время как в 1990-е гг. острой критики избегали, опасаясь остудить решимость и Востока, и Запада пойти на союз). В настоящее время альтернативы европейской интеграции для центральноевропейских стран нет, а как и в любой семье, стороны — бьются — бранятся, но всегда выступают в защиту неких своих общих интересов. И чем дольше длится этот союз — тем принципиальнее могут быть выяснения позиций, однако пока не появится более привлекательной альтернативы — его решимости оставаться вместе ничто не угрожает.

Три десятилетия спустя Европе важно понять, что вернувшиеся в нее центральноевропейские реформаторы дали важный импульс для переосмысления дальнейшего общего европейского пути. И теперь всем вместе предстоит сначала согласиться с пока еще существующем лишь в воображении новым проектом, а затем приниматься за строи-

1 Orbán Viktor beszéde a XXIX. Bálványosi Nyári Szabadegyetem és Diák táborban. Tusnádfürdő (Báile Tusnad). 28.07.2018. URL: <http://www.miniszerelnok.hu/orban-viktor-beszede-a-xxixbalvanyosi-nyari-szabadegyetem-es-diaktaborban/> (accessed: 21.05.2020).

тельство Европы по его чертежам. Импульс, зародившийся 30 лет назад от политического землетрясения в Карпатском бассейне, постепенно распространился на всю Европу.

Взгляд на путь Центральной Европы из России

Наша оценка трех десятилетий трансформаций в центре Европы, если она и существует, в официальной, публицистической, либо научной среде — имеет ряд принципиальных особенностей. В ней явно превалирует эмоциональная сторона. Сегодня, как и 25, 20, 10 лет назад можно уловить ностальгию по «содружеству» (хотя и преимущественно только у старшего поколения), а отсюда — обиду за «измену», отражающую атавизмы противостояния систем — когда «бывшие друзья» ушли к нашим «классовым и идеологическим противникам». На этой же половине поля эмоций — гипертрофически романтизированные представления о славянском родстве, на фоне которых формируются обманчивые представления о готовности хотя бы части стран вернуться в лоно России, либо построить с ней более близкие отношения, нежели сейчас. С другой стороны — в русле новых, порой рефлексивных целей вновь переживают корректировки оценки событий 1956, 1968, 1980 гг. К сожалению, российская точка зрения страдает двумя недостатками — это минимум информации о реальном состоянии дел в этих странах, к тому же информация эта достаточно часто заимствована из западных источников, т.е. несет в себе уже определенную оценочную и эмоциональную компоненту. Во-вторых, малое знание является причиной того, что желаемое нередко выдается за действительное. То есть фактически конструируется некая искусственная «реальность» вокруг которой выстраивается соответствующая атрибутика реагирования. Мифологизация этих стран, которые порой представляются как жертвы Запада, «схваченные его цепкими руками» и удерживаемые помимо своей воли в евроатлантическом кругу порой берется за основу политики и пропаганды в отношении них. Между тем, элиты этих стран чрезвычайно прагматичны, могут использовать любые сентименты и исторические повороты в обоснование современных выгодных для их стран экономических решений. Они прекрасно владеют ресурсом своего геополитического положения и не входя в высшую лигу глобальных игроков, могут умело манипулировать интересами крупных держав, извлекая из этого обстоятельства опять же экономические преимущества для региона. Конкретный пример — участие в современной санкционной политике. Ради получения выгодных сделок они способны осуждать антироссийские санкции в ходе переговоров с Москвой, четко понимая при этом, что уже связаны строгой системой обязательств с Европейским союзом и НАТО. Это добавляет дополнительные нюансы современному этапу отношений России с этими странами.

В России исследованиями проблем трансформаций и ситуацией в центральноевропейских странах занимаются опрометчиво мало в то время, как уже не первое десятилетие Центральная Европа стала одним из стратегических направлений политики Китая, такой своеобразной «базой *ad hoc* перед Трансатлантикой». До небывалых высот развил польскую схему Триморья американский президент Дональд Трамп.

Уровень российских исследований можно оценить с точки зрения отсутствия внятной терминологии, наблюдаемый даже в трудах ряда академических учреждений. Часто и вовсе нет определения региона как такового. До сих пор используется устаревшая калка с английского «Центральная и Восточная Европа».¹ Повторимся — нет региона Центральной Европы и в последней концепции внешней политики России. Нет последовательности в определении сути событий, а именно того, что именно произошло в этих странах 30 лет назад, а тем более, как к этому относиться, как принять и строить отношения дальше. В то же время относиться позитивно к тому, что страны идут «не вместе с нами», считается дурным тоном при том, что выбравшие другой путь столицы являются современной туристической Меккой для россиян среднего класса. Не «духовным Египтом»,² как некогда писал Достоевский об отношении русских к Европе того времени, но неким «рождественским подарком», который можно получить, если весь год хорошо трудиться. На самом деле нам есть что сравнивать — кто от чего ушел, и кто к чему пришел — и на этой основе корректировать собственные действия. К сожалению, в среднестатистических показателях, а «индекс счастья», увы, по нашей стране не рассчитывается — граждане Центральной Европы более счастливы хотя бы потому, что тридцать лет их путь был последовательным и поступательным в сторону обретения больших свобод и возможностей. Появившаяся перспектива реализовать свои способности в рамках всего Европейского союза заставила государства более вдумчиво относиться к молодежной и социальной политике. Сменяемость власти, широкая политическая альтернатива помогают сдерживать показатели коррупции и иного небрежения интересами населения, все еще местами наблюдаемого среди чиновничества.

Наши экономисты тем не менее вносят немалый вклад в анализ специфики региона. Так Анджей Габарта делает вывод о формировании здесь особой центральноевропейской экономической модели³. Алексей Дрыночкин обращает внимание на тенденцию к поддержанию

1 В трудах оставшегося от знаменитого «Богомоловского института» Отделения Института экономики РАН.

2 Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1881 год // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в девяти томах. М., Астрель-ФСТ, 2004. С. 479.

3 Habarta A. Social and Economic Model of Central European States // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2019. № 1–2. С. 49.

и развитию вишеградского экономического рынка¹. Изучением некоторых структурных показателей экономики центральноевропейских стран занимаются в Институте экономики РАН, историей стран Центральной Европы — в Институте славяноведения РАН.

В 2019 году о тридцатилетии реформ вспомнили в фонде Горбачева, организовав в Риге конференцию «1989: драма ожиданий. Демонтаж коммунизма и посткоммунистическое тридцатилетие». Поскольку мероприятие было организовано политиками либерального направления и рядом немецких фондов, то главным удручающим участников выводом стала констатация провала либерализма, который поначалу служил основной движущей силой смены систем, но к концу первого десятилетия XXI в. прочно ушел в тень: «Тридцать лет спустя конкуренция моделей социально-политического развития вновь оказалась на повестке дня»².

Мы же (автор и Вишеградский центр института Европы РАН) в ряде своих работ подчеркивали, что главным итогом перемен стало то, что эти страны стали другими. Не такими как замышлялось — они не переняли полностью западную модель, и тем самым инспирировали начало симметрии в процессе конвергенции. 7-я экономика Европы и 15-я мира — это немалая заслуга вишеградских стран³ за три десятилетия реформ.

Центральноевропейские оценки реформ

В самих центральноевропейских странах в 2019 г. юбилей, связанные с событиями 30-летней давности — от прорыва ограждений из колючей проволоки на австро-венгерской границе, до падения Берлинской стены, Бархатной революции в Праге и совсем не бархатной в Румынии — открывшими им путь в новую жизнь — отмечались на государственном и муниципальном уровнях. Так совпало, что наряду с воспоминаниями о романтике и надеждах тех дней, в Праге, например, собравшиеся на антиправительственной манифестации граждане потребовали от премьер-министра А. Бабиша наконец оставить свой бизнес и заняться страной, как он обещал в ходе предвыборной кампании. В речах и оценках центральноевропейцев в те дни слышалась не только вполне заслуженная героизация революционных событий, но и новые решительные требования к власти.

Выступая в Праге на торжествах по случаю 30-летия бархатной революции, сам принимавший в ней активное участие венгерский

1 Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под. ред. Шишлиной Л.Н. М.: Весь Мир, 2010.

2 1989: драма ожиданий. Демонтаж коммунизма и посткоммунистическое тридцатилетие. М.: Горбачевфонд, 2019.

3 Marušiak J. Visegrad Group — an unstable periphery of the European Union? // Internal cohesion of the Visegrad Group. Ed. by Marušiak J. Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. Bratislava, 2013. pp. 122-159.

премьер-министр В. Орбан сказал: «все эти годы нашей целью не было построение альтернативы коммунистической идеологии, мы строили общество, в котором уважают каждого человека»¹. Важным достижением стало то, что «Центральная Европа перестала быть просто географическим понятием, а превратилась в экономическую и культурную реальность».

На фоне статистики, конечно, есть и другие факторы, определяющие сегодня жизнь Центральной Европы. Известный венгерский экономист и оппонент правительства Ласло Чаба в своей новой книге «Кризис — экономика — мир» обращает внимание на большую уязвимость Центральной Европы, с которой она сталкивается и будет сталкиваться в ближайшее время именно по причине открытости рынка и вовлеченности в мировое хозяйство, миграционные потоки и финансовую нестабильность².

Трансформация внешней политики

Меньше споров вызывает трансформация внешней политики центральноевропейских стран. Общества в целом позитивно оценивают преимущества членства в ЕС и не видят альтернативы НАТО в обеспечении своей безопасности. Однако самым выдающимся и безусловным достижением стран региона сегодня можно считать создание ими регионального сообщества — *Вишеградской группы*. Это, по сути, новый образ жизни для центральноевропейцев, так и не дождавшихся в свое время от вершивших их судьбу держав конструктивных предложений по разрешению проблемы эффективного и мирного сосуществования народов бывшей Австро-Венгерской империи. Эта «мягкая интеграция», сообщество четырех центральноевропейских государств, по своей сути не похожа ни на какие другие, хотя в свое время имелась попытка передать опыт Бенилюкса Венгрии, Польше и Чехословакии. У структуры нет ни адреса, ни секретариата. Она держится сугубо на ответственности лидеров и воле народов. За свою 30-летнюю историю она переживала периоды застоя и полураспада, и сейчас для нее вновь наступили нелегкие времена, особенно под натиском более масштабных проектов Триморья и китайской инициативы «17+1». Однако это гибкое, скорее ценностно-ментальное, объединение, существующее лишь в календаре руководителей четырех государств, неуклонно эволюционирует в сторону упрочения солидарности. Этому тренду, а конкретно — созданию регионального взаимопонимания и идентичности,

- 1 Orbán Viktor beszéde a bársonyos forradalom harmincadik évfordulója alkalmából rendezett megemlékezésen. 17.11.2019, Prága. URL: <https://www.kormany.hu/hu/a-miniszterelnok/beszedek-publikaciok-interjuk/orban-viktor-beszede-a-barsonyos-forradalom-harmincadik-evforduloja-alkalmabol-rendezett-megemlekezésen> (accessed: 21.05.2020).
- 2 Csaba L. Válság — gazdaság — világ. Bp., 2018.

сближению молодого поколения центральноевропейцев и прививанию ему новых ценностных ориентиров, активно способствует единственная привязанная к адресу структура организации — Вишеградский фонд, который в 2020 г. отметил свое 20-летие.

В каком бы ракурсе мы ни анализировали сегодня итоги трех десятилетий, с какой бы из предложенных нами в начале статьи позиций ни рассматривали произошедшее — налицо существенные перемены. Они повсюду: в сознании, в способе хозяйствовать и в стиле жить. Возможно, что главные испытания и сдвиги для Центральной Европы еще впереди. Однако важно, что она уже достойно прошла путь длиной в три десятилетия, найдя способ существования без межэтнических и межгосударственных конфликтов, в которые в прошлом веке затягивала весь остальной мир. Она осуществила идею Центральной Европы, к которой подступалось не одно поколение наследников некогда второй крупнейшей континентальной империи. Эта идея и стиль жизни воплотился в реально новой форме межгосударственной интеграции, которую сегодня представляет Вишеградская группа, имеющая все задатки стать ядром нового центральноевропейского процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1989: драма ожиданий. Демонтаж коммунизма и посткоммунистическое тридцатилетие. М.: Горбачевфонд, 2019
- Вишеградская Европа: откуда и куда? Двадцатилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под. ред. Шишлиной Л.Н. М.: Весь Мир, 2010.
- Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции / под ред. Л.Н. Шишлиной. М.: ИЕ РАН, 2017.
- Йенсен Д. Социально-экономические модели стран Центральной Европы: перезагрузка // Современная Европа. 2018. № 7. С. 19–33. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720181933>
- Центральная Европа: политический портрет на фоне столетия / под ред. Л.Н. Шишлиной, М.В. Ведерникова. М.: ИЕ РАН, 2018.
- Шишлина Л.Н. Расширение Европейского союза на восток и интересы России. М.: Наука, 2006.

REFERENCES

- 1989: drama ozhidaniy. Demontazh kommunizma i postkommunisticheskoe tridcatiletie [1989: the drama of expectations. Dismantling Communism and the Post-Communist Thirty Years]. (2019). Moscow: Gorbachev fond.
- Csaba, L. (2018). Válság — gazdaság — világ [Crisis — economy — world]. Budapest.
- Jensen, D. (2018). Social'no-ekonomicheskie modeli stran Central'noj Evropy: perezagruzka [Socio-Economic Models of Central European Countries: Reloading], in: Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe] 7(86). pp. 19–33. DOI: 10.15211/soveurope720181933
- Marušiak, J. (2013). Visegrad Group — an unstable periphery of the European Union?, in: Marušiak, J. (ed.) Internal cohesion of the Visegrad Group. Bratislava: Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. pp. 122–159.

Orbán Viktor beszéde a XXIX. Bálványosi Nyári Szabadegyetemes Diák táborban. 2018. július 28. Tusnádfürdő (BăileTusnad) [Viktor Orbán's speech in the XXIX. Bálványos Summer Free University and Student Camp. July 28, 2018 Tusnad Bath]. Available at: <http://www.miniszterelnok.hu/orban-viktor-beszede-a-xxixbalvanyosi-nyari-szabadegyetem-es-di-aktaborban/> (accessed 21.05.2020).

Shishelina L., Vedernikov M. (eds.) (2018) Central'naya Evropa: politicheskij portret na fone 100-letiya [Central Europe: a political portrait amidst centenary] Moscow: IE RAS.

Shishelina, L. (ed.) (2017). Vishegradskaya chetverka v Evropejskom soyuze: dilemmy konvergencii [The Visegrad Four in the European Union: Convergence Dilemmas]. Moscow: IE RAS.

Shishelina, L.N. (2006). Rasshirenie Evropejskogo soyuza na vostok I interesy Rossii [Expansion of the European Union to the East and Russia's interests]. Moscow: Nauka.

Central Europe: Three Decades after the “Velvet Revolutions”

Author. Shishelina L., Doctor of Sciences (History), Head of Department for Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. E-mail: l.shishelina@gmail.com

Abstract. In 2019, the countries of Central Europe celebrated the landmark anniversary – three decades since the change of the political system. When analyzing what had happened 30 years before the researchers often reduce their investigation to the very nature of the revolutions, emphasizing their systemic anti-communist nature and dominance of anti-regime actions in this part of Europe in the second half of the twentieth century. This article presents one of the first attempts of a comprehensive analysis of transformational processes which took place within 30 years. The author not only highlights the most significant achievements of these countries in the fields of economy, domestic and foreign policy (as well as their inconsistency in the field of social policy and ideology), but also considers the changes from three points of view – the point of view of Western Europe, whose socio-political and economic model these countries in the late 1980s had chosen as the ultimate goal of the transformation that began after the break of the old system; from the point of view of Russia, with which they once formed a single political and economic bloc and broke up 30 years ago; and from the point of view of Budapest, Warsaw, Prague and Bratislava, which had the opportunity over the past three decades to adjust their position on a number of issues of convergence. Special attention is paid to the study of the stages of formation of the foreign policy of the «quartet», its relations with the EU and with Russia, taking into account the influence of the international economic and political climate on the “specific” decisions of the Central European states. For the first time, the article attempts to analyze the phenomenon of the Visegrad group from the point of view of the regional model of interstate association in a multicultural space that was historically formed as a single entity within the largest European empire, and then divided among new state subjects.

Key words: Visegrad four, Visegrad Europe, transformations, reforms, international relations, bilateral relations, Hungary, Poland, Slovakia, Czech Republic.

The Long Shadow of August 1968: Czech View of Russia

Oldřich Tůma

Abstract. The author analyzes the reasons of serious contradictions in bilateral relations between the Czech Republic and Russia at the present stage. He states in particular, that the beginning of this attitude was laid in 1968, when the troops of the Warsaw Pact Organization were driven into the country. Until the “Velvet revolution” of 1989, the open manifestation of such approach was controlled by the efforts of the Communist Party of Czechoslovakia, which dominated the political arena of the country. Partly for this reason, the events associated with the suppression of the “Prague Spring” remained in the background, and the Czechs and Slovaks treated their Eastern neighbor quite positively, due to the contribution that the Soviet troops made to the liberation of Prague in 1945 and on the whole towards the end of the World War II. Analyzing directly the events of the late 1980s, the author points out that the Russian authorities, after the beginning of perestroika in 1985, had the opportunity to neutralize the negative consequences of the “Prague Spring” and thereby put an end to this tacit conflict. However, this was not done. The refusal (or inability) of Soviet / Russian politicians to take the first step on the path of reconciliation, their lack of understanding of the importance of this page of history for the Czechs, prevent the building of a positive agenda in Czech-Russian relations today. Specifically, today, contacts have become more complicated due to the demonstration by Russian television of a controversial documentary about the events of 1968.

Key words: Czech Republic, Czechoslovakia, Russia, Czech-Russian relations, Velvet Revolution, perestroika.

Speaking about Czech-Russian relations in 2019, or, alternatively, about the Czech attitude toward Russia, one cannot begin in any other way but by saying that it is basically very negative. Of course, it is due to the current international situation and context and alliances which the Czech Republic is a member of. To some extent, it is also attributable to domestic policy specifics; as a matter of fact, foreign policy and related opinions have always been a tool of domestic political fights rather than a topic of a meaningful debate on foreign relations and foreign policy of the Czech Republic. In this respect, Czech-Russian relations are therefore one of the tools used to criticize President Miloš Zeman (particularly in the media), who is perceived (or depicted, but this is irrelevant) as being too pro-Russian. The same group of topics also includes memorials commemorating the liberation of Czechoslovakia in 1945 (hammer and sickle on a memorial in Brno, the latest disputes concerning the memorial of Marshal Konev in Prague). However,

I would leave an analysis of these aspects of the Czech attitude to Russia to experts on international relations or political scientists. I will attempt to clarify historical factors and causes of the negative attitude toward Russia, which is not something that has been here all the time. On the contrary — the attitude of Czechs to Russia has been quite positive for a better part of modern history, say since the 19th century.

Czech society harbored some latent Russophilism, which was mainly tied to the role of an ally which Russia was expected to play in relation to our country. However, it was an indirect relationship as well as an indirect role until World War II. The Czech lands did not have any border with Russia, and the Czech history — unlike that of Poland — was free of any conflicts with Russia. Rather paradoxically — although Russia played the role of a potential or real ally in the Czech political strategy in the late 19th and early 20th centuries — the notion of Russia was based mainly on admiration of Russian culture and literature rather than on realistic political concepts. The Czech Russia-oriented strategy ended in a strange paradox during the Great War: the greatest military conflict in which units of the nascent or freshly independent nation took part, had arisen between the Czechoslovak Legions and the Bolsheviks, i.e. Russians.

However, the Czech pro-Russian sympathies and hopes peaked again during World War II. The disappointment about the attitude of the Western Powers in Munich had been combined with the tragic experience during German occupation, while the role of the Red Army in the defeat of Nazi Germany and the liberation of Czechoslovakia significantly increased the feelings of admiration and friendship toward the Soviet Union (which, however, was commonly perceived as Russia). Moreover, these feelings were combined with the support of the communist ideology in a part of Czechoslovakia's society. After 1945, the attitude of none of the Central European countries toward Russia had been as positive as that harbored by Czechs. However, the regime's utterly counterproductive and absurd policy of extoling and glorifying everything Soviet/Russian and the fact that they were connected with the increasingly unpopular communism made the sentiments and feelings fade away. The mortal blow to pro-Russian/pro-Soviet feelings was struck by the invasion of the Warsaw Pact armies in 1968. Former sympathies were replaced by hatred, mistrust, and contempt which have survived, to a substantial degree, in the Czech spiritual space until now and this was proved by reminiscences of the 50th anniversary of the invasion.

I would also like to focus on the consequences of the August 1968 invasion. One may ask why an event that occurred more than 50 years ago (and, moreover, an event involving two countries that no longer exist) can influence today's situation so much. The reason is that Russia, from the Czech perspective, does not seem to have distanced itself from the 1968 invasion — and if it has, then only verbally, and hence formally. I will now dwell more detailly on two wasted opportunities which could have, in my

opinion, alleviated the inauspicious legacy of 1968 and its impact on the Czech attitude toward Russia. One of them was Gorbachev's overcautious policy toward Czechoslovakia before 1989; the other was the insufficient (or almost non-existent, at least from the Czech perspective) reaction of Russian media and historians to attempts (not quite rare) to re-narrate the history of the August 1968 intervention of Warsaw Pact armies in the style of the Soviet propaganda of those days. It is hardly surprising that the Czech public is very sensitive about it. I can refer, for example, to a movie shown by the Russian state TV in 2015, or last year's proposal to grant the status of war veterans to soldiers who participated in the occupation of Czechoslovakia (or rather the manner in which it was presented and argued for). Both cases were intensively discussed in Czech media; the latter even prompted a resolution of the Parliament protesting against the proposal.

1. Gorbachev 1987

At first, Gorbachev's rise to power did not elicit any particular response in Czechoslovakia. The documents of the leaders of the party from 1985 do not show even the slightest sign of uneasiness or understanding that Moscow might probably want to rethink its policy towards its satellites and no longer interfere in their internal affairs — meaning that Gorbachev might have abolished the Brezhnev doctrine. For a long time, and certainly in 1986, the prevailing opinion was that the USSR is only hit by another ideological campaign that will disappear sooner or later. Some public excitement however was caused by the information, often mentioned in foreign radio broadcasts, that Gorbachev was a former classmate and a friend of Zdeněk Mlynář (one of the most important architects of the Prague Spring), but nothing specific was concluded.

The turning point was the plenary session in January 1987. Gorbachev's speech and the text of the resolution, which was published by the Czechoslovak media, aroused interest and caused a great shock. The issue was not exactly in the specific decisions that were made but in particular language of these documents. Anyone who was used to at least skimming such texts and their obligatory terminology must have been taken aback by the unusual expressions used here: stagnation, the need for change, reform, and a very open criticism of Brezhnev period.

The Soviet development also had a great impact on the situation in the leadership of the regime in Czechoslovakia where a group was formed which used Gorbachev's rhetoric to start talking about the need for changes. Its key figures were Prime Minister (since 1970) Lubomír Štrougal, who had a reputation as a pragmatist and technocrat and who was thought to at least counterbalance a bit the influence of the neo-Stalinists within the Communist Party leadership in recent years. His ally was the long-time secretary of the Municipal Committee of the Party in Prague, Antonín Kapek, which was, given his political past (he was the arch-enemy of the Prague Spring and one of the signatories of the infamous «invitation letter» from the summer

of 1968), more than surprising. Their public speeches not only called for changes using the language of perestroika, but openly articulated even the latent contradictions within the Communist Party leadership — between the Stalinists and the pragmatists. When Štrougal once spoke with open irony of those who suddenly explain that we do not have to always follow the strategy of the Soviet Communist Party even though their entire political life was closely connected with the doctrine of following the Soviet model, it was clear whom he meant and it was really surprising. Just as surprising as when the informal leader of the post-Stalinist (and as it turned out, stronger) fraction, Vasil Bilak, suddenly found it appropriate to acknowledge the democratic and cultural traditions of the interwar Czechoslovakia and argued that it was precisely because of these traditions that the situation in Czechoslovakia was completely different and the problems that the comrades in the Soviet Union had to deal with were not our problems¹. Štrougal, with some support from Husák, apparently wanted to become the new first secretary, but eventually lost his fight because, among other reasons, Moscow did not want to interfere in any way in the situation and did not support him.

In connection with Gorbachev's announced visit to Czechoslovakia in spring 1987, various rumours began to circulate and interest started to grow, aided by foreign broadcasting stations stating that Gorbachev is a completely different type of politician, has charisma, and speaks English perfectly. The postponement of the visit by several days, officially explained by Gorbachev's cold, was interpreted as meaning that Gorbachev wanted the program to include a meeting with Alexander Dubček but the Czechoslovak party refused it, so he threatened to cancel the visit. The Czechoslovak public's interest revolved around the alpha and omega of the political life in the country in the last two decades of the regime: the military intervention in August 1968 and its consequences. The public was curious whether Gorbachev, who criticized Brezhnev quite openly, would express his opinion on this subject. The crowds welcoming the Soviet statesman in the streets at that time were not just organized and their manifestation of fondness towards him was authentic. Gorbachev may have won the liking of the Czechoslovakian public, but caused a big disappointment by not doing the most important thing: he did not make the slightest gesture to distance himself from the invasion. As we know now, Moscow had been considering this option even before Gorbachev's visit to Czechoslovakia early in 1987,² but finally dropped it.

1 Подробнее см.: The conversation of V. Bil'ak with E. Honecker in November 1988. SAPMO-Bundesarchiv, Zentrales Partei archiv, Berlin, J IV/953, Büro Honecker.; см.также: Národní archive. Prague. PÚV P 88/88.; см.также: *Tůma O. Žijeme ve velmi složité době*. Recorded conversation between E. Honecker and V. Bil'ak, November 24, 1988 // *Soudobé dějiny*.1995. Vol. 2. pp. 361 – 373.

2 Gorbachev's Fund, Moscow. Documents of G.Kh. Shakhnazarov. No. 20671, according to: Pullmann M. Konec experimentu. Přestavba a pád komunismu v Československu. Praha: Scriptorium, 2011. pp. 70–71.

It is clear that Gorbachev did not want to do anything like that and did not do it until December 1989 when such a gesture was of no political significance any more. Although the Soviet leadership discussed this subject, Gorbachev always complied with the urgent demands of the CPCz leadership. He certainly did not want to destabilize the situation in the country, but it seems to me that he did not completely understand the reality in Czechoslovakia and the crucial importance of August 1968 for the relationship of Czechs and Slovaks to the USSR. In a very interesting transcript of his meeting with the Politburo of the Central Committee of CPCz — held in a very cordial atmosphere — Husák as well as Gorbachev joked, among others, about the non-diplomatic nature of influenza for which it was necessary to postpone the date of his visit — Gorbachev talks about how the general situation is developing for the better, and says: “There were some problems even between us. I was here with a delegation in 1969 and in the factory, we visited, all the workers turned their backs to us. And today, people greeted me so warmly. He did not understand that the crowds in the streets greeted him because he was expected to solve the old problem (1968), not because it would not exist”¹.

So Gorbachev’s visit was no special breakthrough in the development of Czechoslovakia. Although the interest in the development of the Soviet Union did not decline, it was accompanied by a dose of scepticism and irony that was nicely expressed in one feuilleton of dissident and writer Ludvík Vaculík where he wondered why we should now dance to Russian music and cheer over the fact that they are discussing the advantages of democracy which was long a matter of course for us and without their intervention we would not lack it now². In the end, Gorbachev factor was not adopted even by the CPCz leadership. Štrougal’s effort to become the new first secretary failed, just like Husák’s attempt to postpone any personnel changes till there are more suitable conditions in respect of pro-reform forces. In the end, the change was pushed through by the majority in the Politburo. However, the new head was Miloš Jakeš³, a politician, whose mental life history (he was never anything else than *an apparatchik*) and his personal relationships with the year 1968 (he belonged to the inner circle of conspirators, who were preparing the invasion) made it impossible for him to earn regard from the public and to become a driving force behind the required changes. On the contrary, in terms of foreign policy, the main effort of the old-new leaders was to convince Gorbachev that there must be no reassessment of the Soviet intervention in August 1968. Gorbachev complied with Jakeš’s requests — until December 1989 when it was too late.

The question is what would happen if Gorbachev showed more foresight and courage in relation to Czechoslovakia back in 1987 and distanced himself from the August intervention. Very likely, it would completely destroy

1 Národní archiv. PÚV P 16/87.

2 Vaculík L. Jaro je tady: (fejetony z let 1981–1987). Prague: Mladá fronta, 1990.

3 Подробнее см.: Koudelka F. Husákov pád // Soudobé dějiny. 2000. № 7. pp. 473–525.

the political legitimacy of the Communist Party leadership, which in principle — politically, but also personally — was the same from the year 1969 when the power fell into the hands of a group appointed by Moscow. It is possible that it would trigger last minute changes within the Communist Party that would later allow its transformation into a modern left-wing social democratic party — like in Hungary and Poland. Perhaps it would also lift off the heavy burden resting on the relations between Czechs, Slovaks and Russians since 1968. Perhaps, it would create better conditions for the political and economic relations between Russia and the Czech Republic and Slovak Republic after the fall of the communist regime. However, we will never know. We can only guess within the framework of counterfactual history, but this would be a topic for a completely different conference.

2. The documentary movie and the proposal to grant the status of war veterans to soldiers who participated in the occupation of Czechoslovakia

The documentary of the Russian state TV channel Rossiya titled “The Warsaw Treaty — the unclassified pages”¹, which focuses, inter alia (roughly between minutes 13 and 25), on the intervention of Warsaw Pact armies in Czechoslovakia, is a remarkable return to the most pompous methods of Soviet propaganda, which Moscow used in 1968 in an attempt to justify the invasion that was, according to international law, nothing else but an unprovoked aggression against a sovereign state and the same is true as far as the arguments in favor of the veteran status are concerned. It repeats oft-disproved allegations about preparations of an armed coup and caches of weapons discovered by Soviet troops (which were in fact stores of weapons of the People’s Militia, a paramilitary organization of the Communist party), about preparations of NATO for an active intervention in Czechoslovakia (the West was utterly passive throughout the “Czechoslovak crisis”), about the resistance against the invasion being limited to the center of Prague (the resistance of Czechs and Slovaks was nationwide, resolute, and intensive, and was broken only by the capitulation of Czechoslovak leaders at the end of Kremlin negotiations in Moscow), etc., etc. One can hear same kind of arguments in context of the last year proposal to grant the status of war veterans to soldiers who participated in the occupation of Czechoslovakia². And, of

1 The Warsaw Treaty — the unclassified pages.

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4ke7lCbg-1s> (accessed 23.03.2021).

2 Reactions by Czech mass media and politicians to the proposal were rather resolute, this time including «pro Russian» president Zeman. See among others. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/2834540-zakon-o-statusu-veterana-pro-okupacni-vojaky-podporuji-v-ruske-dume-hlavne-komuniste>; <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/2833943-zeman-chce-od-rusu-vysvetlit-navrh-zakona-kterym-se-z-okupantu-ceskoslovenska-stali>; <https://zpravy.aktualne.cz/zahranici/okupace-v-srpnu-1968-rusti-konzervativci-ji-opet-meni-v-zach/r-017367902d7911e68d00002590604f2e>; <https://zpravy.aktualne.cz/zahranici/nejde-nam-o-politiku-chceme-jen-prilepsit-byvalym-vojakum-au/r-530811b02d5011e6851e002590604f2e> (accessed 23.03.2021).

course, similar interpretation is time to time included in memoirs of those Soviet soldiers who in 1968 took part in the August intervention.¹

It is impossible not to ask what this turn and resumption of old methods of intentional misinterpretation of history are supposed to mean. After all, Mikhail Gorbachev, Boris Yeltsin and even Vladimir Putin have clearly distanced themselves from the intervention. Similarly, a wide range of Russian historians have helped to clarify the reasons, genesis, and course of the intervention, whether in books and articles they have written, or in the framework of broader international projects (lately for example great project organized by Austrian Ludwig Boltzmann Gesellschaft and RGANI)². Naturally, their works utterly contradict the tone of the documentary spread by the Rossiya TV. Their texts and arguments are certainly not unavailable to Russian documentary film makers.

When I commented the documentary for the Czech Press Agency some time ago, I wrote that we had to hope that many Russian historians who had managed to approach problematic episodes in the Russian and Soviet history from an utterly different angle in previous decades would rise against it. It might or might not happen. I understand that, from the Russian perspective, the intervention in 1968 is just an episode in the Soviet history. After all, according to the public opinion research conducted in 2008 only 28% of Russian public was aware of what happened 1968 in Czechoslovakia (and 10% declared good knowledge). And only 3% were of meaning that Russia — as a successor state of Soviet Union — bears full moral responsibility for intervention (8% “rather bears”)³. However, it would be good to realize that for Czechs the intervention is one of the key events of the last century and that its long shadow continues to affect the Czech attitude toward Russia.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. Под ред. Н.Г. Томилиной, С. Карнера, А.О. Чубарьяна. М.: Демократия, 2010.
- Латыш М.В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М.: 1998.
- Майоров А.М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельства командарма. М.: Издательство «Права человека», 1998.
- Никифоров К.В. 1968 год — рубеж в истории европейского социализма // 1968 год. «Пражская весна». Под ред. Г.П. Мурашко, Т.В. Волокитиной, А.С. Стыкалина М.: РОСПЭН. С. 9–14.
- Софронов И., Макоев Т. По плану «Дунай» // Росгвардия. 2017. С. 54–57.

- 1 Vedraško V. *Invaze. Československo 1968. Svědectví velitele*. Na základě vyprávění Alexandra Michajloviče Mojorova. Prague: Mladá fronta, 2014. См. также: e.g. Sofronov I., Makoev T. *Po planu „Dunaj“*. Rosgvardiya, 2017. pp. 54–57.
- 2 “Prazhskaya vesna” i mezhdunarodnyi krizis 1968 goda / Ed. by N.G. Tomilina, S. Karner, A.O. Chubaryan. Moscow: Demokratiya. См. также: Latysh M.V. “Prazhskaja vesna” 1968 g. i reakcija Kremlja. Moskva: RAN, 1998.
- 3 Подробнее см.: *Nikiforov K.V. 1968 god — rubezh v istorii evropejskogo socializma* // 1968 god. “Prazhskaya vesna” / Ed. by G.P. Murashko, T.V. Volokitina, A.S. Stykalin. Moscow: ROSSPEN, 2010. pp. 9–14.

REFERENCES

- Koudelka, F. (2000). Husákův pád [Husák's Fall], in: Soudobé dějiny [Modern history]. № 7. pp. 473–525.
- Latysh, M.V. (1998). „Pražská vesna” 1968 g. i reakcija Kremlja [The Prague Spring of 1968 and the Kremlin's reaction]. Moscow.
- Majorov, A.M. (1998). Vtorženije. Čechoslovákija 1968. Sviditel'stvo komandarma [Invasion. Czechoslovakia, 1968. Testimony of the army commander]. Moscow: Prava cheloveka.
- Nikiforov, K.V. (2010). 1968 god — rubezh v istorii evropejskogo socializma [1968 — a milestone in the history of European socialism], in: Murashko, G.P., Volokitina, T.V., Stykalin, A.S. (eds.) (2010) 1968 god. „Pražská vesna” [1968. Prague spring]. Moscow: ROSSPEN. pp. 9–14.
- Pullmann, M. (2011). Konec experimentu. Přestavba a pád komunismu v Československu [The End of Experiment. Reconstruction and Fall of Communism in Czechoslovakia]. Praha: Scriptorium.
- Sofronov, I., Makoev, T. (2017). Po planu „Dunaj“ [On the Danube plan], in: Rosgvardiya. pp. 54–57.
- Tomilina, N.G., Karner, S., Chubaryan, A.O. (eds.) (2010). „Pražská vesna” i mezhdunarodnyj krizis 1968 goda [The Prague Spring and the 1968 International Crisis. Articles, research, memoirs.]. Moscow: Demokratiya.
- Tůma, O. (1995). Žijeme ve velmisložitě době [We live in a very difficult time]. Recorded conversation between E. Honecker and V. Bilák, November 24, 1988, in: Soudobédějiny [Modern history]. № 2. pp. 361 — 373.
- Vaculík, L. (1990). Jaro je tady: (fejjetony z let 1981-1987) [The Spring is here. Feuilletons, 1981—1987]. Prague: Mladá fronta.
- Vedraško, V. (2014). Invaze. Československo 1968. Svědectví velitele. Na základě vyprávění Alexandra Michajloviče Mojarova [Invasion. Czechoslovakia 1968. Testimony of the commander. Based on the story of Alexander Mikhailovich Mojarov]. Prague: Mladá fronta.

Длинная тень августа 1968: чешский взгляд на Россию

Автор. Олдржих Тума, PhD, старший научный сотрудник Института современной истории (Прага, Чешская республика). E-mail: tuma@usd.cas.cz

Аннотация. Автор анализирует причины серьезных противоречий в двусторонних отношениях между Чехией и Россией на современном этапе. В частности, отмечается, что начало этим настроениям было положено в 1968 году, когда в страну были введены войска Организации Варшавского договора. Вплоть до «бархатной революции» 1989 года их открытое проявление удавалось сдерживать усилиями Коммунистической партии Чехословакии, доминировавшей на политической арене страны. Отчасти поэтому, события, связанные с подавлением Пражской весны, оставались на втором плане, а чехи и словаки относились к своему восточному соседу вполне позитивно, вследствие того вклада, который советские войска внесли в освобождение Праги в 1945 году и в дело окончания Второй мировой войны. Анализируя непосредственно события конца 1980-х годов, автор указывает на то, что у российских властей после начала перестройки в 1985 году была возможность своевременно нивелировать негативные последствия Пражской весны и тем самым поставить точку в этом негласном конфликте. Однако этого сделано не было. Отказ (или неумение) советских / российских политиков сделать первый шаг по пути примирения, непонимание ими важности этой страницы истории для чехов мешают выстраиванию позитивной повестки в чешско-российских отношениях сегодня. Конкретно сегодня контакты осложнились и из-за демонстрации советским телевидением противоречивого документального фильма о событиях 1968 года.

Ключевые слова: Чехия, Чехословакия, Россия, чешско-российские отношения, бархатная революция, перестройка.

Советское руководство и его отношение к событиям в странах Восточной Европы в 1989 году

Михаил Прозуменщиков

Аннотация. Статья освещает драматические события в Восточной Европе в конце 1980-х гг. и ту роль, которую играл в них Советский Союз. Влияние СССР в этом регионе на протяжении почти 40 лет после Второй мировой войны было доминирующим, но при этом не всегда соответствовало интересам этих государств. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, пришедший к власти в 1985 г., попытался кардинальным образом изменить как внутреннюю, так и внешнюю политику СССР, отойдя от тех принципов, которые Москва настойчиво навязывала своим союзникам. Однако его стремление выстроить новую систему взаимоотношений в Восточной Европе натолкнулось на жесткое противодействие консервативных сил как в социалистических странах, так и внутри самого СССР. Ситуацию серьезно усугубляло и то, что новое советское руководство плохо представляло себе путь, по которому оно предлагало развиваться своим союзникам, а усиливавшиеся проблемы внутри самого СССР уменьшали в социалистическом лагере число желающих следовать путем советской «перестройки». Отказ Советского Союза от помощи ортодоксальным коммунистическим силам в Восточной Европе привел их к неизбежному краху, но на смену им пришли не приверженцы обновленного социализма (как на это рассчитывали сторонники Горбачева), а те, кто откровенно дистанцировался от СССР и стремился на Запад. Крах социалистического лагеря и нежелание новых руководителей Восточной Европы следовать и дальше в фарватере советской политики серьезно подорвали позиции СССР на международной арене и углубили кризис внутри советского руководства, что в конце концов привело к ликвидации КПСС и развалу Советского Союза.

Ключевые слова: СССР, Восточная Европа, СЭВ, Горбачев, социалистический лагерь, перестройка.

К концу 1980-х гг. советское руководство уже было далеко не таким монолитным и сплоченным, как в предшествующие годы. Если раньше существовавшие разногласия в определенной степени затушевывались и западным советологам приходилось искать противоречия среди кремлевских лидеров по косвенным признакам, то теперь они вышли на поверхность, а представители различных политических течений уже открыто вели друг с другом ожесточенные дискуссии. В значительной степени это было связано с политикой последнего генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, который за шесть с половиной лет своего правления попытался кардинальным образом изменить внутреннюю

и внешнюю политику СССР, не очень хорошо представляя себе не только всю сложность поставленной задачи, но и с помощью каких средств он будет ее реализовывать.

Довольно быстро осознав, что на пути провозглашенного им обновления он не может рассчитывать на старые кадры, Горбачев во второй половине 1980-х гг. резко обновил состав высшего и среднего руководящего звена партии, надеясь при проведении своей политики опираться на более молодые и прогрессивные силы. Эта «чистка» партийного аппарата имела как свои плюсы, так и минусы. С одной стороны, от руководства партией и страной были удалены наиболее консервативные, ортодоксальные силы, которые не только не желали каких-либо изменений в политике КПСС, но и были уже неспособны на конструктивные действия. Однако, с другой стороны, к власти пришло довольно большое число людей, не имевших опыта управления страной, плохо представлявших себе, что кроется за красивыми, но не наполненными реальным содержанием лозунгами о «перестройке», «ускорении», «гласности», а подчас и вовсе элементарно желавших сделать карьеру на волне «перестройки». Кроме того, в результате «горбачевской чистки» из руководства были удалены и вполне адекватные, здравомыслящие политики, вся вина которых состояла в том, что они не во всем были согласны с Горбачевым и по-другому видели пути развития своей страны¹.

Однако если во внутренней политике в результате этих трансформаций в руководстве страны стало возникать достаточно большое количество различных течений и движений, то в области внешней политики — в данном случае в отношении стран Восточной Европы — разброс мнений был не столь велик. Если не принимать во внимание, с одной стороны, крайне консервативную часть советской партноменклатуры (считавшей, что ничего не надо менять, а главное — это усилить борьбу с происками империализма, пытающегося расколоть соцлагерь), а с другой — крайне либеральную часть (которая полагала, что навязанный Советским Союзом социализм в Восточной Европе уже себя изжил), то основная идея, доминировавшая в тот момент в Кремле и на Старой площади, состояла в необходимости проведения определенных реформ в этих странах для их последующего более успешного продвижения по пути социализма.

Вопрос заключался, главным образом, в степени и масштабах этих реформ, подход к которым колебался в диапазоне от чисто косметических преобразований до возрождения идей «пражской весны» в новом формате и новых условиях (неслучайно, вместо столь популяр-

1 Наиболее яркий пример — отец нынешнего президента Азербайджана Гейдар Алиев, который оказался в политической опале в конце 1980-х гг., но затем, уже в постсоветское время, вновь стал главным политическим руководителем в своей стране.

ного в 1968 г. термина «социализм с человеческим лицом», в Москве старались использовать выражения «гуманный, демократический, обновленный социализм» и т.п.). Видимо, неслучайно в середине 1989 г. по заданию ЦК КПСС в Институте экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР было подготовлено так называемое аналитическое досье «От пражской весны 1968 г. к современной перестройке», в которое были включены переводы многочисленных документов из чешских и немецких источников 20-летней давности, никогда ранее в СССР не публиковавшиеся¹. Несмотря на существовавшую в ЦК КПСС традицию засекречивания подобного рода документов, досье не было даже занесено в разряд материалов «Для служебного пользования» и с ним мог ознакомиться любой работник аппарата ЦК. При этом подавляющее большинство новых советских лидеров, по сути, оставались «заложниками» старых советских догм и идеологических убеждений, будучи уверенными в том, что социализм является единственным правильным путем, по которому рано или поздно пойдет весь мир и надо только устранить ошибки и недостатки, которые ранее были допущены в деятельности компартий ЦВЕ. Сама мысль о том, что эти страны могут добровольно, без каких-либо «провокаций» и «вмешательства» со стороны Запада, вернуться к капитализму, казалась им чем-то из области фантастики. В какой-то степени эту уверенность долгое время поддерживал и сам Горбачев, который, по крайней мере, где-то до середины 1988 г. неоднократно повторял о своей верности социалистическому пути развития, о наших «друзьях» в Восточной Европе, которых мы должны всемерно поддерживать, и т.п.

Между тем, уверенность советских лидеров, что страны ЦВЕ будут и дальше следовать в фарватере советской политики и, как раньше, копировать советские действия, послушно двигаясь по пути советской «перестройки», сыграло с Москвой злую шутку. Если в начале горбачевских преобразований коммунистические руководители стран Восточной Европы еще по инерции «полностью поддерживали мудрую советскую политику», то постепенно критическое отношение к тому, что предлагалось Советским Союзом, стало все больше нарастать. Лидеры соцстран достаточно скоро осознали, что идти советским путем может оказаться гибельным для их партий, для всей той системы, которая была выстроена в Восточной Европе, а для ГДР — это может быть не только крахом партии, но и ликвидацией независимого государства.

Именно поэтому в этот период начинаются активные попытки убедить советское руководство в том, что — да, перестройка нужна, но не

1 Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 102. Д. 166-169. В частности, досье содержало такие ключевые в истории «пражской весны» и при этом абсолютно неизвестные в СССР материалы, как «Программа действий ЦК КПЧ», Обращение чехословацкой оппозиции «2000 слов» и др.

такая, как в СССР («мы не такие сильные как КПСС, которая способна выдержать любые потрясения, мы можем с этим просто не справиться»), а другая, более аккуратная, специфическая, точечная перестройка, чтобы всё не развалить и не нанести ущерб общему делу социализму.

Параллельно в Москве узнали очень много нового для себя. Оказалось, как это явствовало из переговоров с представителями Венгрии и Польши, что многое из предложенного СССР в этих странах уже давно реализовано на практике, а Советский Союз уже не первый среди равных, наоборот — он отстал в своем развитии и должен эти страны догонять. В ГДР открыто говорили, что такие негативные явления, существующие в СССР, как алкоголизм, наркомания, преступность, размах коррупции и др., нехарактерны для Восточной Германии или распространены в ней в очень малой степени. И ГДР с этим не надо бороться так, как это делается в СССР. Более того, функционеры СЕПГ заявляли своим советским партийным коллегам, что у них, в отличие от СССР, «нет закрытых магазинов, каких-либо привилегий для начальства, и жители ГДР знают, что они живут в таких же квартирах, как тысячи рабочих и служащих»¹. И даже новый руководитель компартии Чехословакии Милош Якеш, пришедший к власти на волне «перестройки», находясь на отдыхе в Крыму, очень настойчиво убеждал своих советских партийных собеседников, что Чехословакии не надо вслед за СССР как-то корректировать сложившиеся отношения собственности или ослаблять плановое начало, так как это неизбежно приведет к росту стихийности и нанесет серьезный ущерб экономике.

Всё это накладывалось на ухудшающиеся отношения Горбачева с коммунистическими лидерами ЦВЕ, которые откровенно отказывались от того, чтобы следовать в русле советской политики. Причем все эти разногласия и критическое отношение к персоне Горбачева также начали выходить в «открытое информационное пространство». И если Густав Гусак, Николае Чаушеску, Эрих Хонеккер позволяли себе персонально критиковать Горбачева пока еще на узких и закрытых партийных совещаниях (о чем тут же становилось известно в Москве), то на большой встрече секретарей компартий по идеологическим вопросам, которая проходила в Берлине в сентябре 1989 г., представители Румынии и Чехословакии уже открыто критиковали (даже немного издевательски) не только советскую политику, но и лично Горбачева². Конечно же, это не только не способствовало сближению позиций

1 См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 100. Д. 850. Л. 25.

2 См.: Записка секретаря ЦК КПСС В.А. Медведева «Об итогах совещания секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий социалистических стран по идеологическим вопросам (Берлин, 21–22 сентября 1989 г.) // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 183. Л. 37–42. Кроме того, за месяц до своего свержения на состоявшемся в ноябре 1989 г. XIV съезде РКП Н. Чаушеску открыто подверг критике М.С. Горбачева и его политику «перестройки» и заявил, что горбачевский путь привел социализм к краху.

компартий, но и оставляло у Горбачева и его ближайшего окружения определенный негативный осадок.

Ситуацию усложнял и тот факт, что если в начале перестроечных процессов среди рядовых коммунистов ЦВЕ было достаточно много сторонников Горбачева, то затем с каждым годом их число уменьшалось. И в данном случае вину за это в равной степени можно возложить как на местных партийных функционеров, не желавших каких-либо изменений и всячески тормозивших попытки преобразований, так и непосредственно на лидеров КПСС, которые, по сути, так и не смогли ни для собственных граждан, ни для коммунистов ЦВЕ внятно сформулировать, что же на практике означает провозглашенная ими концепция «демократического социализма». Многочисленные заявления на эту тему советского руководства оказывались пустыми словами и фактически сводились только к одному: копируйте нашу политику «перестройки». Но коммунисты ЦВЕ хотели не просто заявлений, а прямо говорили советским представителям: объясните, что и как вы хотите сделать — мы не понимаем! Однако внятных объяснений не было. А вместо этого были печальные последствия перестройки в самом СССР, которые видели во всем мире: пустые полки магазинов, обесценивание рубля, забастовки и т.п. Все это выглядело крайне непривлекательно и отнюдь не способствовало увеличению числа сторонников перестройки среди коммунистов в Европе. Наоборот, в ЦК КПСС с каким-то даже недоумением читали поступающую из этих стран информацию о том, что с призывами следовать по советскому пути все чаще выступали не коммунисты, а оппозиционные им силы, то есть те слои общества, которые занимали либо нейтральную, либо откровенно враждебную позицию в отношении социализма¹.

Что касается непосредственно советской партийной номенклатуры, то она вообще плохо понимала, как реагировать на происходящие в Восточной Европе события. И это при том, что в ЦК КПСС поступал не только большой поток информации от советских дипломатических представительств в этих странах, от многочисленных партийных делегаций, которые там находились, наконец, от специалистов и экспертов советских научных центров, которые составляли справки и аналитические материалы, специально подготовленные для ЦК КПСС по конкретным странам. Тем не менее, если судить по документам аппарата ЦК КПСС, то временами создается впечатление, что советская

1 В частности, член польской «Солидарности» В. Ламентович уверял, что «руководство «Солидарности», ученые, члены ее гражданского комитета куда лучше относятся к Горбачеву, к перестройке, чем «твердолобые» в ЦК ПОРП» // Информация консультанта Международного отдела ЦК КПСС А.С. Ципко секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву о беседе с политологом, членом гражданского комитета «Солидарности» В. Ламентовичем. 13 июля 1989 г. / РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 764. Л. 103.

партноменклатура находилась в тот момент, применительно к событиям в ЦВЕ, в какой-то параллельной реальности.

В этом плане наиболее характерной представляется ситуация накануне первых свободных выборов в Польше, состоявшихся в начале июня 1989 г. Несмотря на поступающие отовсюду многочисленные тревожные сигналы о том, что ПОРП катастрофически теряет свои позиции, в ЦК КПСС всерьез рассуждали о том, что при «соответствующем подборе кандидатов» самым худшим вариантом для польских коммунистов будет тот, если им придется немного «поделиться властью с оппозицией»¹. Свою негативную роль сыграла и самоуспокоенность польских коммунистов: только за несколько дней до выборов они осознали силу оппозиции, которая выступала единым фронтом, тогда как в подавляющем большинстве округов на один мандат претендовало до 10 конкурировавших друг с другом представителей ПОРП². Когда же польские коммунисты потерпели на выборах сокрушительное поражение и потеряли власть, то, как обычно в таких случаях, они вместе со своими московскими товарищами занялись поисками виноватых, среди которых оказались местные партийные руководители, «Солидарность», костел и даже... советское руководство, которое почему-то «очень спокойно восприняло негативные для ПОРП итоги выборов, не оценив их как угрозу СССР и Варшавскому договору»³.

В Москве также с большим удовлетворением воспринимают информацию из ЦК КПЧ (возможно потому, что это укладывается в представление некоторых советских лидеров о ситуации в Восточной Европе) о том, что оппозиция, якобы, поняла неэффективность противостояния, что она уже отказалась от всякой уличной борьбы и ее побуждают к этому только спецслужбы Запада. И это вновь несмотря на наличие разнообразной информации, содержащей не столь благостные оценки положения в стране. Кстати, в отношении Чехословакии в Москве вообще до последнего момента существовали иллюзии, что руководство страны окажется способным осуществить тот необходимый поворот к обновлению, который позволил бы коммунистам удержать власть. В частности, член Политбюро ЦК КПСС Н.Н. Слюньков, возглавлявший советскую делегацию на совещании по экономическим вопросам, которое проходило в Праге в середине ноября 1989 г., сообщает в Москву, что у него сложилось впечатление о том, что руководство КПЧ «владеет

1 См.: Справка Посольства СССР в Варшаве в ЦК КПСС «О реформе избирательной системы в ПНР». 2 марта 1989 г.// РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 763. Л. 8-9.

2 См.: Справка Посольства СССР в Варшаве в ЦК КПСС «Об особенностях предвыборной политической борьбы в ПНР». 1 июня 1989 г.// РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 763. Л. 45.

3 См.: Информация Посольства СССР в Варшаве в ЦК КПСС «Об оценках ЦК ПОРП нынешней политики СССР в отношении Польши». 5 октября 1989 г.// РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 763. Л. 174.

положением и идет курсом осторожных реформ»¹. Однако не прошло и недели, как в Праге началась «бархатная революция», которая в течение 10 дней смела всю прежнюю систему.

В принципе, в это время внутри уже обновленного ЦК КПСС вовсю происходило своеобразное расслоение на тех, кто полностью и безоговорочно поддерживал политику Горбачева, и тех, кто либо пытался действовать в традиционном формате, либо высказывал какое-то свое «особое» мнение. Причем в данном случае даже нельзя говорить о «консерваторах» и «либералах». Просто одни (даже если они были сторонниками демократии и гласности) привыкли исполнять любые распоряжения руководства, а другие — пытались сохранить хоть какие-то элементы системы, которая разваливалась у них на глазах. Лучше всего это видно на примере обращения румынского лидера Чаушеску, который требовал от СССР после провала коммунистов на выборах в Польше срочного созыва совещания государств Варшавского договора для обсуждения и принятия каких-то мер в связи с ситуацией в Восточной Европе. Если часть аппарата ЦК КПСС, зная линию Горбачева и его отношение к Чаушеску, просто проигнорировала эти призывы румынского лидера, то другая стала готовить документы для совещания, в которых главным тезисом было положение о «смертельной угрозе социализму в Европе»².

Фактически именно в 1989 г. завершилось постепенное формирование вокруг Горбачева того круга лиц, который в начале следующего 1990 г. образовал так называемый «президентский совет». И хотя в него вошли многие члены Политбюро ЦК КПСС (включая самого Горбачева, который до последнего момента оставался генеральным секретарем партии), их пути с остальной частью аппарата ЦК КПСС стали все больше расходиться. Эта раздвоенность советского руководства проявлялась в самых разных, порой не очень бросающихся в глаза моментах. Так, уже с 1 января 1990 г. в структуре аппарата ЦК КПСС исчез отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. И это несмотря на то, что в тот момент существовали такие страны, как КНР, КНДР, Вьетнам, Куба, да и Югославия еще не раскололась на несколько государств, и пока не отказалась от выбранного ею пути. Вероятно, кто-то в советском руководстве посчитал, что без поддержки СССР дни социализма сочтены и в этих странах. В то

- 1 Записка секретаря ЦК КПСС Н.Н. Слюнькова «Об итогах Совещания секретарей Центральных комитетов братских партий стран-членов СЭВ по экономическим вопросам». 14 ноября 1989 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 190. Л. 36.
- 2 Отчаянный призыв руководителя Румынии Н. Чаушеску к М.С. Горбачеву заставить СССР «вспомнить о своем долге» и с помощью других членов Варшавского Договора предотвратить «крах социализма» в Польше так и остался без ответа // См.: Запись беседы посла СССР в Румынии Е.М. Тяжельникова с генеральным секретарем Румынской партии, Президентом СРР Н. Чаушеску. 21 августа 1989 г. / РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 780. Л. 107–110.

же время на заседаниях Политбюро принимались постановления об оказании всесторонней помощи коммунистам Польши и Чехословакии (о других странах почему-то подобных решений не было), где пафосно заявлялось, что «ни по политическим, ни по нравственным причинам, значение которых сегодня в политике возрастает, мы не можем бросить на произвол судьбы партии, прошедшие с нами столь долгий путь»¹. Правда, на практике выполнение этих постановлений почти на 90% так и оказалось нереализованным.

Еще один нюанс, характерный для новых условий. На Старую площадь стали приходить письма от лишившихся власти компартий стран ЦВЕ, где кроме просьб о помощи, о защите партийной собственности, которую отбирает новая власть и т.п., содержатся и жалобы на советских дипломатов. Раньше посольства СССР в этих странах были своеобразным «вторым домом» для местных коммунистов, куда они ходили по всякому поводу и без повода, а теперь советские дипломаты в основном начали выстраивать отношения с новой властью, а на компартии перестали обращать серьезное внимание. В прежние годы со Старой площади в МИД тут же было бы направлено строгое внушение, но времена изменились и в Советском Союзе. Теперь ЦК КПСС был вынужден только обращаться с просьбой во внешнеполитическое ведомство проявить необходимое внимание к коммунистам ЦВЕ, а в ответ получал хотя и, естественно, дипломатически выдержанное, но достаточно недвусмысленное заявление, суть которого сводилось к следующему. По мнению МИДа, представители ЦК КПСС сами виноваты в сложившейся ситуации, так как в прежние времена в социалистических странах партийные функционеры нередко подменяли собой профессиональных дипломатов, и МИДу теперь приходится наверстывать упущенное в поисках контактов с теми политическими силами, с которыми до последнего момента им запрещалось иметь дело².

Не желая признавать закономерность краха социализма в ЦВЕ, советская партийная номенклатура пыталась придумывать самые различные объяснения и оправдания происходящему. В частности, в ЦК КПСС говорили о том, что коммунисты Восточной Европы за сорок лет нахождения у власти утратили навыки политической борьбы, что у них не было реальной оппозиции, не было настоящих межпартийных дискуссий. Поражения коммунистов объяснялись также тем, что оппозиция в борьбе за власть применяла все дозволенные и недозволенные средства, причем иногда об этом говорилось с какой-то обидой и недоумением: как же так, оппозиция в социалистической стране

1 См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 33. Л. 5; Д. 124. Л. 2. Компартия Чехословакии потеряла власть в ноябре 1989 г., а постановление Политбюро ЦК КПСС «О некоторых мерах по усилению политико-идеологического влияния на Чехословакию» было принято только 23 апреля 1990 г.

2 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 103. Д. 346. Л. 11–12.

использует методы, характерные для западных политических партий? Как заклинание, из документа в документ переходили фразы о том, что ЦВЕ все равно уже не сможет стать полноценной частью капиталистического мира: в худшем случае (естественно, с советской точки зрения) там может установиться что-то вроде финской или шведской модели социально-экономической системы¹.

В советском руководстве также достаточно долгое время существовала надежда на то, что все случившееся в странах ВЕ является временным явлением и «ужасы капитализма», о которых так много рассказывала советская пропаганда, заставят бывших советских союзников вернуться в лоно социализма. Однако советских лидеров и здесь ждал очень неприятный «сюрприз». Несмотря на огромные социально-экономические трудности — рост цен, безработица, закрытие производств и т.п. — в странах ЦВЕ практически не было серьезных социальных взрывов, антиправительственных выступлений и забастовок. Люди были готовы терпеть все трудности, лишь бы не возвращаться в социалистическое прошлое.

Для Горбачева даже после революций в странах Восточной Европы оставалось крайне важным сохранить там советское влияние, не допустить развала общего восточного блока во главе с Советским Союзом, особенно в свете горбачевской идеи о создании единой Европы — от Атлантики до Урала. Это было особенно заметно на примере СЭВ и ОВД. Экономические консультанты Кремля долгое время уверяли Горбачева в том, что даже если страны социализма вернутся на капиталистический путь, они все равно будут зависимы от СССР, поскольку за последние сорок лет их экономики оказались очень тесно взаимосвязаны с советской системой. Как показала история, этим надеждам не суждено было сбыться².

Что касается Варшавского договора, то в СССР очень долго, как заклинание, провозглашали тезис о том, что эта организация должна быть ликвидирована только одновременно с НАТО. Затем, когда стало ясно, что эта идея оторвана от реальной жизни и бывшие советские союзники не хотят ждать ликвидации НАТО, Горбачев безуспешно пытался сохранить хотя бы политическую составляющую договора, однако и этот план оказался совершенно нереалистичным³.

1 Записка Международного отдела ЦК КПСС «О линии КПСС и мерах в поддержку коммунистических и рабочих партий в восточноевропейских странах». 20 марта 1990 г. // РГИА. Ф. 3. Оп. 103. Д. 201. Л. 154.

2 Записка Международного отдела ЦК КПСС «О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе РГИА. Ф. 4. Оп. 42. Д. 54. Л. 10–19.

3 Записка Института Соединенных Штатов Америки и Канады АН СССР «О проблеме пересмотра военно-политических договоров СССР с государствами-союзниками» в Международном отделе ЦК КПСС. РГИА. Ф. 5. Оп. 103. Д. 628. Л. 129, 130–132.

Совершенно очевидно, что еще до всех потрясений в странах ЦВЕ Горбачев и его сторонники, продолжая на словах озвучивать прежние лозунги, фактически отказались от той концепции, которой они придерживались предшествующие годы: попытаться сохранить в СССР руководящую роль компартии, коммунистической идеологии и на этой основе совершенствовать социалистический строй. Революции в странах ЦВЕ только ускорили процесс размежевания политических сил внутри советского руководства. Предвидя, что КПСС может ждать участь компартий Восточной Европы, в СССР в 1990 г. был в спешном порядке создан пост Президента, на который Горбачев был фактически назначен ближайшим окружением, а также Президентский совет, который постепенно узурпировал исполнительную и законодательную власть в стране. Формально оставаясь генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев все чаще главные вопросы внутренней и внешней политики страны предпочитал решать не на заседаниях Политбюро ЦК, а в узком кругу Президентского совета¹. Впрочем, советского лидера это не спасло: вслед за угаданным им крахом КПСС развалился и Советский Союз, а Горбачев вошел в историю как первый и последний президент этой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Записка Института Соединенных Штатов Америки и Канады АН СССР «О проблеме пересмотра военно-политических договоров СССР с государствами-союзниками» в Международный отдел ЦК КПСС // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 103. Д. 628. Л. 129, 130–132.
- Записка Международного отдела ЦК КПСС «О линии КПСС и мерах в поддержку коммунистических и рабочих партий в восточноевропейских странах». 20 марта 1990 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 201. Л. 154.
- Записка Международного отдела ЦК КПСС «О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе» // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 42. Д. 54. Л. 10–19.
- Записка секретаря ЦК КПСС В.А. Медведева «Об итогах совещания секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий социалистических стран по идеологическим вопросам (Берлин, 21–22 сентября 1989 г.)» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 183. Л. 37–42.
- Записка секретаря ЦК КПСС Н.Н. Слюнькова «Об итогах Совещания секретарей Центральных комитетов братских партий стран-членов СЭВ по экономическим вопросам». 14 ноября 1989 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 190. Л. 36.
- Запись беседы посла СССР в Румынии Е.М. Тяжельникова с генеральным секретарем Румынской компартии, Президентом СРР Н. Чаушеску. 21 августа 1989 г. / РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 780. Л. 107–110.
- Информация Посольства СССР в Варшаве в ЦК КПСС «Об оценках ЦК ПОРП нынешней политики СССР в отношении Польши». 5 октября 1989 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 763. Л. 174.
- Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5.

1 Если посмотреть на документы, отложившиеся в Аппарате ЦК КПСС во второй половине 1990-го — 1991 гг., то можно заметить, что в них практически отсутствует фамилия Горбачева. Да и сами корреспонденты все чаще присылали письма на имя его первого заместителя в партии В.А. Ивашко.

Справка Посольства СССР в Варшаве в ЦК КПСС «О реформе избирательной системы в ПНР». 2 марта 1989 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 763. Л. 8-9.

Справка Посольства СССР в Варшаве в ЦК КПСС «Об особенностях предвыборной политической борьбы в ПНР». 1 июня 1989 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. Д. 763. Л. 45.

REFERENCES

Informatsiia Posol'stva SSSR v Varshave v TsK KPSS «Ob otsenkakh TsK PORP nyneshnei politiki SSSR v otnoshenii Pol'shi». 5 oktiabria 1989 g. [Information of the Embassy of the USSR in Warsaw in the Central Committee of the CPSU «On the assessments of the Central Committee of the PUWP of the current policy of the USSR towards Poland.» October 5, 1989]. RGANI. F. 5. Op. 102. D. 763. L. 174.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [The Russian State Archive of Recent History]. F. 5.

Spravka Posol'stva SSSR v Varshave v TsK KPSS «O reforme izbiratel'noi sistemy v PNR». 2 marta 1989 g. [Information from the USSR Embassy in Warsaw in the Central Committee of the CPSU «On reform of the electoral system in Poland.» March 2, 1989]. RGANI. F. 5. Op. 102. D. 763. L. 8-9.

Spravka Posol'stva SSSR v Varshave v TsK KPSS «Ob osobennostiakh predvybornoi politicheskoi bor'by v PNR». 1 iyunia 1989 g. [Information from the Embassy of the USSR in Warsaw to the CPSU Central Committee «On the Peculiarities of the Pre-Election Political Struggle in the NDP». June 1, 1989]. RGANI. F. 5. Op. 102. D. 763. L. 45.

Zapis' besedy posla SSSR v Rumynii E.M. Tiazhel'nikova s general'nym sekretarem Rumynskoi kompartii, Prezidentom SRR N. Chaushesku. 21 avgusta 1989 g. [Recording of the conversation of the ambassador of the USSR in Romania, E.M. Tyazhelnikova with the Secretary General of the Romanian Communist Party, President of the SRR N. Ceausescu]. RGANI. F. 5. Op. 102. D. 780. L. 107-110.

Zapiska Instituta Soedinennykh Shtatov Ameriki i Kanady AN SSSR «O probleme peresmotra voenno-politicheskikh dogovorov SSSR s gosudarstvami-soiuznikami» v Mezhdunarodnyi otdel TsK KPSS [Note by the Institute of the United States of America and Canada of the Academy of Sciences of the USSR «On the Problem of Revision of the Military-Political Agreements of the USSR with the Allies» to the International Department of the CPSU Central Committee]. RGANI. F. 5. Op. 103. D. 628. L. 129, 130-132.

Zapiska Mezhdunarodnogo otdela TsK KPSS «O linii KPSS i merakh v podderzhku kommunisticheskikh i rabochikh partii v vostochnoevropskikh stranakh» [Note by the International Department of the CPSU Central Committee «On the CPSU Line and Measures in Support of Communist and Workers Parties in Eastern European Countries»]. 20 marta 1990 g. RGANI. F. 3. Op. 103. D. 201. L. 154.

Zapiska Mezhdunarodnogo otdela TsK KPSS «O razvitiu obstanovki v Vostochnoi Evrope i nashei politike v etom regione» [Note by the International Department of the CPSU Central Committee «On the Development of the Situation in Eastern Europe and Our Policy in the Region»]. RGANI. F. 4. Op. 42. D. 54. L. 10-19.

Zapiska sekretaria TsK KPSS N.N. Sliun'kova «Ob itogakh Soveshchaniia sekretarei Tsentral'nykh komitetov bratskikh partii stran-chlenov SEV po ekonomicheskim voprosam». 14 noiabria 1989 g. [Note by Secretary of the Central Committee of the CPSU N.N. Slyunkova «On the Results of the Meeting of Secretaries of the Central Committees of the fraternal parties of the CMEA member countries on economic issues.» November 14, 1989]. RGANI. F. 3. Op. 103. D. 190. L. 36.

Zapiska sekretaria TsK KPSS V.A. Medvedeva «Ob itogakh soveshchaniia sekretarei TsK kommunisticheskikh i rabochikh partii sotsialisticheskikh stran po ideologicheskim voprosam» (Berlin, 21-22 sentiabria 1989 g.) [Note by Secretary of the Central Committee of the CPSU V.A. Medvedev, «On the Results of a Meeting of Secretaries of the Central Committee of Communist and Workers Parties of Socialist Countries on Ideological Issues (Berlin, September 21-22, 1989)»]. RGANI. F. 3. Op. 103. D. 183. L. 37-42.

Soviet Authorities and their Relation to the Events in East European countries in 1989

Author. Mikhail Prozumenshchikov, Candidate of Historical sciences, historian, Deputy director of the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). E-mail: prozumen58@yandex.ru

Abstract. The article highlights the dramatic events in Eastern Europe region in the late 1980s and the role that the Soviet Union played in them. The influence of the USSR in these countries for almost 40 years after the Second World War was dominant, and did not always correspond to the interests of these states. New General Secretary of the Central Committee of the CPSU M. Gorbachev, who came to power in 1985, tried to change radically both internal and foreign policy of the Soviet Union, parting from the principles that Moscow persistently imposed on its allies. However, his desire to build a new system of relations with Eastern Europe encountered opposition both from conservative forces in socialist countries as well as within the USSR itself. The situation was seriously exacerbated by the fact that the new Soviet leadership hardly imagined the way how to develop relations with allies. Besides, growing problem within the USSR itself diminished the number of those countries who were wishing to follow the path of Soviet «perestroika». The refuse of the Soviet Union to help orthodox communist forces in Eastern Europe led to their inevitable collapse and soon they were replaced by those who have openly distanced itself from the USSR. This seriously undermined the Soviet position in the international arena as well as deepened the crisis within the Soviet leadership itself, which ultimately led to the liquidation of the CPSU and the collapse of the Soviet Union.

Key words: USSR, Eastern Europe, CMEA, Gorbachev, socialist camp, perestroika.

Some Interpretations of the Place of the Events of 1989–1990 in 20th Century History. Hungarian Perspectives

Attila Pók

Abstract. The article is dedicated to the analyses of interpretations of the events that led to the burst out of reform processes in Central Europe 30 years ago, in 1989-1990. The author stresses that with the passing of time the focus of digging into the fertile soil of the bottomless depth of the past keeps shifting: political developments, environmental issues, great cultural achievements alike can mark major turning points in the narrations of global, regional, national, local pasts. Events of the past can be turned into historical narratives in numerous forms. The guild of historians have their own rules: the performance of politicians in dealing with the past is judged by the support they can gain in their fight for power. Among the major questions of investigation are: what happened in the world, in Europe, in the countries of the Soviet Bloc, in Hungary three decades ago? When does the process that led to the termination of the bipolar world, to the fall of European communist regimes, to the restructuring of power relations from the global to the East Central European local levels begin? How can one define the driving forces of changes and what could be considered the most important longer term consequences? The author gives a concise summary of some international and Hungarian interpretations of the transition process in Eastern and Central Europe, making also an attempt at pointing out the impact of the interpretations on the process itself.

Key words: reforms, transition, opposition, post-communism, system change, new political order, Visegrad countries, Hungary.

Interpreting events of the past is far from being the privilege of historians. Politicians, great and not so great thinkers, influential writers, artists, educators, various groups of public intellectuals use and abuse the explanation of past events of all kinds. With the passing of time the focus of digging into the fertile soil of the bottomless depth of the past keeps shifting: political developments, environmental issues, great cultural achievements alike can mark major turning points in the narrations of global regional, national, local pasts. Events of the past can be turned into historical narratives in numerous forms. The guild of historians have their own rules, the performance of politicians in dealing with the past is judged by the support they can gain in their fight for power. Occasionally a piece of art, a scientific breakthrough or a natural disaster can signal a more important milestone

in the evolutionary process of mankind than a major war or any politically important deed.

What happened in the world, in Europe, in the countries of the Soviet Bloc, in Hungary three decades ago? When does the process that led to the termination of the bipolar world, to the fall of European communist regimes, to the restructuring of power relations from the global to the East Central European local levels begin? How can we define the driving forces of changes and what do we consider to be the most important longer term (thirty years) consequences? Is it at all possible to disjoin the political, economic, cultural driving forces and consequences, to analyse the complexity of personal and institutional networks? Historical research always has to be aware of the limits of its analytical force: be it the scarcity or the abundance of sources that is setting the boundaries. Still, if we are trying to follow the examples of the great personalities of our profession, we must not shy away from putting recent developments into longer term processes. The article gives a concise summary of some international and Hungarian interpretations of the transition process in Eastern and Central Europe, making also an attempt at pointing out the impact of the interpretations on the process itself.

Writing this essay during the troubled spring of 2020, the year of COVID-19, we certainly have to ponder about the relationship between political and non-political issues determining major turning points of modern history. This pandemic showed that social scientists and natural scientists are doomed to cooperation if comprehensive explanations of complex situations are called for¹. Namely, the viruses have their own laws of emerging and spreading but the political, social reactions to their 'attacks' can vary a lot. We should keep this in mind when we think about the great variety of evaluations of the Soviet Bloc collapse and the emergence of a new world order in 1989–1990. Namely, in view of the impact of COVID-19 onto the world, we have to rethink the interdependence of nature-environment and human history. The significance of 1989–1990 was frequently compared to that of 1789, 1848, 1945 or 1968 but without underestimating the importance of these years in shaping the fate of mankind, now under the spell of COVID-19, with many of us working in quarantine, we have to extend our horizon to the history of epidemics, floods and all types of natural disasters when putting political events into a broader context². This is not yet happening in connection with 1989–1990, for the time being we have to limit ourselves to a few selected approaches of historical scholarship and political science.

1 Brooks D. The Threat Within the Threat – Global Climate Change and Emerging Disease. 2020. URL: <https://iask.hu/en/the-threat-within-the-threat-global-climate-change-and-emerging-disease-by-dan-brooks/> (accessed: 21.12.2020).

2 The way the Soviet Union dealt with the Chernobyl explosion and natural disasters substantially contributed to its fall in addition to all other grave failures.

Longer term historical context

Most of the best known attempts in the respective international literature at putting the events of 1989–1990 into a broader context come from political science. Before summarizing the ones of this discipline that also had an impact on Hungarian interpretations, it is worth referring to the work of those historians who have done the best to present the political and economic context of the transition with a broad horizon. As for the political context, Mark Kramer has the best overview of the materials available in the archives of Russia and the countries of the former Soviet Bloc¹. Both his work and the publications of his Hungarian colleagues as László Borhi² and Csaba Békés³ support the view that the transition process was against the intention of the great powers and well complement Kotkin's point about the 'implosion'⁴ rather than explosion of the Soviet Bloc. From an economic historical perspective the works of Iván. T. Berend trace back the roots of the transition to 1973. His point supported by a whole book is that in order to understand how the events of 1989–1990 could come about, *'we must first unravel, out of the numberless threads that make up the fabric of history, the dramatic changes in economic processes brought about by the shock to the world economy caused by the oil crisis of 1973.*

The economic base of state socialism was visibly undermined from the 1970s on, accelerating its collapse. For a full understanding of this process, it is important to give a relatively detailed explanation of the international economic situation, the Western reaction to a changing economic world, and the Eastern inability to adjust to it. These developments are not only the main factors in the collapse of socialism, but also explain the requirements and trends of post-communist transformation. This is, therefore, the proper point of departure for analyzing the two crucially important decades around the turn of the century.

The year 1973 was indeed the beginning of a new chapter of greater European economic history, which, in the case of Central and Eastern Europe, led to the collapse of their state socialist regimes⁵...

- 1 The Final Years of the USSR: Research Opportunities and Obstacles in the Moscow Archives. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/final-years-ussr-research-opportunities-and-obstacles-moscow-archives> (accessed: 21.12.2020).
- 2 Borhi L. Dealing with Dictators: The United States, Hungary, and East Central Europe, 1942 – 1989. Indiana University Press, 2016.
- 3 The History of the Soviet Bloc 1945–1991 / Ed. by Békés C. 2019. URL: <http://www.coldwar.hu/chronologies/1945-1991/Part-5-Chronology-1988-1991-with-sources.pdf> (accessed: 21.12.2020).
- 4 Kotkin S. Uncivil Society. 1989 and the Implosion of the Communist Establishment. A Modern Library Chronicles Book. New York: The Modern Library, Random House, 2010.
- 5 Berend I. The Economic factors in the Collapse of State Socialism and the New International Environment, 1973–1989 // From the Soviet Bloc to the European Union: The Economic and Social Transformation of Central and Eastern Europe since 1973. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. pp. 6–49. DOI: 10.1017/CBO9780511806995.003

The most challenging historical account of the overall European significance of 1989 has been offered by Philipp Ther. He describes the illusions connected to the neoliberal reforms imposed on post-communist Eastern Europe. During the early 1990s it was widely assumed that market economy and democracy were interconnected. Ther argues that the neoliberal reforms and the shock therapy could be implemented just due to the lack of a full-fledged democracy in these countries. He also connects the East Central European experiences of the early 1990s to the post-2008 crisis in South Eastern Europe. All these events have substantially shaped the overall post-1990 history of Europe, from Ther's perspective, 1989–1990 does not simply mean that the East was trying to catch up with the West but it opened up a period of powerful interactions between the Eastern and Western parts of the continent¹.

A more recent comparable synthetic summary of the transition and the major political, economic and social developments of the Visegrád countries up to 2017 by Jan Kren is for the time being available only in Czech².

Problems of legitimacy and agency

As to the political science interpretations, Timothy Garton Ash introduced the concept of *refolution*³ and the concept made a great career, found its way also to a number of interpretations of the Hungarian transition as well. One of the first comprehensive synthetic works about the Hungarian transition was published by Rudolf Tőkés who, without referring to Ash but in a similar spirit, presented the transition as a 'negotiated revolution'. In his interpretation the bargaining partners included prominent figures of the Hungarian Socialist Workers' Party and „three principal clusters of social, cultural and political dissent:” the populist-nationalist group of literati, the 'democratic opposition' of essentially Budapest-based urban, liberal academic intellectuals and the Marxist, later post-Marxist reform socialist intellectuals. Based on all available written sources and lots of personal interviews, Tőkés argues that the result of the bargaining was an unwritten agreement between the old and the new elites as *'Much of it was a 'leveraged buyout', albeit a different kind. This time the now voting 'stockholders' were promised freedom, democracy and social justice. The first two were available to anyone but the third mainly to those who had 'convertible' skills or were educated, healthy, lucky, or already provided for by the principals of the transaction'*⁴. In this book and several other articles Tőkés pointed out the

1 Ther P. Europe since 1989: A History. Princeton University Press, 2016.

2 Kren J. Ctvrt století střední Evropy. Prague, 2019.

3 Ash T.G. The Magic Lantern: The Revolution of '89 Witnessed in Warsaw, Budapest, Berlin, and Prague. New York: Vintage Books, 1990.

4 Tőkés R. Hungary's Negotiated Revolution: Economic Reform, Social Change, and Political Succession, 1957–1990 // Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies. 1996. № 101. pp. 395–396.

lack of non-intellectual support for the various intellectual groups calling for change. This, he argues, had the consequence that in spite of the shared interests of the political elite coming into power after the truly democratic elections of March-April 1989, the new system was fragile. In a recent book Tőkés was especially critical of the Constitutional Court as in his view this institution substantially limited the scope of action of the new parliament and government¹. According to Tőkés' interpretation, 1989 was much more the result of the changing relationships among great powers, the decline and fall of the Soviet Union than the outcome of the agency of local oppositions. Therefore, the transformation had no internal legitimacy and lacked popular support (contrary to the situation in Poland) and resulted in an inflexible constitutional system. In the longer run, Tőkés argues, one of the worst consequences of the post-communist transformations was a large scale exodus, 5 million people from Romania², half of the population from Latvia³, about 600 000 people from Hungary⁴.

Iván Bába who was an active agent of dissident movements, tries to combine two seemingly contradictory elements in his description of the system change. On the one hand, he emphasizes that socialism in Hungary collapsed not with a single crack but the collapse was the result of the works of tens of thousands of people for several decades. On the other hand, he shares Tőkés' view about the negotiated revolution and adds that this revolution created legal continuity with real socialism. Extensive further research has to confirm or refute the first point, to examine the extent of critical views and actions versus the socialist system in various layers of the Hungarian society. The second point is supported by lots of evidence also cited in Bába's book⁵.

András Bozóki's recent book on *'the rolling system change'*⁶ is a major contribution to the discussion on the agents of the system change in Hungary. Bozóki adopted a broad historical perspective from the early antecedents to the aftermath of the changes, differentiating among five periods of dissident intellectual activity between 1977 and 1994: (1) dissent

1 A harmadik magyar köztársaság születése. Emberek, ideológiák, intézmények. Budapest: L'Harmattan, 2014.

2 Romania's emigrant population is the fifth largest in the world and growing, OECD report finds. URL: <https://business-review.eu/news/romanias-emigrant-population-is-the-fifth-largest-in-the-world-and-growing-oecd-report-finds-203223> (accessed: 21.12.2020).

3 Emigration from Latvia: A Brief History and Driving Forces in the Twenty-First Century. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-12092-4_3 (accessed: 21.12.2020).

4 URL: <https://www.demografia.hu/hu/tudastar/fogalomtar/9-kivandorlas>; <https://www.portfolio.hu/gazdasag/20180727/ebbe-belerokkanhat-magyarorszag-tobb-szazezres-kivandorlasi-hullam-fenyeget-293014> (accessed: 21.12.2020).

5 Bába I. Rendszerváltozás Magyarországon. Veritas könyvek. 01.12, 2015.

6 Gördülő rendszerváltás L1Harmattan-Kiadó-Uránia Ismeretterjesztő Alapítvány Budapest, 2019. A summary in English by A. Bozóki and E. Simon. URL: <https://events.ceu.edu/sites/default/files/media/attachment/abozoki-asimon-dissident-intellectuals-eng-v5a-for-presentation.pdf> (accessed: 21.12.2020).

(1977–1987), (2) open network-building (1988), (3) round-table negotiations (1989), parliamentary politics (1990), and (5) new pro-democracy initiatives (1991–1994). Each of these periods is characterized by a distinct domestic political environment, international political climate, and dissident intellectual activity. His main argument is that during this close to two decades about 2 000 personalities were involved in the process but the composition of the avantgarde kept changing and one can observe more discontinuities than continuities in the composition of the agents. The result itself was of a revolutionary nature but the way the transformation was taking place cannot be described as revolutionary. This book is so far the most sophisticated approach to the agents and methods of the transition but respective debates certainly continue.

During the immediate aftermath of 1989–1990 for numerous agents of the changes in post-Soviet East Central Europe one of the key questions that arose concerned the extent to which in their respective countries social fabrics and power structures had changed after the first free elections. As János Kis, the perhaps most prestigious leader of the Hungarian liberal party, the Alliance of the Free Democrats put it in early 1991: *‘There were hardly any changes on the middle layers of power, around the time of the elections the members of the communist elite, directors of state owned enterprises, presidents of cooperatives, party secretaries and the like seemed to be a bit insecure but they stabilized their situation quite fast... there were changes on the top of the pyramid but the pyramid itself remained essentially unchanged’*¹.

Success or failure or both?

By now the situation has certainly changed, but the long term survival of remnants of the pre 1989 - 1990 intellectual elite in cultural and scientific institutions is still an issue of political exchanges on obstacles to the successful defence of Hungarian national interests in the international arena. According to one of the most influential advisors to the Prime Minister, Gyula Tellér, by about the middle of the last decade *‘the system of the system change’* (the inherited wrestling between the inherited post-communist forces connected to the old system and the driving forces of the system change) had given way to the *‘national system’*². This system makes sure that the foreign ‘investor’ does not profit disproportionately from the foreign credits imposed on the country. A younger social scientist, Márton Békés, argues that the *‘ballot box revolution’* of 2010 bringing the present ruling party, FIDESZ, into power offered an opportunity to turn the system change into the start of a new conservative age. Békés suggests that this

1 Kis J. Az elit megmaradásának elvéről. Beszélő, 1991.

2 A magyar politikai rendszer – negyedszázad után. Szerkesztette Körösenyi András. Osiris-MTA Társadalomtudományi Kutatóközpont, Budapest, 2015.

was necessary as the system change was pushed into a liberal direction for 20 years (from 1990 to 2010) and this was and is to be repaired¹.

Among Hungarian social scientists István Stumpf exposed the question whether the scenario of the system change in the form of a negotiated revolution, prepared by a well trained professional elite, was a good solution in 1989–1990. Writing in the middle of the first decade of the 21st century he pondered whether a constitutional assembly could have given more legitimacy to the new political system².

Fukuyama's famous 1992 point about the end of history, the universalisation of Western liberal democracy³ was and is well known in Hungary but the book's argument was not supported there by any ideological — political rhetoric or empirical research. However, it is remarkable that Fukuyama's 2018 point about the global state of liberalism is quite in line with present day official Hungarian political philosophy. Namely, in 2018 Fukuyama put in an interview when asked about an advancing *'Illiberal International*. " (Russia, Turkey, Poland, Hungary): *'What I said back then [1992] is that one of the problems with modern democracy is that it provides peace and prosperity but people want more than that... liberal democracies don't even try to define what a good life is, it's left up to individuals, who feel alienated, without purpose, and that's why joining these (illiberal) identity groups gives them some sense of community'*⁴. He said he was not happy to admit it, but in his view Hungarian Prime Minister Viktor Orbán was in fact right about strengthening the border control of his country during the migrant crisis of 2015, the Schengen zone cannot be maintained without the protection of the external borders⁵ and in fact illiberal systems turn out to be stronger than the liberal ones!

It is interesting that Robert Kagan's 2007 book⁶ about the return of history had less impact in Hungary. Less than two decades after the emergence of a new world order Kagan argued that by then instead of a harmonious global situation based on the world wide implementation of the principle of liberal democracies both the nation-state and the nationalist ambitions and passions remained as strong as ever and in his view the competition among nations were greatly shaping history. A 2015 article by Kagan,

1 Márton B. Az első tíz év értékei. URL: https://latoszogblog.hu/blog/az_elso_tiz_ev_ertekei (accessed: 21.12.2020).

2 A politika fontosabb annál, hogy csak a politikusokra bízunk. URL: <https://web.archive.org/web/20070704213213/http://www.mindentudas.hu/magazin2/20050709apolitika.html> (accessed: 21.12.2020).

3 Fukuyama F. The End of History and the Last Man. 1992.

4 Francis Fukuyama interview: "Socialism ought to come back". URL: <https://www.newstatesman.com/culture/observations/2018/10/francis-fukuyama-interview-socialism-ought-come-back> (accessed: 21.12.2020).

5 URL: <https://thehungaryjournal.com/2018/05/17/fukuyama-orban-right-about-border-control/> (accessed: 21.12.2020).

6 Kagan R. The Return of History and the End of Dreams Alfred A. Knopf. New York, 2008.

however, was picked up by the Hungarian Prime Minister. He cited Kagan as an expert of the Brookings Institute: *"insofar as there is energy in the international system, it comes from the great-power autocracies, China and Russia, and from would-be theocrats pursuing their dream of a new caliphate in the Middle East. For all their many problems and weaknesses, it is still these autocracies and these aspiring religious totalitarians that push forward while the democracies draw back, that act while the democracies react, and that seem increasingly unleashed while the democracies feel increasingly constrained."* However, Mr. Orbán paid less attention to the overall conclusion of this article: *'Yet it should be clear that the prospects for democracy have been much better under the protection of a liberal world order, supported and defended by a democratic superpower or by a collection of democratic great powers. Today, as always, democracy is a fragile flower. It requires constant support, constant tending, and the plucking of weeds and fencing-off of the jungle that threaten it both from within and without. In the absence of such efforts, the jungle and the weeds may sooner or later come back to reclaim the land'.* The return of history can be interpreted as the return of order and this is a critical point in the narrative on 1989–1990 and its consequences. Robert Kagan's analysis greatly applies to the recent situation in Hungary: *"Democracy's aura of inevitability seems vanished as great numbers of people rejected the idea that it was a better form of government. Human beings, after all, do not yearn only for freedom, autonomy, individuality, and recognition. Especially in times of difficulty, they yearn also for comfort, security, order, and, importantly, a sense of belonging to something larger than themselves, something that submerges autonomy and individuality—all of which autocracies can sometimes provide, or at least appear to provide, better than democracies"*¹.

Freedom

A current bone of contention in scholarly discourses and in present day Hungarian politics alike concerns the interpretation of freedom. Both the governing right and the fractured left agree that the 1989–1990 transition brought about freedom for the countries of the former Soviet Bloc. Still, the leftist and rightist interpretations of the contents of freedom differ greatly. The institutional framework of freedom for the right is the sovereign national state. According to this interpretation, Hungary contributes as much or even more to the common European interests as the support it gets from the EU. For most of the left the supranational, federal institutions offer the optimal guarantees for the realization of freedom. Further on, from the perspective of the ruling right, order and longer term stability for the protection of freedom could emerge in Hungary only after 2010, the two previous decades were far too chaotic. It was only the *'ballot box Revolution of 2010'*, three subsequent impressive election victories of FIDESZ, the present ruling party, that guaran-

1 Kagan R. The Weight of Geopolitics // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 1.

tee the protection of the collective interests of all Hungarians. The left puts the emphasis on individual freedoms guaranteed by international agreements based on general human rights protection.

Most of the influential international interpretations also took it for granted that 1989–1990 signalled the victory of freedom, of the open society over communism. Openness meant that the new regimes seemed to be open for introducing democracy, pluralism, civil society. Ash, Dahrendorf or Habermas agreed that the East and Central European countries could not come up with original ideas in the field of politics, economics, international law or international relations. Habermas summarized this approach in the concept of the „*nachholende Revolution*” (catching up revolution). Dahrendorf was more nuanced when he argued that in the countries of the former Soviet bloc following 1990 a constitutional reform might take a mere six months, economic reform six years, but “*sixty years are barely enough to lay the social foundations required*”¹. He also added that according to historical experience, revolutions created as many problems as they solved, if not more (After 1989... 1997).

Putting the East Central European events of 1989–1990 into the teleological process of gaining freedom can certainly be challenged. A good example for this interpretation in a broad context is offered by Prof. Christoph Boyer from the University of Salzburg. He argues that if we look at the transformation of the global economic system at the turn of the 20th and 21st centuries, *the question would be ...how far '1989' has contributed, as a causal factor, to the accelerated rise of an aggressive and socially irresponsible neoliberal global capitalism, unrivalled ideologically as well as in reality*².

This approach is well adopted by scholars in Hungary. For example, Ferenc Mészlivetz notes: *‘the economically well integrated neoliberal world order with its carefully maintained fragmented political system of nation-states as its exclusive building stone replaced alternative conceptions of the '80s...’*

Or as Jody Jensen put it: *‘According to Immanuel Wallerstein and world systems theory, we have reached the point of disequilibrium and have entered a period of transition, of transformation from one world system to another world system. This is what Zygmunt Baumann called a period of “interregnum,” and is characterized by high uncertainty, instability, and volatility. I like the term “Chaordic Age” that combines the notions of chaos and order. The old system is being replaced by something new, but we do not know what it will look like’.*

Samuel P. Huntington’s 1993 warning about the possible upcoming conflicts among civilizations³ was echoed in Hungary as well, the Eastern bor-

- 1 What’s Ahead for Europe. URL: <https://www.nytimes.com/1990/10/21/books/what-s-ahead-for-europe.html> (accessed: 21.12.2020).
- 2 Boyer C. Big ‘1989’, Small ‘1989’: A Comparative View on Eastern Central Europe and China on their Way into Globalization // 1989 in a Global Perspective. Ed.by Engel U., Hadler F., Middel M. Leipziger Universitätsverlag, 2015.
- 3 Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. 1993.

der of Hungary being, according to Huntington, a major fault line between Western Catholicism and Eastern Orthodox Christianity. For more than four centuries Hungarian political thought has focused on discussing Eastern and Western elements of Hungarian national identity¹ and it remains a live issue today. Recently a young Hungarian scholar made an interesting comparison between the East-West fault line as presented by Huntington and the six-dimensional model of global value differences by Geert Hofstede², based on the data bank of the World Value Survey. According to Péter Holicza's analysis *'between nations belonging to the Western civilization, (in this case: Austria, Croatia, Hungary, Slovakia and Slovenia) some cultural differences are clearly demonstrable. According to the trend lines, Croatia and Slovenia have more in common with Romania, Ukraine and Serbia, the Orthodox part of the civilization fault line. Slovakian culture differs the most from the regional average value what Austria represents. Focusing on Hungary, only three dimensions (PDI, IDC, MAS) are significantly different out of the six in total, compared to eastern and southern neighbouring countries. ... three indicators (UAI, LTO, IND) have shown nearly the same results on both sides of the fault line, proposed by Huntington. The 6-D analysis (Hofstede) shows that the existence of a fault line in Central Eastern Europe is confirmed, but the results are mixed, and based on the mutual cultural values, the fault line near Hungary is bridgeable'*³ This is in line with the current mainstream official historical-political positioning of Hungary's role in the centre of Europe. Hungary's political, moral, cultural strength is to a great extent based on the legacy of the first Hungarian king, Stephen the Saint, who, by the adoption of Christianity, laid down the most solid foundations of a Hungarian state. From this perspective, the fault line is less between Western Catholicism

- 1 The internationally best known Hungarian work discussing this problem in a wide European context is Szűcs J. The Three Historical Regions of Europe: an Outline. First published in English: Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae Vol. 29, No. 2/4 (1983), pp. 131 – 184 F. Braudel wrote a Preface to the French edition. Less known are the most insightful respective works by L. Péter. See his collection of essays: *Hungary's Long Nineteenth Century. Constitutional and Democratic Traditions in a European Perspective. Collected Studies* by L. Péter edited by M. Lojkó. Brill, 2012.
- 2 Holicza P. Fault Lines in Central Europe: Analysis of Huntington's Civilian Theory in the Context of Hungary and it's Neighborhood. URL: https://www.researchgate.net/publication/317264443_Fault_Lines_in_Central_Europe_Analysis_of_Huntington%27s_Civilian_Theory_in_the_Context_of_Hungary_and_it%27s_Neighborhood (accessed: 21.12.2020). Hofstede's cultural dimensions:
 - Power Distance Index (PDI);
 - Individualism versus Collectivism (IDC);
 - Masculinity versus Femininity (MAS);
 - Uncertainty Avoidance Index (UAI);
 - Long Term Orientation versus Short Term Normative Orientation (LTO);
 - Indulgence versus Restraint (IND).
- 3 Holicza P. Fault Lines in Central Europe: Analysis of Huntington's Civilian Theory in the Context of Hungary and it's Neighborhood. 2016; Haynes J. From Huntington to Trump: Thirty Years of the Clash of Civilizations. London: Rowman and Littlefield Publishing Group, 2019.

and Eastern Orthodoxy but between Christians and non-Christians. As to the long term historical contextualization of the post-communist transition, Huntington's theory of the three waves of democratization¹ is more in line with the views of Hungarian scholars who see 1989–1990 as part of a legacy of revolutions calling for the establishment of liberal political and social institutions from 1848 — via the proclamations of the republican form of a state system in 1918 and 1946 to the anti-Soviet, anti-communist revolution in 1956. This line of thought has been the topic of extensive discussions among Hungarian social scientists with the key issue how respective calls for national sovereignty and political, economic, social modernization relate to each other².

Politics of memory

To conclude this short and selected survey of interpretations of the 1989–1990 events it is necessary to return to the longer term politico-historical contextualization. For example, in Yugoslavia, the commemorations of the 600-th anniversary of the death of Prince Lazar in 1989 meant a return to the founding myths of the Serbian kingdom, which soon replaced the cult of the «Yugoslav» partisans of the Second World War; the return of the heart of the Bulgarian Tsar Boris, who died in 1941 under unknown circumstances, to his homeland was a symbolic break with the Communist legacy in Bulgaria; the reburial of the Hungarian admiral Miklós Horthy, regent of the country from 1920 to 1944, was supposed to indicate the continuity between pre- and post-communist times; the ceremonial burial of two Polish generals of the «Homeland Army», Tadeusz Bór-Komorowski and Władysław Sikorski, symbolised the questioning of the legitimacy of the Communist regime in Poland. Many of the monuments put up to the Soviet «liberators» disappeared; new ones were erected to commemorate anti-Communist national heroes like Józef Piłsudski in Poland, Jozef Tiso in Slovakia, Ion Antonescu in Romania, Pál Teleki in Hungary, or acts of violence committed by Soviet foreign policy (in Hungary in 1956 and in Czechoslovakia in 1968). All these measures were strong reactions against the Communists' attempt to completely break with the traditions of the so-called reactionary past of those peoples then ruled by the Soviet Union, and against the attempt to construct the new «fraternal community» of socialist countries on the basis of their shared «progressive» traditions of class struggle. In the official Communist master-narratives of national history, expressed in political speeches

- 1 The first wave developed slowly from 1828 to 1926, beginning in the United States, the second wave of democratisation began during the Second World War prompted by the victory of The Allies, the end of dictatorship in Portugal in 1974 signalled the beginning of the third wave of democratisation that 89/90 is part of.
- 2 *Litván G. Magyar gondolat – szabad gondolat. Válogatott történeti tanulmányok.* Budapest, 2008.

and in centrally controlled schoolbooks, the struggle against the foreign exploiters was always the focal point. According to this rhetoric, the best patriots were those who had pursued goals of national and class struggle in parallel and combined with one another.

Even before the collapse of the Soviet empire, as a result of the lessening of Soviet ideological pressure, there appeared — if not so much in scholarship, then all the more so in journalism and everyday speech — long banished visions of the historical achievements and tragic sacrifices of the East Central European elites in the inter-war period. After the changes of 1989–1990 this process accelerated. To put it sharply, one can say that the chances of a person, a movement, an institution or a political party to win a prominent place in the new national pantheon were the greater the more anti-Communist they were deemed to have been. This was also a reaction to the Communist ideological practice, which had been to brand all anti-Communists equally as «fascists»¹. The great danger now lay in the fact that occasionally representatives of the extreme right were shown in a positive light because of their anti-Communist attitude.

The place of communism in history

In many serious discussions, intellectuals in post-communist East Central Europe asked what place the communist regime had in the continuity of their national histories. Was it really true that communism had been imposed from outside in all countries of the region, or did it also have internal social and political roots in the countries themselves? Could the Communist era be seen as part of national histories at all? Was it not instead, in spite of its many victims, only an unimportant temporary episode, historically speaking, even though it lasted a long time? Is it possible to speak of «organic» national histories which airbrush the communist period? One frequently posed question closely linked to this problem is: was Communism an attempt to overcome the (economic and intellectual) backwardness of the respective region, or, on the contrary, it helped to make the gap between Eastern and Western Europe even wider and deeper than before?

A further part of this complex of problems is the responsibility (or rather, the credit) for the end of communism. Was it the strong and unbreakable backbone of the nations, which had resisted all the maliciousness and demands of the Soviets? Were there true patriots whose unwavering and consistent anti-communism finally led to success? Or was it not instead more the pragmatic and patriotic communists who had recognised that the communist model had no future, and had started to dismantle the system when the decline of the Soviet Union and the international political situation permitted this?

1 *Judt T. A History of Europe since 1945. New York, 2005.*

Nowhere in the former Soviet bloc countries an appropriate legal framework was found for the punishment of the crimes committed by the communist regime. No system functions without supporters, but it is difficult to establish the responsibility of officials at different levels within the hierarchy. As social-psychological research shows, this is hardly avoidable. If we view the trauma of system change as a mass-psychological phenomenon, then the regeneration of a society's capacities after such a trauma is essentially impossible without social cohesion¹. Social-psychological experience teaches that such cohesion is best achieved with the help of scapegoats². The scapegoat function can be imposed on individuals, smaller or larger groups, but also on whole countries or ideologies. A significant part of post-communist historical discourse was therefore devoted to making communism in general fulfil this function. Communism as an ideology, and the personalities, groups and parties, which represented it, were made responsible not only for the economic and social decline of the countries where it ruled, but also for national tragedies.

Besides the responsibilities of individual communists and groups of communists, the question of how to evaluate the role of the Soviet Union in the Second World War was a further central theme for public discussion in all countries of the former Soviet camp. To what extent was the Soviet Union a liberator? Was it not just a new conqueror? Is Soviet guilt comparable to Nazi guilt? How can one compare the Gulag to the Nazi concentration camps? The themes of the historians' dispute in Germany in the 1980s surfaced, but nowhere in the former Soviet satellite countries did they lead to a cathartic discussion, which would have facilitated the post-Communist cohesion of these societies. Instead, it led to new political divisions or deepened the old ones.

Even today, more than three decades after the collapse of the Soviet Bloc, a great number of issues relating to the history of communist rule and the causes and consequences of its collapse are heavily debated in scholarly, political and social forms of 'doing history'. Hereby a few hot issues:

- who initiated the changes, when did the changes start, other important topics of the discussions:
 - ✓ are the peaceful transitions (velvet and negotiated revolutions) assets or liabilities,
 - ✓ the criminality of communism, the limits and possibilities of retrospective justice,
 - ✓ communism as a deviation from an organic course of history,
 - ✓ anti-communism as heroism,

1 Mills J., Polanowski J. A. *Ontology of Prejudice*. Amsterdam, 1997; *Authoritarianism and Prejudice, Central European Perspectives*. Ed. by Enyedi Z., Erös F. Budapest, 1999.

2 Girard R. *The Scapegoat*. Washington D.C., 1989; Douglas T. *Scapegoats. Transferring Blame*. London — New York, 1995; Cople J.F. *A Scapegoat in the New Wilderness*. Cambridge Massachusetts, 1994.

- ✓ how former heroes become villains and former villains become heroes,
- ✓ official reburials, renaming of public spaces,
- ✓ ambiguities concerning the carriers of communist systems and concerning the responsibility for the collapse.

The situation is further complicated by the conflict between the official heroic interpretations of the destruction rather than collapse of communism and the deep going resentments, popular disappointments due to the experiences of ruthless capitalism in post-communist countries.

The long years of theoretical and political efforts by communist ideologues and politicians did not succeed in their attempt to fuse Communist ideas with national ideologies in East Central European societies. It proved impossible to convince those societies that the internationalism of «all proletarians of the world» could be harmonised with the defence of national interests. Practical experience has shown the opposite.

The experience of the system change in East Central Europe, and the process of European integration do, however, show that after the grandiose collapse of communist internationalism, intellectuals in East Central Europe should not be spared the challenge of developing supranational identities. The most difficult question along this line is whether the rejection of communism can serve as a solid basis for the creation of new, cohesive identities, whether anticommunism can become the 'constituting other' for a new generation of East Central Europeans, helping them (us) in finding a proper place in Europe and the world full of ambiguities and uncertainties. From the perspective of the spring and early summer of 2020 it seems that we have to deal much more with the peculiarities of capitalism in general and its ability for renewal than with the legacy of communism if we are trying to understand the limits and possibilities of a scope of action for East and Central European nations and states.

REFERENCES

- A harmadik magyar köztársaság születése. Emberek, ideológiák, intézmények [The Birth of the Third Hungarian Republic. People, Ideologies, Institutions]. (2014). Budapest: L'Harmattan.
- A magyar politikai rendszer — negyedszázad után [The Hungarian Political System — after a Quarter of a Century]. (2015). Szerkesztette Körösnéyi András. Osiris-MTA Társadalomtudományi Kutatóközpont, Budapest.
- A politika fontosabb annál, hogy csak a politikusokra bizzuk. (Politics is more Important than To Be Left to Politicians). Available at: <https://web.archive.org/web/20070704213213/http://www.mindentudas.hu/magazin2/20050709apolitika.html> (accessed 21.12.2020).
- After 1989: Morals, Revolution and Civil Society. (1997). St. Martin's Press in association with Palgrave Macmillan. New York.
- Ash, T.G. (1990). The Magic Lantern: The Revolution of '89 Witnessed in Warsaw, Budapest, Berlin, and Prague. Vintage Books, New York.

- Bába, I. (2015). Rendszerváltozás Magyarországon [System Change in Hungary]. Veritas könyvek 1.12.
- Békés, C. (ed.) (2019) The History of the Soviet Bloc 1945–1991. Available at: <http://www.coldwar.hu/chronologies/1945-1991/Part-5-Chronology-1988-1991-with-sources.pdf> (accessed 21.12.2020).
- Berend, I. (2009). The Economic factors in the Collapse of State Socialism and the New International Environment, 1973–1989, in: From the Soviet Bloc to the European Union: The Economic and Social Transformation of Central and Eastern Europe since 1973. Cambridge, Cambridge University Press. pp. 6–49. DOI: 10.1017/CBO9780511806995.003
- Borhi, L. (2016). Dealing with Dictators: The United States, Hungary, and East Central Europe, 1942–1989. Indiana University Press.
- Brooks, D. (2020). The Threat Within the Threat — Global Climate Change and Emerging Disease. Available at: <https://iask.hu/en/the-threat-within-the-threat-global-climate-change-and-emerging-disease-by-dan-brooks/> (accessed 21.12.2020).
- Boyer, C. (2015). Big '1989', Small '1989': A Comparative View on Eastern Central Europe and China on their Way into Globalization, in: Engel, U., Hadler, F., Middel, M. (eds.) 1989 in a Global Perspective. Leipziger Universitätsverlag.
- Bozóki, A. (2019). Gördülő rendszerváltás [Rolling System Change]. L'Harmattan-Kiadó-Uránia Ismeretterjesztő Alapítvány, Budapest. A summary in English by A. Bozóki and E. Simon. Available at: <https://events.ceu.edu/sites/default/files/media/attachment/abozoki-asi-mon-dissident-intellectuals-eng-v5a-for-presentation.pdf> (accessed 21.12.2020).
- Cople, J. F. (1994). A Scapegoat in the New Wilderness. Cambridge Massachusetts.
- Douglas, T. (1995). Scapegoats. Transferring Blame. London — New York.
- Emigration from Latvia: A Brief History and Driving Forces in the Twenty-First Century. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-12092-4_3 (accessed 21.12.2020).
- Enyedi, Z., Erös, F. (eds.) (1999). Authoritarianism and Prejudice, Central European Perspectives, Budapest.
- Fukuyama, F. (1992). The End of History and the Last Man.
- Girard, R. (1989). The Scapegoat. Washington D.C.
- Haynes, J. (2019). From Huntington to Trump: Thirty Years of the Clash of Civilizations. Rowman and Littlefield Publishing Group, London.
- Holicza, P. (2016). Fault Lines in Central Europe: Analysis of Huntington's Civilian Theory in the Context of Hungary and it's Neighborhood, available at: https://www.researchgate.net/publication/317264443_Fault_Lines_in_Central_Europe_Analysis_of_Huntington's_Civilian_Theory_in_the_Context_of_Hungary_and_its_Neighborhood (accessed 21.12.2020).
- Huntington, S. P. (1993). The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order
- Judt, T. (2005). A History of Europe since 1945. New York.
- Kagan, R. (2008). The Return of History and the End of Dreams Alfred A. Knopf. New York.
- Kagan, R. (2015). The Weight of Geopolitics, in: Journal of Democracy. Vol. 26. № 1.
- Kis, J. (1991). Az elit megmaradásának elvéről [On the Principle of the Survival of the Elite]. Beszélő.
- Kotkin, S. (2010). Uncivil Society. 1989 and the Implosion of the Communist Establishment. A Modern Library Chronicles Book/The Modern Library, Random House, New York.
- Kramer, M. The Final Years of the USSR: Research Opportunities and Obstacles in the Moscow Archives. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/final-years-ussr-research-opportunities-and-obstacles-moscow-archives> (accessed 21.12.2020).
- Kren, J. (2019). Ctvrt století střední Evropy [A quarter of a Century of Central Europe]. Prague.
- Litván, G. (2008). Magyar gondolat — szabad gondolat. Válogatott történeti tanulmányok [Hungarian Thought- Free Thought]. Budapest.
- Márton, B. Az első tíz év értékei. (The Value of the First Ten Years) Available at: https://latoszoblog.hu/blog/az_első_tíz_ev_ertekei (accessed 21.12.2020).

- Mills, J., Polanowski, J. A. (1997). *Ontology of Prejudice*, Amsterdam.
- Péter, L. (2012). Hungary's Long Nineteenth Century. Constitutional and Democratic Traditions in a European Perspective.
- Szűcs, J. (1983). The Three Historical Regions of Europe: an Outline, in: *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 29. № 2–4. pp. 131–184.
- Ther, P. (2016). *Europe since 1989: A History*. Princeton University Press.
- Tőkés, R. (1996). Hungary's Negotiated Revolution: Economic Reform, Social Change, and Political Succession, 1957–1990, in: *Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies*. № 101. New York, Cambridge University Press. pp. 395–396.
- What's Ahead for Europe. Available at: <https://www.nytimes.com/1990/10/21/books/what-s-ahead-for-europe.html> (accessed 21.12.2020).

Некоторые интерпретации событий 1989–1990 годов в истории XX в. Венгерский подход

Автор. Атила Пок, PhD, профессор Института истории Венгерской академии наук; старший научный сотрудник Института перспективных исследований (iASK) в г. Кёсеге. E-mail: pok.attila@btk.mta.hu

Аннотация. Статья посвящена анализу интерпретаций событий, приведших к всплеску реформаторских процессов в Центральной Европе 30 лет назад в 1989–1990 годах. Автор подчеркивает, что с течением времени фокус погружения в плодородную почву глубин прошлого продолжает смещаться: политические события, экологические проблемы, великие культурные достижения могут стать важными поворотными точками в интерпретациях глобального, регионального, национального, локального значения событий прошлого. Они могут быть превращены в исторические повествования в различных формах, в зависимости от того, кто их формирует. У гильдии историков свои правила, о работе политиков в обращении с прошлым судят по поддержке, которую они могут получить в борьбе за власть. Среди основных вопросов, которыми задается автор: что происходило в мире, в Европе, в странах Советского блока, в Венгрии три десятилетия назад? Когда начинается процесс, приведший к завершению биполярного мира, к падению европейских коммунистических режимов, к перестройке властных отношений с глобального на восточно-центральноевропейский и локальный уровни? Как определить движущие силы изменений и что можно считать наиболее важными долгосрочными последствиями? Автор предлагает краткое изложение некоторых международных и венгерских интерпретаций переходного процесса в Восточной и Центральной Европе, а также указывает на влияние этих интерпретаций на сам процесс.

Ключевые слова: реформы, переходный период, оппозиция, посткоммунизм, системные изменения, новый политический порядок, Вышеградские страны, Венгрия.

30 ЛЕТ РЕФОРМ: ИТОГИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН И РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

1989–2019: Thirty Years after: Re-Enchanting Europe?

Ferenc Miszlivetz

Abstract. This paper focuses on the complexities created by the interlinked and complex processes of Central-European transitions that arose as the result of integration into the EU and the undermining influence of turbo-capitalism. During the decades before and after the Annus Mirabilis, 'Europe' and European integration were the models for peaceful regional integration worldwide. Due to the lack of a common vision for the future in "old" and "new" Europe, and due to unexpected internal and external challenges, and increased global uncertainties, the European dream gave way to a common European frustration. Evaluating the transformations of the past three decades, the question remains whether Europe can avoid further disintegration and gain back its role as a model for regional cooperation. Could this provide a window of opportunity for a more important role for Central Europe?

Keywords: solidarity, Central European cooperation, integration, common European home, nation-state paradigm, European civil society, uncertainty, transformation.

The Stirling Villa, the New Detente and European Civil Society

What happened during the past three decades and why it needs careful consideration, scholarly research, detailed analysis and a balanced debate. Especially if we are to continue the disrupted process of European construction, we need to try to re-enchant Europe again. One cannot fall in love with a cold project such as the single market, as Ralf Dahrendorf warned us long ago. Understanding the causes for the failure might help us to identify new methods and hopefully a new design and clearer purpose for our joint enterprise. We cannot be sure this will happen, but if we fail to try, we will never find out. One thing is for sure, the European construction will not and cannot continue in the same old way.

© **Miszlivetz Ferenc** – the founder and director of the Institute of Advanced Studies Kőszeg (iASK), a Jean Monnet professor and full professor at the University of Pannonia. E-mail: miszlivetzf@gmail.com

Figure 1. Photo taken in November 1987 from the author's private collection. See here, center, is the author, Ferenc Miszlivetz; in the foreground to the right is Viktor Orbán

A photo from November 1987 shows a small group of young people looking into the camera — into their future — with optimism and confidence. They stand before the Stirling Villa in Velem, a tiny settlement in Western Hungary between Kőszeg and Szombathely, right at the Austrian border (then still the Iron Curtain). The photo shows the participants of one of the “Velem weekends” — a series of meetings for college students and intellectuals in the democratic opposition to discuss issues outside the university curriculum of late socialism.¹ The topics discussed were, for example, anti-semitism in East and Central Europe, the '56 revolution in Hungary, the 1968 Prague Spring and the following Warsaw Pact clamp down, the birth of Charta '77, the Polish Solidarnosc movement or the new European Peace Movement and the Network East-West Dialogue. The meetings were initiated by a small group of activists who believed in self-organizing societies and envisaged the future of European democracy based upon horizontal cross border cooperation.

The personal trajectories of the group are telling: the young lady on the left was the main organizer of the autonomous student self-government

1 The university curricula in the social sciences at this time did not allow for discussions of important contemporary literature related to the pressing social and political issues of the time.

(szakkollégium) and a chief librarian at the Szombathely Teachers Training College. The young man on the right was a member of the István Bibó student college who soon became a Fidesz (The Party of Young Democrats established in March 1988) activist, and later the head of the Fidesz election campaign. Today he is the Hungarian Ambassador to Austria. Behind him to the right stands the general secretary of the Hungarian Communist Youth Organization (KISZ), which tried hard to transform itself into a democratic youth organization. Next to him is a young member of the Hungarian Socialist Workers Party, later Hungarian Socialist Party (MSZP), and a member of the new democratically elected parliament. Next to him is a student from Szombathely, today the President of the County Vas regional government (Fidesz). In front and in the middle stands a young man with short hair and a moustache who was then an informal leader of the István Bibó student self-government. Today, and for the last 10 years, he has been the Prime Minister of Hungary.

At the time this picture was taken, they all had good reasons to be optimistic: the students' movement was gaining momentum; the reform wing of the disintegrating Socialist Workers' Party was trying very hard to organize so-called reform circles throughout the country, entering into dialogue with the local communities about the future of Hungary; the Communist Youth Organization, hoping to survive, stood for openness and metamorphosis, so it became a forerunner of democratic reforms; students were engaged in various mushrooming grassroots movements. Everyone seen in the photo knew that change was inevitable and that they would play a role in them. There were still, however, uncertainties. The meeting in Velem was about establishing a nationwide network for the democratic student movement (Szakkollégiumok Országos Hálózata). The organizers invited Imre Pozsgay, the most reform-minded member of the Central Committee of the still ruling communist party. Pozsgay's attendance was prohibited by Károly Grósz, the hardliner party secretary. The rumour was spread that Grósz even intended to clamp down on the students' self-organizations. Instead, Imre Nagy, a young and innocent looking KISZ chieftain, was sent to Velem to assure the audience about the best and most democratic intentions of his organization and their readiness for negotiations with grassroots movements and civil initiatives.

The student leaders in the photo were preparing for their first international meeting, co-organized by the European Network for East-West Dialogue, just a few days later in November. The conference, entitled "New Detente", echoed Gorbachev's message heralding a new epoch, but the conference was prohibited by the university authorities. It was held anyway in a music school in the middle of Budapest. The presence of Western journalists from important news agencies, Reuters, UPI and AFP, restricted the authorities from interfering. Bibó College students allowed each organization to delegate two participants so it happened that leading figures of the

democratic opposition, like György Konrád and Miklós Haraszti, sat next to the delegates of the communist party (MSzMP), the fellow traveller People's Patriotic Front and the official, heavily controlled Hungarian Peace Council.

The young, unknown student, in the middle of the sunny picture, practiced his self-written speech several times in English. This short but peppery speech brought Viktor Orbán into the focus of the international public. The more senior and rather cumbersome urban activists of the democratic opposition began to be overshadowed by a younger generation coming mostly from the countryside¹.

Western participants, like Cornelius Castoriadis, Federigo Argentieri, Mary Kaldor, the anti-Vietnam war hero Jim Skelly, and leaders of the European peace movements, conscientious objectors, and former members of the European Parliament like Dieter Esche, were enchanted by the fresh energies and organizational capacities of their hosts. University authorities withdrew their prohibition of the event the day before the New Detente conference began and offered to host the meeting at the beautiful banquet hall of ELTE University. Their offer was rejected but they were kindly invited to participate.

The house in the photo behind the group of young people, the Stirling Villa in Velem, stands untouched today. Mr Stirling² built the villa for his daughter before WWII. The Hungarian Arrow-cross (Nazi) government, escaping towards Germany, held their last official meeting there on December 24th, 1944. The Holy Crown of the Hungarian kings was taken and hidden by them in a bunker of the villa's garden. The Stirling Villa was nationalized after the war and until recently used as the Vas County Cultural Center, one of the surviving post-communist institutions. Recently, it has been retaken by the municipality of Velem and is awaiting renovation. It is also waiting to tell its stories. An exhibition of the unpublished documents and photos of the Szombathely students' self-government, the László Németh College, together with the transcripts of the lectures given during the Velem weekends between 1986 – 1989 is planned there after the reconstruction of the villa³.

- 1 My role was to facilitate the bringing together of Western peace and human rights activists and grassroots Hungarian student circles. It was a unique opportunity to create a network of networks, thereby enhancing the social and political impact from both sides of the Iron Curtain.
- 2 Emil Stirling (1879 – 1951) was a lawyer, and member of the Knights Hospitaller. Between 1938 – 1944 he built the Stirling-villa in Velem. He organised many social events that aroused the suspicion of the authorities. For his monarchist aspirations, he was interned in 1944 in the prison of Sopronkőhida. The arrow-cross Szálasi government took over the Stirling villa in 1944. Stirling died in Szombathely in 1951.
- 3 The reconstruction of the villa will be completed by the Fall of 2020. The re-opening of the building will start with the planned exhibition.

Three Decades Later: Which Way to Go?

The young people in the photo did not enjoy the enchantment of Europe for too long. The sparkling moments and euphoria, stemming from a blossoming and promising European civil society, such as the East-West Dialogue networks, disappeared soon after unilateral and unconditional German unification, the resignation of Gorbachev and the outbreak of the war in Yugoslavia. The end of the Cold War, the withdrawal of Soviet troops from former satellite countries and the dissolution of the Soviet Union in 1991 was not the beginning of a linear process and a long march for the actualization of European civil society. The promising process of social democratization from below was halted, and the achievements and innovations of the '80s were declared inconsequential by the new political elite¹.

In contrast to today, thirty years after, the atmosphere is full of anxiety, uncertainty and unfulfilled promises. With Brexit at its Western edge, Russian troops occupying part of Ukraine and building up new military capacities at the Eastern edge, and with the frustrated group of EU candidates and would-be candidates at the Southern flank of former Yugoslavia, we live in a fragmented and uncertain continent amidst the coordinates of an old-new East-West and North-South cleavage. Unable to find adequate and convincing answers to megatrends and the global and intertwined challenges of climate change, migration and the crumbling of the neoliberal world order, Europe as a dream is fading away for those who longed for it before and shortly after 1989^{2,3,4,5,6}.

What went Wrong?

1989 (and the social, economic and political transformation that followed) was a real turning point: it changed fundamentally the scope, size and scale of what European integration had been, and its significance extended far beyond Europe. The messages, as well as the impacts of the fermenting years, transgressed Europe's boundaries and heralded a new way of thinking about democracy, cross border solidarity and the capacity of suppressed societies to find peaceful ways to self-organize and confront conflicts non-violently vis-a-vis their oppressors. Indeed, a new praxis of cross border social networking was born during the '80s. It was the victory of dialogue, compromise, and consensus building.

1 *Miszlivetz F.* Illusions and Realities. Szombathely: Savaria University Press, 1999.

2 *Outhwaite W.* The Crisis of the European Union: A Response by Jurgen Habermas. *Theory Culture & Society*. 2013. 30(3). pp. 128 – 131.

3 *Laqueur W.* After the Fall. The End of the European Dream and the Decline of a Continent. New York: St. Martin' Press, 2011.

4 *Holland S.* Europe in Question and what is to do about it. Nottingham: Spokesman, 2014.

5 *Zielonka J.* Counter-Revolution. Liberal Europe in Retreat. Oxford: Oxford University Press, 2018.

6 *Misztal B.A.* Understanding Political Change in Eastern Europe: A sociological perspective: *Sociology*. 1993. 3. pp. 155 – 167.

Still, 1989 was a surprise for the vast majority of status quo believers, especially within the circles of mainstream American Kremlinologists, the builders of the Cold War institutions, including the European Union and, not surprisingly, among hardliner communist leaders within the Soviet bloc countries¹². Against some of the interpretations, it was a sort of peaceful revolution in moral and intellectual terms. It was a paradigm shift.

The grassroot movements within the Soviet bloc countries, and also between East and West, created a new language of cooperation and civil society across frontiers. To a large extent, thanks to East-West networking, the vision of and the aspiration for a European civil society was born. This was partly a victory for grassroot social self-organizations, the so-called “movements from below”, and solidarity, networking and non-violence were the buzzwords and de facto main characteristics of the new movements from below. The vision of nonviolent change of authoritarian regimes were reflections and results of a long learning process in East and Central Europe during the Iron Curtain era that culminated in the Velvet Revolutions of 1989 as a result, a new spirit of democracy and democratization and horizontal civil society cooperation sprang up in Europe.

The major state actors and their international guardian institutions, however, were not prepared for this unexpected turn, and had neither common visions nor agreed upon methods, plans or timetables for the change of the status quo; and European society at large did not engage in debates about a common future. After the first enchanting moments and mirage of sudden and peaceful change, came a quick and bitter awakening.

Western powers, led by the US, declared victory in the Cold War over the Soviet Union (the Empire of Evil as coined by Ronald Reagan). The economically and institutionally well-established neoliberal world order, with its carefully maintained, fragmented political system of nation states as its exclusive playground for democracy, pushed back and discredited the alternative conceptions of the '80s. Unfounded expectations, wishful thinking, national egotism and the conviction about the “historical justice” of returning to Europe dominated the thinking of the East and Central European political elites.

From 1990 on, horizontal networking, solidarity, civil society, autonomy and self-governance were quickly replaced by the institutionalized formal, procedural democracy confined by the territorial boundaries of the nation state. The emerging new civil society paradigm was rapidly pushed back and condemned as illusionary, useless and even dangerous by the masters and the mainstream media of the neo-liberal world (e.g., Reagan, Thatcher), as well as global guardian institutions like the World Bank and IMF³.

1 Gaddis J.L. *The Long Peace*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1987.

2 Gaddis J. L. *We Know Now. Rethinking the Cold War History*. Oxford: Oxford University Press, 1997.

3 Lomax B. *The Strange Death of Civil Society in Post-Communist Hungary* // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1995. Vol. 13. No. 2.

In other words, the old paradigm regained its dominance in the new post-Cold War era, and uncontrollable uncertainties and unpredictable change emerged with the deconstruction of the Iron Curtain. Anxiety, fear and exclusion started to overcome old democracies with a long-time experience in a well-protected “nested” integration. The miraculous spirit of the Velvet Revolutions was gone with the Euro-Atlantic wind, as if it had never existed. With its institutionalized amnesia, the EU did a perfect job to resettle the old paradigm. As Lampedusa wrote: “If we want things to stay as they are, things will have to change.”¹.

The Post-Cold War European Integration Period

The Post-Cold War European Integration Period pointed towards the reduction of the complex process of integration to “project” dimensions and the one-sided imposition of unclear “conditionalities” from above. Arrogance, ignorance and indifference from Old Europe vis-a-vis newcomers called “New Europe” (“you have to learn first what democracy and market economy are”) dominated the scene. Against all of the claims and promises, the neglect of “culture” (education, research, higher education, languages, different values and aspirations, etc.), lead to the strengthening of negative attitudes about non-co-operation, mistrust and the lack of the consciousness of common responsibility for a common European future.

At the end of the first decade of initial enthusiasm a frustrated, ignorant, and at best indifferent Western European public², was supposed to integrate with societies that were just escaping from the traumas of a Soviet-type totalitarianism, driven partly by unrealistic expectations, partly by self-paralyzing scepticism and inferiority complexes. After the short moments of “Mirage”, Eastern and Western European societies continued living in parallel realities. Although state borders were fading away step-by-step, the psychological and mental distances remained intact.

Meanwhile, the majority of societies of “Central Europe” were generally convinced they “belong to Europe” without any clear definition of what this “belonging” meant. They were concerned about their material wellbeing but had little to no knowledge and interest about the rapidly changing nature of global capitalism, its general social impact and of actual paradoxes of European institutions and integration. They did not go through the process of “Vergangenheitsbewältigung;”³ in other words, their participation in double dictatorships remained unreflected, and their elites partly entered European construction with the glory of martyrdom (as victims of suppressive regimes), and partly with the aspiration of quick and easy enrichment.

1 *Lampedusa G.T.* The Leopard. Pantheon Books. New York, 1960. P. 31.

2 For example, the double “no” vote in 2005 (one year after Eastern enlargement) reflects a different attitude of the Western European public regarding further integration.

3 There were varied attempts by some countries in transition (e.g., Czech Republic, Poland) to instigate some kind of lustration, with uncertain results.

Without structured and institutionalized dialogue, or the elaboration of a common European historiography, proper educational and research institutions, and an interactive and socially and culturally sensitive and informed European Media, and the absence of a well-prepared political class and dedicated experts and professionals to play the role of intermediation, European Union slogans such as unity in diversity, or an ever closer union remained promising and attractive for EU candidates but less and less convincing to the wider European public. As a consequence, first extreme left- then right-wing nationalist/populist movements emerged in Southern and Eastern Europe, as well as Western Europe. The European re-construction was doomed to continue from the two different parts (East and West) of Europe, each pursuing different goals and aspirations, implementing different and not negotiated methods (superimposed by one side) with predictably different sets of skills and institutional backgrounds. No wonder it went wrong soon.

Consequently, the process of European constitutionalization failed (2005), and the “permissive consensus” about a continuous integration was gone. The attempt at correction (period of consultation and contemplation) did not bring serious results even if José Manuel Barroso and Margot Walström met with members of parliaments and civil society groups in the member states of the European Union. Their presence was especially highlighted in the “New Europe” of the “post-communist”, so-called “new member states”. Soon thereafter the global economic and financial crisis of 2008 seriously hit the EU, resulting in more fragmentation, disintegration and alienation than solidarity and integration. As a result, the East-West division further deepened and has been extended with a North-South division and with the re-emergence of nationalist stereotypes (GREXIT, PIGS). Paradoxically, the nation-state paradigm became the “winner” of the turbulent and unpredictable processes of the East-Central European transitions, intertwined with the global crises and the inadequate answers of the transnational institutions of the European Union¹.

At the same time, the shadow of Germany as a mighty old/new hegemon darkened the horizon of deepening the process of integration. Societies became more divided internally as well; a so-called right-wing populist upheaval evolved in Hungary and soon after in Poland between 2009–2011. Public discontent, vis-a-vis elite driven integration coupled and strengthened by neo-liberal doctrines and international guardian institutions, increased and became more widespread in the East and West. Right-wing extremist and radical nationalist movements infiltrated mainstream politics, some of them becoming political parties from 2010 on. Ever since racism, xenophobia, antisemitism, etc. are on the rise in varying degrees in the so-called stable, “consolidated” democracies (REDs) such

1 *Habermas J. The Crisis of the European Union: A Response. Cambridge: Polity Press, 2013.*

as Germany, France and Great Britain. The game of scapegoating became widespread and permanent all over Europe, deepening further the epistemological crisis of Europe¹.

After the European Dream — a European Nightmare?

The rather self-congratulatory or naive discourse (about the historic success of East-Central European transitions, and the dynamizing effects of crisis for integration) in the first decade of the new Millennium quickly disappeared without much self-reflection or follow-up debate. The new discourse, after the inefficient EU management of the multiple intertwining crises, shifted in the opposite direction. EU experts and pundits^{2,3,4,5}, including social science institutions and think tanks, did not offer sufficient explanations for this sharp turnaround. The incapability to deal with growing complexities created by unexpected, sharp and rapid change might be a root cause as well as the common denominator of this failure.

The turmoil of the post-Cold War European integration, commonly known as “Eastern or Big Bang enlargement” reached its peak with the 2015 — 2017 refugee crisis which has revealed crystal clearly all of the above weaknesses in an aggregated and irreversible form. Something fundamentally changed in Europe: the post-2015 EU does not remind us in any sense of the EU around the time of the Big Bang enlargement. The crises put into sharp focus all of the weaknesses and disabilities of the EU polity or the “European Polis”⁶. This includes uncertain decision making, indecisive professional leadership, the application of double standards and lack of common purpose.

The revolt of the abandoned — the neglected, marginalized half of Europe, an equivalent of the American “deplorables” — raised their voices at the transnational level, and dynamized the rather lame and empty European political space. From Poland via Hungary, through France and Germany, and Brexiting Great Britain, they were and still are condescendingly called anti-democratic and populist. The irony of history, which was supposed to have ended according to the American academic guru Fukuyama and his followers, revealed similar changes of the political-social landscape and public discourse in the United States with the unexpected victory and popularity of the super-magnate-reality show man tycoon Donald Trump.

1 *Jensen J., Miszlivetz F.* Reframing Europe's Future. London and New York: Routledge, 2015.

2 *Leonard M.* Why Europe will Run the 21st Century. London: Fourth Estate, 2005.

3 *Rifkin J.* The European Dream. Cambridge: Polity, 2004.

4 *Schwimmer W.* The European Dream. London and New York: Continuum, 2004.

5 Walter Schwimmer was the General Secretary of the Council of Europe from September 1999 until August 2004.

6 *Schmitter P.C.* Post-Liberal' Democracy: A Sketch of The Possible Future? Instituto Universitario Europeo. URL: <https://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/SPS/Profiles/Schmitter/2018/Post-liberal-Democracy.draft.pdf> (accessed: 12.10.2020).

The deep divisions in Western societies has obviously deeper historic causes that may be found in the general exhaustion of Western civilization — a large topic discussed throughout 20th century by philosophers and historians¹.

A New European Paradox

Another new European paradox is the contribution of nationalist Euro-sceptical movements and parties that have galvanized European politics and a new European discourse.

1) After Failure — a New Beginning?

If we are looking for useful and practical answers to this rather rhetoric question, three consecutive terrains of complex problems need to be addressed:

- what exactly happened in the past three and a half decades?
- why did things happen the way they did (Qui prodest?)
- is there any rational base for pursuing further integration and trying to construct the EU (and 'Europe' in general)?

In short: is (are) there a way(s) out from the present deadlock and turmoil, and if so where to go? Only after finding acceptable answers to these difficult and interconnected questions, can we move together towards a package of actions and measures (like reforms and policy recommendations), and start deliberations about new rules for a new game. In this short paper only an analytic outline of the past and some fragmented suggestions for future action can be offered.

2) The Lost Chance.

In the European-global context, it is often mentioned that the EU (formerly EC) seemingly lost a great historic opportunity provided by the *Annus Mirabilis* and the collapse of the Soviet Union as well as the bipolar logic of the post-Yalta world order. According to the experiences of the past 30 years, one can argue that the EC/EU as a larger community and set of institutions, dependent on NATO and under US tutelage, was not prepared for a new global role in 1989. The quick utilization of the new opportunities was exploited at the nation state/member state level, when Germany unilaterally pushed through the first Eastern enlargement without any conditionality in 1991 and united with the former GDR in the name of *einiges Vaterland*. Although not recognized, in a sense this was a clear signal for the comeback of the nation state paradigm vis-a-vis the Common European Home, with its opposite logic to the idea of deeper integration which was an official slogan of the EU. This could be called the first (probably main) paradox of the EU.

1 *Hankiss E. Quantum Theory and the Meaning of Life. iASK Workingpaper. Kőszeg: Institute of Advanced Study, 2018.*

3) The Peace Project as the Basis for Legitimacy of European Integration.

European integration as a peace project received a blow with the outbreak of the civil war in former Yugoslavia, a longstanding candidate for EC membership. The acceptance of the claim for Slovenian and Croatian independence, first by Germany as the leading European power, followed by others, clearly heralded the beginning of a new epoch of national rivalry and further fragmentation without stronger integration into the European Community¹. An undiscussed alternative could have been the rapid acceptance of Yugoslavia into the European Community as a condition for peaceful secession within consolidated and regulated conditions². Since the war was forecasted long before, the EC/EU lost the chance to extend its soft power capabilities towards its immediate neighbourhood. Instead, it watched helplessly as the almost decade-long bloodshed and endless traumas were inflicted on a region of former compatriots.

Helplessness, the lack of proper leadership and political willpower were again revealed in the case of the Euro-Maidan revolution and the following Russian invasion of the Crimea and continuing conflict in the Donbass region of Ukraine. In both cases, any effective and prompt response (in many ways questioned and questionable) came only from the US (sometimes in naked forms, sometimes covered by NATO) with military intervention and economic sanctions. The EU condemned the Russian invasion and later joined the sanctions, while keeping an eye on its financial and economic interests (e.g., Schröder and other European leaders in Gazprom).

In the case of (self)destroyed Yugoslavia, the EU left its candidate and would be candidates struggling alone, with promises of accession tied to severe conditionality and threatening its new member states (“New Europe”) with financial and other sanctions if they did not follow the orders

1 A pedantic distinction between «Europe» and the “EU,” especially in case of long-term neighbouring candidate countries, is not only a sad product of spiritless bureaucratic narrowmindedness, but an organic part of permanent and structured self-deceit.

2 On 8 June 1988, the Secretary of State for Foreign Affairs, Budimir Lončar, told members of the collective Presidency of Yugoslavia that there are significant integration processes going on in Europe like the single market which require adaptation from Yugoslavia. In late 1989, Yugoslavia initiated the signing of the association agreement. At that time close to 70% of Yugoslav foreign trade was done with EEC countries. French politician, Claude Cheysson, a member of the Delors Commission responsible for Mediterranean policy and North-South relations, was the strongest advocate of Yugoslav integration along with Gianni De Michelis and German foreign minister Hans Dietrich Genscher who were not opposed to the idea. Genscher was of the opinion that Yugoslavia might additionally strengthen EEC credibility among the non-NATO member countries, yet official negotiations did not start at that time. In May 1991, EEC President Jacques Delors and the Luxembourg Prime Minister Jacques Santer offered to sign an association agreement and an agreement on 4.5 billion dollars of support for structural reforms. Members of the EEC were divided over the importance they should give to the controversial principles of self-determination and territorial integrity. German Chancellor Helmut Kohl strongly emphasised the right to self-determination. On 25 November 1991 all agreements on cooperation between the EEC and Yugoslavia were cancelled.

from Brussels institutions. No clear vision for the longer-term development of South-Eastern Europe, including the clear responsibility of the EU, was provided. Ineffective and often corrupt structures of monitoring and endless reporting failed to provide viable options for local societies. The recent case of Northern Macedonia and the self-contradicting reactions from the decisive powers of the EU such as Germany and France is a clear example.

4) Ignorance, Arrogance and Institutionalized Amnesia.

During the Cold War years up until 1989/1991, European communities and societies had little to nothing to do with their Eastern neighbours: neither mutual, nor one-sided obligations, or responsibilities needed to be taken since the border was hermetically sealed and secured by the Russian/Soviet Army (then called the armed forces of the Warsaw Pact) and a system of increasingly sophisticated technical separation that was called the Iron Curtain. As a result, East and Central European countries (then the Soviet satellites, today's New Europe) only reached the public stage in cases of protests, strikes, revolts, upheavals and revolutions, and later by the successful propaganda of Hungarian Gulash Communism, a proof for the ideology of "peaceful co-existence". As a result the Velvet Revolutions, and especially their consequences, came as a great and somewhat annoying surprise to Western societies and their political class. The first reactions were fuelled by ignorance, fear and anxiety, followed by arrogance vis-a-vis the poor and underdeveloped neighbours. Impotence and the political paralysis of the EU followed as a natural result.

5) The Burden We Carried: Cold War History from an East-Central European Civil Perspective.

The aspirations and concerns of post-communist societies have not been adequately taken into account or addressed by local, national and supranational authorities and their guardian institutions. Its contributions to European democracy and solidarity was not considered a valuable asset and building block for a future European identity. The events of 1989 would not have been possible without the uprisings of East Berlin (1953) Hungary (1956), the Prague Spring (1968), followed by the successful movements of Charta '77 and the decade long peaceful activity of Polish Solidarnosc and the endless struggles and aspirations for freedom and a dignified life. But these events are still not integral to so-called European identity. These great, heroic, pro-European events, based upon historically developed values and aspirations, are only part of the "Institutionalized European Amnesia". Paradoxically and ironically, when East and Central European societies were revolting against the superimposed Soviet rule and dictatorship, they were acting on the basis of European values (the rule of law, human rights, liberal democracy and social solidarity). Most of them believed that besides their personal or national cause they were also fighting, and in many cases

ready to die for, Europe as an idea, an aspiration, a set of values and a civilization¹.

6) Western Triumphalism instead of a Common European Home.

By the time the decades-long struggle of East-Central European societies positively and peacefully concluded, they failed to recognise that their European ideal no longer existed, and the vision of a common European home was further away than ever before. Against the promise of Western leaders to Mikhail Gorbachev about building a peaceful world in cooperation — first of all a Common European Home — a cheap Hollywood version of triumphalism began to dominate the media as well as public and academic discourse. This self-congratulatory, dangerously simplified and misleading interpretation was embodied and amplified in and by the catchphrase “the end of history” (even if Fukuyama elaborated his thesis in a more nuanced way). The clear but false message was that liberalism, a sort of “liberal revolution”² had won, thanks again to the triumphant West, led by the United States. Ignorance and arrogance hand-in-hand pushed the region of East and Central Europe back to the status of semi-periphery. No wonder a majority of East Central European societies feel that nothing much has changed (as a popular joke says: socialism was nothing more than a long and painful voyage from capitalism to capitalism)³.

Another, perhaps even more severe and less curable result of Western triumphalism was the alienation of post-Soviet Russia. The unfair mistreatment of Gorbachev by Western leaders, after his unilateral withdrawal of nuclear warheads and the withdrawal of Soviet troops from former satellite countries by the end of 1991, caused a strong resentment in Russian public opinion which became the hotbed for a more aggressive claim for restoring the country’s lost superpower prestige and global influence. This culminated in the dismissal of Gorbachev as a traitor to Russian interests, according to many, in a new wave of Russian rearmament and infiltration, as well as other forms and acts of Putinism.

1 *Kundera M.* The tragedy of Central Europe *The New York Review of Books* (pre-1986). 1984. P. 33.

2 *Dahrendorf R.* Reflections on the Revolution in Europe. London: Times Books, 1990.

3 See also: Pew Research Centre. European Public Opinion Three Decades After the Fall of Communism. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2019/10/15/european-public-opinion-three-decades-after-the-fall-of-communism/> (accessed: 23.01.2020) or European Commission: 25 years after the fall of the Iron Curtain. The state of integration of East and West in the European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. URL: https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/east-west_integration.pdf (accessed: 27.01.2020) or Lan Bui-Wrzosinska: States of Change: Attitudes in East and Central Europe 30 Years after the Fall of the Berlin Wall. Open Society Foundations. 2019. URL: <https://www.opensocietyfoundations.org/publications/states-of-change-attitudes-in-central-and-eastern-europe-30-years-after-the-fall-of-the-berlin-wall> (accessed 27.01.2020).

The most recent tensions between the US and the EU about security issues and the role of NATO might provide a chance to reformulate European security and neighbourhood policies and return to the negotiation tables instead of ineffective sanctions and moral condemnations reflecting stubborn arrogance and double standards without real vision, strength or political willpower. Europe still has a chance and hopefully an imperative to return to the abandoned idea of the Common European Home and transnational European democratization. This move, however, will not be and cannot be an easy or rapid development. Its conditions and consequences are severe and need to be carefully framed and contemplated. Such a contemplation and deliberation pre-supposes a move away from elite-driven integration by finding the means for a new dialogue among equal partners based on mutual respect and long term interests.

7) Global Anarchy instead of the Monopolar World System.

Western triumphalism — the misinterpretation of the cataclysmic and historic changes and the subsequent drawing of false conclusions from it for future actions — did not aid global developments. It did not help the two parts of Europe to start a new process of integration with a clear vision about the purpose, the method and the burden-sharing. It did not help the US to strengthen its position as the leading global power and it did not help the rest of the regions and continents who took the EU and Europe as a model for regional integration and peaceful cooperation (like MERCOSUR, the African Union, etc.). The only player who probably benefited from the emerging global anarchy and uncertainty was China by successfully combining the worst elements of uncontrolled turbocapitalism with authoritarian state socialism/communism.

The global financial and economic crisis of 2008 projected and magnified all the hidden weaknesses of the European construction, i.e., the lack of high quality leadership, lack of capability for rapid and clear reactions in cases of emergency, the lack of real cross border solidarity in the case of a threatening collapse of a member state's economy (the Euro-crisis combined with the Greek crisis and the threat of Grexit); but most importantly Europe fell back to and remained caught in the nation-state paradigm. However big and economically strong Germany is compared to most of the other member states, its short term economic and stability interests cannot be mixed up with pursuing long-term European values. Its economic policy cannot be superimposed upon any other member states. Trying to act, for the first time after WWII as *primus inter pares*, Germany gave a series of politically and morally wrong answers and signals to fellow EU member states. The superimposition of austerity policies and the undemocratic decision making via the Troika (European Commission, European Central Bank, International Monetary Fund) undermined its reputation as the champion of political correctness and caused new splits and conflicts at the same time reinforcing

old clichés and prejudices within the European community. The old German question surfaced under new circumstances: Germany being too big for Europe and too small for the world.

30 Years After: The Battle for the Soul of Europe and for Our Better Angels

The first stage of the power struggle for the Soul for Europe was won by the masters and guardians of the neo-liberal world order such as the World Bank, IMF, WTO, the European Central Bank, and the European Commission itself. (and its unaccountable guardian institutions) and their fellow-traveller assistants/subordinates, the incorporated nation-states. This peculiar neoliberal economic-political paradigm gained an impetus in 1989 and has been dominant up until recently. Cross border solidarity was replaced by national egotism and corporate global/regional (uncontrollably intertwined) interests. “There is no Liberty without Solidarity” was the famous slogan in 1989 and earlier: “There is no Solidarity in Liberty” was noticed by disenchanted Solidarity leader Zbigniew Bujak 30 years later (at the iASK International Summer University in Kőszeg, June — July 2019).

After a series of accumulating and intertwined crises the supposedly unquestionable neo-liberal paradigm (upon which the End of History theorem was built) started to lose its grip, and the erosion of the neo-liberal order began. In the short decade between 2005–2015 it has lost a great deal of its credibility and attractivity after the 2008 crisis in Europe and globally. Demonstrated against by national, regional, and global social movements (Occupy Wall street, Occupy Europe, Indignados, Podemos, and more recently by climate change movements), the increasingly anti-democratic and elite-character of the ideological expression of the neo-liberal world order and liberal democracy has been revealed.

In the new epoch of the Great Interregnum¹ or the New Age of Uncertainty² the world system is unable to regain its balance and, as a result, fragmentation and disintegration coexist with strong countertendencies, e.g., attempts at further integration and supranational democratization. In this rather chaotic constellation so-called wild or wicked problems occur, many times equations without solutions. In the new age of uncertainty new and unexpected players enter the stage. Those, who were seen not so long ago as insignificant, suddenly gain influence. The outcome of global transformation processes is unpredictable.

The weakening and emptying out of Western civilization has left behind a power vacuum. After 1989, European integration continued without a clear leadership or visions based on a common purpose. After the crises, new in-

1 *Bauman Z.* Times of interregnum Ethics and Global Politics. 2012. 5 (1). pp. 49–56.

2 *Hankiss E.* Quantum Theory and the Meaning of Life. iASK Workingpaper. Kőszeg: Institute of Advanced Study, 2018.

initiatives have been launched by the European elite for the “Soul of Europe” without much success. The war of paradigms has not yet brought any final results: liberal democracies have fallen into a confidence trap¹ and will likely remain there. Nationalistic right-wing or left-wing “populist” movements are also entrapped in a paradox: they are unable to offer any solutions by and in themselves: they need the European stage, the legal, institutional and economic framework, for their campaigns’ visibility and survival. The death of democracies is usually followed by the birth of a new kind of democracy. In case of a positive scenario, the decline of liberal democracy will likely and possibly be followed by a post-liberal civil democracy².

Among the many new and unexpected players of the Great Interregnum we can find cross border global and regional movements, brave intellectuals, networks of dedicated professionals, city assemblies and regional government groupings. Within the European orbit such a new grouping is Central Europe (V4 + as it is called today). Central Europe as a notion and framework of cultural belonging and political solidarity played an important, system-transcending role during the Cold War. In many ways it was the geographic and cultural frame of concrete solidarity actions. During the decades of the post ’89 neo-liberal paradigm, the only legitimate and recognized player was the individual nation state. Any forms of non-state, cross border cooperation has been considered redundant, or ideologically driven and seriously disregarded. After a long time of gestation and hesitation, most recently the V4 group gained some prominence in the context of the impasse of the European integration and increasing global turbulence. “New Europe” is aspiring to its own name. It might become one of the driving forces of a possible European renewal. *Nomen est omen*.

A New European Paradox?

Within the turbulence of the past decade, a new European paradox has emerged. The question arises whether populism has become the midwife of a reinvigorated European democracy. Amidst the present global anarchy and stalled European integration, the EU cannot anymore ignore the affirmation of Central European history, culturally ingrained values and aspirations. The 2019 European Parliamentary elections resulted in a breakthrough in European politics in an unexpected way. For the first time in post-Cold War history, conflicts and interests found a larger transnational audience. Paradoxically, thanks to the innovative character and language of right-wing parties and movements, politics appeared at the European level: in other words, as an unintended consequence nationalistic populism has contributed a great deal to the long-awaited birth of transnational democ-

1 *Runciman D.* The Confidence Trap: A History of Democracy in Crisis from World War I to the Present. Princeton NJ: Princeton University Press, 2015.

2 Philippe Schmitter’s 2018 phrase somewhat modified.

ratization via the opening of the European political space. The European public at large is more informed than ever before about the internal political affairs, aspirations and world views of small and “far away” countries. Eurobarometer, PEW and other opinion polls show that European citizens identify with the EU and want EU institutions more than ever (PEW 2019; Eurobarometer 2019). Paradoxically, “populism”, at the end of the day, has successfully strengthened the EU and the process of supranational democracy by stirring up dead waters. In short: open political conflict has played a constructive role.

Post-liberal Civil Democracy and the Central Europeanization of Europe

The various new roles Central Europe (V4+) can play, both within the EU orbit and between the EU and its candidates as well as their contested neighbours, might give a new impetus to European integration. This new potential dynamism might lead to a redefinition of the methods of the European construction as well as to experimentation with and reinvention of politics and public life in a post-liberal civil democracy. Between a never-ending Brexit (a real Britannicum, indeed) and the protracted and frozen conflict between Russia and the Ukraine, Central European resilience and creativity might find new ways (maybe productive solutions) towards an alternative and less gloomy future. The spirit and message of '89 and the Velvet Revolutions might resurface under more complex and less promising circumstances of today's world by bringing back hope, co-operation and solidarity to the European stage and beyond. As elaborated elegantly and in detail in a recent essay by Emil Brix and Erhard Busek, the Central-Europeanization of Europe might bring us closer to a new version of Gorbachev's long forgotten suggestion and aspiration about our common European home¹.

Our Chances Amidst the Global Anarchy of New Geo-politics

The world system (including all of its major components) has lost its capacity to reach equilibrium. It will either transform into a qualitatively different system or will bifurcate and fall into chaos. Being undetermined, the system does not confine, or does it in much lesser way, the activity of new, previously insignificant players. This provides a chance for more public and political activity in both positive and negative ways. This is what Wallerstein called the situation of relative free will (Miszlivetz 2010). This allows us and our communities to take advantage of a rare chance to act and opt for better solutions, although this does not mean that we will create a better world over night and success is not guaranteed. We also need

1 Brix E., Busek E. *Mittel-Europa Revisited: Warum Europas Zukunft in Mitteleuropa entschieden wird*. Wien: Kremayr & Scheriau, 2018.

aggregated political will power to realize this chance. One cannot predict whether the outcome of thousands of interacting and counteracting movements, initiatives, coalitions and individual players will end positively or not. The chances for both less and more democracy, freedom and human dignity are open.

If the EU is to become a significant player, striving for a more democratic and less unjust and unequal world, Europeans have to be able to cope with enormous challenges and countervailing tendencies. For the time being chances for a positive scenario look gloomy. Centrifugal forces seem to possess more dynamics, and there is more disintegration and disagreement about integration and less consensus within the European orbit. Without moving towards a new version of democracy, e.g., postliberal civil democracy, which widens the scope, the size and scale of democratic decision making¹, we will not have a chance to act as a larger community in order to promote a sustainable future. A better understanding of Europe's potential in the transforming world system presupposes a European New Deal based upon a New European Social Contract². This is a potential common denominator which might bind more closely together Eastern, Western, Southern and Northern Europeans. This is a purpose around which Central Europeans can revitalize their European belonging. We need to call upon the better angels of our natures³ to help us to understand and accept that there is more that unites us than divides us.

REFERENCES

- Bauman, Z. (2012). Times of interregnum, in: *Ethics and Global Politics*. 5 (1). pp. 49 – 56.
- Brix, E., Busek, E. (2018). *Mittel-Europa Revisited: Warum Europas Zukunft in Mitteleuropa entschieden wird*. Wien: Kremayr & Scheriau.
- Bui-Wrzosinska, L. (2019). *States of Change: Attitudes in East and Central Europe 30 Years after the Fall of the Berlin Wall*. Open Society Foundations. Available at: <https://www.opensocietyfoundations.org/publications/states-of-change-attitudes-in-central-and-eastern-europe-30-years-after-the-fall-of-the-berlin-wall> (accessed 27.01.2020).
- Bujak, Z. (2020). *Social Agreement as a Phenomenon of European Culture*. IASK Workingpaper. Kőszeg: Institute of Advanced Study.
- Dahrendorf, R. (1990). *Reflections on the Revolution in Europe*. London: Times Books
- European Commission: 25 years after the fall of the Iron Curtain. The state of integration of East and West in the European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. Available at: https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/east-west_integration.pdf (accessed 27.01.2020).
- Gaddis, J.L. (1987). *The Long Peace*. New York, Oxford: Oxford University Press.

- 1 Schmitter P.C. 'Post-Liberal' Democracy: A Sketch of The Possible Future? Instituto Universitario Europeo. URL: <https://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/SPS/Profiles/Schmitter/2018/Post-liberal-Democracy.draft.pdf> (accessed: 10.01.2021).
- 2 Holland S. *Europe in Question and what is to do about it*. Nottingham: Spokesman, 2014.
- 3 Meacham J. *The Soul of America: The Battle for Our Better Angels*. New York: Random House, 2018.

- Gaddis, J.L.* (1997). *We Know Now. Rethinking the Cold War History*. Oxford: Oxford University Press.
- Habermas, J.* (2013). *The Crisis of the European Union: A Response*. Cambridge: Polity Press.
- Hankiss, E.* (2018). *Quantum Theory and the Meaning of Life*. iASK Working paper. Kőszeg: Institute of Advanced Study.
- Holland, S.* (2014). *Europe in Question and what is to do about it*. Nottingham: Spokesman.
- Jensen J., Miszlivetz, F.* (2006). The Second Renaissance of Civil Society in East Central Europe — and in the European Union, in: Peter, W. (ed.) *The Languages of Civil Society*, New York, Oxford: Berghahn Book. pp. 131 — 158.
- Jensen, J., Miszlivetz, F.* (2015). *Reframing Europe's Future*. London and New York: Routledge.
- Kerekes, S.* (2018). Kergetjük a lehetetlent. A fenntartható fejlődés vad probléma, de szelíden lehet és érdemes, in: *Magyar Minőség*. 27 (3). pp. 5 — 13.
- Kundera, M.* (1984). The tragedy of Central Europe, in: *The New York Review of Books* (pre-1986).
- Lampedusa, G.T.* (1960). *The Leopard*. Pantheon Books. New York.
- Laqueur, W.* (2011). *After the Fall. The End of the European Dream and the Decline of a Continent*. New York: St. Martin' Press.
- Leonard, M.* (2005). *Why Europe will Run the 21st Century*. London: Fourth Estate.
- Lomax, B.* (1995). The Strange Death of Civil Society in Post-Communist Hungary, in: *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 13. No. 2.
- Meacham, J.* (2018). *The Soul of America: The Battle for Our Better Angels*. New York: Random House.
- Miszlivetz, F.* (2015). The post-Euromaidan future for Europe, in: Jensen, J., Miszlivetz, F. (eds.) *Reframing Europe's Future: Challenges and failures of the European construction*. New York: Routledge. pp. 249 — 259.
- Miszlivetz, F.* (2010). We are in the Situation of Relative Free Will. A Conversation with Immanuel Wallerstein, in: *Society and Economy* 32 (1). pp. 137 — 148.
- Miszlivetz, F.* (1999). *Illusions and Realities*. Szombathely: Savaria University Press.
- Misztal, B.A.* (1993). Understanding Political Change in Eastern Europe: A sociological perspective, in: *Sociology* 3. pp. 155 — 167.
- Outhwaite, W.* (2013). The Crisis of the European Union: A Response by Jurgen Habermas, in: *Theory Culture & Society*. 30(3). pp. 128 — 131.
- Pew Research Centre, 2019, *European Public Opinion Three Decades After the Fall of Communism*. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2019/10/15/european-public-opinion-three-decades-after-the-fall-of-communism/> (accessed 23 January 2020).
- Rifkin, J.* (2004). *The European Dream*. Cambridge: Polity.
- Runciman, D.* (2015). *The Confidence Trap: A History of Democracy in Crisis from World War I to the Present*. Princeton NJ: Princeton University Press.
- Schmitter, P.C.* (2018). 'Post-Liberal' Democracy: A Sketch of The Possible Future? Instituto Universitario Europeo. Available at: <https://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/SPS/Profiles/Schmitter/2018/Post-liberal-Democracy.draft.pdf> (accessed 25.02.2020).
- Schöpfli, G.* (2015). Europe: An Epistemological Crisis, in: Jensen, J., Miszlivetz, F. (eds.) *Reframing Europe's Future: Challenges and failures of the European construction*. Routledge. London and New York. pp. 7 — 18.
- Schwimmer, W.* (2004). *The European Dream*. London and New York: Continuum.
- Spring 2019 Standard Eurobarometer: Europeans upbeat about the state of the European Union — best results in 5 years. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_4969 (accessed: 28.01.2020).
- Zielonka, J.* (2018). *Counter-Revolution. Liberal Europe in Retreat*. Oxford: Oxford University Press.

1989–2019. 30 лет спустя: возвращая очарование Европы?

Автор. Мисливец Ференц, профессор Венгерской академии наук, доктор социологии, основатель и генеральный директор Института перспективных исследований в г. Кёсег (Венгрия). E-mail: miszlivetzf@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникшие в результате многомерных и взаимосвязанных процессов транзита в странах Центральной Европы, ставшие результатом их интеграции в ЕС и разрушительного влияния турбулентного капитализма. На протяжении десятилетий до и после «года чудес» Европа и европейская интеграция были для всего мира образцом мирного регионального сплочения. Однако поскольку видение будущего у «старой» и у «новой» Европы различалось, а также под влиянием непредвиденных внешних и внутренних вызовов и растущей глобальной неопределенности, «европейская мечта» вскоре сменилась «европейским разочарованием». Оценивая изменения последних 30 лет, мы по-прежнему задаемся вопросом: может ли Европа избежать дальнейшей дезинтеграции и снова быть примером регионального сотрудничества? Может ли эта ситуация открыть окно возможностей для стран Центральной Европы, чтобы они играли более важную роль?

Ключевые слова: солидарность, региональное сотрудничество в Центральной Европе, интеграция, Общий европейский дом, парадигма национального государства, европейское гражданское общество, неопределенность, трансформация.

The Role of Civil Society in Liberal Democracy. The Czech Republic Thirty Years down the Road

Karel B. Müller

Abstract. The major dilemma of the post-communist countries in Central Europe (CE) is epitomized by the tension between democratic transformation as an attempt to build civil society and to foster the rule of law within the nation state, on the one hand, while on the other, Europeanization as both a consequence of globalization and a reaction to it, which made the nation state obsolete. Thirty years have passed since the beginning of democratic reforms. We are halfway through to completing our democratic transformation, if we look to the famous prophecy of R. Darendorf, who said that we need at least 60 years to build a civil society. At the moment, in terms of creating liberal and democratic institutions, we can see among the post-socialist countries of the Visegrad Group a worrying backlash and decline. In author's opinion, this decline is the main threat to democracy in the CE countries (and beyond), which is heading towards what political scientists call *institutional* or even *state capture*.

Key words: civil society, Central and Eastern Europe, Czech Republic, Visegrad group, liberal democracy.

1. Values of Civil Society¹

This paper follows (and combines) two perspectives². Firstly, Giddens's approach of reflexive modernization. Secondly, Tocqueville's approach to the theory of democracy, according to which civil society is a prerequisite for the existence of liberal democracy and performs four vital functional dimensions. These are the defensive, legitimizing, participative, and integrative dimensions. These four functional dimensions are cited with varying degrees of emphasis by all authors dealing with the issue of civil society³. These individual dimensions will be considered below in greater detail.

1 This and the next chapter are based on my earlier work: Müller K.B. Civil Society-State Relationship in Contemporary Discourse: A Complementary Account from Giddens Perspective // The British Journal of Politics & International Relations. 2006. № 8(2). pp. 311–330

2 Ibid.

3 Keane J. Civil Society and the State. New York: Verso, 1988

Keane J. Civil Society: Old Images, New Visions. Cambridge, 1998

Seligman A. The Idea of Civil Society. New York: Free Press, 1992.

Taylor Ch. Modes of Civil Society // Public Culture. 1990. № 3 (1). pp. 95 – 117.

Tester K. Civil Society. London: Routledge, 1992.

The main value of civil society lies in its extra-political nature and its independence from state power, and in its ability to maintain this independence. Civil society should above all be capable of acting as a defense against the potential expansionism of state power. It is a part of the European historical experience that every power, often in the name of efficiency and the ability to mobilize itself, tends to gravitate towards centralization, this increases the risk of the abuse of power. This is where the defensive function of civil society comes into play.

The legitimizing function of civil society is based on the fact that it is civil society that through its independence and autonomy creates the social resources of political power and gives the state and its government legitimacy¹. The power of the state or the government is only legitimate when it can enjoy the trust of its citizens. The extra-political status of civil society guarantees, among other things, that political power is executed 'rationally', as civil society establishes public opinion independently of political power. Nonetheless, for political power, this public opinion has a binding and normative character. It is not possible in any democracy to rule for any real period if the government conflicts with public opinion. But for it to be possible to form public opinion, civil society must constitute a relatively large structure within which social interests and priorities that condition and substantiate the democratic state and the policy of the government are consistently articulated, agreed upon, and verified.

The third dimension is a participative function². Civil society ought to facilitate the more effective involvement of citizens in the public sphere than established political parties. If someone wants to block the construction of a gas station or promote the construction of a children's playground, they don't need to enter into politics to do so — say, at the communal level, attending party meetings and paying membership fees — nor is it necessary, at the opposite extreme, that they wait for the next elections. Broadly based civic participation may consist of the massive mobilization of resources that is facilitated by the widespread dissemination of information and knowledge, which helps ensure that the process of democratic political decision-making is of higher quality. Instead of political centralization, civil participation involves multi-level decentralization, which provides citizens with an unobstructed link to public administration and, potentially, access to the process of political decision-making. It leads to the more economical and more effective use of material resources. The nature of interest groups, and specifically their focus on a particular problem or issue, means that they are generally able to recognize or identify serious risks or dangers much

1 *Tester K. Civil Society*. London: Routledge, 1992.

2 *Civil Society, Democracy and Civil Renewal* / Ed. by Fullinwider R. Lanham. New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1999.

sooner than political parties are, and they are also able to propose useful solutions. It is then up to the public and the politicians to assess this group action and how they react to it.

Last, but not least important expectation associated with civil society is the fact that within its relationship of affinity and loyalty are formed, and this is civil society's integrative function¹. From our repeated involvement in the goings-on of civil society, we eventually come to realize that for our voice to be heard and our interests to be considered we need to join forces with someone else. In an egalitarian and democratic society, if we want to be of influence and effect change we must work together with others. This in turn engenders a sense of belonging to or affinity with an interest group. More broadly there then emerges a sense of belonging to the society as a whole and identifying with the given political system. Civil society creates room for the reproduction of shared symbols, values, and norms. But it is not about everyone being able to achieve their interests. It is necessary to consider the character of the political process, not just its outcome. The feeling that our demands or requirements are being heard is important, and even if they are not being acted on at the moment, it is possible to try and assert them again any time in the future².

Inspired by Giddens' approach³ to an analysis of the nature of contemporary modern societies, I define the functional dimensions in relations between civil society and the democratic state as depicted below in Figure 1.

The above-mentioned functions can be plotted in Figure 1 as follows.

Figure 1. The functional dimension in relations between the civil society and democratic state

Source: Müller 2006

In this figure, the outer circle represents the whole of the civil public and the small circle around the center of the sphere of political power. At the top end of the vertical axis is the protective function, which is an analogy of the concept of «negative freedom»⁴. At the opposite end of the vertical axis is the participative function, which, conversely, corresponds to the concept of «positive freedom» (corresponding to Giddens' «life politics»). The legitimizing function of the civil public

1 Seligman A. The Idea of Civil Society. New York: Free Press, 1992.

2 Taylor Ch. Modes of Civil Society // Public Culture. 1990. № 3 (1). pp. 95 – 117.

3 Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1990.

4 Ibid.

is at the right end of the horizontal axis, the entire right half of which indicates the mutual dependency and interconnectedness of civil public and the liberal and democratic state. At the left end of the horizontal axis is social integration, the value that expresses the fact that the civil public is capable of reproducing and integrating itself as a society, but also illustrates the fact that civil public is integrated within the framework of a single political system. The process of democratic decision-making, as Taylor argues¹, cannot take place in a society in which the members do not see themselves as members of one society. Two axes represent stronger links, and dotted lines represent weaker links, nevertheless, all four dimensions form the content of the shifting dynamics in the relationship between civil public and their political institutions.

Figure 2. Values of Modern Democracy

Source: Müller 2006

Silhouetted against this Figure 1 it is possible to detect two of the key-value dimensions of liberal democracy: human freedom and security. The vertical axis represents the values of human individuality, freedom, and particular interests. In the social sciences, these issues tend usually to be the subject of research focusing on the agency (the agency approach). The horizontal axis represents the value dimensions of social cohesion and shared norms. In the social sciences, this level of research tends to be the subject of macro-theoretical analyses focusing on society as a whole and its structural nature and aspects. The social sciences usually refer to this analysis as the structural or the structural-functional approach. It may perhaps be said that the vertical axis represents the more liberal values, while the horizontal axis represents rather republican values and convictions (Figure 2).

2. Risks of Democracy

The level of utopianism that shown in Figure 1 is reduced and a dose of skepticism or realism is added to the configuration to produce the image in Figure 3. This figure represents a configuration of the serious risks and causes that are connected to the failure of the process of democratic political decision-making and which can occur in the relationship between civil society and the democratic state and seriously threaten their cohesion and reciprocal dynamics. This refers to the loss of legitimacy of political institutions, a decline in political participation, uncontrolled growth of state

1 Taylor Ch. Op. cit.

Figure 3. The risks in modern democracies

Source: Müller 2006

surveillance, and finally the threat of social atomization or even anomy. There are certainly numerous connections that exist between these risks, and in this respect, Figure 3 may offer a new cognitive tool for use in both theoretical and empirical analyses. Let us take a brief look at each of the dimensions.

One of the most serious hidden dangers in the democratic political process is the excessive centralization and concentration of political power, which is accompanied by an increased risk of its abuse. As Tocqueville¹ convincingly demonstrated,

democracy, owing to its love of equality, is particularly susceptible to succumbing to this danger. The formation of democratic mechanisms aimed at protecting inequality and at the elimination of privileges — in the name of equal treatment and equal material security — leads to the gradual accumulation of power in the hands of the centralized state. To achieve democratic equality, the state becomes regulator, advisor, teacher, and judge, a kind of shelter for a forming power that presents itself less and less as the source of violence and more and more as the guarantor of public interest. The power of civil society that is democratically entrusted in the state then turns against the freedom of civil society. While the growth of state power for the efficiency and alertness of the state is a tendency that may at first glance appear commendable or even necessary, its consequences can be social atomization, the loss of legitimacy, and even a decline in social cohesion.

The legitimizing function of civil society also serves to counter yet another risk — the danger of the loss of legitimacy on the part of the state and its political institutions. The democratic state loses the loyalty of its citizens when it is incapable of apprehending their interests. Without the trust of the citizenry, the state and political institutions cannot effectively and democratically operate and govern, the laws of the state cease to be effective, and the entire political system is put in jeopardy. But to establish and maintain the necessary ties of trust between citizens and the state, political parties are inadequate. The low level of trust in political institutions among citizens is cited by many as the main obstacle in the democratic transformation of the post-communist CE states. If political institutions

1 Tocqueville A. de. *Democracy in America*. New York: Doubleday, 1968.

lose their legitimacy the probable consequences are a decline in political participation, the unregulated growth of state power, the deterioration of social cohesion, and the emergence of social cleavages.

The third risk of modern democracy is a decline in political and civic participation and a reduction of the public's ability to influence the processes of public decision. This may of course be a result, for example, of alienation from political institutions owing to their loss of legitimacy. Declining participation establishes generally inauspicious conditions, which tend only to be favorable to the reinforcement of oligarchic tendencies. The fewer acute problems that civil society is capable of solving by itself through the active participation of its members, the more the state must intervene. Furthermore, if what Giddens says is true¹ that a sign of modernity is the fact that self-realization becomes a fundamental factor in the formation of individual identity, then there is a direct link between civic participation and group or individual identity, and a decline in civic participation can thus ultimately lead also to the serious erosion of social cohesion.

Finally, there is also the danger of social fragmentation, which may result from both centralization and a decline in political and civic participation, as well as from the concomitant increase in political alienation. Development in the CE countries under communism is a good example of this. It was Putnam² and Fukuyama³ who focused the discussion about the quality of civil society in the direction of issues regarding the relationships between interpersonal trust and so-called social capital, which today dominate the discussion of civil society in the United States⁴. The danger of social atomization, as Tocquevill⁵ demonstrated brilliantly, is particularly characteristic of egalitarian societies, and it can produce a tendency towards anomy, the loss of social values and norms, the disintegration of the moral code, and the overall loss of a sense of moral direction. If we speak of a loss of social cohesion, according to Putnam⁶ we are referring not only to a decline in the quality of the social environment but also to

1 Giddens A. *Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity, 1990.

2 Putnam R. *Making Democracy Work*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

Putnam R. *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.

3 Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. NY: The Free Press, 1995.

4 Among many ways of distinguishing social capital Putnam considers one to be the most important — *bridging* and *bonding* social capital, which refer to a certain kind of inclusion and exclusion, in which the former produces a specific type of reciprocity and strong group solidarity, but may also give rise to strong group antagonisms, and the latter creates a more general understanding of reciprocity and identity and may produce more positive externalities. However, according to Putnam it is not a question 'either or', but rather more or less of one or the other.

5 Tocqueville A. de. *Op. cit.*

6 Putnam R. *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.

a decline in the quality of public administration — it is therefore a matter of a political loss.

Social disintegration tends to escalate, and it may result in society finding itself in a vicious circle. A weakened sense of mutual belonging can be both a result and a source of the loss of shared norms, values, and symbols, and the decline in the capacity for self-restraint. Self-restraint is exercised in exchange for the recognition of the common interests of the whole, of which I am a part and whose interests are therefore also my interests¹. The development of a moral vacuum and the disintegration of social norms and shared values can be considered among the greatest risks to the democratic political process. This kind of threat may also be added to the danger of society breaking up into political cleavages and the risk of a significant segment of society becoming alienated from the political system.

Clouding the normative perspective further beneath the proposed configuration, which puts the state and civil society in a somewhat unequal position (civil society-centered analysis), it is possible to silhouette against the basic figure yet another group of four serious risks that pose a threat to the dynamics of civil society and the state. Concerning the protective functional dimension in the relationship between civil society and the state, it was Mill and Tocqueville who first pointed out that just as it is necessary to protect civil society against state power it is also necessary to protect the individual against the will of the majority. As stated above, within the framework of civil society itself serious conflicts can emerge, and not all interests formulated by an independent public are necessarily desirable and beneficial. To summarize, it is not within the power of civil society to safeguard the rights of the individual without effective state power. A danger for civil society and democracy therefore also lies in the weakening of the strength and independence of state authority and the deterioration of the effectiveness of public administration and its capacity for action. A weak state cannot lead to anything but the colonization of state institutions, at best by political parties (partocracy), and at worst by influential interest groups; and most likely by both at once. Pervasive clientelism and the rampant spread of corruption are the only alternatives to the incapacity of the state.

Proceeding along the vertical axis the next risk that can be formulated is that of overloading the process of political decision-making with an excess weight of civic participation. Particularly in the case where the decision-making mechanisms have been weakened this risk can evoke serious problems.

At the right end of the horizontal axis, there is the danger of 'too much trust', to the point where civil society is uncritical of state institutions and where the rational discourse within civil society itself is weakened². This can be both a result and a cause of the weakening of rational discourse in

1 *Taylor Ch. Op. cit.*

2 *Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge: Polity, 1989.*

the sphere of political power. At the left end of the horizontal axis, there is a danger posed by a highly integrated social system, which suppresses the internal pluralism of civil society. Although from a historical perspective it is erroneous to contrast the civic ethos and the national ethos as two contradictory principles, there is no question that for civil society and democracy exalted nationalism represents one of the most serious dangers.

3. The Guarantees of the Functional Dimensions in the Relationship between Civil Society and the State

In conclusion attempts should be made to address the question that forms the basis of the current discussion in the social sciences: how does one build a civil society? Is it possible or even desirable to strive for the advancement of this kind of 'creative chaos' — which emerged in the West and is the product of poorly transplantable historical experience? In my opinion, the former question is fully justified, and however many authors argue that civil society as a concept is unnecessary (Kumar 1993), it is no accident that today it represents one of the most influential concepts in the social sciences. It attempts to approach the contemporary problems of post/modern society with greater sensitivity than other well-known concepts, and it tries to analyze these problems in mutual relationships and their entire complexity.

If we are willing to accept the Marxist principle that the route to desired social change has a little practical effect if it is not accompanied by the possibilities of institutionalization¹, then in Figure 4 we can re-draw the configuration to incorporate the institutional guarantees of the above-mentioned functional dimensions and the institutionalized prevention of the above-mentioned risks. It is, however, clear that the institutional expression of the functional dimensions in relationship between civil society and the democratic state is itself influenced by the counterfactual character of modernity, and therefore,

Figure 4. Guarantees of the functional dimensions in the relationship between civil society and the state

Source: Müller 2006

1 Giddens A. Op. cit.

even in this case, a strict division between realistic and utopian thought is, as Giddens notes, impossible¹.

For each of the four relationships mentioned above, it is possible to distinguish two, often unbalanced, counterpoints, which enter into the relationship and guarantee its vitality and advantageousness. Starting at the top end of the vertical axis, the institutional prevention of the risks of centralization, bureaucratization, and the growth of state power can be found in the active control of political power by an independent public. This requires, among other things, the active development and support of the public sphere by the public itself, including actively cultivating the quality and development of the public space. A key requirement is the guaranteed independence of the media and a pluralist media market, and the establishment of the appropriate mechanisms of public control over the media, especially television.

Moving further along the vertical access of 'freedom', the guarantee can, on the one hand, be the existence of a widely decentralized system of public administration, or, on the other hand, the introduction of particular measures, such as provisions for ensuring transparency and openness of information in public administration. This signifies the direct involvement of the public in public administration and the establishment of new institutional mechanisms aimed at facilitating this. In this connection, Giddens² refers to the democratization of democracy. A positive role could also be played in this by the active participation of the state in the protection of small and middle-sized businesses and the promotion of programs of corporate social responsibility. It is the task of governments to actively protect the market environment and to ensure that global corporations become responsible members of civil societies.

At the very bottom of the vertical axis is the existence of an autonomous civil society with a strong capacity for communication. Among concrete proposals for ensuring this, it is possible to cite the development of a good education system, which is capable of apprehending and cultivating the many varied interests and outlooks of children and students. It is also essential to build up educational democracy and promote literacy in democratic intercourse at schools at all levels. As Putnam claims, the more education there is in general, the more civic participation.

Let us now look at the horizontal axis in Figure 4. Many psychologists claim that the conditions for establishing relationships of trust, which are more of an emotional than a cognitive phenomenon, are formed as part of

- 1 In this connection Giddens mentions the requirement of so-called utopian realism, with reference to the fact that too much utopianism without a foot in social reality can potentially be quite dangerous, while, conversely, too much emphasis on realism can hinder productiveness and innovation if it is not balanced with a certain amount of utopianism and moral conviction. Giddens A. Op. cit.
- 2 Giddens A. *The Third Way*. Cambridge: Polity, 1998.

the primary socialization. Erik Erikson, who is cited by Giddens¹, points to the connection between relationships of trust and the sense of so-called ontological security. A feeling of 'ontological security', which develops during early childhood, is by definition the precondition for personal integrity and healthy mental and personality development. Ontological security represents a sort of trustfulness in the permanence of one's own identity and in the stability of the social and material environment in which we act, a sort of elemental sense of the reliability of persons and things. Erikson considers a sense of ontological security to be a fundamental precondition for establishing relationships of trust in the more complex sense of the word.

Moving along the horizontal axis towards the center we can turn the discussion towards the number of guarantees that can be indicated as the state's means of protecting and maintaining relationships of trust. Among the forms of state protection and cultivation of public trust, it is possible to include the maintenance of professional and moral integrity at 'access points'², i.e. where the citizen is directly confronted with the state. Further could be mentioned the protection of children and the provision of a quality system of children's social aid. While the state cannot secure children's sense of 'ontological security', it can attempt to protect the 'less fortunate' from needless deprivation by, for example, actively working to prevent domestic violence.

We proceed further along the horizontal axis to the left and towards the integrative dimension. Among the many tools of systemic integration are an affirmative action and, where appropriate, the introduction of elements of 'consociational' democracy. Again, it is important that there is institutional progress in issues of education, and that the state takes an active role in fostering tolerance and an understanding of the plurality of opinion³.

Finally, moving further left along the horizontal axis to the outer edge we come to social integration, the formation of social cohesion, and the quality of social interactions. Of course, no reliable guidelines exist on how to produce the social capital and thus also social solidarity and cohesion. The quality of social interactions depends on numerous factors, among the most important of which is without question the role of the family. Putnam⁴ has concluded that the family (and its transformation) probably holds the key to how social capital is formed (and has declined in its power). While a well-functioning, democratic family is something hard to achieve, even so, it is for all that the most reliable remedy for strengthening social capital. Therefore, the state should strive to promote an active policy concerning this issue.

1 Giddens A. Op. cit.

2 Ibid. Sztompka P. *Mistrusting Civility: Predicament of a Post-Communist Society* // *Real Civil Societies*. Ed. by Alexander J. Sage, 1998. pp. 191 – 210.

3 Cohen J. *American Civil Society Talk* // *Civil Society, Democracy and Civil Renewal* / Fullinwider R. Lanham. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 1999. pp. 31 – 54.

4 Putnam R. Op. cit.

There exist numerous ties and repercussions among the four functional dimensions discussed above. It is not always possible to determine without question which risks represent the causes and which the effects of a breakdown in the functional dimensions in the relationship between civil society and the state. It is, however, certain that all of the risks can pose a serious threat to the security and stability of democracy and represent a threat to the level of freedom that has been achieved in the West. The concept of civil society is not motivated by anything less than the effort to seek the guarantees of democratic development. The proposed configuration of this entire issue represents an attempt to grasp the relationship between civil society and the democratic state in all its complexity. It has been inspired by a long list of authors, all of whom more or less draw on Tocqueville's legacy and Giddens' complementary approach to the theory of reflexive modernity. The latter is also the source of the effort in this article to formulate a complementary theory of civil society, i.e. both with a view to the manifestly utopian normative perspective and empirical account with its sense for factuality and readiness to operationalize subject within adequate limits.

4. Conclusions: Thirty Years Down the Road

Let us look briefly at each functional dimension of civil society. Let's start with the integrative dimension. An extremely important factor for all post-socialist countries is a low level of social cohesion and a low level of interpersonal trust. Interpersonal trust in some western countries is 2–3 times higher than in CE. This foretells a major challenge for civic participation, since a low level of interpersonal trust translates into a low level of trust in effective collective action.

Regarding the legitimacy of institutions, all of the post-socialist countries are characterized by a low level of trust in the legislative branch, and a relatively high level of trust in "single person" institutions. The Czechs show a relatively high level of trust in the president, although he is a weak political figure. Regrettably, the credibility of parliament in all CE countries remains very low, which is not changing much. Also, if we compare the CE countries with some western democracies, we can see a clear inverse relationship between trust in parliament and trust in government. In the CE countries, people tend to trust in the government more than in parliament, while in most western countries (and in the Nordic countries in particular), it is the other way around. In parliamentary democracies, the legitimacy of parliament is direct and primary, whereas the legitimacy of government is mediated and secondary.

The question is, what does it mean if the people of a parliamentary democracy do not place their trust in their most important institution? The situation seems unsustainable, like a perfect storm looming above the horizon. And why is this the case? Of course, the institutions very often fail or underperform, but if we face a low level of public institutional

trust, as a stereotyped pattern of political behavior, we find ourselves in a vicious cycle.

In 2016, we surveyed three “happy” Czech towns that demonstrated fairly effective governance and very progressive political leadership. Even here, we discovered a relatively low “culture of discussion”, the prevalence of protest-like participation based on negative feedback only, and an extremely negative attitude towards politics, which we did not expect at the local level¹. The level of stigmatization of politics in all CE countries remains high, and the specially elected institutions are still perceived as forms of repression and treated with disrespect. But in liberal democracies, institutions are treated with respect and perceived as protective and supportive. People should not rebel against established institutions, but rather act (and, of course, also protest) within an established institutional and legal framework. Citizens need to identify with their institutions, and they should feel responsible for the shape they are in and how they perform. And if they are not happy, there is a spectrum of guaranteed rights and freedoms with respect to how to call their institutions to account. I know that this is an idealistic view, but the stereotypical “post-authoritative” perception (and treatment) of institutions as mere platforms for the abuse of power and repression undermines institutional openness and flexibility. Simply put, it undermines institutional reflexivity.

The public image of “being a politician” is not getting any better. According to the results from our study², you can see that half of the respondents are convinced that “politics is a dirty business”, and if we look at the situation on a larger scale, we can see that over the last 25 years, a member of parliament is seen as having the lowest level of professional prestige, on par with, for instance, janitorial staff.

The stigmatization of politics goes hand in hand with a very low level of interest in politics and public affairs as a whole. According to the OECD (2006) survey, young people in post-socialist countries are among the most apolitical youth in the EU, with the Czech Republic holding the second-to-last position, and only Lithuania placing lower.

The abuse of political power is an increasing problem for many Czechs. According to the Corruption Perception Index conducted by Transparency International, the Czech Republic, along with Hungary and Slovakia, are characterized as countries with quite a high level of corruption, scoring below the EU average.

We can of course dismiss empirical indices, but the political reality cannot be so easily disregarded. Since 2013, the Czech Republic has been facing a harsh challenge with the corporate mogul Andrej Babiš, who served as finance

1 Müller K.B. *Dobré vládnutí ve veřejném nezájmu*. Sociologické nakladatelství (SLON): Praha, 2018.

2 Ibid.

minister, and since 2017 has even risen to the position of prime minister. There is striking evidence that he has been using and abusing the state to further his private economic interests, and to do so, he is willing to undermine the authority of any liberal principal or control mechanism, most worryingly the rule of law, the principle of checks and balances, and the separation of powers. He is also undermining the role of the independent media, since after his entry onto the political stage, he bought a large chunk of various media outlets to provide backing for his political maneuvering. He is undoubtedly in a paramount conflict of interest, and by denying this, he is discrediting the legitimacy of liberal democracy in the Czech Republic altogether.

To understand the essence of his conflicts of interest, we can use the approach of Niklas Luhmann¹ to modernity. His concept addresses the separation of “means of power” in modern societies. In modern societies, we can distinguish four autonomous spheres — market, civil public, politics, and the sphere of intimacy and family. Each of these spheres is based on (or established around) a different “media of power”: the market on money, civil public on knowledge, politics on reputation or trustworthiness, and the familial sphere on love. Many people consider money to be a universal measure of influence, and they are also trying to apply such means of money in those spheres where they should not. In other words, these spheres (public, politics, and family) are based on principals and values, which cannot be bought or sold, and where “power” is organized, mediated, accumulated, etc. by different logic and dynamics. If we let money massively interfere with the sphere of public and politics, we are risking the devaluation of trust and knowledge. This is exactly what the current Czech prime minister is doing.

What should be done? Definitely to defend the already existing foundations of Czech liberal democracy, we need to look after those foundations, no matter how shallow they seem. Politically speaking, Czechs need to improve the cooperation of opposition political parties to effectively defend the existing buttresses of liberal democracy, and ideally to win the next general election, and to oust Andrej Babiš from executive power.

To conclude on a more positive note, I do like the slogan: “V4 — Reasonable Europe”, which the Czech Republic chose to herald the start of its presidency of the Visegrad Group. I fully support it, but if we want to build a “reasonable Europe”, we must first learn how to reason, how to discuss problems, and to confront the plurality of interests. The Czech Republic and other post-socialist countries of CE face a lack of a conflict resolution culture, and this resonates throughout society in its entirety. They need to learn how to manage their political (and civic) conflict more productively, which would qualify these countries to become fully-fledged members of the EU.

1 *Luhmann N. Sociální systémy. Brno: CDK, 2006.*

REFERENCE

- Cohen, J. (1999). American Civil Society Talk, in: R. Fullinwider (ed.) *Civil Society, Democracy and Civil Renewal*. Lanham/New York: Rowman & Littlefield Publishers, pp. 31–54.
- Cohen, J., Arato A. (1992). *Civil Society and Political Theory*. Cambridge, MA : MIT Press.
- Dahrendorf, R. (1990). *Reflection on the Revolution in Europe*. London: Chatto and Windus.
- Fukuyama, F. (1995). *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. NY: The Free Press.
- Fullinwider, R. (ed.) (1999). *Civil Society, Democracy and Civil Renewal*. Lanham/New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Giddens, A. (1990). *Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity.
- Giddens, A. (1998). *The Third Way*. Cambridge: Polity.
- Habermas, J. (1989). *Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: Polity.
- Keane, J. (1988). *Civil Society and the State*. New York: Verso.
- Keane, J. (1998). *Civil Society: Old Images, New Visions*. Cambridge.
- Kumar, K. (1993). Civil Society: An Inquiry into the Usefulness of an Historical Term, in: *British Journal of Sociology*. № 44 (3). pp. 375–379.
- Luhmann, N. (2006). *Sociální systémy*. Brno: CDK.
- Müller, K.B. (2006). The Civil Society-State Relationship in Contemporary Discourse: A Complementary Account from Giddens Perspective, in: *The British Journal of Politics & International Relations*. № 8(2). pp. 311–330.
- Müller, K.B., Skovajsa, M. (2009). From Reflections on Post-Communism to Perspectives on Europeanization: Democracy and Civil Society in Central Europe, in: *International Political Science Review*. № 30(5). pp. 501–517.
- Müller, K.B. (2018). *Dobré vládnutí ve veřejném nezájmu*. Sociologické nakladatelství (SLON): Praha.
- Putnam, R. (1993). *Making Democracy Work*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Putnam, R. (2000). *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Seligman, A. (1992). *The Idea of Civil Society*. New York: Free Press.
- Shils, E. (1991). The Virtue of Civil Society, in: *Government and Opposition*. № 26(1). pp. 3–20.
- Sztompka, P. (1998). Mistrusting Civility: Predicament of a Post-Communist Society, in: Alexander J. (ed.) *Real Civil Societies*. Sage. pp. 191–210.
- Taylor, Ch. (1990). Modes of Civil Society, in: *Public Culture*. № 3 (1). pp. 95–117.
- Tester, K. (1992). *Civil Society*. London: Routledge.
- Tocqueville, A. de (1968). *Democracy in America*. New York: Doubleday.

Роль гражданского общества в либеральных демократиях. Чешская республика спустя 30 лет

Автор. Карел Мюллер, Ph.D, профессор, заведующий кафедрой политических наук факультета международных отношений, Экономический университет в Праге. E-mail: karel.muller@vse.cz

Аннотация. Главная дилемма посткоммунистических стран Центральной Европы заключается в создавшемся противоречии между демократическими преобразованиями как попыткой построить гражданское общество и укрепить верховенство закона на национальном уровне, с одной стороны, а с другой – европеизацией как следствием глобализации, делающей национальное государство устаревающим явлением. Спустя 30 лет после демократических реформ страны ЦЕ находятся на полпути к завершению демократических преобразований, если отталкиваться от знаменитого пророчества Р. Дарендорфа. Он сказал, что этим государствам необходимо не менее 60-ти лет, чтобы обустроить гражданское общество. На данный момент, с точки зрения создания либеральных и демократических институтов, среди постсоциалистических стран Вишеградской группы можно наблюдать тревожные тенденции и отход от предшествующих достижений. По мнению автора статьи, подобный откат является главной угрозой демократии в странах ЦЕ (и за ее пределами), где, по словам политологов, наблюдается «институциональный захват» (institutional capture) или «захват государства» (state capture).

Ключевые слова: гражданское общество, Центральная и Восточная Европа, Чехия, Вишеградская группа, либеральная демократия.

Evolution of Ideological Discourse on post-1989 Society in Slovakia

Peter Dinuš, Dominika Dinušová¹

Abstract. After 1989, former Czechoslovakia underwent a fundamental social transformation, which manifested itself not only in political and economic systems, but also in ideological discourse. Materialist perception of social processes was replaced by an idealistic perspective. The dichotomy between totalitarianism and democracy became the central mental construct. The problem found its reflection in pertinent legislative acts, historiographical and other official social-science production within the so-called coping with the past. How should one read the dramatic shift in ideological discourse of contemporary Slovak society as compared to that permeating the pre-revolutionary socialist society? Is the answer to the question determined by the selected scientific methodology? Or is it contingent on the prevailing political relations that engender a particular type of ideology?

Key words: ideological discourse, society, Slovak left, Slovak right, social sciences.

In the early 1990s, Czech and Slovak society found itself in a new political situation. The political changes in 1989 represented a qualitative transformation of social order, which, in the following period, took place not only in the economic but also in the ideological arena. Economic transformation became a prerequisite for the change in the perception of social reality. The struggle for history, science and art began, spawning until then unprecedented interpretations of historical contexts, which presented social reality in a new form. The ambition was to pursue a pluralistic, objective and independent grasp of social reality, which would not be contaminated by political commitment or a single political doctrine. Such were the visions, with such resolutions Slovak society entered new horizons of a different social order 30 years ago. After three decades of implementing the «project» of independence and applying «democratic» rules across a broad social spectrum, it is now time to ask many questions: were the ambitions of 1989 real? Were they fulfilled? Are we now part of an objective independent science, of a free public political space, or are we, under the guise of

© **Dinuš Peter** – PhD, an independent researcher at the Institute of Political Sciences of the Slovak Academy of Sciences in Bratislava (Slovak Republic). E-mail: peter.dinus@savba.sk

© **Dinušová Dominika** – PhD, Department of Social Sciences, Academy of Police Force in Bratislava. E-mail dominika.dinusova@minv.sk

¹ The study has been released as a partial result of the joint scientific VEGA project of the Ministry of Education, Science, Research and Sports of the Slovak Republic and the Slovak Academy of Sciences, No: 2/0152/20, *Developmental trends of current capitalism: contradictions and conflicts*.

«independence» and objectivity, presented with a one-sided and dependent vision of social aspects?

In the early 1990s, Indian economist Prabhat Patnaik pointed out that the notion of imperialism, which had until then been frequently used in public debate and in professional discourse, gradually disappeared from scientific journals. He wrote: «The radical outrage at the invasion of Panama, or the sponsored wars in Nicaragua and El Salvador, did not give a solid form to theoretical articles on imperialism. This theme disappeared from Marxist periodicals, especially from those that later became top-ranking»¹. During the 1990s, the term «imperialism» was gradually replaced with the new terms – «globalization» and «global capitalism». Regardless of the content and social implications of the change in the terminological apparatus of describing reality, this particular example demonstrates the trends in ideological development. The new era required new concepts. Apparently, relabelling social phenomena was supposed to suggest a new reality, one freed from the deposits of historical facts that exposed the essence of new socio-economic relations setting in. While ridding the concept of imperialism of its negative connotations is hard for it will always conjure up violently enforced dominance, the concept of globalization evokes a conciliatory perception of social reality in the sense of an evolutionary process. We perceive globalization as a developmental phase of humanity – a new stage emerging from the current context of the information age, an irreversible and so to speak a natural part of the evolution of human history. The concept of global capitalism or globalization limits the room for reflection on social change; it is neither possible nor necessary to overthrow it by means of revolution or replace it with a new socio-economic order as it is part of the natural progress of humanity. At the dawn of the 21st century, social disparities, deepening social polarization, fatigue due to overwork, exploitation and militarism are problematized from the positions that do not question the economic doctrine of new relations. Their solutions are pushed out of the economic sphere and into the field of ethics — they are becoming a subject of innovative theories of justice or are articulated through the moral requirements of recognition.

This scientific study will focus on the evolution of ideological discourse on society in Slovakia, which has embodied these generally outlined prevailing tendencies of the perception of the present. The ideological shift in Slovakia will be discussed at three different levels: firstly, we will focus on the political area, namely on the ideological foundations of the right and the left in Slovakia and secondly, on an area that explains, describes and analyses political and social developments. Finally, we will analyse the development of social science discourse in Slovakia, the theoretical treatment of political aspects of contemporary Slovak society and the promotion of

1 Patnaik P. Whatever Has Happened to Imperialism? // Social Scientist. 1990. № 18. pp. 6–7.

ideological concepts explaining social reality in the academic environment. The interplay between these areas is noticeable in the face of the fundamental post-November 1989 socio-political changes. These in turn have been reflected in the shifts that have occurred in the existing concepts, theories and official evaluations.

Ideological background of the Slovak right

On the part of the agents of socio-political change, the November coup was legitimized by the struggle for freedom, democracy, political and opinion pluralism and the rule of law. Political aspects thus became a criterion for assessing socialism. Playing up general political criteria and using a rhetoric based on words like truth, love, freedom, democracy, free elections, the rule of law, human and civil rights, representatives of the new government had not made an explicit mention of the word «capitalism» for a rather long time, replacing it (which they still do) with the term «market economy». A certain part here was played by the awareness that the word «capitalism» was synonymous with an evil and socially unfair regime among the general public. During the November 1989 events, the vast majority of population wanted some form of socialism, or rather a third way between socialism and capitalism. Thus, people continued to believe in the ideas of socialism (such as, for instance, socially just and solidarity-based society, the right to work or fundamental equality between people).

The fundamental shift in the principles of organization of Slovak society brought about some extreme reactions to the past state of society and the historical need for its change. One of such reactions was a dichotomy resulting from the concept of totalitarianism, which yielded a vulgar distinction between «totalitarianism» (pre-November system) and «democracy» (post-November system), where within the notion of «totalitarianism» another dichotomy emerged, that of an «evil» regime, imported from abroad as opposed to «a good society», violated by that regime¹.

What is more, a number of other dichotomies emerged: an administrative-directed economy versus maximum liberalization; state «paternalism» as opposed to the individual's sole responsibility for his or her life; the dominant role of the State versus the minimum State; the idea that the state-owned economy and state ownership are always inefficient and that only private ownership guarantees economic rationality; the view that privatization is harmful on the one hand and the idea that everything needs to be privatized on the other; the view that foreign capital threatens national interests has been opposed with one that foreign capital is more efficient than domestic capital; «get rich however you can» as opposed to the former egalitarianism and more (Weiss 2005: 74). Between these and other poles of

1 Pullmann M. Sociální dějiny a totalitněhistorické vyprávění // Soudobé dějiny XV/3-4. Institute for Contemporary History AS CR. 2008. pp. 703 – 717.

perception based on the previous organization of society and ideas about the shape of a new society, identification of the political circles and population took place with specific proposals for change in the organization of society or rejection of these proposals¹.

Building on the controversial theory of totalitarianism, the right managed to assert the idea of semantic proximity of Nazism to «communism». In the form of the Act of the National Council of the Slovak Republic on the Establishment of the Nation's Memory Institute, this idea was elevated to a state ideology. It acquired a legal form, which became an instrument of a unilateral interpretation of Slovak, or rather Czech-Slovak post-war history. This Act defined a «period of non-freedom» which included not only the so-called Prague Spring and people's democracy – a period between 1945–1948, but also the Slovak National Uprising². The anti-fascist struggle of the Slovak rebels and the liberation from fascism by the Red Army represented an illegitimate period of non-freedom (!).

Equally characteristic was, for instance, uncritical adoption of American role models in the transformation of the economic and legal system, dismissal of certain features of the European Union's organization such as socially and ecologically oriented capitalist economy (the European social model) as purely socialist products, the turning of anti-Sovietism into a priori mistrust of Russia and rejection of the idea of strengthening European defence and security identity, seen as an inevitable threat to the North Atlantic Pact (NATO)³.

To a large extent, the ideology of the right has been characterized by criticism of «populism» and «etatism». This criticism was inspired by the rule of the Movement for Democratic Slovakia led by its chairman V. Mečiar. His style of governance and political ideas provoked a strong reaction — «anti-mečiarism» in the right-wing liberal circles. Criticism of Mečiar's administration in the right-wing ideology was ideologically based on modelling, which in the form of the theory of totalitarianism acted as a foundation for

1 Ibid. P. 74.

2 Even though the day of the declaration of the Slovak National Uprising (SNP) is a public holiday, appreciation of its significance in post-November Slovak society has suffered considerably. In addition to the «revisionist» interpretations of the uprising (especially in the Nation's Memory Institute), excessive influence of the privileged Roman Catholic Church, recognition of A. Hlinka and associated attempts to exonerate the Ľudák regime and the wartime Slovak State labelled as «the First Slovak Republic», this situation was also compounded by Act No. 219/2006 Coll. on the anti-communist resistance, which indirectly legitimized Tiso's clerical-fascist regime. Under this law, the «anti-communist resistance» allegedly began on October 6, 1944; i.e., during the Uprising. The «anti-communist resistance» thus turned into a struggle against anti-fascists, since their large, if not decisive, part were either communists or communist sympathisers. In this sense, the «anti-communist resistance» was led by the Tiso regime itself, whose security forces cooperated with Nazi Germany or with members of the anti-partisan terrorist units.

3 Weiss P. K problematike postkomunistickej identity // Teoretické prístupy k identitám a ich praktické aplikácie / Ed. by J. Marušák, M. Ferencová. Veda, Bratislava, 2005.

discrediting the ideology of «communism». The right-wing thinking here swayed within the manicheistic boundaries of two basic models: «evil» (non-democratic, authoritarian, intolerant, non-transparent) and «good» (democratic, civic, tolerant, transparent). While parties being in opposition to Mečiar were to represent the model of democratic or social transition, Mečiar's government, by contrast, deviated from this model. The same premises in the ideology of the right that served to criticize and blame Mečiar's administration are now used to criticise and blame the current government of R. Fico. Again, the assumption is that there is a model of liberal-democratic regime, which should be protected by «civil-democratic» parties and which is interfered with by R. Fico. While (populist) Mečiar undermined democracy, (populist) Fico taints the democratic atmosphere in society, impairs the quality of the country's democratic political environment, or seeks to use economic crisis to delegitimize the opposition¹. Fico is criticized and rejected for paternalism, etatism, nationalism, confrontational political style, partocracy, lack of transparency (public procurement), clientelism, selectiveness, inefficiency, corruption, for insensitive state intervention in the economy that may distort it, for non-standard anti-crisis policy. By contrast, representatives of «civil-democratic» parties are decent, they take a critical stance, offer alternative solutions and are non-confrontational, as are «independent» media, «independent» institutions and «independent» experts. At the same time, in their resistance to Fico (like previously to Mečiar) they allegedly speak on behalf of society.

As claimed by the Slovak right, the main benefit of the change is the amount of GDP, which, according to American political scientist A. Przeworski, affects the quality of democracy². Apart from the idea of measuring the quality of democracy, it is characterized by subscribing to the civic principle, understood as the antithesis of the national principle.

Consolidation of the positions of the right and conservatism went hand in hand with the rise of the influence of religion following the capitalist restoration in 1989. Recognition of the social and legal status of the Church as a public institution facilitated gradual clericalization of Slovak society in the 1990s³. The demand of the dissidents and protagonists of the November coup for the separation of church and state was soon abandoned. Clericalization received its constitutional and legislative framework. This was

1 Ibid. 18–19.

2 According to the argument of the American political scientist of Polish origin, A. Przeworski, as soon as GDP reaches a certain level in the country and the country is democratic, it is very unlikely to slip back into the authoritarian regime. In support of his argument he quotes the following: Slovakia's GDP per capita is now higher than that of Greece or Argentina in the 1970s, when these democratic countries slipped back into authoritarianism. Thus, the Slovak Republic (and the Czech Republic) are countries «condemned to democracy».

3 For more detail see: Tižik M. Vplyv právnej regulácie na rozvoj náboženského života v SR // Sociológia. 2005. Vol. 37. No. 1. P. 71.

significantly aided by the signing and approval of the «Basic Treaty between the Slovak Republic and the Holy See» in 2000. Incidentally, clericalization occurred in contravention of Article I of the first chapter of the Slovak Constitution, which declares that as a sovereign, democratic and legal state, the Slovak Republic is not bound to any ideology or religion. In such a case, the State should not associate with any organization based on religious or other ideology, should remain impartial in world-view matters, and there should be no official religious ideology. However, the reality is fundamentally the opposite. Religious concepts are portrayed as traditional and family-based (read: patriarchal) values that must be preserved as the essence of national identity and cultural sovereignty.

Ideological premises of the Slovak left

In the wake of the post-November crisis of solidarity of society and of the systematic destruction of social protection and social benefits, the left ideology was characterised by its focus on the theme of social solidarity and social cohesion policy, consisting in preserving the elements of the surviving welfare state. The latter continues to be perceived as «a living idea and a living practice, past and present»¹. The key issue is the practical question of how Slovakia will sustain its social model and what should be chosen as the basic strategy for its own development. In other words, how social democratic policy will be able to withstand the pressure of the right for the eradication of the welfare state by privatizing everything that is privatizable, from infrastructure to public services, which — to the ordinary citizen — means paid healthcare, education, private insurance of occupational and social risks². The post-1989 ideology of the left made efforts to implement in politics a socially acceptable «reform» of the economy; this was done because, in terms of Slovakia's stability, further escalation of social disparities could endanger the «reform», or more exactly, the «transition» process. From the perspective of the European Union, the Slovak left-wing thinking is opposed to the promotion of the neoliberal concept of integration, which reinforces not only inequality between poor and rich individuals and social groups, but also inequality between poor and rich countries and regions.

Communists, who adopted the political strategy of anti-system opposition, were (and still are) opposed to the November and post-November changes, denying their historical legitimacy; they are convinced that the victory of capitalism is only temporary, they reject the transatlantic orien-

1 *Faič V.* Úvodné vystúpenie // Sociálny štát – praktická politika a programové výzvy pre sociálnu demokraciu. ASA. Bratislava. 2005.

2 *Zala B.* Teoretické východiská sociálneho štátu // Sociálny štát – praktická politika a programové výzvy pre sociálnu demokraciu. Inštitút ASA, v spolupráci s Konfederáciou odborových zväzov Slovenskej republiky, Friedrich Ebert Stiftung, zastúpením v Slovenskej republike, Renner Institut. Bratislava, 2005.

tation and question the economic and political integration trends in Europe, Slovakia's membership in NATO and its participation in the occupation of foreign countries. In reaction to the condemnation of socialism, the communists have begun to think that the past regime was a regime like any other, with its flaws and shortcomings, that structural violence is an inherent part of any political system, that its forms only differ in context and in the ways of its legitimisation, that there is no regime in which violence is ruled out and is practically non-existent, in which (albeit in a minority of cases) there is no violation of human and civil rights. In opposition to the right-wing conservative understanding of «communism» as a phenomenon fundamentally alien to the traditional Slovak setting, as something that was inorganically enforced, implanted from the outside (from the Soviet Union), they believe that socialist ideological perception is inherently domestic, belonging to the Slovak tradition, a phenomenon that has grown organically in the Slovak setting as part of the domestic cultural-social tradition.

Reflection on the political and social situation in Slovakia in social sciences

After 1989, description and explication of social aspects (as a follow-up to political realities) began to take place in different theoretical terms to those used previously. In contrast to the materialistic grasp of social relations, idealistic understanding started to take shape and assert itself as a result of the change in socio-economic order. This has become a platform for official social science discourse, permeating other social areas (education, culture and art). The incongruity between the reality of grave social problems — poverty, unemployment, exploitation, inadequate health care, inaccessibility of basic social services, which are determined by citizens' ability to pay and which have been put out of reach for the majority of the population, have led to a gradual interest of academia in bringing the methodology of dialectical materialism up to date. Alongside the prevailing idealistic perception, we have seen a growing interest in Marxism over the past 10 years.

The science research project *Marx and social changes after 1989*¹ with related research activities, focusing on the theoretical analysis of social processes in contemporary capitalism using Marxist methodology, has been a milestone that embodies Marxist reflection of social reality in social science discourse. This work involves several publications by a team of authors, including *Spor o Marxa* (Dispute over Marx)², *Svet v bode obratu* (The world at the turning point)³, *Revolúcia alebo transformácia?* (Revolution or

1 Dinuš P. et al. *Marx and Social Changes after 1989* // *Filozofia*. 2011. Vol. 66. № 2. pp. 197–201.

2 *Takáč P., Dinuš P.*, et al. *Spor o Marxa*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 2011.

3 *Dinuš P.* et al. *Svet v bode obratu*. Vydavateľstvo: VEDA SAV, 2019.

transformation?)¹, *Október 1917 a súčasnosť* (October 1917 and the present)² and others. Interest in revising the Marxist analysis to adapt it to the contemporary social situation or in the historical-philosophical treatment of this theoretical tradition is also observed in independent scientific works, of which those worth mentioning include *Vyrovňavanie sa s minulosťou?* (Coping with the past?)³, *Späť k Marxovi?* (Back to Marx?)⁴, *Politika bez masky* (Politics without a mask)⁵, *Zabudnúť na Marxa* (Forgetting Marx)⁶ and others.

Critical discourse on capitalism found its outlet in the systemic questions of feasible alternatives to the ruling capitalism, the questions of economically viable and ethically compliant economic models based on economic democracy or participatory economics (the so-called parecon). The debate over systemic alternatives to capitalism touches on a wide range of subjects in the economic, social and political spheres. This line of thought has not been new in our country; as early as the 1940s, President of the Democratic People's Republic of Czechoslovakia E. Beneš came to the conclusion that political democracy ought to be supplemented by economic democracy. In a similar vein, some social democrats reasoned that it was due to the absence of economic democracy in the post-1918 period that the fascist forces were able to launch an attack on democracy and freedom of nations.

Through focusing on the issues of formulating the visions of socio-economic development in the future, visions based on the assumption that the optimistic version of globalized capitalism is heading for a collapse, a theme has emerged which, with the deepening of disparities and contradictions of the capitalist society may, in the long run, cut across the entire society. The time will show.

REFERENCES

- Blaha, L. (2012). *Späť k Marxovi?* [Back to Marx?]. Vydavateľstvo: Veda.
- Dinuš, P. (2015). *Politika bez masky* [Politics without a mask]. Vydavateľstvo: Veda.
- Dinuš, P., Hohoš, L., Hrubec, M. (2014). *Revoluce nebo transformace? Revolúcia alebo transformácia?* [Revolution or transformation? Revolution or transformation]. Praha-Bratislava: Filozofia.
- Dinuš, P. et al. (2011). Marx and Social Changes after 1989, in: *Filozofia*. Vol. 66. No 2. pp. 197–201.
- Dinuš, P. et al. (2019). *Svet v bode obratu* [The world at the turning point]. Vydavateľstvo: Veda SAV.
- Dinuš, P. (2011). *Vyrovňavanie sa s minulosťou?* [Coping with the past?] Vydavateľstvo: Veda.
- Faič, V., (2005). *Úvodné vystúpenie* [Keynote address], in: *Sociálny štát – praktická politika a programové výzvy pre sociálnu demokraciu* [Welfare State — Practical Policy and Program Challenges for Social Democracy]. ASA. Bratislava.

- 1 Dinuš P., Hohoš L., Hrubec M. *Revoluce nebo transformace? Revolúcia alebo transformácia?* Praha-Bratislava: Filozofia, 2014.
- 2 Dinuš P. et al. *Október 1917 a súčasnosť*. Vydavateľstvo: VEDA, 2018.
- 3 Dinuš P. *Vyrovňavanie sa s minulosťou?* Vydavateľstvo: VEDA, 2011.
- 4 Blaha L. *Späť k Marxovi?* Vydavateľstvo: VEDA, 2012.
- 5 Dinuš P. *Politika bez masky*. Vydavateľstvo: VEDA, 2015.
- 6 Novosad F. *Zabudnúť na Marxa*. Vydavateľstvo: IRIS, 2018.

- Novosad, F.* (2018). *Zabudnúť na Marxa* [Forgetting Marx]. Vydavateľstvo: IRIS.
- Dinuš, P.* et al. (2018). *Október 1917 a súčasnosť* [October 1917 and the present]. Vydavateľstvo: Veda.
- Patnaik, P.* (1990). Whatever Has Happened to Imperialism?, in: *Social Scientist*. #18. pp. 6–7.
- Pullmann, M.* (2008). Sociální dejiny a totalitnéhistorické vyprávění [Social history and totalitarian-historical narrative], in: *Soudobé dejiny XV/3–4*. Institute for Contemporary History AS CR. pp. 703–717.
- Takáč, P., Dinuš, P., et al.* (2011). *Spor o Marxa*. Bratislava : Veda, vydavateľstvo SAV, 2011.
- Tížik, M.* (2005). Vplyv právnej regulácie na rozvoj náboženského života v SR [The impact of legal regulation on the development of religious life in Slovakia], in: *Sociológia*. Vol. 37. No. 1.
- Weiss, P.* (2005). K problematike postkomunistickej identity [The issue of post-communist identity], in: *Marušiak, J., Ferencová, M.* (eds.) *Teoretické prístupy k identitám a ich praktické aplikácie*. Veda, Bratislava.
- Zala, B.* (2005). Teoretické východiská sociálneho štátu [Theoretical Background of the Welfare State], in: *Sociálny štát – praktická politika a programové výzvy pre sociálnu demokraciu*. Inštitút ASA, v spolupráci s Konfederáciou odborových zväzov Slovenskej republiky, Friedrich Ebert Stiftung, zastúpením v Slovenskej republike, Renner Institut [ASA Institute, in cooperation with the Confederation of Trade Unions of the Slovak Republic, Friedrich Ebert Stiftung, Representation in the Slovak Republic, Renner Institut Vienna]. Bratislava.

Эволюция идеологического дискурса об обществе после 1989 года в Словакии

Авторы. Динуш Петер, PhD, независимый научный работник Института политических наук Словацкой академии наук. E-mail: peter.dinus@savba.sk

Динушова Доминика, Ph.D., Кафедра общественных наук, Полицейская академия в Братиславе (Словакия). E-mail: dominika.dinusova@akademiazp.sk

Аннотация. После 1989 года государства, появившиеся на территории Чехословакии, претерпели фундаментальные социальные преобразования, которые проявились не только в политической и экономической системах, но и в идеологическом дискурсе. Материалистическое восприятие социальных процессов сменилось идеалистической перспективой. Дихотомия между тоталитаризмом и демократией стала центральной ментальной конструкцией. Проблема нашла свое отражение в соответствующих законодательных актах, историографических и других официальных исследованиях об обществе в рамках т.н. примирения с прошлым. Как следует понимать драматический сдвиг в идеологическом дискурсе современного словацкого общества в сравнении с дореволюционным социалистическим обществом? Возможно ли найти ответ на вопрос в рамках выбранной научной методики? Или это зависит от преобладающих политических отношений, порождающих определенный тип идеологии?

Ключевые слова: идеологический дискурс, общество, словацкие левые, словацкие правые, социальные науки.

«Trans» without «Formation» — Reloaded. The Social Models of the Eastern and Central European Countries

Jody Jensen

*The complexity of the task facing us is akin to transforming
a Trabant into a Mercedes while speeding down a highway.
Elemér Hankiss*

Abstract. Although Europeans may have a common history, it cannot be said that we have a shared history. There are important differences in the way history was and is experienced, in social development, and also in terms of legacies. Many analyses of the complex and inter-related social, political and economic changes of the transformation in East and Central Europe have overlooked important criteria. They explain the process of transformation simplistically as a switch of economic models and ignore the fact that there are substantial differences between functioning market economies that are the result of different development processes. The opportunity that 1989 offered was not simply the introduction of functioning market economies, but to implement the much-postponed process of economic modernization in the region. The transition from a planned economy to a market economy should not have been viewed as the goal, but rather as the instrument for successful modernization. As economic transformation progressed, it became evident that any visible pattern of transformation must contain three elements: 1) the rules and institutions of the market economy, 2) a strategy for modernization (in terms of infrastructure), with 3) elements of the socialist heritage, mostly social welfare and education.

Key words: migration crisis, social welfare models, transformation, work state.

A Common but not Shared History

The texture and character of the transformation in the post-communist countries never had time to fully realize renewal in a nested and protective shell (as was the case for Western Europe after WW II, protected by the military and economic might of the US) to rebuild societies, politics, and psyches after 1989. This has consequences for social attitudes and policies today.

Although Europeans may have a common history, it cannot be said that we have a shared history. There are important differences in the way history was and is experienced, in social development, and also in terms of legacies. All too often remembrance of the double dictatorship in East and Central Europe, i.e., Nazism and communism, is minimized at best and mostly and usually ignored. This heritage of the 'double dictatorship', which a close colleague has said is hard to emerge from a virgin, has serious and long-reaching implications for democracy and social policy in the region today. For example, there are profound differences in the perception of the word 'social' in Eastern and Western Europe. On the one hand, people in post-communist countries were reluctant to relinquish a rather high level of social protection and 'security' in terms of employment and education that the previous regime provided. On the other hand, as another Hungarian colleague of mine who often works in Brussels commented: «You cannot mention socialism in a negative context in Brussels».

There was no historical precedence for what took place in the region of East and Central Europe after 1989 — «there was no coherent model or template according to which the transformation was to be conducted»¹. The chaotic multitude of changes in the region continually demanded a variety and flexibility of responses which fluctuated from day to day. This created the potential for innovative and creative interventions on the part of social entrepreneurs, for example, but also lead to grave dangers like the lack of national oversight for healthcare services and institutions.

What mainly occurred, due to international political pressure, was the adoption of a western model, with only a very superficial and not very deep reflection on a possible 'third way' that could have possibly better-suited the long-term development goals of the region as a whole, tailored to different specific national contexts. What we got was called 'shock therapy' which Greeks may recognize clearly and painfully today. In fact, «Greece should indeed learn from the Central European example, by the way sailors learn to avoid shipwrecks by steering clear of treacherous rocks»².

For some³, welfare states in East and Central Europe developed within a liberal regime, but were based on a mixture of social insurance and social assistance with the partial privatization of social policy. For others, social policy is described, rather, as a kind of « 'emergency policy-making', a reca-

1 *Offe C.* Lessons Learned and Open Questions. Welfare state building in post-communist EU member states. Eurozine. 28.01.2010. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2010-01-28-offe-en.html> (accessed: 18.03.2018).

2 *Hossó A.* The West must stop bullying Hungary and Central Europe. 10.10.2015. URL: <http://www.capx.co/the-west-must-stop-bullying-hungary-and-centraleurope/> (accessed: 18.03.2018).

3 *Ferge Z.* Welfare and 'Ill-Fare' Systems in Central Eastern Europe // Globalization and European Welfare States: Challenges and Changes. Ed. by Sykes R., Palier B., Prior P. M., Campling, J. New York: Palgrave, 2001. pp. 127–153.

librating of existing institutions under economic and political constraints, according to a pattern of *ad hoc* measures and *bricolage*, with many turns, a high degree of volatility ... adopted in the various countries that differed both from each other and from the existing, ideologically somewhat consistent welfare states in Western Europe, be they of the 'social democratic', 'conservative' or (neo)liberal variety»¹.

Pre-1989 Context and the Transformation Period

The former countries of the Soviet bloc began the transformation from different starting points. There was little uniformity in their economies. Although most of the countries were highly indebted, the size and influence of the private sector varied as did the intensity of economic, technological and social contacts with the West. Such differences would have required transformation processes to be specific to the needs of each country. The neo-liberal approach was typically to abolish everything that looked 'socialist', like the destruction of agricultural cooperatives in Hungary that set back agriculture production and distribution for two decades. The strategy that developed was based on the assumption that the only way to salvage and save the region was to transplant Western values. Yet, it was their particular heritage in terms of culture and society that gave to the East and Central European countries certain characteristics that distinguished them from other developing countries in the global economy.

To start with, these were already industrialized economies, unlike most developing countries. Most, in fact, were over-industrialized, or mis-industrialized. As a consequence, transformation was not directed at establishing industrial economies, but at reconstructing industries at relatively low costs, with minimum pain.

The quality of basic and higher education was always high in the region and competitive with Western standards, except for the social sciences which needed to be (re)invented. Basic skills related to the market economy were, of course, missing like accounting, marketing, and management. The challenge was to make the best possible use of existing human capital in the region and (re-)integrate into the global economy. It is becoming clearer after more than 25 years how the educated labor forces from post-communist countries are employed in the world economy. Those that can leave the region for better paying jobs and services do and the brain drain from the region has increased substantially in the last 2 decades. Hungary, for example, with a decreasing population of 10 million, in just the past 10 years, has lost 12,000 people to emigration who used to work in the healthcare sector for better paying jobs and services in western and northern parts of Europe. In just the past 6 months, 1,000 people from the healthcare sector have left the country (415 doctors, 114 dentists,

1 *Offe C. Op. cit.*

33 pharmacists, 259 nurses, 8 midwives, and 83 other specialists related to the industry¹.

We are also seeing the consequences and implications of the non-integration of people into the global economy, e.g., increasing homelessness and social and economic polarization, and rise of right wing extremism. Of course, this is not a specialty of the Wild East, but is a consequence of rampant, unbridled markets and non-transparent and unaccountable market players all over Europe and the world.

All the countries of East Central Europe had an extensive social welfare system, partly due to the socialist ideology and partly as a result of the competition between developed market capitalist economies and the socialist economies. Rising costs would anyway have expedited the reform of these 'premature' social welfare systems, but the task became particularly painful and perilous when it was undertaken during the crucial process of economic transition. In addition, it is true even today that without a state that is strong enough to engender trust in its leaders and institutions, the guarantees for social welfare are jeopardized.

Branko Milanovic² expands this argument to encompass the expansion of welfare states in the Western part of Europe after WW II: «the presence of the ideology of socialism ... and its embodiment in the Soviet Union and other Communist states made capitalists careful: they knew that if they tried to push workers too hard, they might retaliate and capitalists might end up by losing all». So, in his terms, socialism 'disciplined' income inequality under capitalism, because of Western fear that increased or too much inequality would lead to advances of communist and some socialist parties in capitalist countries (specifically in Italy and France). This also relates to the provision of social services to workers in the East and West by the state. Since the fall of communism and the triumphal rise of a particular kind of capitalism (sometimes referred to as 'jungle capitalism') in the new democracies, the ideological competition has disappeared, and state-directed social welfare systems have eroded or collapsed in many parts of Europe.

Many analyses of the complex and inter-related social, political and economic changes of the transformation in East and Central Europe have overlooked important criteria. They explain the process of transformation simplistically as a switch of economic models and ignore the fact that there are substantial differences between functioning market economies that are the result of different development processes. The economic transformation of the East and Central European countries has an important geographic

1 *Jámbor A.* Miközben a kormány a menekültekkel foglalkozik, darabjaira esik szét az egészségügy. URL: ettosmerce.blog.hu/2015/10/01/mikozben_a_kormany_a_menekultekkel_foglalkozik_darabjaira_esik_szet_az_egeszsegugy (accessed: 18.03.2018).

2 *Milanovic B.* Did Socialism kill Capitalism Equal? Economist's View. 22.08.2015. URL: <http://economistsview.typepad.com/economistsview/2015/08/did-socialismkeep-capitalism-equal.html> (accessed: 18.03.2018).

aspect as well. They are once again part of Europe, a region of considerable wealth and, until recently, relative stability. With the exception of the U.S. and Mexico, neighboring countries for the first time in modern history find themselves divided by a 'development gap'. Not only have the East and Central European EU members remained poorer than the

EU-15, they are also poorer in the distribution of life chances¹. No approach to the transformation in the region should lose sight of this fact which has not improved over the past 25 years, and these divisions have only increased since the financial crisis in 2008.

The opportunity that 1989 offered was not simply the introduction of functioning market economies, but to implement the much-postponed process of economic modernization in the region. The transition from a planned economy to a market economy should not have been viewed as the goal, but rather as the instrument for successful modernization. As economic transformation progressed, it became evident that any visible pattern of transformation must contain three elements: 1) the rules and institutions of the market economy, 2) a strategy for modernization (in terms of infrastructure), with 3) elements of the socialist heritage, mostly social welfare and education.

Emergence of the Non-Profit Sector

A strong system of social welfare and education also presupposes a strong civil society that can defend its interests, a well-organized, non-profit sector, and a new social contract between the state and its citizens in the new democratic framework. In the early years (1989-1990), the non-profit sector organized itself rapidly in most of these countries. In Hungary, for example, the number of registered NGOs increased in 6 years from 3,000 to over 40,000. This was the result of at least three factors: 1) citizens were now free to organize themselves into interest groups, 2) they organized to defend themselves in areas which were previously the domain of the state, which was systematically reducing and dismantling its welfare role in response to economic constraints, 3) and because many found it to be a lucrative profession since funding, at least in the early years of the transformation, was available and there was international pressure to secure appropriate partners in this developing neighborhood of Europe.

Of course, a considerable number of these initiatives can be labeled either quazinone-governmental organizations or NGOs set up by government institutions, or mafia non-governmental organizations designed to funnel money to private groups. But at best, a keen professional drive in the civil sphere was apparent. At the same time, competition between groups increased because of quickly waning interest in the region. This resulted in a

1 *Merkel W., Giebler H. Measuring Social Justice and Sustainable Governance in the OECD. Sustainable Governance Indicators 2009: Gütersloh: Bertelsmann, 2009.*

shortage of financial resources vis-a-vis increasing demand. This has only been exacerbated in the past decade. In other parts of the developing world, there has been financial investment in the civil and social services sectors for more than 20 years (e.g., in Africa), whereas East and Central Europe had decreasing support for only 5-6 years.

Before 1994, when interest in the region was high, it was ironically easier for the developing non-profit sector to seek financial recognition and financial assistance from abroad, rather than nationally or regionally. In part, this was because the new state structures in East and Central Europe viewed civil society as an obstacle that would slow down economic transformation which was the priority over all else, including social cohesion. Transition, according to political actors, was a consolidation of political institutions — parliaments, constitutions, parties and elections. These countries were, and still are, ruled by political elites for whom the ‘consolidation’ of democracy meant the consolidation of ‘power’ in a new democratic framework. None of these countries, with the exception of Czech Republic, had experienced a democratic system before. Underlying feudalistic structures were easily adaptable to communist hierarchies. The ‘totalitarian state of mind’ dictated that interest groups, outside of political institutions, functioned to undermine power and authority.

The Fear of Freedom and its Social Consequences

After decades of social division, freedom actually increased the distrust between individuals and groups. In fact, many experienced 1989 as a loss of the freedom that practically implied the loss of freedom of irresponsibility. Suddenly, with little warning or preparation, people were required by the new democratic and capitalist framework to take responsibility for their lives and societies. Neo-liberalism replaced any kind of collectivism with the implantation of a kind of extreme individualism that sacrificed solidarity and social cohesion. The feeling of loss, insecurity and precariousness the new system evoked were soon translated into disillusionment and nostalgia that continues until today.

As Claus Offe¹ remarks: « ... the vanished state socialist institutional system nurtured ... expectations and notions of social justice that persisted after its demise, most importantly the expectation that government must take responsibility for high levels of employment,» as it had in the past. This can be expanded to the expectations that benevolent state paternalism should continue within the new market-framework to provide social services (including basic food, housing, education, healthcare) and social security. These expectations were severely hampered by the conditionality of international financial institutions like the World Bank and IMF who required strict adjustments to the pension and healthcare systems; and the

1 Offe C. Op. cit.

attempt to adapt templates from Western European welfare states drawn from the proposals of international organizations (World Bank, ILO, Council of Europe, OECD) to their own systems¹.

What happens when the norms and institutions are no longer in place as a result of privatization and budget constraints? What happens to the ‘comprehensive paternalistic care’ syndrome under the impact of democratic capitalism? In a study conducted in former East and West Germany, the following table reveals interesting divisions between eastern and western attitudes towards democracy and social welfare provision that I believe can be extrapolated to many of the post-communist member states:

	former East Germany	former West Germany
Democracy implies that the state provides jobs and is responsible for reducing unemployment	55%	39%
Democratic states must control banks	40%	26%
«Socialism is a good idea badly implemented»	74%	49%

The dissatisfaction with state provision in the social sphere has led to dissatisfaction with ‘how democracy works’ in post-communist countries². The lack of trust in impersonal institutions and inter-personal relations can be substituted by strong leaders and charismatic personalities which has also been observed in the region. A general attitude of mistrust reinforces the gaps in confidence between the ruling elites and citizens, which, then, leads to frequent crises of legitimacy. In emotionally exhausted societies, where people tend to be mistrustful, two types of destabilizing effects may occur. On the one hand, unpredictable explosions of frozen emotion may revive hatred, popular resentment and fundamentalism. On the other hand, emotional exhaustion and existential uncertainty may increase frustration and aggression, leading to widespread social negligence and political apathy. The communist legacy, reinforced by the hardships of transition, was particularly dangerous to democratic reformers who needed popular support for their policies of transformation. Former Yugoslavia is an example of how fear can destroy optimistic prospects for future development and integration in the region and is especially tragic when we remember that Yugoslavia was the first country to be offered EU partnership already in 1967.

1 Ibid.

2 Ibid.

After the initial euphoria and excitement of 1989, a hangover set in. People became disillusioned with political parties and politicians in the 'New Democracies' and with the broken promises and institutional rigidity of the West.

Was the European Social Model ever Relevant to East and Central Europe?

One of the important questions to ask is whether the European Social Model (ESM) was ever relevant or valid in East and Central Europe? In the Western context, Jacques Delor proposed to ensure a certain level of mediation from the largest excesses of globalization with a popular social protection policy. This was a product of a particular ideology of a particular historical period before enlargement, and as Professor Charles Woolfson admits in an interview: "Frankly, the elites of the newer member states had to align with the *aqui communautaire* and thus consequently had to take on board, more or less willingly (or not), certain components of that 'foreign' ideology"¹. He continues "I do not believe that a social model of this sort, which was essentially a Western European creation of a particular time and place was ever entirely relevant to Eastern Europe. One might actually question the fact that the Eastern elites ever believed in it. Moreover, in the context of the aftermath of the crisis, what little social protection there may have been has been dismantled." He concludes that the social dimension of Europe was probably very secondary in importance in the region.

After 2008: The Hungarian Case

The emergence of a new set of risks for the individual and for society as a whole keeps European welfare states under constant pressure to adapt. These risks are the result of changes in external and internal conditions, encompassing technological shifts, international competition, demographic ageing, migration and the break-up of traditional family structures².

The post-2008 financial crisis period has produced pessimistic predictions for the social protection systems throughout Europe, in fact, going so far as to assert that austerity measures might end the ambition of creating a 'Social Europe' altogether³. Others claim that Europe is losing its soul⁴, as

- 1 *Triomphe C., Flamant A.* Eastern Europe: Was the social Model ever valid. METIS. 30.11.2013. URL: http://www.metiseurope.eu/eastern-europewas-the-european-social-model-ever-valid-for-these-countries_fr_70_art_29793.html (accessed: 18.03.2018).
- 2 *Aiginger K., Leoni T.* Typologies of Social Models in Europe. URL: http://www.socialpolitik.ovgu.de/sozialpolitik_media/papers/Aiginger_Karl_uid563_pi_d502.pdf (accessed: 18.03.2018).
- 3 *Pochet P., Degryse C.* The Programmed Dismantling of the 'European Social Model' // *Inter-economics*. 2012. 4. pp. 212–217; *Taylor-Gooby P.* Beveridge Overboard? How the UK Government is Using the Crisis to Permanently Restructure the Welfare State. *Intereconomics*. 2012. 4. pp. 224–229.
- 4 *Vaughan-White D.* Is Europe Losing Its Soul? The European Social Model in Times of Crisis. URL: http://www.oit.org/wcmssp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---ilo-brussels/documents/publication/wcms_236717.pdf (accessed: 18.03.2018).

the financial crisis, austerity, and now the migration crisis threaten already strained social welfare systems throughout most of Europe — particularly in East and Central Europe that has found itself at the frontlines of the current crisis.

Since accession, most of the post-communist countries experienced increasing economic decline and increasing social instability¹. The post-communist countries of East and Central Europe were hit particularly hard by the financial crisis due to their small, exposed and dependent economies. The countries have had little room for maneuver in terms of social policy reform as a result of the barriers constructed by the European Central Bank and the IMF.

This has been exacerbated, especially in Hungary, by the on-going challenges of the mass migration that has deflected government attention away particularly from the urgent crisis of the public health sector. Although there are some general similarities in countries of the region, Hungary, because of the parliamentary strength of the governing FIDESZ coalition, has carried out changes in many social policy fields very quickly which distinguishes it from other countries. This is partly the result of the non-existence of oppositional political forces since the previous socialist government, and its political players, lost all public support, trust and confidence because of recurring corruption scandals, and increasing socialist government belligerence directed in forceful ways against the Hungarian population. Just think of the attacks on civilians during the 1956 commemoration in Budapest in 2006, for example, and the aftermath.

It is not, however, the case as reported in the media, that there has been no civil dissent expressed about these changes. I have documented in my study of Occupy-like movements the extent and intensity of social forces directed against some of the extreme measures taken both by the former socialist and current FIDESZ governments². Having said that, there is a clear increasing polarization in society in economic terms, but this is also a general European malaise that can give rise to increasing social tensions and divisions also along ethnic (mainly Roma-non-Roma) lines in Hungary. As we all know, “Where there is great inequality, there is great injustice, where there is great injustice, there is the inevitability of instability”³.

The dramatic shifts, i.e., real welfare cuts in spending in Hungary, can only be compared to those in Greece, and range from 13–14% according to the OECD in 2012. There has been a determined centralization of social wel-

1 *Rupnik J., Zielonka J.* Introduction. The State of Democracy 20 Years on: Domestic and External Factors // *East European Politics and Societies*. 2013. Vol. 27, no. 1. pp. 3–25.

2 *Jensen J.* Hungary at the Vanguard of Europe's Rearguard? Emerging Subterranean Politics and Civil Dissent // *Subterranean Politics in Europe*. Ed. by Kaldor M., Selchow S. London: Palgrave Macmillan, 2015. pp. 141–167.

3 *Marshall A.G.* World of Resistance Report 2014. Dissident Voice. 11.07.2014. URL: <http://dissidentvoice.org/2014/07/world-of-resistance-report/> (accessed: 18.03.2018).

fare provision, especially in the spheres of education and healthcare since 2013. In some cases, it is argued that the constitutional changes enacted by the government have ensured that there is “no constitutional control over a wide range of governmental activities ... including social policy legislation”¹. One of the most unpopular decisions (Article 22) granted local authorities the power to criminalize homelessness “in order to protect public order, public security, public health and cultural values”. This action brought about many civil initiatives in solidarity and support of the homeless, in particular the groups *Solidarity* and *Habitat instead of jail*.

In terms of pension systems, the problems for pension reforms and financing throughout Europe as a result of the economic and financial crisis, were even more consequential for the economically weaker Central and East European countries. In most cases, parts of the contributions paid to private funds were redirected to the state budgets; in the case of Hungary, private pension assets were nationalized². In response to a request by the Hungarian government to the Commission to reduce the transitional costs of the privatized pension system from the amount of the original deficit (3% of GDP),³ the Commission insisted on the maintenance of the original ceiling “for reasons including the permanent overspending of Hungary and the fear that the Greek debt crisis” would appear in the region of East and Central Europe as well⁴.

Much of the contributions of the private pension funds went directly to decrease the national deficit; in fact, *Eurostat* 2013 estimates that the budget deficit dropped to a record low of 1.9% in 2012, but some of this impact was reduced as a result of the devaluation of the Hungarian forint, for example, among other economic factors. “The idea to decrease public debt through the nationalization of formerly privatized pension funds”⁵ caught on quickly in East and Central Europe, and Poland recently announced it would follow this pattern as well. This is just one example of an ‘emergency welfare state’ response⁶ in countries whose economies are under siege by global economic processes.

1 Solyom L. Ein Symbolische Schlag gegen die Neue Demokratie. Die Presse. 31.05.2013. URL: <http://diepresse.com/home/meinung/gastkommentar/1412870/Einsymbolischer-Schlag-gegen-die-neue-Demokratie> (accessed: 18.03.2018).

2 Szikra D. Democracy and welfare in hard times: The social policy of the Orbán Government in Hungary between 2010 and 2014 // Journal of European Social Policy. 2014; Simonovits A. The Mandatory Private Pension Pillar in Hungary: An Obituary // International Social Security Review. 2011. Vol. 64, no. 3. pp. 81–98.

3 As Szikra correctly informs, «New member states partially privatizing their pensions systems had the opportunity to deduct transition costs from their budget deficit until 2010. Hungary, alongside with other countries, asked the European Commission for the extension of this derogation – without success.» See: Szikra D. Op. cit. P. 11.

4 Simonovits A. Op. cit. P. 89; Szikra D. Op. cit. P. 6.

5 Szikra D. Op. cit. P. 6–7.

6 Inglot T. Welfare States in East and Central Europe, 1919–2004. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

In terms of unemployment benefits and programs, the government established what it termed a ‘workfare society’ that was included in the Fundamental Law (Article 19) as follows: “Every person shall be obliged to contribute to the enrichment of the community to their best ability and potential.” Since the acceptance of this law, citizens are entitled to social rights only if they fulfill their work responsibilities¹. Unemployment insurance has been cut in terms of amount (from 20% to 15% of the average wage) and in terms of duration (from 9 to 3 months²). Benefits are linked to the acceptance of employment opportunities by the unemployed regardless of the educational level or skills. For this and other reasons, the number of unemployed not receiving assistance or benefits increased from 40-52% between 2010 and 2013, and growing numbers of unemployed simply decided to no longer register³. This has particularly effected Roma populations who are exposed to increasing discrimination in public employment opportunities, jeopardizing their inclusion in social assistance programs, in many local communities.

One recent study⁴ calculates that 4 million people, out of a total population of 10 million Hungarians, now live below the subsistence level. This disproportionately effects the Roma population who make up between 5-10% of the population, and who now make up one third (a rise from 20%) of the poor. In another study the relative poverty rate (calculated as 60% of the average income) grew from 13.6% to 17% from 2009 to 2012, with an increase in child poverty rates from 21% to 26% for the same period⁵. Szikra⁶ warns that shifts in welfare policies in the political arena that act against people’s lifestyles may eventually lead to political action.

The graphs below reveal the extent of increasing poverty levels in the European Union⁷. Indices of ‘material deprivation’ show steep increases in Hungary as well as, although at lower rates, in Italy, the UK and Spain.

In the Baltic countries comparable increases can be observed, but are now decreasing.

Poland, however, even though geographically and historically closer to the Baltic countries development, did not experience any increase. Only Iceland, that also experienced a serious debt crisis, did the rates not increase, but this was due to conscious political policies unsympathetic to creditors.

1 Szikra D. Op. cit. P. 7.

2 Ibid.

3 Cseres-Gergely, Z., Kátay, G., Szörfi, B. The Hungarian Labor Market Change in 2011-2012 // The Hungarian Labour Market 2012. Ed. by K. Fazekas, P. Benczúr and Á. Telegdy. Budapest: Institute of Economics, Hungarian Academy of Sciences, 2013. pp. 34.

4 Ferge Z. Op. cit.

5 Szívos P., Tóth, I.G. Inequalities and Polarization in the Hungarian Society. Társi Monitor Jelentések 2012. Budapest: TÁRKI, 2013. P. 42.

6 Szikra D. Op. cit. P. 2.

7 Real World Economics Review Blog. Increasing poverty in the European Union. URL: <https://rwer.wordpress.com/2015/03/03/increasing-poverty-in-the-european-union-3-graphs/> (accessed: 18.03.2018).

Severely materially deprived people (% of population, 2013)

The following graphs show the comparative data related to the severely materially deprived, defined by Eurostat as those people who live with a lack of 4 out of the 9 following provisions: they cannot afford 1) to pay rent or utility bills, 2) to keep the home adequately heated, 3) to meet unexpected expenses, 4) to eat meat, fish or a protein equivalent every second day, 5) a week holiday away from home, 6) a car, 7) a washing machine, 8) a color TV, or 9) a telephone.

There is a clear correlation according to regional observers between the impact of generous and just social policy and political stability; in other words, the stability of the democratic regime depends on good state welfare performance. If we return to looking at the region as a whole, exactly one-third of the total population of the EU-27 live below half the median of the original EU-6 core countries. It is warned that unless income and social security can be improved and brought to some kind of convergence, both within individual member states and between them, the new democracies will suffer from increasing political and social instability that may jeopardize their stable institutional integration into the EU¹.

Social Policy in the Context of the Migration Crises

Amidst all of the negative press, Hungary and its Prime Minister Viktor Orbán have provoked over the last months, some better news was reported on October 9th, when Hungary's finance minister, Mihaly Varga, was elected finance minister of the year for Central and Eastern Europe for 2015.

In response to the financial and debt crisis, and the absence of concerted efforts or will in Brussels to mitigate the circumstances, Hungary took an

1 *Offe C. Op. cit.*

unorthodox and, for many, controversial path towards balancing its national budget. This included taxing banks, telecom firms, retailers, and energy companies, with the reduction of monthly utility charges to customers that proved extremely popular, of course. The direct online connection of cashiers to the tax registry improved VAT tax revenues due to better compliance in a country where the black or shadow economy is still substantial (in 2011, it was estimated at 22 billion Euro or about 24% of GDP). In addition, the highlight of the policy was to allow the conversion of about \$12 billion in foreign currency mortgages, mostly Swiss francs, to forints in November 2014. Some of these initiatives have subsequently found sympathetic responses in other countries and have been, or are in the process of implementation in the extended region. As a result, Hungary's GDP growth last year, according to the IMF at 3.6% is impressive. Investment and consumption have risen, and inflation has fallen. There are more jobs available in the private sector, services and manufacturing exports produced an account surplus of more than 4%, and bank dependence on parent funding has declined¹.

After being praised for its financial fortitude in light of the debt crisis, especially in comparison to Greece, suddenly, and surprising, the region of East and Central Europe, and perhaps less surprising, Hungary that is situated at the frontlines of the crisis, are in the international media spotlight. Overwhelmingly negatives terms are being employed to describe East and Central European countries and citizens like xenophobic, racist, inhumane, ungrateful, uncooperative. The countries are criticized for opposing quotas, not showing solidarity, or taking their fair share of responsibility for solving a 'European' problem.

Hungary has been distinguished by extra special treatment. The country is facing a dramatic challenge as an estimated 380,000 refugees, asylum seekers and migrants have entered the country over the past year, that is between 6,000 and 9,000 individuals daily. Most of these individuals do not want to be registered or stay in Hungary, but they keep coming, putting enormous pressure on structures (both public and private) that were never envisioned to cope with, let alone manage, such a massive influx of diverse populations within an already weakened and disfunctional social welfare system.

What has not been accurately or adequately addressed, is why people are flooding into Europe, via its closest external borders. The mass migration is primarily a result of Western power politics for which the East and Central Europeans have had little or no responsibility. The continuing and escalating conflicts in the Middle East, and the centuries of colonial exploitation in Africa, have created the dynamic of a perfect storm that has coalesced over the past summer to bring in astonishing numbers of asylum seekers, with unbearable human misery in their wake.

1 Emerging Markets: News, Analysis and Opinion. Finance Minister of the Year, Central and Eastern Europe 2015. 9.10.2015. URL: <http://www.emergingmarkets.org/Article/3496365/Finance-Minister-of-the-YearCentral-and-Eastern-Europe-2015.html> (accessed: 18.03.2018).

It can also be asserted, that it is hard to find the values of solidarity and cohesion among the older EU member states. Confusion, disagreement and incompetence prevail. People here are asking the obvious questions: Why did Germany invite all the Syrians, but not other people arriving, and how can you distinguish between relative needs when so many of the countries they come from are war zones? Why did Germany and Austria initially open their borders, and then close them again? Where is the international community whose presence was striking by its absence at transit center in Hungary? Why were mixed signals sent to the region regarding the implementation of Dublin III regulations for some countries (Hungary) where others (Italy and Greece) were exempted? Why are the up to 70 arson attacks on camps in Germany not reported on? There has never been a bombing or fire set to camps in Hungary. Why are the other walls being built in Europe to keep people out (like in Calais) not compared to Hungary's perimeter walls? Why are the squalid conditions in the largest EU migrant ghetto in Calais, and the tear gas attacks there not regularly reported? Why aren't the feelings, sentiments and intentions of other national governments and their citizens scrutinized in the same way as they are done with reference to Eastern Europe and Eastern Europeans? In general, why are police attacks on refugees and migrants, increasing xenophobia and extremist groups in West European countries (especially Germany, but many others as well) not reported with such frequency or with such vehemence as about Eastern Europe?

The contradictions have pronounced the West-East divide that was never breached after 1989, not even with the accession of the East and Central Europeans who, for many reasons, still feel they are treated as second class citizens in Europe. According to one blogger "It seems to be better PR to shift the blame to Central Europe, especially those countries in the front-line. It would be even better to force them to register and hold huge masses of migrants, who actually do not want to stay there. Then destination countries could freely cherry pick educated immigrants to fill their job vacancies leaving the rest to Central Europe ..."¹.

Although I do not defend or support the divisive and corrosive rhetoric that the Hungarian government has employed during this crisis, Prime Minister Orbán does voice the sentiments and fears of many people, and not just in Hungary or East and Central Europe, but in core Europe as well. There are many other world leaders with whom many of us would disagree in terms of their rhetoric and also their actions. In contrast to the big powers, Hungary is a 'mouse that roars' in global terms, but the words and actions of the government have certainly kept the country on the international radar screen and on the front pages of international newspapers.

What is not sufficiently understood is that the fragile democracies that emerged from the cauldron of communist totalitarianism, which dictated

1 *Hosso A. Op. cit.*

what people and countries were allowed and not allowed to do for decades and from which they have extricated themselves, are very sensitive to replacing one form of dictates for other centrally conceived dictates. East and Central Europeans understand very well that their accession was done ‘on the cheap’, and benefited the West substantially, particularly Germany, with new markets, providing a new buffer zone to the core of Europe, and cheap labor. Taking the moral high ground is particularly distasteful and politically damaging to populations in the region who have suffered under communism for decades. The current Western attitude towards East and Central Europe leads to the further corrosion of what has remained of positive attitudes towards the EU in Hungary and the region. Hungary has never forgotten the Western response, or the lack of it, to its failed 1956 revolution and is particularly sensitive to this Western stance of condescension.

With exception of East Germany accession, the gymnastics required of subsequent accessions of East and Central European members, was not motivated by any real sense of solidarity for a region of *far-away countries with people of whom we know nothing*¹. Pre EU accession agreements produced many substantial and fundamental ‘reforms’, that were rather cuts, in areas like social welfare provision, and great sacrifices were required by the citizens to placate market forces. Few if any West European countries could have tolerated these changes as peacefully as the societies in the region. There is a strong sense in East and Central Europe today that once again the countries of the region are peripheral, misunderstood, disdained, over-burdened, and abandoned by a hypocritical West. There is recognition for the proverbial need for scapegoats in the current crisis that continues to go un- or mis-managed, with deflections from the real trauma of refugees, like the recent vote to expel Hungary from the EU. There is a growing solidarity and consensus among the Visegrad countries and their surprising and so far unprecedented insubordination and temerity vis-a-vis the EU.

Although there was some national success in the application of unconventional strategies to manage the financial and debt crisis, for example in Hungary, the challenge of migration will not be met at the national level. The situation is unsustainable and the poorer Eastern European countries do not have the resources (financial and otherwise) to support the migrants that they neither want and that do not, in any case, desire to remain in the region. This has nothing to do with a prescribed ‘weaker’ sense of humanitarian empathy, compassion or moral standing in this region. Since my work at the transit centers, I have witnessed only a profound sympathy and generosity of the individuals and civil groups working hard to expedite a situation for which there was, and is, no adequate or even minimal European or international response. The question remains open whether the EU and

1 An adaptation of Neville Chamberlain’s «Appeasement» quote from 1939: «A quarrel in a far-away country between people of whom we know nothing».

European politicians who have not even been able to manage less complicated issues than the current migration crisis and over which they possessed far more control, are able to see a way forward that takes into consideration the sentiments and experiences of people from Central and Eastern Europe.

At least one thing becomes increasingly clear: there is a disjunction between Western and Eastern European experience as I mentioned in the beginning. Permanent crisis has been characteristic for decades in East and Central Europe, unlike in Western Europe. So, crisis is not new, in fact, we realize that crisis is the normal state of affairs for our region. As a result, we develop different coping mechanisms to deal with ongoing states of uncertainty. This involves a great deal more than just material resources and includes networks of reciprocity and interdependence that developed already under the communist regimes. Today, I could see these networks of reciprocity and interdependence in action at the transit zones. All transit zones in Hungary have Facebook pages with daily updates on the situation and needs; in addition, new initiatives and blogs and networks are emerging every day to care for the migrants and refugees here and elsewhere, and they are becoming increasingly linked regionally and globally. East and Central Europe and Hungary do not lack in compassion. I will conclude with the words of Vaclav Havel about the region of East and Central Europe that are as relevant today as they were in 1989: “... at the very nerve intersection of our continent ... where diverse spiritual streams and traditions clash or integrate, the vision of the new Europe is being tested. The vision of a Europe which could become a vivid example of the ability for cooperation, solidarity, federalism and integration.”

The Present Situation: Can Europe, and East and Central Europe in Particular, Survive More Sudden Shifts?

Recent events of social unrest and protest in East Central Europe, and in Europe as a whole, reveal a systemic crisis. The most recent demonstrations in December 2018 in Budapest reflected a broad and ad hoc coalition of social and political forces that has been absent from the political scene for many years. Students, trade unionists, opposition and alternative party leaders protested new government decisions supported by the majoritarian Parliament. The issues under protest include the enhancement of voluntary labor laws, educational and press freedom, and political corruption issues. Underlying the surface of the protests, and not only in Hungary, is an increasing dissatisfaction, distrust, and anger towards state institutions that are not only not seen as representing the will of the people, but also reflect the popular sentiments that peoples' voices are no longer heard or taken seriously in the democratic process — both at the national and international levels.

Increasing economic and social inequality will increase civil dissent and social unrest in all parts of the continent. We already have evidence in the Brexit vote, the yellow vest protests in France and in the protests taking place

in most major cities across East and Central Europe. The media coverage of these mass protests generally, since the public bailouts of banks during the financial crisis and up until the most recent series of protests, complains about the lack of structure and clear messaging by protestors starting with the Occupy! Movements and continuing today with the yellow jacket protestors. There is, however, an underlying common denominator to the protests and that is the discontent and anger over being left out of the decisive political process and decision making. As Marlière¹ put it: “Conservatives, liberals and socialists have always... argued that the peoples ought to be kept as far away as possible from the process of political decision-making.”

At one time, in the not so forgotten past, people from the region did rise up to claim back their voice in the political process. The experience of dictatorship and authoritarianism, and its social, political and economic costs, remains in the regional DNA. In some respects, East and Central Europe may be better equipped to ride the waves of protest, since surviving crisis has been a part of the daily lives of citizens for decades. There have been protests throughout the region and extending to the Balkans (Macedonia in particular). In Slovakia outrage was expressed about the murder of the investigative journalist Ján Kuciak and his fiancée; in Prague over the political scandals and fraud of the Czech prime minister, in Poland against the Kaczyński regime, in Romania against corruption. As The Guardian reporter mentions “Each country has its own story ... but events ... are part of a wider trend across the region: a new generation of Central Europeans are mobilizing to salvage democratic values they feel are under threat”². In Bratislava on 17 November 2018, at the tenth Central European Forum, young activists from East and Central Europe met at a conference called “Demand the impossible!” a slogan the say reflects the memory of the Paris street protests of 1968 that has recently acquired resonance and urgency for Central Europe today.

As a reporter in attendance at the meeting notes: “Western European liberals and progressives might want to draw a lesson or two from the mobilization in the East. Central Europeans know they are in a fight for values — and what failure might cost them. As a consequence, they adapt their methods. ... I’m not saying populism is over in Central Europe. I’m saying the spirit of dissidence is alive and well, and “westerners” should take more notice. Europe’s salvation might possibly come from the east”³.

1 *Marlière P.* The yellow vests, or the discrediting of representative democracy. Open Democracy. December 17, 2018. URL: https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/philippe-marli-re/yellow-vests-or-discrediting-of-representative-democracy?utm_source=Daily+Newsletter&utm_campaign=9c17d33e54-DAILY_NEWSLETTER_MAILCHIMP&utm_medium=email&utm_term=0_717bc5d86d-9c17d33e54-407380489 (accessed: 18.12.2018).

2 *Nougayréde N.* A New Wave of Dissidents in the east can turn back Europe's populist tide. The Guardian. November 22, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/22/europe-populist-democratic-resistance> (accessed 18.12.2018).

3 *Ibid.*

REFERENCES

- Aiginger, K., Leoni, T. Typologies of Social Models in Europe. Available at: http://www.social-politik.ovgu.de/sozialpolitik_media/papers/Aiginger_Karl_uid563_pi_d502.pdf (accessed 18.03.2018).
- Cseres-Gergely, Z., Kátay, G., Szörfi, B. (2013). The Hungarian Labour Market Change in 2011–2012,” in: K. Fazekas, P. Benczúr, Á. Telegdy (eds.) The Hungarian Labour Market 2012. Budapest: Institute of Economics, Hungarian Academy of Sciences.
- Emerging Markets: News, Analysis and Opinion. Finance Minister of the Year, Central and Eastern Europe 2015. October 9, 2015. Available at: <http://www.emergingmarkets.org/Article/3496365/Finance-Minister-of-the-YearCentral-and-Eastern-Europe-2015.html> (accessed 18.03.2018).
- Ferge, Z. (2001). Welfare and ‘Ill-Fare’ Systems in Central Eastern Europe, in: R. Sykes, B. Palier, P.M. Prior, J. Campling (eds.) Globalization and European Welfare States: Challenges and Changes. New York: Palgrave. pp. 127–153.
- Hossó, A. The West must stop bullying Hungary and Central Europe. October 10, 2015. Available at: <http://www.capx.co/the-west-must-stop-bullying-hungary-and-centralhttp://www.capx.co/the-west-must-stop-bullying-hungary-and-central-europe/europe/> (accessed 18.03.2018).
- Inglot, T. (2008). Welfare States in East and Central Europe, 1919–2004. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jámbor, A. (2005). Miközben a kormány a menekültekkel foglalkozik, darabjaira esik szét az egészségügy [While the government pays attention to the migration crisis, the healthcare system falls apart]. Available at: ettosmerce.blog.hu/2015/10/01/mikozben_a_kormany_a_menekultekkel_foglalkozik_d_arabjaira_esik_szet_az_egeszsegugy (accessed 18.03.2018).
- Jensen, J. (2014). Hungary at the Vanguard of Europe’s Rearguard? Emerging Subterranean Politics and Civil Dissent, in: M. Kaldor, S. Selchow (eds.) Subterranean Politics in Europe. London: Palgrave Macmillan, 2015. pp. 141–167.
- Marshall, A.G. World of Resistance Report 2014. Dissident Voice. July 11, 2014. Available at: <http://dissidentvoice.org/2014/07/world-of-resistance-report/> (accessed 18.03.2018).
- Merkel W., Giebler H. (2009). Measuring Social Justice and Sustainable Governance in the OECD. Sustainable Governance Indicators 2009: Gütersloh: Bertelsmann.
- Milanovic B. Did Socialism kill Capitalism Equal? Economist’s View. August 22, 2015. Available at: <http://economistsview.typepad.com/economistsview/2015/08/did-socialismkeep-capitalism-equal.html> (accessed 18.03.2018).
- Offe C. Lessons Learned and Open Questions. Welfare state building in post-communist EU member states. Eurozine. January 28, 2010. Available at: <http://www.eurozine.com/articles/2010-01-28-offe-en.htmlhttp://www.eurozine.com/articles/2010-01-28-offe-en.html> (accessed 18.03.2018).
- Pochet, P., Degryse, C. (2012). The Programmed Dismantling of the ‘European Social Model’. Intereconomics. 4. pp. 212–217.
- Rupnik, J., Zielonka, J. (2013). Introduction. The State of Democracy 20 Years on: Domestic and External Factors. East European Politics and Societies. Vol. 27, no. 1. pp. 3–25.
- Simonovits, A. (2011). The Mandatory Private Pension Pillar in Hungary: An Obituary. International Social Security Review. Vol. 64, no. 3. pp. 81–98.
- Sólyom, L. “Ein Symbolische Schlag gegen die Neue Demokratie.” Die Presse. (31 May 2013). Available at: <http://diepresse.com/home/meinung/gastkommentar/1412870/Einhttp://diepresse.com/home/meinung/gastkommentar/1412870/Ein-symbolischer-Schlag-gegen-die-neue-Demokratiesymbolischer-Schlag-gegen-die-neue-Demokratie> (accessed 18.03.2018).
- Szikra, D. (2014). Democracy and welfare in hard times: The social policy of the Orbán Government in Hungary between 2010 and 2014. Journal of European Social Policy.
- Szikra, D., Tomka, B. (2009). Social Policy in East Central Europe: Major Trends in the Twentieth Century, in: A. Cerami, P. Vanhuysse (eds.) Post-Communist Welfare Pathways: Theoriz-

- ing Social Policy Transformations in Central and Eastern Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan. pp. 17–34.
- Szivos, P., Tóth, I.G. (eds.) (2013). Inequalities and Polarization in the Hungarian Society. Társi Monitor Jelentések 2012. Budapest: TÁRKI.
- Tache, I., Neesham, C. (2011). The Performance of Welfare Systems in Post-Communist Europe: The Cases of Romania and Bulgaria. Journal of Economic Research. 5. pp. 90–107.
- Taylor-Gooby, P. (2012). Beveridge Overboard? How the UK Government is Using the Crisis to Permanently Restructure the Welfare State. Intereconomics. 4. pp. 224–229.
- Triomphe, C.E., Flamant, A. Eastern Europe: Was the social Model ever valid. METIS November 30, 2013. Available at: http://www.metiseurope.eu/eastern-europewas-the-european-social-model-ever-valid-for-these-countries_fr_70_art_29793.html (accessed 18.03.2018).
- Vaughan-White D. Is Europe Losing Its Soul? The European Social Model in Times of Crisis. Available at: http://www.oit.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/--ilo-brussels/documents/publication/wcms_236717.pdf http://www.oit.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/--ilo-brussels/documents/publication/wcms_236717.pdf (accessed 18.03.2018).

«Транс» без «формации» — перезагрузка. Социальные модели стран Восточно-Центральной Европы

Автор. Джоди Йенсен, старший научный сотрудник Института политических наук Венгерской Академии наук, доцент Паннонского Университета, директор по международным отношениям в Институте перспективных исследований, профессор Жана Моне. **E-mail:** info@iask.hu

Аннотация. В статье автор поясняет почему несмотря на существование общей истории, европейцы вряд ли могут говорить о совместной истории. Многие исследования сложных социальных, политических и экономических изменений трансформации в регионе упускают из виду важные критерии. Они упрощенно объясняют этот процесс как смену экономических моделей и игнорируют факт существования значительных различий между функционирующими рыночными экономиками, которые возникли в результате длительных процессов развития. Открывшаяся в 1989 г. возможность заключалась не только в создании «рабочей» рыночной экономики, но и в осуществлении отложенного процесса экономической модернизации. Переход от плановой к рыночной экономике следует рассматривать не как цель, а как инструмент успешной модернизации. По мере осуществления экономических преобразований стало очевидным, что модель преобразований должна содержать три элемента: 1) институты рыночной экономики; 2) стратегию модернизации инфраструктуры; 3) элементы социалистического наследия, главным образом социальное обеспечение и образование.

Ключевые слова: миграционный кризис, трансформация, социально-ориентированное государство, Венгрия.

Barriers to Consolidation of Democracy in Poland

Joanna Dzwonczyk

Abstract. The article discusses selected factors impeding the consolidation of democracy in Poland. It presents the basic assumptions of the transition paradigm, the concept of consolidated and deconsolidated democracy. Referring to Poland, the uniqueness of this country before 1989 and the phenomena that block the process of consolidating democracy in Poland. This includes the instability of institutional solutions (especially within electoral law), personalization of power and its consequences and distrust of rival political elites and its impact of relations between the states – local government and the state – civil society.

Key words: transition; consolidated democracies; unconsolidated democracies; instability of institutional solutions; personalization of power; distrust of rival political elites.

This text is an attempt to discuss selected factors responsible for the level of consolidation of Polish democracy 30 years after the beginning of a political transformation. The limitation in terms of the volume of this text mean that some of these factors are only mentioned and some, in particular where related to aspects of democratic changes which are more social and psychosocial in nature, are completely omitted.

The transition paradigm is a useful concept in analyzing the democratization process in Poland. Like many other concepts used in social sciences, “transition” is a notion of polemic nature since a number of authors use it interchangeably with “transformation.” However, I share the standpoint of Zbigniew Blok¹ who claims that transition concerns primarily the political aspect of the changes of the system, while transformation concerns mainly the economic and social dimensions of these changes. Andrzej Antoszewski defines transition as a “temporary period separating two distinct moments: the commencement of the dismantling of a specific political regime and a new regime achieving the status of consolidation”². This concept is usually used in reference to the process of building and stabilizing democracy. The opposite ends of a transition, when understood in the above manner, are

1 *Blok Z. Transformacja systemowa // Encyklopedia politologii. Teoria polityki.* Ed. by Sokół W., Żmigrodzki M. Kraków: Wolters Kluwer.

2 *Antoszewski A. Tranzycja polityczna // Leksykon politologii.* Ed. by Antoszewski A., Herbut R. Wrocław: atla2, 1998.

the declaration that elections based on true contention will be held and the installation of a democratic regime¹ However, it is important to stress, that the final result of a transition is not a foregone conclusion and the fact that it has been commenced does not guarantee that a status of a consolidated democracy will be achieved. This concept sparks controversy,² but it is nevertheless possible to define it in detail.

Today, democracy is most often equated to a polyarchy that functions efficiently and without disruptions, as defined by Robert Dahl³ (access to alternative sources of information, freedom of speech and political views, universal active and passive suffrage, the freedom for political parties to be established and to function, fair and cyclical elections based on contention). A consolidated democracy is a system where the above is true, further accompanied by 1) maturity (understood as a long existence of democracy), 2) stability (democracy is not threatened in spite of adverse factors, such as an economic crisis), 3) a high level of institutionalization (universal acceptance of democratic standards), 4) integration (cohesion between values, structures, and political behaviors), and 5) flexibility (democratic reproduction understood as overcoming crises not only in accordance with the principles of democracy, but also in a manner that boosts trust in these principles)⁴. However, the main feature of consolidated democracies is the fact that they are liberal, which means that “no group is refused the right to express their political interests, the right to organize themselves for political purposes, the right to participate in elections, the right to parliamentary representation, and the right to defend its interests. At the same time, both the freedom and the political equality of individuals are protected”⁵. Larry Diamond defines a liberal democracy as a system where power is exercised exclusively by public officials who are elected by and responsible to voters; the executive is subject to limitations; minorities have the right to their own identity and separateness, as well as political representation; there are no barriers to the functioning of a civil society; access to alternative sources of information is provided, and, finally, the rule of the law functions, based on independent courts that protect individuals against abuse from authorities⁶.

Unfortunately, it is estimated that these democracies are an exception⁷. Most democratic states are defined as defective democracies. These

1 Antoszewski A., Herbut R., Jednaka W. Partie i system partyjny w Polsce. Pierwsza faza przejścia ku demokracji. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1993.

2 On the one hand, there are supporters of “consolidology,” while on the other hand, outright critics undermine the sense of using this concept. Nowotarski B. Jak budować a jak burzyć demokrację. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2012.

3 Dahl R. Democracy and Its Critics. New Haven: Yale University Press, 1989.

4 Antoszewski A., Herbut R. Systemy polityczne współczesnego świata. Gdańsk: Arche, 2001.

5 Ibid.

6 Diamond L. Is The Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7, № 2, pp. 20 – 37.

7 Democracy Index. 2018. URL: <https://forsa.pl/artykuly/1101308,the-economist-intelligence-unit-democracy-index.html> (accessed: 26.11.2019).

include both those that can be seen as suffering from a temporary weakening of consolidation (France, the USA) and those classified as non-consolidated democracies, i.e. those where “the relevant standards of a liberal democracy are not yet prevalent among the norms regulating public life”¹. This means that the first step towards transition has taken place, i.e. elections based on true contention have been taking place, but everyday political practice shows that they are still far from a situation where democracy is “the only game in town”². These democracies may become consolidated, but this is not a certainty, with erosion of democracy being possible, leading to deconsolidation. They may stop at the stage of electoral democracies and stabilize as hybrid regimes³. Their common element is the fact that they usually function in unfavorable economic, social, and cultural circumstances; they are often characterized by internal conflicts and a propensity to ignore the interests of minorities in real politics (even if these minorities have the right to voice their expectations)⁴. However, their main feature is the lack of long-lasting democratic practice. This category includes mostly, but not exclusively, the (mainly European) countries of the former Soviet Bloc.⁵

Non-consolidated democracies can be divided into two categories. The first one is represented by the countries that have a number of features of a consolidated democracy, but lack a history of democracy. Furthermore, they are characterized by instability of institutional solutions, personalization of power, high changeability of political preferences, and mutual distrust of rival political elites. It is also possible for non-elected entities to play a role in public life. In case of the latter group of countries, which are characterized not only by a lower level of advancement of democratic reforms, there are much more barriers to a consolidation of democracy, such as unsolved ethnic conflicts (e.g. Slovakia or Romania), continued political immobility meaning the impossibility of alternation of power (e.g. Croatia until the death of Franjo Tuđman), open conflicts within the ruling elites (e.g. the conflict between Michal Kováč and Vladimír Mečiar in Slovakia), and the use of force in internal conflicts (Serbia)⁶.

At the beginning of the 21st century, the European non-consolidated democracies that nonetheless were prospective in terms of consolidation

1 Antoszewski A., Herbut R. *Systemy polityczne współczesnego świata*. Gdańsk: Arche, 2001.

2 Przeworski A. *Democracy and the market. Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

3 Prokop M. Typologia reżimów hybrydalnych. Ujęcie teoretyczno-metodologiczne // *Historia i Polityka*. 2017. № 21(28), pp. 27 – 42. DOI: 10.12775/HIP.2017.018

4 Antoszewski A., Herbut R. *Systemy polityczne współczesnego świata*. Gdańsk: Arche, 2001.

5 Ibid. The term also applies to other countries where democracy has regressed, i.e. countries that used to practice democracy, but in which the real power is wielded, for longer or shorter spells, by authorities that are not elected (Turkey, some Latin American countries) or in which political freedoms are periodically suspended (e.g. India).

6 Ibid.

included primarily the countries of Central and Eastern Europe, such as Poland, the Czech Republic, Hungary, and Slovenia¹ and, with some reservations, the Baltic states². These countries, in addition to guaranteeing free elections based on true contention that allowed for peaceful alternation of power, were successful in introducing a parliamentary form of governance, implementing the principle of separation of powers, ensuring civil control over military institutions, guaranteeing protection of civic rights, and allowing minorities to express themselves. However, this does not always mean that these rights can actually be exercised in practice.

Among the countries listed above, Poland seems to be in a privileged situation, which is a result of a homogeneous structure in terms of ethnicity and denomination. This exceptional situation of Poland, seemingly contributing to a consolidation of democracy in comparison with the other post-communist countries, was also related to the fact that it was Poland that commenced the process of political and socio-economic changes known as the Revolutions of 1989 and its pre-1989 situation that was different if compared to other “people’s democracies.” This is due to the fact that the Soviet model (collectivization of agriculture, liquidation of private property, a single-party system, etc.) has never been fully implemented in Poland. A significant portion of the agricultural sector remained private; the so-called “private initiative” was also permitted, mainly in terms of services and minor production; and, at least formally, the political system involved three parties—even though the Polish United Workers’ Party was officially the leading party, the separateness and autonomy of its satellite parties (the United People’s Party and the Democratic Alliance) was recognized. Similarly, in comparison with the other Eastern Bloc societies, Polish society appears to be less submissive, striving after independence and full political sovereignty. It was largely due to these elements that Polish society commenced the process of dismantling real socialism and was the first to enter the path of reforms.

The factors listed above should therefore contribute to a democratic transition and speed up the consolidation of democracy, allowing for overcoming the phenomena still present in non-consolidated democracies of the first type. These phenomena undoubtedly include instability of institutional solutions. Poland, which was clearly at the forefront of the changes that led to the “end of history”³ was the last of the countries in Central and East-

1 Agh A. *The Politics of Central Europe*. London: Sage, 1998.

2 In the case of Estonia, Lithuania, and Latvia, the problem of limiting the rights of ethnic minorities, especially the Russian one (and in the case of Lithuania, also the Polish one), has been raised, pointing out the necessity of changes in this respect as a condition for the process of consolidating democracy. Antoszewski A., Herbut R. *Op. cit.*

3 Fukuyama F. *The End of History?* // *The National Interest*. Summer 1989. № 16. pp. 3–18.

ern Europe¹ to adopt a constitution. In October 1992, the so-called “small constitution” was adopted, which regulated the relations between the legislative, the executive, and the local governments. It was in force between 8 December 1992 and 16 October 1997 when the constitution drafted by the National Assembly and accepted in a national referendum came into effect. Even though it has been amended only twice² so far, it is difficult to claim institutional stability in Poland in terms of constitutional matters. Leaving aside a dozen or so attempts to amend the constitution on the initiative of the lower house of the Parliament or the President³, it is worth noting the “4 x YES” initiative started in 2004 by the Civic Platform (an opposition party at the time), which provided patronage for a campaign of collecting signatures for holding a national referendum concerning major changes of the political system⁴. In January 2015, the relevant request was submitted to the Speaker of the lower house of the Parliament, but was never put to vote since the proposed referendum questions concerned amendments to the constitution and according to the constitution itself, “a bill of a law on amendments to the Constitution may be submitted by at least 1/5 of the statutory number of the members of the lower house of the Parliament, by the Senate, or by the President of the Republic of Poland” (Article 235). Considering that it is unlikely that the politicians of the Civic Platform were unaware that they were interfering with constitutional matters, which (in the form of a referendum organized on the initiative of citizens) is prohibited by the very constitution they sought to amend (providing for specific conditions of introducing such amendments), the “4 x YES” initiative seems to be blatant evidence of an instrumental, or even disrespectful, attitude to the constitution. It is also difficult to speak about its stability and about respect for its provisions in the context of the events occurring after 2015 when the United Right (the coalition in power) violates the constitution,

- 1 Before Poland, a constitution was adopted by the Baltic States (Lithuania and Estonia in 1992; Latvia reintroduced its 1922 constitution in 1990) and in the Balkans (Croatia in 1990; Bulgaria, Romania, and Slovenia in 1991); Slovakia and the Czech Republic did it in 1992 (i.e. even before the formal dissolution of the Czechoslovak federation). Hungary is an exception, as it adopted a new constitution only in 2011, previously functioning on the basis of the 1949 constitution that was amended a number of times.
- 2 On 8 October 2006, Article 55 concerning the extradition of Polish citizens was amended and on 7 May 2009, Article 99 concerning passive suffrage was amended (a prohibition of standing for election for persons convicted to imprisonment for an intentional criminal offense subject to public prosecution).
- 3 OT 605. *Zmiany Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1997-2011 w świetle projektów ustaw oraz uchwalonych nowelizacji*. Warszawa: Kancelaria Senatu Biuro Analiz i Dokumentacji, 2011.
- 4 The “4 x YES” name was related to the fact that the Civic Platform proposed this answer to questions concerning decreasing the number of MPs by 50%, liquidating the Senate, introducing single-member constituencies, and abolishing immunity for MPs.

in particular in terms of the justice system¹. This reference to just a single, yet—from the point of view of a consolidation of democracy—highly important aspect of political life, i.e. the right of suffrage, shows that the Polish rules of suffrage are far from stability. Over three decades following a political transformation, changes in this respect were introduced several times, often in line with ongoing political needs and polls. The constitutional provision that the elections to the lower house of the Parliament are to be proportional does not mean that there are no changes, and sometimes even manipulations, concerning suffrage regulations, in particular with respect to converting votes to parliamentary seats, the size of constituencies, the technical conditions of voting, or the criteria to be met by the candidates standing for election. If we look at Polish parliamentary elections based on true contention (i.e. excluding the 1989 “contract” election), in the first decade (1991–2001), the method of counting votes was changed three times (1991: the Sainte-Laguë method, 1993: the d’Hondt method, 2001: a modified Sainte-Laguë method;² in 2002, the d’Hondt method was reintroduced and has been used ever since). In 2002, another change, this time justified, was introduced to the voting rules concerning local elections.³ In 2011, a new Electoral Code was adopted. The Code contains provisions that regulate the process of holding parliamentary, presidential, local, and European Parliament elections. However, since it came into effect, it has been amended nearly 30 times; sometimes, the amendments were in conflict with the Code itself, e.g. in February 2019 the principle of a six-months legislative blackout (in force since 2006) was violated before the elections to the European Parliament. In August 2018, an attempt was made to violate the constitutionally guaranteed principle of proportionality of the elections to the European Parliament: a bill of a law radically (more than three times) increasing the effective electoral threshold was proposed. However, the President vetoed the bill. It is also worth noting that recent (i.e. taking place over the last two years) amendments to electoral regulations in fact are “self-amendments,” i.e. amendments to regulations previously adopted by the coalition currently in power⁴.

- 1 This includes the violation of the provisions concerning the non-removal of judges from office, their independence and the autonomy of tribunals, the method of appointing the members and specifying the composition of the National Council of the Judiciary, the obligation to publish and implement the judgments of the Constitutional Tribunal, appointing its members, and the use of pardon by the President (pardoning a person before they were convicted).
- 2 This was a one-off solution adopted in order to decrease the extent of the expected victory of the Democratic Left Alliance.
- 3 They were related to the introduction of monocratic executive bodies at the local level, i.e. votes in communes and mayors in towns and cities.
- 4 Szolucha S. 2019. Międzywyborcze zmiany prawa wyborczego. URL: <https://serwis.mam-prawowiedziec.pl/2019/03/13/powyborcze-zmiany-kodeksu%20wyborczego/9> (accessed: 27.11. 2019).

Another feature of non-consolidated democracies is personalization of power. Personalization of politics, understood as looking at politics through individuals and equating political parties and programs with specific persons, especially in view of the dominant position of political leaders, in particular during electoral campaigns (which more and more often become a permanent campaign), is precepted as something natural.¹ However, in case of personalization of power, one could speak both about the influence individuals have on the way in which power is exercised (making decisions that are important from the point of view of society) and about the influence of interpersonal relations and characters on these aspects of political life. This leads to a situation where purely psychological elements decide about the functioning of a political system. In many cases counts the character of the persons involved, also known as “chemistry” between people. The personal ambitions of the persons involved in politics often lead to irrational decisions, which in Poland is exemplified by the process of creating political parties by means of division of the existing ones. Albeit it was initially typical to the Right, the establishment of the new political subjects² has also occurred, though to a lesser extent, within the Left.³ In spite of the fact that a fragmentation of the political scene is clearly a major problem, especially for a country that has not been a democracy for a very long time, it is still far worse that relations between politicians reflect how the state functions. In a situation where personal animosities concern politicians within the party or coalition in power, “rough friendship” is often the case.⁴ However, in the event of cohabitation, there may be not only political tensions between the Parliament (plus the government) and the President, but also events that harm the country’s reputation, which was the case in Poland between 2007 and 2010.⁵ A situation where politicians belonging to opposing camps are unable to raise above their private ambitions and interests reinforces the

1 *McAllister I.* Personalizacja polityki. Zachowania polityczne 2. Ed. by Dalton J.R., Klingemann H.D. Warszawa: PWN, 2010.

2 In the 1990s and at the beginning of the 2000s, a large number of political parties were created on the Right; the authors of a split would often give their new party a name close to the name of the party they left. The Movement for the Republic of Poland gave rise to the Movement for the Third Republic of Poland, the Confederation for Independent Poland (founded in communist Poland) produced the Confederation for Independent Poland–Patriotic Camp, and Conservative and People’s Alliance New Poland appeared next to Conservative and People’s Alliance.

3 In the case of the Democratic Left Alliance, the split occurred after the electoral success of 2001 when the party’s prominent politicians (known as “barons”) were involved in a number of abuses and scandals. The attempts to reform made by the party’s leaders and their expectations of a reconstruction were ignored by the barons, which resulted in a secession and the creation of a new party, the Polish Social Democracy.

4 This was the case between Prime Minister Leszek Miller and President Aleksander Kwaśniewski.

5 The most blatant example was foreign policy where “wars for planes” (bound for Brussels) were waged or “battles for a chair” were fought at the meetings of the European Council.

natural aversion between political competitors, often translating into a decrease in the importance of certain events or celebrations that are important from the point of view of the state. Some of these events are depreciated, while others are glorified; those the importance of which is beyond discussion are celebrated separately, in competition.¹ Sometimes, the actions of certain state authorities are sabotaged, like between 2010 and 2015, when Jarosław Kaczyński boycotted the meetings of the National Security Council convened by President Bronisław Komorowski.²

Personalization of politics may also be analyzed in the institutional context, when institutions adopt strategies that emphasize the importance of leaders. Wojciech Peszyński provides the example of subordinating the functioning of the government to the Prime Minister, which may be reflected in certain normative solutions, such as the German chancellor system.³ It is also possible for politics to be dominated by a strong leader who does not perform any formal functions, but whose opinions and decisions have a decisive character. This seems to be the case in Poland. For the first time, this model was used after the 1997 election, when Marian Krzaklewski, the leader of the victorious Solidarity Electoral Action, did not become the Prime Minister (Jerzy Buzek was designated instead). Back then, it was done to avoid the burden of unpopular, but necessary decisions that had to be made and that could negatively affect the image of Marian Krzaklewski who aspired to win the presidential election. This evasive maneuver did not pay off, as Marian Krzaklewski was accused of being a grey eminence and a backseat driver. What it contributed to was a decrease in public trust to him, resulting in not so much a defeat, but a disaster in the 2000 presidential election when he lost not only to the incumbent Aleksander Kwaśniewski, but also Andrzej Olechowski, a candidate with no party standing behind him. However, this tactic continues to be popular with right-wing governments in Poland. In 2005, after Law and Justice won the parliamentary election, Kazimierz Marcinkiewicz became the Prime Minister instead of the party's leader, Jarosław Kaczyński, who announced that he did not want to create a precedent where the Prime Minister and the President would be twins. However, after several

- 1 An example here is the celebration of the 30th anniversary of the Round Table Talks (which for the opposition was the beginning of democratic changes in Poland and for the party in power a "media show"). The anniversary of the 1989 parliamentary elections was celebrated by the opposition with a "Feast of Freedom and Solidarity," while the government focused on the 40th anniversary of John Paul II's pilgrimage to Poland, celebrating the 1989 elections with a ceremonial session of the Senate attended by the President and a concert.
- 2 In September 2014, Jarosław Kaczyński ceased to be a member of the National Security Council. Between the assumption of office by Bronisław Komorowski and the removal of Jarosław Kaczyński from the Council, 29 meetings of the Council were held. Jarosław Kaczyński attended only one of them (the one of 3 March 2014, which concerned the situation in the Ukraine).
- 3 *Peszyński W.* Personalizacja // *Leksykon marketingu politycznego. Wybrane zagadnienia.* Ed. by Kasińska-Metryka A., Wiszniowski R. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014.

months, he changed his mind and replaced Kazimierz Marcinkiewicz as the Prime Minister, holding this position until November 2017 when an early election took place, with the Civic Platform winning and Donald Tusk becoming the new Prime Minister. When Law and Justice came back to power after eight years, Jarosław Kaczyński decided to become an ordinary MP¹ who, however, wields the actual power and has implemented a model where the will of the leader of a political party determines the functioning of the state.

Such an importance of the personal factor has other consequences, as well. These are related to distrust, being typical for non-consolidated democracies as well as the rivalry of political elites also affecting the society. The lack of trust among the elites is especially severe if — as is the case in Poland — the political affiliation of central authorities is different from those of the local authorities. The relationship of the two is characterized by the dominant position of the former over the latter. This is reflected by the central government and its subordinate entities taking more and more competences away from the local authorities, which has never happened since 1990, i.e. since the beginning of the formation of local governments in Poland. The independence of local authorities in carrying out public tasks is being limited as well as their prerogatives. More and more often, anti-local solutions are introduced through parliamentary legislative initiatives, which allow to avoid public consultations; or urgent bills, which in turn make it possible to follow the so-called “short legislative path”. Both methods are convenient to power because they allow to skip consultations within the Joint Commission of the Central Government and Local Governments, which discuss and approve only the bills proposed by the government.² This institutionalized distrust is also characteristic for entities from outside of the political order. This becomes evident in case of civil society, which is treated with visible reserve by those in power. This approach was already adopted during Law and Justice’s first spell in power. After taking over again in 2015, there had been fears that the situation from the years 2005–2007 would come back. This time, the ruling party’s approach towards the third sector changed, but it soon turned out that it was an empty and short-lived declaration.³ It quickly became obvious that the old distrust towards

1 Not only is he not the Prime Minister, but he also decided not to be the official head of his party’s parliamentary fraction and not to perform any other function within the structures of the Parliament.

2 *Paczocha J.* Państwo antyobywatelskie. Postępujący demontaż samorządności terytorialnej w VIII kadencji Sejmu RP. Warszawa: FOR, 2018.

3 The first sector is the area where decisions are made and administrative activities are carried out at the level of the state, municipality, or agency (usually referred to as the public sphere); the second sector covers business, production, commerce, and service, i.e. for-profit operations; the third sector is where non-governmental organizations function for the benefit of everyone, i.e. both themselves and others, and where profit is non-material, as it most often takes the form of satisfaction. Lasocik Z. Kilka uwag o roli organizacji pozarządowych w państwie demokratycznym. Warszawa: Centrum Informacji dla Organizacji Pozarządowych BORDO, Wydawnictwo Fundusz Współpracy, 1994.

non-governmental organizations was still there and that the government tried to bring the third sector close to the first. The best example was the establishment in 2017, against the opinions of activists from NGOs, of the National Institute for Freedom — the Center for the Development of Civil Society, whose purpose had been the support of the development of the third sector. In the opinion of non-governmental organizations, the sole fact of creating such an institution is in conflict with the ideas of self-organization and self-determination, which are the very bases of civil society.¹ They also criticize the fact that the Institute took over the Civic Initiatives Fund, which today sponsors mainly those entities whose activities are in line with the priorities of the government and not necessarily with the goals of third sector entities, in particular if those goals are concerning minorities, migrants, freedom of speech, environmental protection, or security activities².

Distrust towards the third sector had become a problem also because it makes it difficult to build a functional civil society, being able both to carry out the consolidation process and to sustain a consolidated democracy. A functional civil society is one of the three types described by Inka Skłodkowska. It is characterized by the existence of mesostructures that are functional both in relationships with the state and in view of the interests of individuals and groups. The second type is a revolutionary civil society that is focused mainly on the interests of the rule and, in the case of non-democratic systems, openly confronts the authorities and initiates systemic changes by means of negotiations and compromises with those in power without using violence.

The last type, an ethical civil society, is an expression of an ideological and normative community in a society, which is contrary to the official ideology and politics of the state that has no moral basis.³ According to Inka Skłodkowska, Poland before 1989 featured both a revolutionary and an ethical civil society. The first one was embodied by the Solidarity movement, which at the same time was a result of the existence of an ethical civil society. However, the focus on values that were clearly clashing with the “antivalues” presented by the communist authorities had been also a reason of weakness of this society. This weakness had been so significant and durable that it was called a “defective civil society.” This term was introduced by Piotr Ogrodziński, who understood it very widely. It covered the forms of activity not defined in the system, i.e. on the one hand all actions opposing the politics of the state (protests of dissidents, underground publications,

1 Wygnański J. Nowe otwarcie. Nadzieje, obawy i granice, których przekroczyć nie potrafie..., 2016. URL: <http://opinie.ngo.pl/wiadomosc/1910809.html> (accessed: 23.10.2016).

2 Klaus W. Karanie za pomoc — jak rządy zniechęcają organizacje społeczne wspierające migrantów i ich aktywistów do działania // Kwartalnik „Trzeci Sektor”. 2018. № 44(4/2018). pp. 8–18.

3 Skłodkowska I. Społeczeństwo obywatelskie na tle historycznego przełomu. Polska 1980–1989. Warszawa: ISP PAN, 2006.

underground culture, religious life, good-neighborly assistance), but, on the other hand, also the black market and “a vegetative regulation of economy described by János Kornai in his *“Economics of Shortage”*¹. For a defective civil society, the most significant element was the ethical aspect, which was “characterized by a massive emphasis on the common values believed in by the members of this society, as opposed to the values the state was trying to impose”.²

For Poland, the most desired model is a functional civil society. However, to be able to develop and establish it, certain elements of a defective civil society, which on the one hand are being feed up by distrust of the authorities and, thus fuel the aversion towards the state as an institution, have to be overgone. In spite of the political transformation, the Poles still “do not like” the state and continue to express similar expectations towards it, mainly in the social sphere. By fulfilling these expectations, often in a manner providing little satisfaction, the communist state (“their” state) purchases the neutrality of its citizens. Since the state has ceased to be an enemy, then, paradoxically, society, in its own opinion, becomes even more entitled to demand that the duties imposed on the state (which is now “ours”) by the citizens should be carried out. These postulates are accompanied by a propensity to circumvent regulations or blatantly treat the state as a *de facto* hostile institution.³

The philosophy of a strong and centralized paternalist state as preferred by Law and Justice (and the entire United Right), i.e. a state that takes care of its citizens, but also demands loyalty and controls as many areas of life as possible, is being attractive to some part of society. Those in power make promises in which the state undertakes the task to provide certain social benefits and, utilizing economic prosperity, does so, without considering the future consequences of these activities, but winning social approval and support “here and now.” In this way, they draw on the strategy of a “collective bribery of a nation”⁴ that was typical of the communist era and the purpose of which had been to win over the society (and strengthen the reputation of the state), but which, at least for some members of society (including those who enjoy these benefits), is ethically dubious. This is the situation when social transfers are accompanied by cuts in other areas of

1 Ogrodziński P. Cztery modele społeczeństwa obywatelskiego a transformacja w Polsce // Społeczeństwo uczestniczące. Gospodarka rynkowa. Sprawiedliwość społeczna. Ed. by Gortat R. Warszawa: ISP PAN, 1991.

2 Szacki J. Powrót idei społeczeństwa obywatelskiego // Ani książkę, ani kupiec: obywatel. Idea społeczeństwa obywatelskiego w myśli współczesnej. Kraków – Warszawa: Znak, Fundacja im. Stefana Batorego, 1997.

3 An example here is the common inclination of the Poles to excessively use all forms of tax relief or even evade taxation and to work on the black market, which, paradoxically, is often a result of the state imposing additional restrictions and taxes that are intended to finance the carrying out of social functions.

4 Feher F., Heller A. Hungary 1956 Revisited. London: Allen & Unwin, 1983.

social life, in particular those related to civic freedoms the deficit of which was most severe before 1989. The overlapping distrust of those in power towards civil society, which they treat as a rival or even a threat for the state, means that the dichotomy between state and civil society returns to the public sphere, with the state being described in much more positive terms, that in turn results in a revival of the ethical, but also defective civil society that seemingly faded into the past, with the citizens that do not share the values in which the authorities believe and feel obliged to “bear testimony” to democratic and liberal values¹.

Due to the limitations concerning the volume of this text, a number of problems have been omitted, including the growth of populism-oriented attitudes²; political wavering³ and the functioning of the system of political parties,⁴ where regress is being visible. It refers to parties that until recently were marginalized (the Confederation for Freedom and Independence) and now are having seats in the Parliament. It would be interesting also to dwell on the issue of the attitude to the past and its impact on the principle of equality in access to public positions; or the fact that some of the mass media are being taken over, which is another evidence that Poland is moving more and more towards a non-consolidated democracy of the second type,⁵ even though it is free from majority of the problems typical of such a democracy. Going down by 17 places in the Democracy Index over five years (from 40th in 2014 to 57th in 2019)⁶, being presented as an example illustrating the tendency of defective democracies in Europe that will collapse very quickly (“Poland is carrying out its non-liberal program of reforms”)⁷ increase the probability that Poland will become, like Hungary, another example of a “reverse transition” from a country that is prospective in terms of consolidation to a non-consolidated democracy of the second

- 1 Skarżyńska K. Sprzeciw, poparcie czy „dawanie świadectwa wartościom” – co motywuje Polaków do aktywności politycznej // Psychologia rozumienia zjawisk społecznych / Ed. by Wojciszke, Jarymowicz M. Warszawa – Łódź: PWN, 1999.
- 2 Przyłęcki P. Populizm w polskiej polityce. Analiza dyskursu polityki. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2012; Dzworczyk J. Wybory 2015 – dwie kampanie i dwa populizmy // Oblicza kampanii wyborczych. Ed. by Kułakowska M., Borowiec P., Ścigaj P. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016.
- 3 Demokratyczny audyt Polska 2. Demokracja wyborcza w Polsce lat 2014 – 2015. Ed. by Markowski R. Warszawa: Biuro RPO, 2017.
- 4 This means that e.g. the phenomenon of overparticipation, which consists in public space being taken over by political parties, or the attempt to achieve overparliamentization, which means that the parliament becomes the sole public debate forum have been omitted.
- 5 In 2015, in the ranking of media freedom published by the Reporters Without Borders, Poland came 18th; in 2019, it was 59th (RSF 2019).
- 6 Democracy Index. 2019. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=democracyindex2019 (accessed: 15.02.2020.)
- 7 Democracy Index. 2018. URL: <https://forsa.pl/artykuly/1101308,the-economist-intelligence-unit-democracy-index.html> (accessed: 26.11.2019).

type, i.e. the type where chances for achieving democratic consolidation are much smaller.

REFERENCES

- Agh, A. (1993). The „Comparative Revolution” and the Transition in Central and Southern Europe, in: *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 5, № 2. pp. 231–252.
- Agh, A. (1998). *The Politics of Central Europe*, London: Sage.
- Antoszewski, A. (1998). *Tranzycja polityczna*, in: Antoszewski A., Herbut R. (eds.) *Leksykon politologii*, Wrocław: atla2.
- Antoszewski, A., Herbut, R. (2001). *Systemy polityczne współczesnego świata*, Gdańsk: Arche.
- Antoszewski, A., Herbut, R., Jednaka, W. (1993). *Partie i system partyjny w Polsce. Pierwsza faza przejścia ku demokracji*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Blok, Z. *Transformacja systemowa*, in: Sokół W., Żmigrodzki M. (eds.) *Encyklopedia politologii. Teoria polityki*, Kraków: Wolters Kluwer.
- Dahl, R. (1989). *Democracy and Its Critics*, New Haven: Yale University Press.
- DI (2018). *Democracy Index (2018)*. Available at <https://forsal.pl/artykuly/1101308,the-economist-intelligence-unit-democracy-index.html> (accessed: 26.11.2019).
- DI (2019). *Democracy Index (2019)*. Available at https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=democracyindex2019 (accessed 15.02.2020).
- Diamond, L. (1996). *Is The Third Wave Over?*, in: *Journal of Democracy*. Vol.7, № 2. pp. 20–37.
- Dzwończyk, J. (2016). *Wybory 2015 — dwie kampanie i dwa populizmy*, in: Kułakowska M., Borowiec P., Ścigaj P. (eds.) *Oblicza kampanii wyborczych 2016*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Feher, F., Helle, A. (1983). *Hungary 1956 Revisited*, London: Allen & Unwin.
- Fukuyama, F. (1989). *The End of History?*, in: *The National Interest*. № 16. Summer 1989. pp. 3–18.
- Klaus, W. (2018). *Karanie za pomoc — jak rządy zniechęcają organizacje społeczne wspierające migrantów i ich aktywistów do działania*, *Kwartalnik „Trzeci Sektor”*. № 44(4/2018). pp. 8–18.
- Lasocik, Z. (1994). *Kilka uwag o roli organizacji pozarządowych w państwie demokratycznym*, Warszawa: Centrum Informacji dla Organizacji Pozarządowych BORDO, Wydawnictwo Fundusz Współpracy.
- Markowski, R. (ed.) (2017). *Demokratyczny audyt Polska 2. Demokracja wyborcza w Polsce lat 2014 — 2015*. Warszawa: Biuro RPO.
- McAllister, I. (2010). *Personalizacja polityki*, in: Dalton J.R., Klingemann H.D. (eds) *Zachowania polityczne 2*, Warszawa: PWN.
- Nowotarski, B. (2012). *Jak budować a jak burzyć demokracje*, Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe.
- Ogrodziński, P. (1991). *Cztery modele społeczeństwa obywatelskiego a transformacja w Polsce*, in: Gortat R. (ed.) *Spółeczeństwo uczestniczące. Gospodarka rynkowa. Sprawiedliwość społeczna*, Warszawa: ISP PAN.
- OT 605 (2011). *Zmiany Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1997-2011 w świetle projektów ustaw oraz uchwalonych nowelizacji*, Warszawa: Kancelaria Senatu Biuro Analiz i Dokumentacji.
- Paczocho, J. (2018). *Państwo antyobywatelskie. Postępujący demontaż samorządności terytorialnej w VIII kadencji Sejmu RP*, Warszawa: FOR.
- Peszyński, W. (2014). *Personalizacja*, in: Kasińska-Metryka A., Wiszniowski R. (eds.) *Leksykon marketingu politycznego. Wybrane zagadnienia*, Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego.
- Prokop, M. (2017). *Typologia reżimów hybrydalnych. Ujęcie teoretyczno-metodologiczne*, in: *Historia i Polityka*. № 21(28). pp. 27–42. DOI: 10.12775/HiP.2017.018

- Przeworski, A. (1991). *Democracy and the market. Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Przyłęcki, P. (2012). *Populizm w polskiej polityce. Analiza dyskursu polityki*, Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe.
- RSF (2019). World Press Freedom Index, available at: <https://rsf.org/en/ranking> (accessed: 21.01.2020).
- Skarżyńska, K. (1999). Sprzeciw, poparcie czy „dawanie świadectwa wartościom” — co motywuje Polaków do aktywności politycznej, in: Wojciszke, Jarymowicz M. (eds.) *Psychologia rozumienia zjawisk społecznych*, Warszawa — Łódź: PWN.
- Skłodkowska, I. (2006). *Społeczeństwo obywatelskie na tle historycznego przełomu. Polska 1980 — 1989*. Warszawa: ISP PAN.
- Szacki, J. (1997). Powrót idei społeczeństwa obywatelskiego, in: Ani książkę, ani kupiec: obywatel. *Idea społeczeństwa obywatelskiego w myśli współczesnej*, Kraków — Warszawa: Znak, Fundacja im. Stefana Batorego.
- Szołucha, S. (2019). Międzywyborcze zmiany prawa wyborczego, available at: <https://serwis.mamprawowiedziec.pl/2019/03/13/powyborcze-zmiany-kodeksu%20wyborczego/9> (accessed: 27.11. 2019).
- Wygnański, J. (2016). Nowe otwarcie. Nadzieje, obawy i granice, których przekroczyć nie potrafię..., available at: <http://opinie.ngo.pl/wiadomosc/1910809.html> (accessed: 23.10.2016).

Пределы консолидации демократии в Польше

Автор. Дзвончик Иоанна, хабилитированный доктор, профессор Кафедры политических наук, Краковский экономический университет. E-mail: dzwonczj@uek.krakow.pl

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, препятствующие укреплению демократии в Польше. Обозначены основные положения транзитной парадигмы, концепций консолидированной и неконсолидированной демократии. Что касается Польши, то отмечена уникальность положения этой страны до 1989 года и явления, не позволяющие завершить процесс консолидации демократии сегодня. В центре внимания — нестабильность институциональных решений (особенно в рамках избирательного права), персонализация власти и ее последствия, а также недоверие к соперничающим политическим элитам и влияние этих факторов на отношения между государством, региональными администрациями и гражданским обществом.

Ключевые слова: транзит; консолидированные демократии; неконсолидированные демократии; нестабильность институциональных решений; персонализация власти; недоверие к соперничающим политическим элитам.

Стабильные нестабильности: чешский политический ландшафт восьмого электорального цикла

Элла Задорожнюк

Аннотация. В статье анализируются процессы, происходящие в политической истории Чешской Республики после выборов в Палату депутатов в ходе восьмого (2017–2021 гг.) электорального цикла. В первой его половине (2017–2019 гг.) наступило доминирование движения Акция недовольных граждан 2011 (АНГ), которое сменило чередование у власти двух устоявшихся партийных структур — Чешской социал-демократической партии (ЧСДП) и Гражданской демократической партии (ГДП). Отмечается, что современная политика Чехии наполнена многими казусами, но статус одной из наиболее экономически благополучных стран региона и даже Европы в целом, сохраняющийся в ходе восьмого электорального цикла, позволяет предполагать, что ни экономических провалов, ни политических переворотов осмотрительные чешские граждане не допустят. Попытки оппонентов подорвать позиции президента М. Земана и премьер-министра А. Бабиша, а главное — их связки, вряд ли принесут успех. Автор считает, что президент сохранит свой пост до следующих президентских выборов весной 2023 г. а премьер-министр — до выборов в Палату депутатов осенью 2021 г.

Ключевые слова: Чешская Республика, электоральные циклы, Вишеградская четверка, Акция недовольных граждан 2011, Чешская социал-демократическая партия, Гражданская демократическая партия, Брюссельский аудит, коалиции.

Политическую историю Чешской Республики (ЧР) достаточно точно можно разделить по выборам в нижнюю палату — Палату депутатов — чешского парламента с учетом того, что интервалы между ними приобретали особо острокризисный характер. Первый, начавшийся с выборов в Чешский национальный совет в рамках еще единой Чехословакии (1992–1996 гг.), и второй (1996–1998 гг.), открытый выборами в Палату депутатов, характеризуются убедительной победой Гражданской демократической партии (ГДП) — партии, которая внесла наибольший вклад в то, чтобы ЧР стала самостоятельным, точнее, отдельным государственным образованием. Третий этап политической истории Чехии (1998–2002 гг.) носил в чем-то беспрецедентный характер, поскольку конфигурацию политических сил в нем определял

подписанный 9 июля 1998 г. двумя конфликтовавшими партиями — ЧСДП и ГДП — Договор о создании стабилизационного политического пространства в Чешской Республике; его еще именовали Договор о стабилизации политической обстановки в ЧР, но чаще всего — Оппозиционный договор¹. Четвертый этап (2002–2006 гг.) характеризовался доминированием ЧСДП, сумевшей добиться поддержки от, казалось бы, социально чуждых правоцентристских партий при демонстративном игнорировании потенциальных левых союзников — Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ). На пятом этапе (2006–2010 гг.) победила ГДП на «дрожжах» кризиса, связанного с коррупционными обвинениями своих оппонентов, в частности, искавшего новые пути развития ЧСДП С. Гросса. Урезанный шестой цикл (2010–2013 гг.) характеризуется новым доминированием ГДП; он, в свою очередь, завершился гораздо большими доказательствами коррупционности лидера партии П. Нечаса. Как раз после этой победы на политической арене возникло движение АНГ. С 2013 г. наступил седьмой электоральный цикл, когда ЧСДП удалось создать нечто похожее на вертикаль власти, поскольку главой государства был избран ее бывший лидер М. Земан, а партия доминировала не только в Палате депутатов, но также и в Сенате. Наконец, по итогам выборов в Палату депутатов в ходе восьмого (2017–2021 гг.) электорального цикла, наступило время доминирования не партии, а движения, по сути, новой и довольно жесткой партийной структуры — АНГ, сменившей, можно сказать, едва ли не эпоху чередования у власти двух устоявшихся партийных структур.

Движение АНГ возникло в 2011 г., уже в 2013 г. его представители заняли весомое число мест в нижней палате парламента, а 6 лет спустя стало ведущим политическим актором. Этот период, характеризующийся в чем-то беспрецедентной конфликтностью и перманентными кризисами, и составляет предмет анализа данной статьи.

В чем специфика этого периода? Острейшие политические кризисы, инициируемые остальными восемью, а с 2018 г. — шестью, оппозиционными партиями, массовые демонстрации в Праге, а в дальнейшем и в других городах страны, перманентное давление со стороны евроструктур происходят на фоне успешного экономического развития ЧР не только в Центральной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ), но и в Европе в целом. Итак, сколь бы парадоксально это ни звучало, на поверхности политической жизни оказались всеразрушающие бури, а в глубинах экономической жизни — осмотнительное благополучие; такова предельно обобщенная характеристика данного цикла.

1 Smlouva o vytvoření stabilního politického prostředí v České republice uzavřená mezi Českou stranou sociálně demokratickou a Občanskou demokratickou stranou. Praha, 9.7.1998; см. также: Kopeček L. Deformace demokracie? Opoziční smlouva a česká politika 1998–2002. Brno, 2015.

Рассмотрим более внимательно этот парадокс, обращаясь к данному (2017–2019 гг.), электоральному циклу, и попытаемся дать свой прогноз о перспективах его завершающего (2020–2021 гг.) периода с учетом того, что многие его параметры, как и периода Оппозиционного договора, являясь в чем-то беспрецедентными, в то же время становятся привычными и привлекают внимание политических элит стран-соседей по региону.

Предыстория доминирования АНГ в восьмом электоральном цикле сводится к тому, что это движение возникло на фоне обвинений в коррупции. Тогда в стране возникло общее недовольство, которое «оседлала» партия Дела общественные (ДО, 2001–2015 гг.)¹: ее программа включала в себя элементы прямой демократии. Но в дальнейшем недовольные и ею граждане предприняли свои «акции» — в чем-то по модели Гражданского форума. Их возглавил А. Бабиш, второй по состоятельности человек в стране, не демонстрировавший в 2011 г. намерения превратить движение в жесткую политическую структуру. Однако, как бы помимо его воли, но по логике вещей, именно такая структура создавалась по модели успешной корпорации, более эффективной в организационном плане, чем постоянно конкурировавшие партии. Такая квазикорпорация все же вызывала настороженное к себе отношение как устоявшихся правых партий, потому что она выступала все же за свободный рынок, так и левых, поскольку привлекала к себе внимание мерами социальной политики. Ее лидеру — своеобразному демократическому миллиардеру — удавалось добиваться успеха и в этом направлении. Команда Бабиша стала оттеснять с первых мест и ГДП, и ЧСДП, взаимно обвинявших друг друга в коррупционности. Административного ресурса у нее не было, но считалось, что Бабиш особо в коррупционности и не был заинтересован, поскольку и без того являлся вполне обеспеченным. Этот позиционировавший себя «человеком из народа» политик как раз и превратил свою состоятельность в своеобразное преимущество в глазах избирателей, уставших и от коррупции, и от оседлавших эту тему СМИ. Такой «антисимбиоз» привлек внимание и президента М. Земана, который призывал бороться с коррупцией уже не только на уровне взаимных обвинений, разжигавшихся СМИ, отношение к которым тоже не отличалось особой приязнью.

Но как раз по инициативе одного из СМИ в стране начался острый политический кризис. 14 июня 2013 г. газета «Mladá Fronta Dnes», считавшаяся дальнобойным информационным оружием Бабиша, известила читателей об обыске группы лиц, у которых были обнаружены

1 Подробнее см.: Kopeček L., Svačinová P. Kdo rozhoduje v českých politických stranách? Vzestup nových politických podnikatelů ve srovnávací perspektivě // Středoevropské politické studie. 2015. Vol. 17 (2). S. 178–211. DOI: 10.5817/CEPSR.2015.2.178

150 млн крон и десятки килограммов золота. В их числе оказались госслужащие и политики, прямо или косвенно связанные с П. Нечасом. Тот 17 июня объявил о своей отставке с поста и премьер-министра, и лидера ГДП. Месяц спустя одна из участниц коррупционного скандала Я. Надьова (сработал вечный, как и сама политика, принцип: ищите женщину...) и ее коллеги по коррупции были освобождены из заключения, а 21 сентября она и Нечас поженились. Пикантным является то, что к разоблачению взяточничества премьера была причастна и его первая жена. Замаячила перспектива внеочередных выборов — таких же, как и в 1998 г., но с шансами АНГ в роли разоблачителя ГДП занять кресла в Палате депутатов всего через два года после своего появления на политической арене.

На шестых выборах в Палату депутатов 25–26 октября 2013 г. лидером стала ЧСДП, получившая 50 мандатов, на втором месте оказалось АНГ с 47 депутатами; подобный резкий старт был присущ разве что вхождению во власть ГДП на выборах в 1996 г. В текущей же избирательной кампании гражданские демократы получили всего 16 мест, потеряв 80% своего представительства после выборов 2010 г. В начале 2013 г. образовалось коалиционное правительство с 8 представителями от ЧСДП, 6 — АНГ и 3 — Христианского демократического союза — Чехословацкой народной партии (ХДС-ЧНП). Важнее другое: в период седьмого по счету электорального цикла (2013–2017 гг.) была создана упоминавшаяся выше социал-демократическая управленческая вертикаль; ее аналогов в тот период в Европе не наблюдалось. Правда, во многом похожая вертикаль образовалась в Словакии в 2012–2015 гг.¹ Но это возложило и дополнительную ответственность на ЧСДП: теперь можно было обвинять ее во всех неудачах, что, собственно, и происходило. Партия добилась беспрецедентного успеха на выборах, так и не решившись на союз с коммунистами, но сотрудничая в выработке экономической стратегии даже с ГДП, а в вопросах внешней политики — с ХДС-ЧНП. Все же наиболее надежным ее союзником стало именно движение АНГ, лидеры которого с интересом наблюдали за обострившимися как раз после создания вертикали внутрипартийными распрями социал-демократов.

Между тем приближались сроки восьмого электорального цикла. При этом АНГ, ведя жесточайшие бои с правыми партиями, казалось бы, за аналогичные принципы, дистанцировалось и от левых, критикуя их программные установки на социальное государство внутри страны, и на сотрудничающую Европу. Они были выражены в сентябре 2017 г. в предвыборной программе ЧСДП под умиротворяющим названием

1 Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. Словацкая Республика // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. М.-СПб: Нестор-История, 2015. С. 318–320.

«Хорошая страна для жизни»¹. АНГ противопоставило ей свою предвыборную платформу с мобилизующим названием «Сейчас или никогда. Единственная программа, которая вам необходима»². В ней предлагались меры по достижению высоких темпов экономического роста при сдержанности мер социальной поддержки, хотя пенсии в соответствии с ней повышались. Акцентировалось развитие новых технологий и привлечении инвестиций, в данных направлениях движение обещало быть в наибольшей мере преуспевающим, и электорат верил этому.

Уточняя указанные приоритеты, в «Уставе политического движения АНГ 2011» декларировалось: «Мы не хотим заниматься политикой ради лишь политики и тратить время на излишнее политиканство. Мы стремимся вернуть в общественное пространство рациональность и поиски прагматичных решений. Вот почему цель движения АНГ — привлечение в политику тех, кто уже что-то доказал и может многое предложить обществу». То есть ставка делалась не только на «недовольных», но в основном активно работающих граждан. Ключевыми ценностями АНГ провозглашались: свобода; солидарность и ответственность перед гражданами [с чем согласились бы социал-демократы. — Э.З.]; здравый рассудок и стремление к поискам решений [что предпочли бы и гражданские демократы. — Э.З.] семья и гармония между поколениями [что признала бы приемлемым любая партия. — Э.З.]. Детализируя указанные ценности, документ подчеркивал: «Мы хотим указывать на ситуации, когда различные проблемы излишне политизируются в ущерб *конструктивному диалогу, направленному на поиски оптимальных решений* [курсив мой. — Э.З.]. Мы убеждены, что здравый смысл и человеческий подход зачастую становятся лучшим по сравнению с бюрократической закостенелостью выходом»³. В итоге, невод для ловли голосов оказался предельно широким и, как показали результаты выборов, наполненным ими — лишь ГДП в далеком (не столько хронологически, сколько сущностно) 2006 г. получила больше (81 место из 200 по сравнению с 78).

На выборах в Палату депутатов 20 — 21 октября 2017 г. участвовала 31 партия и 750 кандидатов; АНГ набрало 29,6% голосов, на 10% больше, чем в 2013 г. Второе место получила ГДП с 11,3% (в 2013 г. — 7,72%); третье — Чешская пиратская партия (Пираты) с 10,8%, которая оказа-

1 Volební program ČSSD pro volby 2017. URL: <https://www.cssd.cz/ke-stazeni/volebni-program/volebni-program-cssd-pro-volby-2017> (accessed: 28.05.2019).

2 Ted' nebo nikdy. Ten jediný program, který potřebujete. URL: <https://www.anobudelip.cz/file/edee/2017/09/program-hnuti-ano-pro-volby-do-poslanecke-snemovny.pdf> (accessed: 11.09.2018).

3 Stanovy politického hnutí ANO 2011 ve znění změn schválených Celostátním sněmem dne 26. února 2017 a Předsednictvem dne 12. června 2018. URL: ANO. 24.03.2017 <https://www.anobudelip.cz/file/edee/2017/stanovy-schvalene-iv-celostatnim-snemem.pdf>; <https://www.anobudelip.cz/file/edee/2018/stanovy-schvalene-predsednictvem.pdf>

лась в парламенте впервые. КПЧМ, набрав 7,7%, потеряла почти половину своих избирателей. ЧСДП лишилась даже двух третей электората, получив всего 7,3%¹. Тем самым, в 2013 г. были «побиты» гражданские демократы, а в 2017 — социал-демократы, времена двухпартийного доминирования с жесткими клинчами между возглавляемыми ими коалициями прошли. Что же взамен? Неопределенность ответов на данный вопрос и составляет интригу восьмого электорального цикла.

Места в Палате депутатов чешского парламента распределились так: АНГ — 78 мандатов, ГДП — 25, Пираты и Свобода и прямая демократия (СПД) — по 22, КПЧМ и ЧСДП — по 15, ХДС-ЧНП — 10, Традиция, ответственность, процветание 09 (ТОП 09) — 7, Старосты и независимые (СТИН) — 6². Нет ничего удивительного в том, что союзы между этими девятью партиями не могли не отличаться деконструктивностью и даже хаотичностью. Каждая из них с большим трудом шла на компромиссы с соседями, хотя все их лидеры единодушно нападали на АНГ. Тем более интригующим оказался поиск возможных союзников, в число которых, как это ни парадоксально, вошли как раз две левые партии. Поначалу и они нападали на выигравших, порождая в своих рядах фракционные трения, но затем социал-демократы пошли за победителем, потому что делили с ним славу экономических успехов в предшествующем электоральном цикле. С этим курсом не соглашался лидер партии и премьер-министр Б. Сobotка (с 17 января 2014 г. до 6 декабря 1917 г.); однако все же ЧСДП предпочла сменить не курс, а его самого. Что касается КПЧМ, то приглашение ее к сотрудничеству было воспринято с меньшими разногласиями внутри. Негативно настроенные СМИ, связанные в первую очередь с оппозицией, особенно яростно набросились на этот «мезальянс», но к июлю 2018 г. дело было сделано.

5 декабря 2017 г. Земан принял отставку кабинета Сobotки, наделив его временными полномочиями, а 13 декабря 2017 г. утвердил состав нового правительства, председателем которого назвал лидера АНГ А. Бабиша; оно опиралось всего на 78 депутатских мандатов — такого в

1 Подробнее см.: *Ведерников М.В.* Протестный крен в чешской политике: выборы 2017 // РСМД, 23 октября 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/protestnyy-kren-v-cheshskoy-politike-vybory-2017/> (дата обращения: 15.09.2019); см. также: *Задорожнюк Э.Г.* Внешнеполитические приоритеты чешских парламентских партий (по итогам выборов 2017 года) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. Вып. 13. № 1–2. М., 2018. С. 145–146. DOI: 10.31168.2412-6446.2018.1.2.11

2 Несколько эскизных характеристик: ГДП — правоцентристская партия, Пираты — партия, ориентирующаяся на очередных «недовольных», в основном молодых граждан, недовольных любым недовольством; СПД — евроскептическая, антииммиграционная правая политическая партия; ЧСДП и КПЧМ — партии левая и крайне левая; ХДС-ЧНП — партия традиционалистски правая; ТОП 09 — правоконсервативная проевропейски ориентированная партия; СТИН — правая партия тех, кого именуют «крепкими хозяйственниками». Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* Чешская Республика // *Центральная и Юго-Восточная Европа...* С. 418–421.

политической истории страны еще не было. Казалось, ничего не стоило его не признать, но, если прибегнуть к спортивной терминологии, даже не клинч, а ситуация партера (положения в борьбе, когда противник сброшен на пол, но не сдается) все длилась и длилась. При этом, если опять-таки прибегнуть к указанной терминологии, своеобразным судьей выступил президент М. Земан: по видимости, он «подсуживал» АНГ, но все же с немалыми основаниями можно утверждать, что глава государства, скорее всего, не хотел допускать очередных и излишних завихрений в политической борьбе, зная, что его в этом поддерживает и большая часть чешского общества. Так, по опросу агентства «Median» от 18 декабря 2017 г., 44% считали, что премьером должен стать Бабиш даже без доверия большинства депутатов и лишь 10% респондентов в этом случае высказывались за внеочередные выборы¹.

В этом нет ничего удивительного: 2017 год стал для Чехии одним из самых успешных за последнее десятилетие (был зафиксирован рост ВВП на 4,6%), что дало дополнительный импульс развитию новых отраслей. Бабиш продолжал курировать успешную фискальную политику, которую вел на посту министра финансов до своей полускандалной отставки и которую курировал после нее. Он обещал повышение зарплат, пенсий и снижение стоимости проезда на общественном транспорте — и, что главное, выполнял обещанное. Действительно, с 1 января 2018 г. в стране подняли минимальную зарплату с 11.000 до 12.200 крон, составлявшую 40% средней заработной платы. Конечно, он более чем своеобразно был вознагражден за это нападками со стороны своих политических оппонентов, перманентно и любой ценой добивавшихся его отставки. Однако — как показал ход событий — и из неблагодарности он извлекал неплохие уроки и для будущего.

В течение месяца, т.е. до 10 января 2018 г., правительство должно было получить вотум доверия нижней палаты парламента, заявил Земан во время церемонии введения в должность премьер-министра в Пражском Граде 13 декабря 2017 г. Президент пообещал, что Бабиш удержит ее, даже если его кабинет заручится депутатской поддержкой не сможет. Кабинет министров, по его словам, без доверия депутатов, по Конституции, является полноценным правительством, которое может осуществлять любые шаги, включая кадровые. 10 января 2018 г. Земан еще раз подчеркнул, что разделяет стремление Бабиша возглавить правительство профессионалов, заявив перед депутатами: «Вижу, что, возможно, и сегодня Палата депутатов — именно из-за того, что отнюдь не все необходимые переговоры были проведены — не выразит

1 Průzkum: Babiš by měl pokračovat jako premier i v případě, že vláda nezíská důvěru, myslí si 44 procent lidí. 18.12.2017. URL: https://www.irozhlas.cz/zpravy-domov/pruzkum-pokud-babisova-vlada-neziska-duveru-petina-cechu-si-preje-predcasne_1712180705_mos (accessed: 28.01.2018).

вотум доверия правительству Бабиша. В таком случае я подтверждаю свое обещание назначить повторно премьером Андрея Бабиша»¹.

Начались острые дискуссии депутатов, и заседание перенесли с 10 на 16 января, когда «за» доверие правительству, в присутствии 195 депутатов, проголосовали все те же 78 представителей АНГ, а «против» — 117 депутатов остальных восьми партий — при пяти отсутствовавших².

На фоне сложностей, связанных с формированием нового чешского правительства, в январе 2018 г. прошли оказавшиеся не менее турбулентными выборы нового главы государства. Судьба ушедшего в отставку кабинета министров во многом зависела от их итогов, что раздражало оппонентов и Бабиша, и Земана. Во втором туре президентских выборов соперником М. Земана оказался И. Драгош, ученый, бывший президент Чешской академии наук, который четко давал понять, что не будет назначать премьером того, против которого заведено уголовное дело. Кроме этого, почтенный профессор не удержался от становившихся трафаретными обвинений во вмешательстве России в парламентские выборы в Чехии, традиционно не приведя при этом веских аргументов.

В первом туре президентских выборов 12–13 января 2018 г. М. Земан получил 38,6% голосов, а И. Драгош — 26,6, а во втором (26–27 января) — соответственно, 51,4 и 48,6%; сужение разрыва с 10 до 3% можно считать признаком уже свехрискового, но оправданного решения Земана «не сдавать» Бабиша оппозиции. 24 января, за два дня до начала второго тура, приняв отставку правительства Бабиша, он однозначно заявил, что альтернативной кандидатуры на посту премьера не видит. Подобного рода заявления, казалось, не следовало делать по соображениям здравого смысла — «политической арифметики», но Земан пренебрег возможными угрозами, ратуя за правительство слишком уж явного меньшинства, исходя из соображений «политической алгебры».

Выполняя обещанное, 9 февраля Земан поручил премьер-министру в отставке Бабишу очередной раз формировать новое правительство не ограничив выполнение временными рамками. К 11 мая, воспользовавшееся предоставленной паузой, руководство АНГ одобрило проект Коалиционного договора с ЧСДП, подписанного 10 июля 2018 г., и число поддерживающих его голосов достигло 93. Это достаточно ординарный документ, мало напоминающий Оппозиционный договор 1998 г. между ЧСДП и ГДП. В нем отмечалось, что в правительстве будет реализовано представительство движения АНГ 2011 и ЧСДП в соот-

1 Parlament České republiky. Poslanecká sněmovna (далее — ПЧР. PS). 2017- Stenografický zápis 5. schůze. 10 ledna 2018. Žádost vlády České republiky o vyslovení důvěry Prezident České republiky Miloš Zeman. URL: <https://www.psp.cz/eknih/2017ps/stenprot/005schuz/s005005.htm> (accessed: 22.03.2018).

2 Ibid. Stenografický zápis 5. schůze. 16 ledna 2018. Žádost vlády České republiky o vyslovení důvěry. URL: <https://www.psp.cz/eknih/2017ps/stenprot/005schuz/s005056.htm> (accessed: 22.03.2018).

ношении 10 : 5; оказана поддержка представителей органов Палаты депутатов и Сената; председатель правительства будет обладать правом предлагать президенту назначение и отзыв членов правительства; вносилось положение о совместной поддержке правительственных законопроектов — о согласительных переговорах партий. В пункте 8 особо отмечалось, что «члены правительства будут в персональной политике своих министерств уважать принцип высокого профессионализма и моральной устойчивости»¹.

Маневры партии продолжались, и очередным их участником стала КПЧМ. Ординарным можно было бы назвать пакет из нескольких договоров между АНГ и КПЧМ, принятие которых датировано все тем же 10 июля, хотя выпущены они были на суд аналитиков и политиков под общим названием «Патент толерантности» 16 июля, если бы не сама неординарность согласия подписавших его миллиардера и коммуниста. На наш взгляд, он обладал промежуточным статусом между Оппозиционным 1998 г. и Коалиционным с ЧСДП 2018 г. договорами. От первого взяты пункты о невхождении коммунистов в правительство, а от второго — о взаимной поддержке. Он получил многозначительное название «Договор политического движения АНГ 2011 (далее АНГ) и КПЧМ о поддержке создания и толерантного отношения к существующему правительству меньшинства движения АНГ и ЧСДП после выборов 2017 г.»² и содержал весьма примечательные — тоже не «арифметические», а «алгебраические» положения относительно сотрудничества в период восьмого электорального цикла.

Согласно начальному положению первого Договора, при выражении доверия правительству в Палате депутатов, КПЧМ обязуется поддерживать его своими голосами, а согласно третьему — не инициировать в сроки действия мандата предложений по выражению недоверия. В пятом положении говорится: «КПЧМ свои проекты, не содержащиеся в программном заявлении, в предвыборной программе будет представлять посредством своих депутатов, а правительство не будет блокировать их обсуждение, и от отдельных депутатов движения АНГ зависит, как они проголосуют за такие проекты»³. В шестом положении утверждалось, что партии данного договора при поиске дальнейших договоренностей будут оказывать преференции ЧСДП (благополучно забывая злополучные для социал-демократов Богуминские договорен-

1 Koaliční smlouva mezi hnutím ANO 2011 a ČSSD na 8. volební období Poslanecké sněmovny Parlamentu ČR. 10 července 2018. URL: <https://www.cssd.cz/aktualne/actuality/koalici-smlouva-mazi-hnutim-ano-2011-a-cssd-na-8-volebni-obdobi-poslanecke-snemovny-parlamentu-cr> (accessed: 21.09.2018).

2 Toleranční patent. 16.7.2018. Text dohody politického hnutí ANO 2011 (dale jen ANO) a KSČM o podpoře vzniku a tolerance existence menšinové vlády hnutí ANO a ČSSD po volbách 2017. URL: <https://www.kscm.cz/cs/nase-strana/dokumenty/ke-stazeni/tolerancni-patent> (accessed: 21.09.2018).

3 Ibid.

ности) или другим партиям, которые примут участие в учреждении органов Палаты депутатов.

Окончательно кабинет получил вотум доверия 12 июля 2018 г. в соотношении: «за» 105, «против» — 91 голос. Таким образом прошел без 100 дней год, когда правительство явного меньшинства с поддержкой 78, а затем достаточно большого меньшинства в 93 депутата все же начало функционировать. Подавляющее большинство граждан признавало: оппозиции вряд ли удастся сформировать более эффективный кабинет, особенно в плане поддержки уровня экономического благосостояния.

Действительно, по прогнозу Международного валютного фонда, чешская экономика должна была вырасти в 2018 г. на 3,7%, а в 2019 г. — до 3,2%: темпы весьма высокие для стран Вишеградской группы. Безработица в стране занимала самое низкое место в Европе, рост зарплат отвечал высокому спросу на квалифицированных сотрудников. А поскольку, как говорится в русской пословице, от добра добра не ищут, то и рядовые граждане страны не без некоторого равнодушия смотрели на интенсифицирующиеся с этого времени антибабишевские маневры оппозиции в сопровождении массовых демонстраций.

И все же спустя немногим более четырех месяцев, 23 ноября 2018 г., группа из 92 парламентариев смогла поставить перед Палатой депутатов вопрос о недоверии кабинету. В своем выступлении перед депутатами Бабиш проигнорировал ряд обвинений с ее стороны, считая их вздорными. «Мы, — подчеркнул он, — находимся сегодня в специфическом положении, когда часть политиков призывает общество игнорировать результаты свободных демократических выборов. Общество разделено, а оппозиция паразитирует на конфликте внутри общества и даже углубляет его». Следует, по его мнению, бороться против такого разделения и «вернуться туда, где мы были, на вершину Европы. И мы к этой цели постепенно движемся»¹. Опираясь на такого рода аргументы (правда, не привязывая их к конкретным датам — был ли это межвоенный период, или времена «социалистической» экономики), он не находил оснований для ухода в отставку.

Правительство устояло не только против этого демарша оппозиции, но и против инициировавшихся ее частью массовых демонстраций весной 2019 г. Более того, Бабиш наступательно выстраивал политику своего кабинета на внешнеполитических контурах, отстаивая, в частности, интересы Чехии перед другими странами и надгосударственными структурами. Так, на наш взгляд, он небезосновательно утверждал 10 марта 2019 г. (в Варшаве в ходе торжеств, отмечавших 20

1 PČR. PS 2017- Stenografický zápis 23. schůze. 23 listopadu 2018. Návrh na vyslovení nedůvěry vládě České republiky. Předseda vlády ČR Andrej Babiš. URL: <https://www.psp.cz/eknih/2017ps/stenprot/023schuz/s023003.htm> (accessed: 17.01.2019).

лет вхождения первых трех стран Вишеградской группы в НАТО), что военно-политическому блоку и входящим в него государствам угрожают дезинформационные кампании¹. Одна из них набирала силу как раз против него лично по самым разным поводам, начиная, конечно же, с обвинений в коррупции и заканчивая предъявлениями обвинений членам его семьи (так и не разгаданное появление сына Бабиша в Крыму). Следует заметить, что на рейтинги ни А. Бабиша, ни АНГ это особого негативного влияния не оказало².

В той же Варшаве 1 мая 2019 г. по случаю 15-летия вхождения страны в ЕС, Бабиш признавал благотворность и безальтернативность этого шага. Однако при этом он утверждал, что Европа должна принципиально измениться³. «Нам, — заявил Бабиш, — нужна поистине сильная Европа, но Европа сильных стран-членов. Мы должны принципиально изменить ситуацию доминирования сильной и политизированной Европейской комиссии. Нам нужно, чтобы главным двигателем стал Европейский совет, то есть встречи президентов и премьеров»⁴.

Касаясь ключевого для всех лидеров стран Вишеградской группы вопроса о дотациях от ЕС, он отметил: «Мы получили огромные финансовые средства — 740 млрд крон, другие преимущества, к нам пришли инвесторы. Но нужно сказать критически, что именно необходимо изменить»⁵. Остается добавить, что как раз часть этих кредитов и послужила объектом обвинения в их нецелевом использовании и конфликте интересов Бабиша. В Праге 16 мая 2019 г. премьер-министр не снижал критической тональности своих речей, однозначно подчеркнув: членство в ЕС для ЧР «принципиально и благодаря ему достигнут долгосрочный экономический и социальный рост страны, что было невозможно в прошлом». Достигнутые экономические показатели позволяют приближать уровень жизни Чехии к таковому в странах Западной Европы. Вместе с тем, им же поставлен и следующий вопрос: «Почему нам навязывают свои представления о том, как должна инвестироваться наша экономика, а затем мы оказываемся в ситуации, когда получаем средства из европейских фондов не на то, что именно

1 Premiéri zemí V4 v Polsku oslavili výročí vstupu do NATO. Babiš si nepřije vznik evropské armády. URL: https://www.irozhlas.cz/zpravy-svet/visegradska-ctyrka-vyroci-vstupu-d0-nato-cesko-vojenska-prehlika_1903101202_dbr (accessed: 12.02.2021).

2 Volební model MEDIAN — listopad/prosinec 2018: Kauza kolem premiérova syna hnutí ANO neoslabil ani mu výrazně nepomohla. 11.12.2018. URL: median.eu/cs/zajimavosti (accessed: 5.01.2019).

3 Babiš ve Varšavě: Členství ČR nemá alternative, unie se ale musí změnit. URL: <https://echo24.cz/a/Sezpj/babis-ve-varsave-clenstvi-cr-v-eu-nema-alternativu-unie-se-ale-musi-zmenit> (дата обращения: 8.06.2019); см. также: *Задорожнюк Э.Г.* Чешская Республика в ЕС: Осмотрительные ожидания ключевых политических акторов и реальность // Современная Европа. 2019. № 7.

4 Ibid.

5 Ibid.

нам нужно?»¹. И чешские граждане, и зарубежные слушатели улавливали оттенок оправданий премьер-министра за строительство «Гнезда аиста»², откуда из него «вылетали» обвинения в нецелевом использовании средств. Он обосновывал при этом право расходовать инвестиции, меняя приоритетности расходов получаемых из ЕС средств. Ведь, по убеждению Бабиша, ЧР правомерно считать сильной экономикой со здоровыми финансами при почти нулевой безработице. «Мы — одна из самых стабильных экономик в Европе, активно оказываем и будем оказывать существенное влияние на вектор будущего развития ЕС. У нас кое-кому следовало бы поучиться, как нужно управлять общественными финансами», — не переставал утверждать премьер-министр³.

Лето 2019 г. явилось временем новых наступлений на Земана и Бабиша. Так, председатель ГДП П. Фиала предложил 17 июля 2019 г. лишить чешских граждан возможности избирать главу государства на прямых выборах, поскольку они «не умеют этого делать», а поддерживающий Бабиша М. Земан злоупотребляет своими полномочиями⁴. В свою очередь, Сенат, в котором в результате довыборов 2018 г. по одной пятой всех голосов получили ГДП, СТИН и ХДС-ЧНП, в то время как АНГ имела всего 7 сенаторов (ЧСДП — 13, а КПЧМ впервые с 1996 г. — ни одного), 24 июля 2019 г. проголосовал за подачу жалобы на президента Земана, обвинив его в нарушениях конституции. Предложение поддержало большинство Верхней палаты: 48 из 75 присутствующих, 20 высказались против (сенаторы от ЧСДП и АНГ), 7 — воздержались. Инициатива была бесперспективной, но шум произвела, а ГДП посчитала ее началом наступления не столько на Земана, сколько на Бабиша, который эти инициативы как будто вовсе не замечал.

И небезосновательно депутат Я. Фолдына от ЧСДП, реагируя 31 июля 2019 г. на активность правых в связи с жалобой сенаторов, назвал ее инициаторов «клубом побежденных»⁵. «Земан проводит политику, которую он обещал своим избирателям, а это на практике означает, что он делает то, что считает наилучшим с точки зрения чешских национальных интересов. Эти факты «клуб побежденных» не только не признает, но даже не переносит», — заявил он. Депутат

1 Projev předsedy vlády na konferenci 15 let členství České republiky v Evropské unii. URL: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/projevy/projev-predsedy-vlady-na-konferenci-15-let-clenstvi-ceske-republiky-v-evropske-unii-173770> (accessed: 8.06.2019); см. также: Задорожнюк Э.Г. Чешская Республика в ЕС...

2 Гостинично-конференционный комплекс, принадлежащий семье А. Бабиша, при реконструкции которого использовались средства ЕС.

3 Ibid.

4 Černá a bílá: Mají prezidenta volit politici? URL: <https://www.denik.cz/cerna-a-bila/cerna-a-bila-maji-prezidenta-volit-politici-20190715.html> (accessed: 15.12.2019).

5 Foldyna: V České republice probíhá pokus o státní převrat. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/politika/politici-volicum/Foldyna-v-Ceske-republice-probiha-pokus-o-statni-prevrat-590859> (accessed: 15.12.2019).

считал, что приверженцы «клуба» на парламентских выборах в 2021 г., скорее всего, не смогут победить Бабиша, более того, часть из них, скорее всего, вообще может и не пройти в парламент. «Устранению АНГ, — продолжал он, оценивая уже антибабишевские демонстрации, — должны способствовать демонстрации незначительной части (около 1/40 части избирателей), поддерживаемые ангажированными СМИ и презентующие себя как подъем общенационального сопротивления, в комбинации с нападками на Андрея Бабиша брюссельской верхушки»¹.

Однако демонстрации начали собирать уже не десятки, а сотни тысяч протестующих по всей стране. И везде наблюдалась схожая ситуация: целясь в Земана, попадают в Бабиша и наоборот. Все же в демократической Чехии многое зависело от занятых граждан, а число безработных здесь оказалось минимальным. Нетрудно было заметить, что такого рода демонстрации в соседней Польше способствовали укреплению отнюдь не демократических начал и институтов. Как раз поэтому «молчаливое большинство» не спешило выходить на улицы, а «богач» Бабиш оставался для осмотрительных чехов предпочтительнее «бессребреников», скажем, того же Я. Качиньского.

Цель многомесячных протестов, организуемых объединением «Миллион мгновений», по заявлениям его лидера — не создание новой партии ни сегодня, ни в будущем. Но ведь так же упорно вещали лидеры и нынешнего АНГ, а ранее — Гражданского форума; в итоге же появлялись именно партийные структуры, причем довольно жесткие. «Наша задача — быть сторожевыми псами, а это можно делать лучше всего в статусе граждан», — приводит чешское издание «Respekt» одно из такого рода суждений лидера объединения М. Минаржа. Задача создания содержательной альтернативы, которая смогла бы нанести поражение движению АНГ, адресуется им оппозиционным партиям, которые должны разрешить споры между собой — и старые (можно сказать, «клинчевые»), и новые (по выдвижению креативных идей).

Речь может идти о создании предвыборных коалиций с учетом того, что оппозиционные партии, за исключением Пиратов, планируют сотрудничество, начиная выборами на местном уровне, утверждал Минарж, поддерживая изменение законодательства в данном направлении. «Мы, — утверждал он, — понимаем призывы людей, чтобы появилось нечто совершенно новое... Мы хотим быть надпартийным»². Примерно то же говорил в свое время Гавел, на это же указывал и Бабиш; в итоге, первому достались целых четыре президентства, а второму — пока одно премьерство.

1 Ibid.

2 Brolík T., Procházková A. Nová strana proti Babišovi. Respekt. 2019. № 49. URL: <https://www.respekt.cz/tydenik/2019/49/nova-strana-proto-babisovi?issueId=100431> (accessed: 15.12.2019).

Что касается активности оппозиционных партий, то, как представляется, ультрапопулистская, несмотря на свои броские антипопулистские лозунги, партия Пираты все же привлекла внимание избирателей, которые не хотели голосовать ни за устоявшиеся партии, ни за АНГ. Но повторить ситуацию, когда такого рода политические акторы добивались успеха, вряд ли возможно: даже колеблющийся электорат «выбирает АНГ из неизбежности, все еще ожидая лучших предложений и тех, кто принесет новое видение», — утверждал чешский социолог Д. Прокоп; таковых неопределившихся, по его данным, в целом можно насчитать 10%¹.

30-летняя годовщина «бархатной» революции, а также первые после нее месяцы оказались временем нового подъема антибабишевских (а заодно и антиземановских) кампаний — с теми же участниками, но, на наш взгляд, проходивших с заметно меньшей эффективностью и эффективностью. Так, на одном «фронте» массовых выступлений не удалось попытки превратить демонстрацию 17 ноября 2019 г. из памятных в сугубо протестные. Массовые антибабишевские демонстрации, конечно же, не прекратились, но они стали терять решимость идти до конца.

На другом своеобразном фронте тоже начались повторные совместные наступления юристов страны и Европейской комиссии (ЕК). И если местная Генеральная прокуратура повторно выдвинула свои обвинения в связи с концерном Агроферт, то ЕК с большой помпой инкриминировало Бабишу конфликт интересов.

4 декабря 2019 г. Генеральная прокуратура отметила, что прежний прокурор якобы неправильно трактовал некоторые доказательства. В связи с этим Пираты, СТИН, ХДС-ЧНП и ГДП в очередной раз и с большей настойчивостью обратились к премьеру с призывом уйти в отставку (лидер СПД Т. Окамура предложил дожидаться окончательного вердикта суда). Сразу же забеспокоился по этому поводу глава депутатской фракции ЧСДП Я. Хвойка, отметив, что социал-демократы уже два года призывают АНГ избрать председателем менее проблематичного лидера; КПЧМ однозначно по этому вопросу не высказалась, но дала понять, что лишать правительство своей поддержки не собирается.

Запутанность претензий к Бабишу связана с тем, что европейские субсидии, предназначенные для малых и средних предприятий, были получены большим — холдингом Агроферт, создавшим лишь видимость предприятия малого. Правда, в трактовках принимаемых решений даже искушенным журналистам удалось мало чем «пожиться», хотя большинство из них были согласны, что это политически ангажированное обвинение. Некоторые аналитики и журналисты даже упрекали ретивых юристов в том, что они не проявили подобной прыти в более важные для судеб страны времена, когда и глава государства,

1 Ibid.

и большинство чехов и словаков не приветствовали распада единой Чехословакии, а он, тем не менее, состоялся.

В своем аудите в начале декабря 2019 г. ЕК делала акцент на конфликте интересов Бабиша, который, продолжая влиять на процессы принятия решений в двух трастовых фондах, владеющих холдингом Агроферт, извлекал тем самым выгоду из своего якобы двойственного положения. Поэтому Чехии, как угрожала ЕК, придется вернуть все средства, выплаченные Агроферту из европейской казны, начиная с 2017 года, что в сумме составило 284 млн крон (в предшествующих документах ЕК речь шла о 450 млн крон, или 1,7 млн евро).

Правые и часть социал-демократов сразу же заявили, что финансовые средства получала фирма, а вот возвращать их должен народ, хотя аудиторское заключение — не судебный приговор. «Мы не можем допустить, чтобы граждане Чешской Республики заплатили сотни миллионов крон за предпринимательскую деятельность председателя правительства, деятельность его фирм и его прибыль», — заявил в Палате депутатов лидер ГДП П. Фиала, требуя создания парламентской комиссии по надзору за выполнением условий брюссельских аудиторов. Депутаты от АНГ с этим не соглашались, апеллируя к решениям суда, а не пожеланиям политических противников. Бабиш же ответил, что его совесть чиста. Однако ЕК определила 2 месяца с начала декабря для принятия решения о возврате средств. Остается заметить, что от такого рода обвинений отбивались и отбиваются и другие президенты-миллиардеры, причем получается это у них достаточно успешно.

На третьем фронте стремится перестроить свои ряды и обвинения оппозиция. Главное здесь сейчас — попытка отменить клаузулу о проходном барьере для коалиций на выборах в нижнюю палату парламента. Это, по замыслу оппозиции, помогло бы ей добиться прохождения в парламент не поодиночке, как это было раньше, а объединившись в один ударный кулак против Бабиша — в виде коалиции партий. При этом оппозиционеры готовы на любые коалиции, ориентируясь на пример самого Бабиша, который подписал Патент толерантности с «врагами» миллиардеров — коммунистами; он даже публично предоставлял такую возможность другим партиям, правда, заявляя, что под давлением улицы правительство не меняется. Все же правящая коалиция не спешила дезавуировать устоявшиеся правила для прохождения таких коалиций в парламент, меняя их на новые, предлагаемые оппозицией.

Надо особо заметить, что подобную возможность предусматривали непримиримые, но искушенные политики Клаус и Земан, когда еще в 1998 г., после заключения Оппозиционного договора, предполагали, что склонность к манипуляционности отдельных небольших партий может подорвать доминирование сегодня одной, а завтра другой находящейся у власти партии — доминирование без полной монополии

на власть. Важно, что в этом противостоянии новым инициативам был учтен ранее имевшийся опыт неудачной политики «рыхлых» правящих коалиций в соседней Словакии¹.

Такое завершение юбилейного года могло бы выбить из седла любого политика, но только не Бабиша, который мастерски парировал удары на всех трех направлениях.

Первый фронт — массовые демонстрации, достигшие пика в 250 тыс. летом 2019 г., а также гораздо менее массовые — в дни 30-й годовщины «бархатной» революции. Но пресловутый «миллион голосов», если бы он и был собран, вряд ли перевесил бы молчаливые голоса остальных миллионов избирателей, которые более чем удовлетворены экономическим благосостоянием страны и мало обращают внимания на антибабишевскую и антиземановскую риторику на уровне не слов, а электоральных решений

Второй фронт — натиск Брюсселя, перманентно пересматривающего решения местных юридических властей, закрывших дело Бабиша. Этим решением он был теснее включен в когорту антибрюссельски настроенных политических деятелей региона, в первую очередь В. Орбана и Я. Качиньского, да и ряда других лидеров стран ЦЮВЕ, подерживаемых своим электоратом.

Когда в Чехию были доставлены итоги аудита ЕК, доказывающие конфликт интересов Бабиша, верховный государственный представитель, однофамилец президента П. Земан сообщил, что будет возобновлено и судебное преследование по «Гнезду аиста». Как пишут чешские авторы, комментируя это любопытнейшее совпадение двух акций (Брюссельский аудит проводился с января 2019 г., после ужесточения правил ЕС о конфликте интересов), для премьера Бабиша это представляет двойной риск. Как бизнесмен он может потерять сотни миллионов, а как политик и человек — предстать перед судом и попасть в тюрьму. Вслед за Берлускони и Трампом? В это верится с большим трудом, хотя в Израиле президент в тюрьму все же угодил.

Приверженцы Бабиша заявляли в декабре 2019 г., что будут бороться за него «до последнего», замечая, что государственный аппарат был бы парализован такого рода решениями. Все это ведет к нарастанию критического отношения к ЕС; заговаривают и о «Чекзите» по аналогии с «Брекзитом»².

Ситуация перетекла и в следующее десятилетие. Так, 15 января 2020 г. в Страсбурге обсуждался вопрос о том, является ли «казус Бабиша» внутренним делом ЧР или же он должен решаться на европейском уровне. Чешский евродепутат Д. Харанцова (АНГ) заявила, что

1 Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. Словацкая Республика ... С. 302 — 308.

2 Kundera O., Spurný J., Nádoba J. Těžké časy Andreje Babiše. URL: <https://www.respekt.cz/tydenik/2019/50/tezke-casy-andreje-babise?issueId=100432> (accessed: 17.12.2019).

прения в ЕП носят «политическую подоплеку», а ее немецкая коллега М. Гохмейер придерживалась мнения о необходимости решения казуса исключительно на европейском уровне¹. На обычном языке это называется тянуть волынку...

На третьем фронте Бабиш отбивался от нападков со стороны оппозиции во главе с ГДП, политическая агрессия которой возросла обратно пропорционально уменьшению ее представительства в нижней палате парламента. Еще агрессивнее выступили ТОП 09, основатель которой К. Шварценберг всегда делал ставку на НАТО и неприязнь к России; ХДС-ЧНП с ее установками на форсированную поддержку национальных и даже националистически окрашенных ценностей; СПД, лидер которой чешский предприниматель с японско-корейскими корнями Т. Окамура выступает с апологией «Чешской мечты» (название выпущенной им еще в 2010 г. книги). Правда, на выборах в Сенат 1918 г. СПД взяла своеобразный реванш, получив 16 голосов, в то время как АНГ всего 7, а КПЧМ впервые со времени существования Сената — ни одного.

Как держали удары Бабиш и его партия в сложнейшие времена преддверия 2020 г.? Аналитики общественного мнения утверждали, что их позиции особо не пошатнулись. Так, согласно агентству «STEM» (опрос 11–25 октября 2019 г. с участием 1002 респондентов), Бабиш остается политиком с наиболее высоким рейтингом — 52% опрошенных, причем его популярность по сравнению с предшествующим опросом лишь повысилась. Поддержку от 43% до 39% получили его министры, включая даже резко критикуемого в ходе демонстраций министра юстиции М. Бенешову (36%). Председатель ЧСДП и министр обороны Я. Гамачек стабильно поддерживается третью респондентов; примерно такая же поддержка у лидеров оппозиции И. Бартоша (Пираты) и Т. Окамуры; лидера ГДП П. Фиалу поддерживают 25%, а бывшего председателя ТОП 09 И. Поспишила и нынешнего лидера КПЧМ В. Филиппа — по 23%². Согласно же ноябрьскому опросу, в конце 2019 г. в Палату депутатов прошли бы 7 политических партий, ранжируясь следующим образом: АНГ — 23%, Пираты — 9%, ГДП — 8%, СПД Окамуры — 6%, КПЧМ — 6%, ЧСДП — 5%, СТИН — 5%³; если сравнить эти цифры с результатами реального голосования 2017 г., то шансы партий коалиции снизились — но существенного продвижения не обнаруживается и у оппозиционных партий.

1 V europarlamentu opět probírali Babišův střet zájmů. Čílila se hlavně německá poslankyně. 15.01.2020. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/V-europarlamentu-opet-probirali-Babisuv-stret-zajmu-Cilila-se-hlavne-nemecka-poslankyne-610134> (accessed: 18.01.2020).

2 Popularita stranických osobností v říjnu 2019. URL: <https://www.stem.cz/popularita-stranickych-osobnosti-v-rijnu-2019/> (accessed: 04.12.2019).

3 Ibid.

Это отнюдь не благоприятный фон для оппозиционных партий: Пираты с менее чем 9% предпочтений и ГДП с 8%, представляющие старых и новых (в основном, молодых) недовольных, имеют мало шансов против недовольных, ставших классическими — АНГ. На вопрос же, будут ли респонденты участвовать в выборах, 60% ответили позитивно, 22 — негативно, 18% — не определились¹.

Данные еще одного Центра анализов и эмпирических исследований «SANEP» об электоральных предпочтениях чешских граждан, проведенного 21-27 ноября 2019 г. с участием 1926 опрошенных, подтвердили лидерство АНГ, набравшего 29,2% голосов. Второе место заняла ГДП с 10,8%, третье — Пираты, которым отдали предпочтение 8,9% респондентов, на четвертом — СПД с 7,8%, на пятом — Триколор (партия, основанная после выхода из ГДП В. Клаусом-младшим) с 7%. КПЧМ могла бы рассчитывать на предстоящих выборах на поддержку 6,4% голосов, ХДС-ЧНП — 5,5, ЧСДП — 5,2, ТОП 09 — 4,5, СТИН — 4, Партия зеленых — 1,1, а остальные — 9,6%². «Любопытным фактом, — как замечают аналитики Центра, — является то, что на симпатии электората не оказали влияние даже недавние демонстрации, прошедшие в связи с празднованием 30-й годовщины «бархатной революции». Это обстоятельство объясняется прежде всего тем, что, по существу, это был не «голос народа», выступающий против правительства Андрея Бабиша, а, скорее, собрание голосов сторонников оппозиционных партий³.

Не случайно поэтому в самом начале 2020 г. лидер объединения «Миллион мгновений» Минарж заявил о смене тактики: переходе от организации массовых демонстраций к поездкам по чешским регионам с разъяснениями гражданам на местах, почему им не следует голосовать за А. Бабиша и АНГ⁴.

Еще одно агентство — Центр изучения общественного мнения при Институте социологии АН ЧР — провело свой опрос в самый сложный период — с 30 ноября по 11 декабря 2019 г. при участии 713 респондентов. Его аналитики отметили, что если сравнить период до и после возобновления судебного преследования Бабиша, то в степени поддержки его и других партий не произошли существенные изменения. Если бы выборы в Палату депутатов состоялись в декабре 2019 г., то в них приняли бы участие 62% граждан ЧР. При этом АНГ поддержали бы

1 Volební preference — listopad 2019. URL: <https://www.stem.cz/volebni-preference-listopad-2019> (accessed: 04.12.2019).

2 Jednoznačným favoritem voleb je Hnutí ANO, největší nárůst má Trikolóra na hranici volitelnosti se ocitla ČSSD i TOP 09. URL: sanep.cz/pruzkumy/volebni-preference-2019-4 (accessed: 04.12.2019).

3 Ibid.

4 Vyjde Minářovi «převýchova» voličů? 14.01.2020. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/vyjde-Minarovi-prevychova-volicu-A-drsna-slova-odjimud-610012> (accessed: 18.01.2020).

29,5%, Пиратов — 14, ГДП — 12, ЧСДП — 10, КПЧМ — 8, ХДС-ЧНП — 6,5, а СПД — 5,5%¹.

Президент М. Земан оставит свой пост в 2023 г., а 26 декабря 2019 г., по установившейся традиции, он поздравил граждан с праздниками, напомнив об успехах страны: низком уровне безработицы, экономическом росте, повышении средней заработной платы и пенсий. Обратил внимание президент и на недостатки: чрезмерную бюрократию, низкие темпы строительства, причем как жилого, так и дорожного. Земан признался, что чувствует себя «еретиком» в дебатах об изменении климата, которые, по его мнению, становятся новой религией современности².

Как полагают чешские аналитики, Рождественское обращение Земана очередной раз привело к дифференциации настроений чешского общества. Поддержку главе государства выразили представители КПЧМ, ЧСДП и СПД, другие же — оппозиционные — партии, в первую очередь ГДП и ТОП 09 подвергли его критике. Очередной «недовольный» И. Бартош (Пираты), в свою очередь, отметил, что Земан «делает акцент на устаревшем образе промышленности», а предлагаемые им решения проблем нереальны. Премьер-министр Бабиш, напротив, заявил, что весьма доволен обращением президента, в котором тот выразил поддержку, в первую очередь, рядовым гражданам, добавив, что его правительство делает все возможное для решения названных президентом проблем³. А они весьма непростые: по прогнозам, в 2020 г. рост чешской экономики замедлится и составит 2,5%, в то время как в 2019 г. этот показатель был на уровне 2,7%. Вследствие этого, по заключениям экспертов, зарплаты будут расти медленнее, а безработица увеличится, хотя инфляция должна снизиться до тех же 2,5%⁴.

Что касается президента, то этот искушенный политик, осциллируя между левым либерализмом и правым социал-демократизмом, показал себя ведущим политическим игроком, с одной стороны, разрешающим острейшие политические кризисы, а с другой — проводящим сбалансированную внешнюю политику. В этом плане он — не менее, а во многих

1 Volební model v prosinci 2019. 20.12.2019. URL: https://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form-2content/documents/c2/a5073/f9/pv191220.pdf (accessed: 18.01.2020).

2 Vánoční poselství prezidenta republiky Miloše Zemana. 26.12.2019. URL: zemanmilos.cz/cz/clanky/vanocni-poselstvi-prezidenta-republiky-milose-zemana-610464.htm (accessed: 9.01.2020).

3 Каймаков А. Обращение резидента: экология превращается в религию, способную замедлить экономику. 27.12.2019. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiofazeta/obrashchenie-prezidenta-ekologiya-prevrashchaetsya-v-religiyu-sposobnuyu-zamedlit-ekonomiku> (дата обращения: 9.01.2020).

4 Navrátil P. Česká ekonomika v roce 2020? Experti důrazně varují. 26.12.2019. URL: <https://globe24.cz/byznys/ceska-ekonomika-v-roce-2020-experti-durazne-varuji.7461c75d>; см. также: Růst české ekonomiky příští rok zpomalí, shodly se ministerstvo finance, ČNB i Evropská komise. 7.11.2019. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/ekonomika/2970521-ministerstvo-financi-zhorsilo-odhad-rustu-ekonomiky-pristi-rok-na-dve-procenta> (accessed: 10.01.2020).

отношениях более, чем первый президент и второй с присущим ему евроскептицизмом, является глашатаем возвращения в Европу.

Не менее интересна и политическая траектория миллиардера-демократа Бабиша. Он сумел в первой половине электорального цикла обеспечить работу правительств с ориентацией на экономическую стабильность страны и высокие показатели ее развития. Есть основания предполагать, что во второй половине электорального цикла ему удастся отразить атаки: сдержат давление как далекого Брюсселя, так и близкого агрессивного меньшинства, а также не допустить усиления оппозиции внутри парламента.

Отдельного обсуждения заслуживает траектория отношений Чешской Республики с Российской Федерацией — как она репрезентуется ключевыми фигурами политической жизни анализируемого электорального цикла. Она отличается и острым критицизмом, и умолчаниями, и необычным соотношением крайне условных «русофильства» и «русофобства» (о первом напоминает 1938 год, а о втором — год 1968). При этом, говоря образно, они выстраиваются по модели «хорошего» и «плохого» следователя. Так, если Земан демонстрировал внимание к восточному соседу вплоть до того, что его именовали «кремлефилом», то Бабиш, скорее, придерживался антироссийских санкций, политики НАТО и пр.

Однако более глубокий анализ показывает, что осмотрительность, присущая и первому, и второму не делают Земана таким уж «хорошим», а Бабиша столь уж «плохим» в диалогах с Россией. Так, «кремлефил» Земан неожиданно заявил на следующий день после Рождественского обращения, резко реагируя на высказывания МИД РФ о необязательности внесения в ЧР «Дня памяти жертв вторжения 1968 года» в список памятных дат. «Я, — отметил Земан, — недавно принял приглашение президента Владимира Путина на празднование 75-й годовщины победы во Второй мировой войне, и теперь я думаю о том, чтобы не поехать туда вовсе или, что более вероятно, приехать и обратиться к россиянам с предложением перевернуть страницу и забыть об этой дате»¹. В этом же интервью он сказал о правительстве: «В любом случае, я рад, что немного внес и свой вклад в формирование правительства, которое сегодня существует, то есть к созданию нынешней коалиции при толерантном отношении к ней коммунистической партии. Полагаю, что теперь уже от их людей на министерских и премьерских постах зависит, чтобы именно они оценили итоги своей работы»². Присущая чехам осмотрительность не позволяет им забывать, что Россия/СССР, скорее,

1 Nějak jim to klesá! Miloš Zeman si s námi povídal o Minářovi. A má vzkaz pro ty, kteří chtějí jeho konec. 27.12.2019. URL: www.parlamentnilisty.cz/arena/rozhovory/Nejak-jim-to-klesa-Milos-Zeman-si-s-nami-povidal-o-Minarovi-A-ma-vzkaz-pro-ty-kteri-chteji-jeho-k0nec-608285 (accessed: 29.12.2019).

2 Ibid.

выступала другом Чехословакии и в 1918, и в 1938 г. — в самых сложных для двух стран ситуациях, но, как показывает выступление президента, эти факты заслоняются постоянным возвращением к событиям 1968 г., считающимся сверхфатальным для отношений между двумя странами.

Что касается Бабиша, то он не только дистанцируется от русофобских заявлений своего коллеги из Польши, но и, как говорится, не афишируя, пытается выстроить прагматичные внешнеэкономические отношения Чехии и России, зная подлинную цену восточному их направлению.

В то же время политический прогноз в начале третьей декады нового века — дело весьма неблагоприятное и ненадежное. Мощь, коренящаяся в глубинах исторической памяти, стремление к стабильности, присущие чешскому менталитету, позволяет в большей мере надеяться, что исторические потрясения, подобно тем, которые имели место в 1989 г. и 1992 г., в обозримом будущем не произойдут.

Да, на улицы выходят десятки и даже сотни тысяч протестующих, во главе которых находятся люди с плакатами — «В отставку Земана» или же «В отставку Бабиша», но, судя по опросам общественного мнения, проводимыми далеко не ангажированными правительством агентствами, оказывается, что большинство рядовых граждан как раз их поддерживают.

Конечно, современная политика наполнена необычными казусами: может случиться все, что угодно — но статус одной из наиболее экономически благополучных стран региона и даже Европы в целом, достигнутый как раз в ходе последних президентств и премьерств, позволяет предполагать, что ни экономических провалов, ни политических переворотов осматрительные чешские граждане не допустят.

Особенное недоверие вызывает факт вмешательства во внутренние дела страны брюссельских чиновников: здесь у рядовых чехов и Бабиша наблюдается взаимопонимание. Неслучайно его речь с осуждением ЕС как трансгосударственной структуры в год 20-летия вхождения в нее ЧР, граждане слушали столь внимательно, поддерживая жесткую реакцию Бабиша на обвинения в конфликте интересов.

Попытки политических противников подорвать позиции Земана и Бабиша, а главное — их связи, на наш взгляд, вряд ли принесут успех. Президент М. Земан сохранит свой пост до следующих президентских выборов весной 2023 г. а премьер-министр — до выборов в Палату депутатов осенью 2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ведерников М.В.* Протестный крен в чешской политике: выборы 2017. РСМД. 23.10.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/protestnyy-kren-v-cheshskoy-politike-vybory-2017/> (дата обращения: 15.09.2019).
- Задорожнюк Э.Г.* Внешнеполитические приоритеты чешских парламентских партий (по итогам выборов 2017 года) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 1–2. С. 145–146. DOI: 10.31168.2412-6446.2018.1.2.11

- Задорожнюк Э.Г. Словацкая Республика // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. М.-СПб.: Нестор-История, 2015. С. 318–320.
- Задорожнюк Э.Г. Чешская Республика // Центральная и Юго-Восточная Европа. Аспекты общественно-политического развития. М.-СПб.: Нестор-История, 2015. С. 418–421.
- Задорожнюк Э.Г. Чешская Республика в ЕС: Осмотрительные ожидания ключевых политических акторов и реальность // Современная Европа. 2019. № 7.
- Каймаков А. Обращение резидента: экология превращается в религию, способную замедлить экономику. 27.12.2019. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiofazeta/obrashchenie-prezidenta-ekologiya-prevrashchaetsya-v-religiyu-sposobnuyu-zamedlit-ekonomiku> (дата обращения: 9.01.2020).

REFERENCES

- Babiš ve Varšavě: Členství ČR nemá alternative, unie se ale musí změnit. Available at: <https://echo24.cz/a/Sezpj/babis-ve-varsave-clenstvi-cr-v-eu-nema-alternativu-unie-se-ale-musi-zmenit> (accessed: 8.06.2019).
- Brolík, T., Procházková, A. (2019). Nová strana proti Babišovi, in: Respekt. № 49. Available at: <https://www.respekt.cz/tydenik/2019/49/nova-strana-proto-babisovi?issuel=100431> (accessed: 15.12.2019).
- Černá a bílá: Mají prezidenta volit politici? Available at: <https://www.denik.cz/cerna-a-bila/cerna-a-bila-maji-prezidenta-volit-politici-20190715.html> (accessed: 15.12.2019).
- Foldyna: V České republice probíhá pokus o státní převrat. Available at: <https://www.parlamentnilisty.cz/politika/politici-volicum/Foldyna-v-Ceske-republice-probiha-pokus-o-statni-prevrat-590859> (accessed: 15.12.2019).
- Jednoznačným favoritem voleb je Hnutí ANO, největší nárůst má Trikolóra a na hranici volitelnosti se ocitla ČSSD i TOP 09. Available at: sanep.cz/pruzkumy/volebni-preference-2019-4 (accessed: 4.12.2019).
- Kaimakov, A. Obrashchenie rezidenta: ekologiya prevrashchaetsia v religiiu, sposobnuiu zamedit' ekonomiku [The resident appeal: ecology is turning into a religion that can slow down the economy]. 27.12.2019. Available at: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiofazeta/obrashchenie-prezidenta-ekologiya-prevrashchaetsya-v-religiyu-sposobnuyu-zamedlit-ekonomiku> (accessed: 9.01.2020).
- Koaliční smlouva mezi hnutím ANO 2011 a ČSSD na 8. volební období Poslanecké sněmovny Parlamentu ČR. 10 července 2018. Available at: <https://www.cssd.cz/aktualne/actuality/koalichni-smlouva-mazi-hnutim-ano-2011-a-cssd-na-8-volebni-obdobi-poslanecke-snemovny-parlamentu-cr> (accessed: 21.09.2018).
- Kopeček, L., Svačinová, P. (2015). Kdo rozhoduje v českých politických stranách? Vzestup nových politických podnikatelů ve srovnávací perspective, in: Středoevropské politické studie. Praha. Vol. 17 (2). pp. 178–211. Available at: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/4415/3475> (accessed: 25.05.2019). DOI: 10.5817/CEPSR.2015.2.178.
- Kundera, O., Spurný, J., Nádoba, J. Těžké časy Andreje Babiše. Available at: <https://www.respekt.cz/tydenik/2019/50/tezke-casy-andreje-babise?issuel=100432> (accessed 17.12.2019).
- Navrátil, P. Česká ekonomika v roce 2020? Experti důrazně varují. 26.12.2019. Available at: <https://globe24.cz/byznys/ceska-ekonomika-v-roce-2020-experti-durazne-varuji.7461c75d>; also Růst české ekonomiky příští rok zpomalí, shodly se ministerstvo finance, ČNB i Evropská komise. 7.11.2019. Available at: <https://ct24.ceskatelevize.cz/ekonomika/2970521-ministerstvo-financi-zhorsilo-odhad-rustu-ekonomiky-pristi-rok-na-dve-procenta> (accessed: 10.01.2020).
- Nějak jim to klesá! Miloš Zeman si s námi povídal o Minářovi. A má vzkaz pro ty, kteří chtějí jeho konec. 27.12.2019. Available at: www.parlamentnilisty.cz/arena/rozhovory/Nejak-jim-to-klesa-Milos-Zeman-si-s-nami-povidal-o-Minarovi-A-ma-vzkaz-pro-ty-kteri-chteji-jeho-k0nec-608285 (accessed: 29.12.2019).

- Parlament České republiky. Poslanecká sněmovna (далее — PČR. PS). 2017. Stenografický zápis 5. schůze. 10 ledna 2018. Žádost vlády České republiky o vyslovení důvěry Prezident České republiky Miloš Zeman. Available at: <https://www.psp.cz/eknih/2017ps/stenprot/005schuz/s005005.htm> (accessed: 22.03.2018).
- PČR. PS 2017- Stenografický zápis 23. schůze. 23 listopadu 2018. Návrh na vyslovení nedůvěry vládě České republiky. Předseda vlády ČR Andrej Babiš. Available at: <https://www.psp.cz/eknih/2017ps/stenprot/023schuz/s023003.htm> (accessed: 17.01.2019).
- Popularita stranických osobností v říjnu 2019. Available at: <https://www.stem.cz/popularita-stranicky-ch-osobnosti-v-rijnu-2019/> (accessed: 4.12.2019).
- Premiéři zemí V4 v Polsku oslavili výročí vstupu do NATO. Babiš si nepřeje vznik evropské armády Available at: https://www.irozhlas.cz/zpravy-svet/visegradska-ctyrka-vyroci-vstupu-d0-nato-cesko-vojenska-prehlidka_1903101202_dbr (accessed: 4.12.2019).
- Projev předsedy vlády na konferenci 15 let členství České republiky v Evropské unii. Available at: <https://www.vlada.cz/cz/clenove-vlady/premier/projevy/projev-predsedy-vlady-na-konferenci-15-let-clenstvi-ceske-republiky-v-evropske-unii-173770> (accessed: 8.06.2019).
- Průzkum: Babiš by měl pokračovat jako premier i v případě, že vláda nezíská důvěru, myslí si 44 procent lidí. 18.12.2017. Available at: https://www.irozhlas.cz/zpravy-domov/pruzkum-pokud-babisova-vlada-neziska-duveru-petina-cechu-si-preje-predcasne_1712180705_mos (accessed: 28.01.2018).
- Smlouva o vytvoření stabilního politického prostředí v České republice uzavřená mezi Českou stranou sociálně demokratickou a Občanskou demokratickou stranou. Praha, 9.7.1998; also: Kopeček, L. Deformace demokracie? Opoziční smlouva a česká politika 1998-2002. Brno, 2015.
- Stanovy politického hnutí ANO 2011 ve znění změn schválených Celostátním sněmem dne 26.února 2017 a Předsednictvem dne 12.června 2018. ANO. 24.03.2017. Available at: <https://www.anobudelip.cz/file/edee/2017/stanovy-schvalene-iv-celostatnim-snemem.pdf>; <https://www.anobudelip.cz/file/edee/2018/stanovy-schvalene-predsednictvem.pdf>
- Teď nebo nikdy. Ten jediný program, který potřebujete. Available at: <https://www.anobudelip.cz/file/edee/2017/09/program-hnuti-ano-pro-volby-do-poslanecke-snemovny.pdf> (accessed: 11.09.2018).
- Toleranční patent. 16.7.2018. Text dohody politického hnutí ANO 2011 (dale jen ANO) a KSČM o podpoře vzniku a tolerance existence menšinové vlády hnutí ANO a ČSSD po volbách 2017. Available at: <https://www.kscm.cz/cs/nase-strana/dokumenty/ke-stazeni/tolerancni-patent> (accessed: 21.09.2018).
- V europarlamentu opět probírali Babišův střet zájmů. Čílila se hlavně německá poslankyně. 15.01.2020. Available at: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/V-europarlamentu-opet-probirali-Babisuv-stret-zajmu-Cilila-se-hlavne-nemecka-poslankyne-610134> (accessed: 18.01.2020).
- Vánoční poselství prezidenta republiky Miloše Zemana. 26.12.2019. Available at: [zemanmi-los.cz/cz/clanky/vanocni-poselstvi-prezidenta-republiky-milose-zemana-610464.htm](https://www.zemanmi-los.cz/cz/clanky/vanocni-poselstvi-prezidenta-republiky-milose-zemana-610464.htm) (accessed 9.01.2020).
- Vedernikov, M.V. (2017). Protestnyi kren v cheshskoi politike: vybory 2017 [The protest tendency in Czech politics: 2017 election]. RIAC. October 23, 2017. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/protestnyi-kren-v-cheshskoy-politike-vybory-2017/> (accessed: 15.09.2019).
- Volební model MEDIAN — listopad/prosinec 2018: Kauza kolem premiérova syna hnutí ANO neoslabila ani mu výrazně nepomohla. 11.12.2018. Available at: [median.eu/cs/zajimavosti](https://www.median.eu/cs/zajimavosti) (accessed: 5.01.2019).
- Volební model v prosinci 2019. 20.12.2019. Available at: https://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c2/a5073/f9/pv191220.pdf (accessed 18.01.2020).
- Volební preference — listopad 2019. Available at: <https://www.stem.cz/volebni-preference-listopad-2019> (accessed: 4.12.2019).

- Volební program ČSSD pro volby 2017. Available at: <https://www.cssd.cz/ke-stazeni/volebni-programy/volebni-program-cssd-pro-volby-2017> (accessed: 28.05.2019).
- Vyjde Minářovi «převýchova» voličů? 14.01.2020. Available at: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/vyjde-Minarovi-prevychova-volicu-A-drsna-slova-odjimud-610012> (accessed: 18.01.2020).
- Zadorozhnyiuk, E.G. (2015). Slovatskaia Respublika [The Slovak Republic], in: Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa. Konets XX — nachalo XXI vv. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiia. M.-SPb.: Nestor-Istoriia. pp. 318–320.
- Zadorozhnyiuk, E.G. (2018). Vneshnepoliticheskie priority cheshskikh parlamentskikh partii (po itogam vyborov 2017 goda) [Foreign policy priorities of Czech parliamentary parties (based on the results of the 2017 elections)], in: Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii. 13. № 1–2. pp. 145–146. DOI: 10.31168.2412-6446.2018.1.2.11
- Zadorozhnyiuk, E.G. (2019). Cheshskaia Respublika v ES: Osmotritel'nye ozhidaniia kluchevykh politicheskikh aktorov i real'nost' [The Czech Republic in the EU: Prudent expectations of key political actors and reality], in: Sovremennaia Evropa [Contemporary Europe]. 7.
- Zadorozhnyiuk, E.G. (2015). Cheshskaia Respublika [The Czech Republic], in: Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa. Konets XX — nachalo XXI vv. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiia. M.-SPb.: Nestor-Istoriia. pp. 418–421.

Stable Instabilities: the Czech Political Landscape of the Eighth Electoral Cycle

Author. Zadorozhnyiuk Ella, Doctor of Sciences (History), Head of the Department for the Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: elzador46@mail.ru

Abstract. The author analyses the processes that taking place in the political history of the Czech Republic after the elections to the Chamber of Deputies during the eighth (2017–2021) electoral cycle. In its first half (2017–2019) came the dominance of the movement Action of disaffected citizens 2011 (ANO), which replaced the succession in power of two established party structures — the Czech Social Democratic Party (ČSSD) and the Civic Democratic Party (ODS). It is noted that modern Czech policy is filled with full of many incidents, but the status of one of the most economically prosperous countries in the region and even Europe as a whole, which remains during the eighth electoral cycle, allows to assume that neither economic failures nor political coups will be allowed by prudent Czech citizens. Attempts by Opponents' attempts to undermine the positions of President M. Zeman and Prime Minister A. Babiš, and most importantly their ties, are unlikely to bring success. The President will remain in office until the next presidential election in the spring of 2023 and the Prime Minister until the elections to the Chamber of Deputies in the autumn of 2021.

Key words: Czech Republic, electoral cycles, Visegrad four group, Action of disaffected citizens 2011, Czech Social Democratic Party, Civic Democratic Party, Brussels Audit, political coalitions.

Представления о «Польше нашей мечты» спустя три десятилетия после начала трансформации: анализ избирательной кампании 2019 г.

Олег Михалев

Аннотация. Статья посвящена анализу важнейших аспектов политической дискуссии в период избирательной кампании в Польше в 2019 году. Важность парламентских выборов была обусловлена не только тем, что давался ответ на вопрос, кто будет дальше формировать правительство, но также определялось направление дальнейшего развития страны. Автор дает подробную информацию о состоянии демократии, качестве государственного управления, социальной проблематике, мировоззренческих ориентирах, месте Польши в Европе. Отмечается, что все партии и коалиции выступают за демократическую, стабильную, безопасную, процветающую страну, в которой гражданам будут обеспечены благосостояние, справедливость, доступ к системе социальной помощи, здравоохранения и образования. В заключении делается вывод, что важным фактором победы на выборах стало превосходство Пис над либералами в формулировании предложений о путях дальнейшего развития страны.

Ключевые слова: Польша, парламентские выборы, избирательная кампания 2019, Право и Справедливость, Пис.

30 лет, прошедших со времени падения коммунистических режимов в Восточной Европе — достаточно большой срок для того, чтобы избавиться от их наследия и сформировать общество, которое соответствовало бы мечтам людей, начинавших процесс политической и социально-экономической трансформации. За это время сделано немало: созданы основы демократической политической системы и гражданского общества, заработала рыночная модель экономики, позволившая существенно повысить уровень жизни населения, страны региона стали частью евроатлантического сообщества, вступив в НАТО и Европейский союз. Однако вряд ли можно сказать, что эти достижения носят необратимый характер: в политической сфере проявляются авторитарные тенденции и набирает силу правый популизм, экономические показатели все еще далеки от уровня стран Западной Европы, из-за ценностных различий нарастают разногласия с партнерами по ЕС. Поэтому задача закрепления успехов реформ

не только не утратила актуальности, но становится еще более значимой. Неслучайно в период кампании по проведению парламентских выборов в Польше в 2019 г. и оппозиция, и правящая «Право и справедливость» (ПиС) утверждали, что эти выборы будут самыми важными с 1989 г. Глава ПиС Ярослав Качиньский говорил, что выборы должны решить вопрос о сохранении польских национальных ценностей и основ общественной жизни. Выдвинутая крупнейшей оппозиционной партией «Гражданская платформа» (ГП) кандидатом на пост премьер-министра Малгожата Маловата предупреждала, что Польша «идет курсом “Титаника”» и выборы должны изменить этот вектор развития. То, что политики не преувеличивали, подтверждали ощущения рядовых поляков. Согласно опросам, 60% граждан считали, что выборы будут иметь влияние на их жизнь, а доля уверенных в этом среди лиц с высшим образованием превышала 70%. Придавая такую важность выборам, 78% опрошенных собирались принять в них участие¹. Действительно, явка превысила 61,7%, став самой высокой со времен президентских выборов 1995 г.

Чувство решающей роли голосования, состоявшегося 13 октября 2019 г., появилось не только потому, что давался ответ на вопрос, кто будет дальше формировать правительство, но и потому, что определялось направление дальнейшего развития страны. За четыре года пребывания ПиС у власти политический раскол в польском обществе еще более углубился. Так называемая «польско-польская война»², начавшаяся в середине 2000-х гг., разделила страну, по меткому определению Я. Качиньского, на «либеральную Польшу» и «солидарную Польшу». Проведенные после 2005 г. выборы четко показывали доминирование ГП, сплотившей вокруг себя либеральную часть электората, и ПиС, апеллирующей к традиционным национальным и католическим ценностям. Однако деление на две Польши никогда не было абсолютным. На политической сцене сохраняли присутствие левые, перед которыми осенью 2019 г. стояла задача вернуться в Сейм, куда они не прошли четырем годами ранее, не преодолев процентного барьера, Крестьянская партия (по польской аббревиатуре ПСЛ — *Polskie Stronnictwo Ludowe*), а также многочисленные националистические группировки, рассчитывающие потеснить ПиС на правом фланге. Все участники выборов 2019 г. предлагали избирателям свои рецепты, как улучшить экономическую ситуацию в стране, решить социальные проблемы, обеспечить благополучие и процветание Польши и ее граждан. Кампания показала, что, взгляды на пути продвижения к «Польше нашей

1 Najważniejsze wybory od 1989 roku? Ponad połowa Polaków uważa, że wynik głosowania wpłynie na ich życie. TokFM. 8.10.2019. URL: <http://www.tokfm.pl/Tokfm/7,117303,25281162,najwazniejsze-wybory-od-89-roku-ponad-polowa-polakow-uwaza.html> (accessed: 24.10.2019).

2 Подробнее см.: *Лыкошина Л.С.* «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши. М., 2015. С. 5–10.

мечты»¹, даже спустя три десятилетия после начала трансформации, у различных политических сил довольно заметно расходятся, а значит, не совпадают они и в разных сегментах польского общества. Далее мы рассмотрим важнейшие пункты дискуссии о том, какой должна выглядеть Польша в представлениях партий, принявших участие в выборах, и какими средствами они предлагали двигаться по направлению к предполагаемому идеалу.

Демократия

Для оппозиционных партий главным пунктом предвыборной повестки стало состояние демократии в Польше. После победы на выборах в 2015 г. ПиС стала предпринимать систематические попытки установить контроль не только над законодательной и исполнительной, но и судебной властью, а также над средствами массовой информации. Партия провела своих представителей в конституционный суд и добилась принятия закона, согласно которому председатели общих судов должны быть подотчетны министерству юстиции. В подконтрольные государству СМИ были назначены новые руководители, после чего телеканалы заняли откровенную про-писовскую позицию и стали ежедневно подвергать уничтожающей критике оппозицию, восхваляя действующую власть. Очевидно, что такая политика была воспринята значительной частью польского общества как антидемократическая, ведущая в сторону возрождения авторитарных тенденций, сворачивания демократических норм и процедур, а также ограничения верховенства права. На протяжении всех четырех лет оппозиция пыталась, используя как парламентские методы борьбы, так и уличные протестные акции, остановить наступление ПиС на демократию. Ее главными лозунгами были восстановление независимости судов и свободы СМИ².

Приближение нового избирательного цикла (а с конца 2018 г. выборы следовали каждые полгода: в октябре 2018 г. — в местные органы власти, в мае 2019 г. — в Европейский парламент, в октябре того же года — парламентские, в середине 2020 г. должны были состояться президентские выборы) побудило либеральные оппозиционные партии сплотиться под лозунгами защиты демократических ценностей, так как порознь они не имели шансов в соперничестве с ПиС. В январе 2018 г. появились сообщения о сотрудничестве «Гражданской плат-

1 «Польша нашей мечты» — название книги лидера Я. Качиньского, изданной в 2011 г. (Kaczyński J. Polska naszych marzeń. Lublin, 2011) В ней он описал свое представление о будущем Польши в случае прихода ПиС к власти.

2 Подробный анализ политической ситуации в Польше в течение 2015–2018 гг., включая деятельность оппозиционных партий и массовых протестных движений, можно найти в книге: Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия / под ред. Л.Н. Шишлиной, М.В. Ведерникова. М., 2018. С. 95–140.

формы» и «Современной» на предстоящих муниципальных выборах, а 16 февраля они представили совместный манифест под названием «Ближе к людям». В нем они провозгласили стремление к таким ценностям, как свобода, равенство, достоинство и солидарность, выразили намерение бороться с «грубой и невежественной политикой ПиС», которая «уничтожает государственные институты и ослабляет право». Лучшей гарантией развития Польши обе партии объявляли завершение децентрализации государства посредством укрепления роли местных властей, увеличения вовлеченности граждан в систему управления на всех уровнях, усиления гражданского контроля над органами власти¹.

Относительно успешное выступление коалиции на муниципальных выборах (она получила 27,1 % голосов — меньше, чем совокупный результат двух партий в 2015 г., но зато либералам достались все крупные города, в том числе Варшава) проложило дорогу не только к расширению сотрудничества ГП и «Современной», но и к поиску путей привлечения новых союзников для достижения победы над ПиС. Результатом объединительных усилий в стане оппозиции стало создание впервые в истории современной Польши широкого фронта левых и центристских сил. 24 февраля 2019 г. лидеры ГП, «Современной», ПСЛ, «Союза демократических левых сил» (СДЛС) и партии зеленых подписали соглашение об образовании «Европейской коалиции» с целью формирования общего списка кандидатов на выборах в Европарламент. Коалицианты заявляли, что решили пойти на совместное участие в выборах, «видя огромную угрозу со стороны безответственной, популистской и антиевропейской политики, проводимой правительством ПиС». Они отмечали, что в последние годы идут прахом затраченные ранее огромные усилия по приближению Польши к европейским стандартам, что она становится «ближе к Востоку, чем к Западу». Поэтому коалиция должна одержать победу над «автократами, популистами, националистами», и в этом случае может осуществиться «мечта о сильной, прекрасной, свободной Польше, в которой скромная власть служит гражданам. О Польше, в которой никто никого не отторгает, не преследует, где люди уважают друг друга несмотря на разницу между ними. О Польше, где каждому без исключения хочется жить»².

Совместное выступление оппозиции на выборах в Европарламент не принесло ей успеха: ПиС получила более 45,3% голосов, показав тем самым наилучший результат, достигавшийся какой-либо из партий III Речи Посполитой. «Европейская коалиция» с почти 38,5% набрала на

- 1 Bliżej ludzi. Manifest samorządowy Platformy Obywatelskiej i .Nowoczesnej. Nowoczesna. URL: https://nowoczesna.org/wp-content/uploads/2018/02/Manifest_2018-PO-N.pdf (accessed: 29.10.2019).
- 2 Koalicja Europejska. Jak powstała i dlaczego. Koalicja Europejska. URL: <https://koalicjaeuropejska.pl/o-nas> (accessed: 1.11.2019).

10% меньше, чем составившие ее партии смогли получить на аналогичных выборах 2014 г., выступая порознь. Как следствие, коалиция развалилась сразу после выборов. ГП и «Современная», однако, сохранили свой союз, вернувшись к прежнему названию «Гражданская коалиция» (ГК). Несколько позже к нему присоединились «зеленые» и движение «Польская инициатива». К осенним парламентским выборам они подготовили совместную программу под названием «Твоя Польша». В 136-страничном документе первый раздел, состоящий из почти 40 страниц (без малого третья часть), посвящен проблеме демократии. В нем партии-коалицианты обещали покончить с утвердившейся при правительстве ПиС практикой нарушения принципов демократии и правового государства, ведущей к созданию государства, подчиненного одной партии. В случае победы на выборах они намеревались принять «Акт обновления демократии», который создаст гарантии независимости государственных институтов, прав и свобод граждан от исполнительной власти. Будет восстановлена независимость конституционного и верховного судов, а право назначения судей отобрано у министерства юстиции. Функции министра юстиции и генерального прокурора, объединенные при правительстве ПиС, будут четко разделены. Коалиция обещала также вернуть свободу общественным СМИ, сделав их политически и финансово независимыми от государства, усилить элементы прямой демократии, введя право на проведение референдума после сбора миллиона подписей в его поддержку. Право на голосование при этом можно будет реализовывать через Интернет, что сделает государство ближе молодым людям и лицам с ограниченными возможностями¹.

Бывшие партнеры либералов по «Европейской коалиции» тоже не могли обойти стороной столь острую тему, как защита демократии, но в списке их приоритетов она оказалась не на первых местах. На левом фланге в середине июля 2019 г. образовалась коалиция из СДЛС, партии «Вместе», соперничество которых в 2015 г. не позволило левым пробиться в Сейм, и партии «Весна» — новичка на политической сцене, созданной в начале 2019 г. популярным политиком Робертом Бедронном. Программа «Левого блока» под названием «Завтрашняя Польша» к проблеме демократии в стране обращалась только в предпоследнем разделе, отводя ей всего несколько строк. Левые обещали гарантировать верховенство права в стране, наказать виновных в нарушении конституции, восстановить независимость судебной системы и разделить функции генерального прокурора и министра юстиции².

1 Twoja Polska. Program Koalicji Obywatelskiej. S. 9 — 15. Koalicja Obywatelska. URL: <https://koalicjaobywatelska.pl/program> (accessed: 1.11.2019). Далее — *Program Koalicji Obywatelskiej*.

2 Polska jutra. Główne postulaty Lewicy. S. 17. Lewica. URL: https://lewica2019.pl/images/media/Program_Lewicy.pdf (accessed: 1.11.2019). Далее — *Program Lewicy*.

ПСЛ пошла на парламентские выборы в коалиции с движением «Кукиз'15», сумевшим в 2015 г. занять третье место на волне популярности своего лидера — рок-музыканта, актера и общественного деятеля Павла Кукиза. Хотя союзники по «Польской коалиции» имели немного общего в политических взглядах, они сумели составить программу «Объединяем поляков», где среди прочих тем на паре страниц затронули проблему демократии в Польше. Они обещали увеличить роль граждан в решении судеб страны, для чего предлагали: ввести одномандатные избирательные округа, которые лучше позволят гражданам контролировать своих избранников и даже отзываться их с депутатского места; ввести референдумы при сборе миллиона подписей и голосование через Интернет; обновить судебную систему, сделав суды более дешевыми и эффективными; ввести всеобщие выборы генерального прокурора, уполномоченного по правам человека и национального судебного совета; расширить полномочия местных и региональных органов управления¹. Даже объединение ряда небольших правых группировок, вошедших в состав Конфедерации «Свобода и Независимость», в своей короткой программе один из пяти предвыборных лозунгов посвятило проблеме судов, пообещав восстановить доверие поляков к судебной системе посредством обеспечения независимости судей и сокращения сроков судебных процессов².

Разумеется, ПиС должна была ответить на критику со стороны оппозиции, и она это сделала в своей обстоятельной 230-страничной программе «Польская модель государства благосостояния» (самой большой по объему из всех, представленных принявшими участие в выборах партиями), где объяснила проводимые ею реформы необходимостью избавления от пороков посткоммунистической системы. По мысли идеологов ПиС, начатые в 1989 г. реформы были проведены слишком неполно и непоследовательно, в результате чего сохранились недостатки старого общества, к которым добавились худшие элементы новой системы — социальный дарвинизм, неэквивалентное распределение собственности и нелояльность части элиты польскому государству. В правление либеральной коалиции ГП-ПСЛ эта система была законсервирована, вследствие чего демократия работала со сбоями, подвергаясь манипуляциям со стороны правящих партий. Именно тогда правительство установило контроль над парламентскими процедурами, судопроизводством и важнейшими СМИ. Поэтому ПиС

1 Łączymy Polaków. Program wyborczy 2019. S. 3 — 4, 25. Polskie Stronnictwo Ludowe. URL: https://www.psl.pl/wp-content/uploads/2019/09/PROGRAM_PSL_2019.pdf (accessed: 1.11.2019).

2 Polska dla Ciebie. Program Konfederacji Wolność i Niepodległość. S. 8–9. Konfederacja Wolność i Niepodległość. URL: <https://konfederacja.net/wp-content/uploads/2019/09/KONFEDERACJA-Program-Wyborczy-Polska-dla-Ciebie.pdf> (accessed: 1.11.2019). Далее — *Program Konfederacji*.

только стремится исправить недостатки системы¹. Лозунг улучшения государственного управления, таким образом, стал для Пис не только ответом на обвинения в недемократизме, но и важнейшим средством борьбы с политическими противниками.

Качество государственного управления

С момента своего возникновения Пис ставила задачу изменения сложившейся в Польше после начала трансформации модели государственности. Собственно, об этом уже говорило название партии, которое в учредительной декларации объяснялось тем, что в Польше на втором десятилетии после начала реформ «не хватает права и справедливости... Не хватает права, потому что не все равны по отношению к закону... Не хватает справедливости, потому что граждане не получают от государства того, что им государство должно предоставить: защиту, безопасность, спокойствие и стабильность». Создатели партии, братья Ярослав и Лех Качиньские, и их сторонники утверждали, что именно состояние польского государства является проблемой номер один: «Мы не создадим справедливого общества и эффективной экономики, если наше государство будет служить реализации частных индивидуальных или групповых интересов, если не будет соблюдать закон и добиваться его исполнения, если будет растрачивать общественные фонды и позволять самым влиятельным и богатым уклоняться от обязательств, если оно будет слабым и коррумпированным»².

Виновниками в создании порочной государственной системы Пис видела как наследников коммунистов, то есть левых, которые не позволяли стране избавиться от недостатков прежней системы, так и те вышедшие из лагеря «Солидарности» силы, которые предали дело борьбы за свободу, демократию и независимость, предпочтя узкокорыстные интересы общественному благу. Поэтому на протяжении всей своей истории партия беспрестанно боролась и с теми, и с другими, только в связи с изменением политической конъюнктуры основное направление ее атак со временем сместилось от первых ко вторым. В первой половине 2000-х, когда правила СДЛС, целью Качиньских было отстранение левых от власти, а значит главным пунктом в повестке дня значилась борьба с посткоммунизмом. Действующая политическая система подвергалась уничтожающей критике, а чтобы дать понять, что существующая модель государства заслуживает только полного демонтажа, Пис выдвинула лозунг создания Четвертой Речи Посполитой. Программа, с которой партия шла на парламентские выборы

- 1 Polski model państwa dobrobytu. Program Prawa i Sprawiedliwości 2019. S. 22 – 34. Prawo i Sprawiedliwość. URL: http://pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf (accessed: 01.11.2019). Далее – *Program PiS 2019*.
- 2 Deklaracja założycielska krajowego komitetu “Prawo i Sprawiedliwość”. 26.05.2001 // Polska Scena Polityczna. 2001. № 8. S. 13–14.

2005 г., носила символическое название — «Четвертая Речь Посполитая — справедливость для всех». В ней обещалось ликвидировать институты, оставшиеся от социалистической Польши, расширить люстрацию, выявив всех тайных осведомителей спецслужб той эпохи и лишить их привилегий, навести порядок в судах, прокуратуре, администрации, уничтожив сформировавшиеся в прежнее время в этих учреждениях порочные практики¹.

После 2005 г. главным противником ПиС стала «Гражданская платформа», поэтому идея о Четвертой Речи Посполитой утратила актуальность и была убрана из политического лексикона. В 2015 г. борьбу за прекращение 8-летнего пребывания у власти ГП партия Я. Качиньского вела под лозунгом «перемена к лучшему» («*dobra zmiana*»). Но основной рефрен остался прежним — необходимость «исправления государства». В принятой в 2014 г. программе, получившей название «Здоровье. Работа. Семья», главные проблемы польского государства по-прежнему выводились из социалистического периода истории страны и начального этапа трансформации, сохранившего сильные экономические и политические позиции у бывшей коммунистической номенклатуры. Однако утверждалось, что ПиС не позволили сломать сложившийся порядок в период ее пребывания у власти в 2005-2007 гг., и ответственность за это несет «Гражданская платформа» и лично ее лидер Дональд Туск. Резкая критика со стороны ГП заставила ПиС уйти от власти, не довершив начатого дела. А новое правительство вместо продолжения реформ сохранило все худшие элементы прежней политической системы, создав на их основе свою собственную «систему Туска». Ее главный принцип — удержание власти ради нее самой. Для этого ГП готова идти на нарушение демократических норм, дискредитировать оппозицию (т.е. ПиС), манипулировать общественным мнением. Вместо того чтобы служить гражданам, такая система служит только себе самой. Исповедуемая ею либеральная идеология самым отрицательным образом влияет на исполнение государством своих функций: оно не заботится об интересах индивида, семьи, общества и народа, а защищает только людей, стоящих у власти. Отсюда следуют такие антисоциальные меры правительства ГП, как закрытие школ, больниц, библиотек, сокращение финансирования учреждений культуры, почты, судов, повышение пенсионного возраста и т.д.² В случае победы на выборах ПиС обещала сломать эту систему и заставить государство служить гражданам.

- 1 IV Rzeczpospolita — sprawiedliwość dla wszystkich. Program Prawa i Sprawiedliwości 2005 // Wybory 2005. Partie i ich programy / pod red. I. Stodkowskiej i M. Dołbakowskiej. Warszawa, 2006. S. 124–125.
- 2 Zdrowie. Praca. Rodzina. Program Prawa i Sprawiedliwości 2014. Warszawa, 2014. S. 15–19, 47–48. Prawo i Sprawiedliwość. URL: <http://pis.org.pl/dokumenty> (accessed: 08.11.2019). Далее — *Program PiS 2014*.

В программу 2019 г. основные тезисы выдвинутых ранее обвинений в адрес ГП вошли в почти неизменном виде, разве что название «система Туска» было заменено на «систему позднего посткоммунизма», возможно, из-за того, что Д. Туск, занявший в конце 2014 г. пост председателя Европейского совета, ушел из польской политики и, таким образом, перестал быть врагом № 1. Отражая реалии четырех лет пребывания ПиС у власти, программа отмечала, что партии удалось сделать многое в сфере укрепления государственных институтов: реформирована система министерств, позволившая улучшить качество управления, запущена программа модернизации полиции и пожарной службы, реорганизована прокуратура и суды, восстановлена эффективность государства в сфере культуры, науки и реализации исторической политики, возвращен плюрализм мнений в СМИ и т.д. Однако оппозиция, пользуясь своим контролем над рядом СМИ, препятствует исправлению государства, и в особенности судебной системы, являющейся бастионом посткоммунизма и защищающей главным образом интересы связанных с преступным миром влиятельных групп. И выступающих против судебной реформы противников ПиС не столько волнует проблема демократии в Польше, сколько возвращение к власти и сохранение посткоммунистической системы. Ради этого они готовы идти на любые меры, включая попытки свергнуть легитимное правительство при помощи уличных выступлений или используя поддержку извне, в частности давление Евросоюза¹.

Критика системы государственного управления, которой в программах ПиС уделяется так много места, стала одной из наиболее выигрышных для партии тем. Действительно, она не свободна от недостатков, и коррупционные скандалы, в которых оказываются замешанными высокопоставленные политики — в Польше дело вполне привычное. Именно вследствие такого скандала — так называемой «аферы Рывина»² — лишился своей популярности СДЛС, до середины 2000-х гг. занимавший, казалось, прочные позиции одного из лидеров на польской политической сцене. Не избежало скандалов и правительство ГП. За 8 лет пребывания у власти оно оказалось вовлечено в целый ряд неприятных историй, связанных с взятками, незаконным предоставлением преимуществ на торгах, неправильным распоряжением общественными финансами и пр. В апреле 2017 г. ПиС на своей

1 Program PiS 2019. S. 34–38, 44–47.

2 В конце 2002 г. «Газета wyborcza» опубликовала разговор ее главного редактора А. Михника с кинопродюсером Л. Рывиным, который предлагал от имени группы, «имеющей власть», за взятку решить вопрос о покупке телеканала «Польсат». Раскрученный правыми партиями скандал коснулся в том числе премьер-министра Л. Миллера и создал в обществе впечатление, что его правительство насквозь коррумпировано. Вследствие этого рейтинг СДЛС упал с 35 до менее чем 10%. Подробнее см.: Михалев О.Ю. Польский Союз демократических левых сил в начале XXI века // Славяноведение. 2014. № 5. С. 34–35.

странице в «Фейсбуке» опубликовала список из 115 «афер коалиции ГП-ПСЛ», начиная от выявленной в октябре 2009 г. аферы в сфере игорного бизнеса до разразившегося под самый конец правления «Платформы» так называемого скандала с записями. В записанных в одном из варшавских ресторанов частных разговорах видных политиков ГП содержались шокировавшие поляков подробности их отношения к государству, общественным и личным денежным средствам, польскому народу и друг к другу. Взятые в совокупности эти скандалы стали одной из причин проигрыша ГП на выборах 2015 г.¹

Самой ПиС, впрочем, тоже не удалось избежать обвинений в действиях, не вписывающихся в предложенные ею самой высокие стандарты. Накануне выборов 13 октября 2019 г. влиятельный либеральный еженедельник «Политика» опубликовал на своей интернет-странице перечень из 10 важнейших скандалов, связанных с деятельностью правительства партии Я. Качиньского. Среди прочего там фигурировали: непредоставление полной информации об имуществе премьера М. Моравецкого, получение крупных денежных сумм министрами в качестве вознаграждения за работу, получение денежных средств от аффилированных банков и фондов, использование маршалом Сейма М. Кухчиньским служебного самолета в личных целях и т.д. Примерно в это же время в Интернете появилась страница, финансируемая политическими оппонентами ПиС, где подобного рода случаев насчитывалось уже ровно сто. На странице предлагалось остановить правление аферистов и сделать 13 октября правильный выбор².

Однако в целом можно утверждать, что оппозиции не удалось скомпрометировать правительство ПиС и в достаточной мере развить тему борьбы с его злоупотреблениями. В программных текстах конкурирующих партий проблема исправления недостатков государственного управления либо не затрагивалась вовсе, либо была представлена фрагментарно (к примеру, ПСЛ предлагала лишать избирательного права лиц, уличенных в коррупции, а также права работать в общественных институтах, а СДЛС требовал упразднить Институт национальной памяти как орудие пропаганды). Поэтому данная тема оказалась монополизирована ПиС, что стало одной из составляющих ее избирательного успеха.

1 PiS publikuje «wykaz afer» PO-PSL. WP Wiadomości. 14.04.2017. URL: <https://wiadomosci.wp.pl/pis-publikuje-wykaz-afer-po-psl-6111974636738177a> (accessed: 08.11.2019).

2 Dąbrowska A., Szczerbiak A. Oto jak PiS rujnował państwo: 10 największych afer. Polityka. 11.10.2019. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1928002,1,oto-jak-pis-rujnowal-panstwo-10-najwiekszych-afer.read> (accessed: 18.10.2019); <http://100aferpis.pl/> (accessed: 08.11.2019).

Социальная проблематика

Еще одной сферой общественно-политического дискурса, в которой правящей партии удалось навязать свою повестку, стали вопросы улучшения качества жизни поляков. С самого начала своего существования ПиС выражала стремление к социальной справедливости и неприязнь к экономическому либерализму и индивидуализму. В социально-экономической сфере позиции партии отличались намерением усилить роль государства в экономике, поддержать уязвимые слои населения, увеличить расходы бюджета на поддержку семей, образование, науку, культуру¹. Накануне выборов 2015 г. ПиС резко критиковала правительство ГП за то, что его либеральный курс в экономике не позволил поднять жизненный уровень поляков: продолжающийся экономический рост увеличил доходы лишь и без того богатой части общества, усилив социальное расслоение. Эффектом такой политики стали рост государственного долга и массовая эмиграция поляков в поисках работы и лучшей жизни. Исправить такое положение, считала партия Я. Качиньского, не слишком сложно — достаточно более рационально распределять имеющиеся финансовые средства, направив их в первую очередь на поддержку семей. Экономное расходование ресурсов, по подсчетам ПиС, позволит выделить на эти цели за 2015–2020 гг. 12 млрд злотых². К выборам партия подготовила целый комплекс предложений, к которым оппоненты не нашли контраргументов и которые стали важнейшим слагаемым в победе. Главным козырем стала программа «Семья 500+», согласно которой ПиС обещала выплачивать по 500 зл. (около 8,5 тыс. руб.) на второго и последующих детей в семье (а при низком доходе семьи — и на первого). Кроме того, предлагалось выдавать бесплатные лекарства для пожилых граждан с 75 лет, снизить пенсионный возраст, поднятый предыдущим правительством, с 67 лет до 65 для мужчин и 60 для женщин, повысить минимальную оплату труда, упростить и частично снизить налоги, увеличить строительство дешевого жилья для молодых семей, вернуться к обучению детей в школах с 7 лет вместо 6 и пр.

В отличие от многих партий, которые вспоминают о социальных вопросах лишь накануне выборов, ПиС все четыре года пребывания у власти уделяла им первостепенное внимание, и значительную часть обещаний ей удалось провести в жизнь. После принятия Сеймом закона о выплатах 500 злотых на второго и последующих детей до достижения ими возраста 18 лет с апреля 2016 г. более 2,7 млн семей начали получать ежемесячное пособие, на что государство стало выделять более 20 млрд злотых в год. Беднейшие семьи, имеющие доход

1 Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej / pod red. K.A. Paszkiewicz. III wyd. Wrocław, 2004. S. 113–114.

2 Program PiS 2014. S. 73–75.

на человека менее 800 зл. в месяц, могли рассчитывать на получение денег и на первого ребенка. Главное обещание ПиС, к возможности реализации которого политические оппоненты относились крайне скептически, было выполнено.

Помимо того, в январе 2017 г. вступил в силу закон, на основе которого началось регулярное повышение минимальной оплаты труда. Если в 2015 г. она составляла 1 750 зл. в месяц (немногим менее 30 тыс. рублей), то в 2017 г. устанавливалась в 2 тыс. зл. В последующем ставка минимальной оплаты труда ежегодно поднималась, в 2020 г. она должна составить 2600 зл. Это все еще существенно ниже, чем в соседней Германии, но разница в уровне оплаты труда постепенно выравнивается, что позволяет многим полякам находить работу с достойной зарплатой у себя на родине, а не искать ее за рубежом¹.

В октябре 2017 г. пенсионный возраст был снижен до прежних значений. Правительство отменило закон об обязательном обучении детей в школах с 6 лет, вернувшись к обучению с 7 лет. В 2016 г. был введен налог на банки, в соответствии с которым те ежегодно должны вносить в казну 0,44% своих активов, а с 1 января 2019 г. налог на малый бизнес, наоборот, понижен — с 15 до 9%. В январе 2018 г. вступили в силу изменения в налоговую систему, в соответствии с которыми необлагаемый налогом размер годового дохода граждан увеличивался с 3 до 8 тыс. злотых. Правда, эти меры составили лишь малую часть из данных ранее обещаний: не были обложены налогом на оборот торговые сети, не был снижен налог на добавленную стоимость, не обнулен НДС на детские товары и пр.²

В течение 2019 г., в связи с приближением парламентских выборов, правительство ПиС инициировало еще ряд дополнительных мер социальной поддержки граждан. В марте были подняты пенсии, а в мае пенсионеры получили так называемую 13-ю пенсию — разовую выплату в размере почти 900 злотых. 4 июля Сейм принял закон, в соответствии с которым работающие молодые люди в возрасте до 26 лет освобождались от уплаты подоходного налога. Мера направлена на то, чтобы побудить молодежь искать работу в Польше. Предполагается, что льготой сможет воспользоваться до 2 млн человек. В апреле был обновлен закон о программе «500+», в связи с чем с июля 2019 г. она распространена на каждого ребенка, не достигшего 18 лет вне зави-

1 Płaca minimalna 2020 netto i brutto. Ile «na rękę» będzie wynosić płaca minimalna? Dziennik Polski. 2019.15.15. URL: <https://dziennikpolski24.pl/placa-minimalna-2020-netto-i-brutto-ile-na-reke-bedzie-wynosc-placa-minimalna-1511/ar/c11-14261699> (accessed: 18.11.2019).

2 Stańko K. Obietnice wyborcze PiS z 2015 r. Co przez ostatnie cztery lata zrealizowało Prawo i Sprawiedliwość, a czego nie zrobiło? Demaskator24. 14.10.2019. URL: <https://demaskator24.pl/obietnice-wyborcze-pis-z-2015-r-co-przez-ostatnie-cztery/ar/19217577> (accessed: 15.11.2019).

симости от уровня доходов его семьи. По данным правительства, финансовая поддержка распространится на 6,8 млн детей. Помимо того, ПиС инициировала программу «500+ для лиц с ограниченными возможностями», в соответствии с которой взрослые инвалиды, чей доход не превышает 1 600 зл. ежемесячно, будут получать дополнительно по 500 зл. Соответствующий закон был подписан президентом 9 августа и вступил в силу 1 октября. Поддержкой в рамках этой программы будет охвачено около 500 тыс. человек¹.

Противники ПиС подобные меры вполне справедливо определяют как популистские и много говорят о том, что они разрушают государственный бюджет. Действительно, за годы пребывания партии Качиньского у власти долг Польши увеличился на 110 млрд зл., превысив в середине 2019 г. 1000 млрд. Это, однако, составляет всего около 49% ВВП страны, что является одним из наиболее низких показателей в ЕС². Но, что важнее, осуществляемые правительством социальные выплаты самым положительным образом влияют на покупательную способность населения. Они увеличивают спрос на внутреннем рынке и являются важным фактором экономического роста. В 2017–2018 гг. годовые темпы роста ВВП находились у отметки 5%, что было одним из лучших показателей в Евросоюзе и входило в число наиболее удачных периодов с начала трансформации. Быстрое развитие страны наполнило ее руководство оптимизмом по поводу дальнейших перспектив и позволило говорить о ликвидации отставания от стран Западной Европы. В ходе избирательной кампании Я. Качиньский, основываясь на данных Варшавской главной школы торговли, неоднократно заявлял, что Польша, имеющая в 2019 г. 71% ВВП на душу населения от среднего по ЕС, при сохранении имеющихся тенденций в состоянии за 14 лет достичь средневропейского уровня развития, а через 21 год догнать Германию³.

Однако выровнять показатели ВВП с западными соседями — только часть задачи. Главное для ПиС — обеспечить равный с ними уровень жизни. Поэтому во время партийной конференции в сентябре 2019 г. Я. Качиньский провозгласил лозунг создания в Польше «государства благосостояния». «Мы должны поставить прежде всего на рост оплаты труда и доходов», — заявил он, добавив, что система ценностей партии выстроена вокруг человека и его достоинства,

- 1 Raport 100 obietnic Zjednoczonej Prawicy. Podsumowanie realizacji stu najważniejszych obietnic rządu. S. 8 – 9, 40, 63, 72 – 73. Demagog. URL: <https://demagog.org.pl/wp-content/uploads/2019/09/100-Obietnic-Zjednoczonej-Prawicy.pdf> (accessed: 15.11.2019).
- 2 Szymański D. W 1 bilionie polskiego długu kryje się ważna kwestia, której nie można ignorować. Business Insider Polska. 12.06.2019. URL: <https://businessinsider.com.pl/finanse/makroekonomia/dlug-publiczny-polski-a-odsetki-od-dlugu/vhwj9wq> (accessed: 15.11.2019).
- 3 Kaczyński: Za 21 lat dogonimy Niemców. Bankier.pl. 08.10.2019. URL: <https://www.bankier.pl/wiadomosc/Kaczynski-Za-21-lat-dogonimy-Niemcow-Sprawdzamy-7751796.html> (accessed: 12.11.2019).

поэтому она будет бороться за поддержание социального равенства при сохранении высоких темпов экономического роста. В качестве главных целей на новый 4-летний избирательный период Качиньский выделил следующие три направления (так называемый «хет-трик Качиньского»): доведение к концу 2020 г. минимальной заработной платы до 3 тыс. зл., а к концу 2023 г. до 4 тыс. зл.; повышение пенсий и осуществление с 2021 г. 13-й и 14-й годовой выплаты пенсионерам; увеличение доплат фермерам с целью доведения их до среднеевропейского уровня¹.

Конкурирующие партии не смогли подготовить ответа, хотя бы отдаленно напоминающего социальную повестку ПиС. В их программах не содержалось идей, способных по своей привлекательности встать вровень с предложениями Качиньского. ГК обещала снизить налоги, СДЛС — повысить уровень заработных плат и пенсий, а также снизить цены на лекарства, ПСЛ — освободить от налогообложения пенсии, сократить на один час рабочее время для родителей детей, которым не исполнилось 10 лет, и поддерживать малое предпринимательство. Но даже вместе взятые эти обещания не могли заменить концепцию «государства благосостояния» ПиС. Предложения оппозиционных партий были вторичными, они отталкивались от инициатив правительства, либо дополняя, либо критикуя их. В результате ПиС безраздельно доминировала в социальной проблематике, укрепляя за счет нее свои электоральные позиции. Более того, за четыре года даже оппоненты вынуждены были признать состоятельность ряда принятых ПиС решений. Так, ГП, нещадно критиковавшая программу «Семья 500+» в 2015 г., к 2019 г. согласилась с тем, что она посильна для бюджета, и заявляла о намерении сохранить ее. Лидер «Платформы» Гжегож Схетына также признал, что повышение пенсионного возраста в 2012 г. его партией было ошибкой². Однако высказывавшаяся в отношении инициатив ПиС критика со стороны политических противников позволяла партии в ее пропаганде утверждать, что в случае победы оппозиции меры, принятые ею для улучшения жизни поляков, будут отменены. Это не могло не действовать на малообеспеченные и социально незащищенные слои населения, которые вновь стали основой электората ПиС.

1 Konwencja programowa Prawa i Sprawiedliwości w Lublinie. Prawo i Sprawiedliwość. 7.09.2019. URL: <http://pis.org.pl/aktualnosci/konwencja-programowa-prawa-i-sprawiedliwosci-w-lublinie> (accessed: 16.11.2019).

2 Schetyna: podwyższenie wieku emerytalnego było błędem. Polsat News. 12.07.2019. URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2019-07-12/schetyna-podwyzszenie-wieku-emerytalnego-to-byl-bad/> (accessed: 22.11.2019).

Мировоззренческие ориентиры

В Польше традиционно важное место в общественно-политическом дискурсе занимают проблемы отношения к таким морально-нравственным ценностям, как религия, семья, национальная культура. При этом, как справедливо заметил известный польский политолог Ежи Вятр, подходы партий к такого рода вопросам могут не коррелироваться с их взглядами в социально-экономической сфере, искажая традиционное деление на левых и правых¹. И мы можем видеть, как ПиС, делая акцент на социальной справедливости партия (являющаяся с этой точки зрения левой), по отношению к мировоззренческим вопросам может считаться правоконсервативной и национально-католической. Фактически речь здесь идет не о разделе на правых и левых, а о выделении традиционалистов и модернистов. Первые выступают в защиту ценностей, которые они считают исконно польскими: традиционная семья, национальная культура, важная роль церкви в общественной жизни. Они возражают против появления новшеств, считающихся чужеродными: легализации гомосексуальных браков, аборт, экстракорпорального оплодотворения, приема мигрантов. Вторые полагают, что Польша как современная европейская страна должна следовать духу времени и толерантно относиться к изменениям в социальной и культурной жизни.

Конфликт между традиционалистами и модернистами за четыре года правления ПиС только обострился. Попытки сторонников Я. Качиньского провести реформы, соответствующие их представлениям о социальных нормах, частью общества были встречены резко негативно. Так, ПиС попробовала реализовать идею, которую ей не удалось воплотить в жизнь в период пребывания у власти в 2005–2007 гг. — ввести полный запрет абортов. Это вызвало многотысячные протесты, прокатившиеся по ряду польских городов, которые заставили правительство отозвать внесенный законопроект². К началу 2019 г. острота проблемы несколько спала, тем не менее партии в своих программах не могли не затронуть вопроса о том, какие морально-нравственные ценности намерены поддерживать.

Лагерь модернистов составили ГК и СДЛС. Первая в своей программе намеревалась легализовать партнерские союзы, в том числе гомосексуальные, приравняв их к официальным бракам в вопросах наследования имущества, возможности получения информации о состоянии здоровья партнера и пр. При этом партия считала, что и в традиционных семьях отношения между супругами должны быть

1 *Wiatr J.* Europa pokomunistyczna. Przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku. Warszawa, 2006. S. 193.

2 См. подробнее: *Михалев О.Ю.* Протест по-польски. Оппозиционные общественные движения в Польше в 2015–2018 гг. // Проблемы стран постсоветского пространства, стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Вып. 2. Воронеж, 2018. С. 195–196.

модернизированы в пользу равноправия женщин посредством более активного вовлечения мужчин в процесс воспитания детей, поощрения предоставления им отцовского отпуска по уходу за детьми. ГК обещала оказывать поддержку женщинам, желающим прибегнуть к экстракорпоральному оплодотворению, путем полного финансирования этой процедуры из государственного бюджета. По мнению партии, это может помочь 1,5 млн бесплодных пар и изменить к лучшему демографическую ситуацию в стране¹. СДЛС в своей программе шел еще дальше. Также обещая легализовать партнерские союзы и сделать бесплатной процедуру *in vitro*, он предлагал обеспечить каждой женщине право на легальное и безопасное прерывание беременности до 12 недели, а после этого срока — в зависимости от медицинских показаний. Кроме того, СДЛС призывал содействовать распространению методов современной контрацепции. Традиционно для левых, партия настаивала на ограничении роли католической церкви в общественной жизни, намереваясь сократить финансовую поддержку костела со стороны государства, ликвидировать его налоговые привилегии и убрать религиозное воспитание из школ, заняв освободившееся место дополнительными уроками английского языка².

Интересы сторонников консервативных ценностей отражает прежде всего ПиС. Партия выступает в защиту традиционной семьи, понимая ее исключительно как союз мужчины и женщины. В своей программе партия заявляла о намерении противодействовать тенденциям, направленным на разрушение института семьи, бороться с попытками воспитания у молодежи негативного отношения к созданию семьи и воспитанию детей. Она указывала на важность защиты семейных отношений, воспитания детей, предлагала стимулировать повышение рождаемости, в том числе мерами финансовой поддержки. Следует отметить, что выдвинутые ПиС социальные программы, прежде всего «Семья 500+», рассматривались партией не просто как средство повышения жизненного уровня населения, но и как инструмент выправления не слишком благополучной демографической ситуации в стране, характеризующейся низким уровнем рождаемости. Однако в этом аспекте оппоненты ПиС отмечали недостаточную эффективность программы, которая не смогла оказать на демографию существенного влияния: если в 2017 г. был отмечен небольшой рост рождаемости, то в 2018 г. произошел ее спад³.

Подчеркивала ПиС и стремление поддержать католическую церковь, оградив ее от нападков и попыток снизить роль в обществе. Партия утверждала, что польский костел является основой национальной

1 Program Koalicji Obywatelskiej. S. 16, 23, 54.

2 Program Lewicy. S. 11, 15, 16.

3 Program PiS 2019. S. 11, 65; Raport 100 obietnic Zjednoczonej Prawicy. S. 41.

идентичности, хранителем традиций народа и важнейшим моральным авторитетом. Поэтому замена католических ценностей на какие-либо другие неизбежно приведет к утрате польским народом духовно-нравственных ориентиров, за чем неизбежно последует и утрата независимости¹.

Еще одним важным вопросом, связанным с сохранением национальной идентичности, стала проблема приема и размещения мигрантов, превратившаяся после миграционного кризиса в Европе 2015 г. в одну из наиболее острых тем общественно-политического дискурса. Партии центра и левого фланга в период избирательной кампании предпочли эту проблему не акцентировать и не касались ее в своих программных документах, понимая, что продвигаемая Евросоюзом идея принудительного распределения мигрантов по государствам-членам не находит поддержки в обществе. По данным опроса Центра изучения общественного мнения, проведенного в декабре 2017 г., за предоставление убежища беженцам из стран, охваченных вооруженными конфликтами, выступила лишь треть поляков, причем только 4% соглашались на их постоянное проживание в стране². Однако для правых партий тема миграции являлась выигрышной, поэтому они не могли ее обойти в предвыборной полемике.

ПиС в своей программе подчеркивала, что, несмотря на давление со стороны ЕС, ее правительство отказалось принимать план расселения беженцев с Ближнего Востока, и что ее позиция по урегулированию миграционного кризиса заключалась в укреплении внешних границ Евросоюза и принятии мер по устранению причин миграции в кризисных регионах. Партия обещала и в дальнейшем противиться принятию невыгодных для Польши решений в области миграционной политики. Вместе с тем она отмечала, что надеется на возвращение в страну поляков, которые ранее покинули ее пределы. Для этого ею была расширена сфера действия Карты поляка, которая ранее предназначалась прежде всего лицам польского происхождения, рассеянными по постсоветскому пространству, но теперь распространена и на иные части света³. Напомним, что Карта поляка подтверждает польское происхождение и облегчает возможность получения визы в Польшу, трудоустройства в стране и получения гражданства.

Правая «Конфедерация» в своем неприятии миграции пошла еще дальше. Она утверждала, что политики как левоцентристской оппозиции, так и правящей ПиС намеренно ведут к преобразованию Поль-

1 Program PiS 2019. S. 15.

2 Stosunek do przyjmowania uchodźców. Komunikat z badań CBOS 163/2017. Centrum Badań Opinii Społecznej (CBOS). URL: http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2017/K_163_17.PDF (accessed: 02.10.2019).

3 Program PiS 2019. S. 175, 178, 184.

ши в многонациональное государство, поощряя массовую трудовую иммиграцию (по всей видимости, здесь имелась в виду не столько миграция беженцев из стран Ближнего Востока, сколько приток граждан соседней Украины, число которых в Польше на середину 2019 г. оценивалось приблизительно в 1,3 млн человек). Конфедераты считали, что страна не может принимать мигрантов в таких масштабах, поэтому нужно ограничить их приток, сделав ставку на возвращение в Польшу тех ее граждан, которые уехали на Запад в поисках работы, а также на программы репатриации лиц польского происхождения. Это, а также поощрение миграционных перемещений внутри страны должно обеспечить потребности польского рынка труда и снять опасения предпринимателей о нехватке рабочей силы¹.

Место Польши в Европе

Продолжением спора политических сил Польши о мировоззренческих ориентирах являлась их полемика об отношении к европейской интеграции. Взгляды партий на место Польши в Европе определялись главным образом отношением к европейским ценностям, и раскол здесь точно соответствовал вышеозначенному разделению на модернистов и традиционалистов. Первые выражали приверженность идее расширения сотрудничества в рамках ЕС, вторые делали акцент на защите суверенитета страны и беспокоились возможностью растворения ее национальной идентичности в единой Европе.

В сущности, во многом политическая борьба в стране с момента прихода к власти ПиС определялась вопросом об отношении к европейским ценностям. Все острые темы, поднимаемые оппозицией — ограничение независимости судов и СМИ, право человека на выбор партнера или на прерывание беременности, ухудшение позиций страны на международной арене — так или иначе касались места Польши в Европе. Оппозиция считала, что правительство ПиС изолирует страну среди партнеров по ЕС, а то и вовсе ведет к выходу из Евросоюза. Свою борьбу с ПиС она обосновывала задачей сохранения европейского выбора, и проевропейские лозунги стали спланированными для всех оппозиционных сил. Недаром самое широкое их объединение, созданное перед выборами в Европарламент в мае 2019 г., получило название «Европейская коалиция».

В ходе парламентской избирательной кампании главный оппонент ПиС — «Гражданская коалиция» — вновь использовала аргумент о том, что политика правительства уводит Польшу в сторону от Европы. В предвыборной программе она отмечала, что страна «деградировала до второй лиги ЕС», вследствие чего получит из бюджета Евросоюза на 2021–2027 гг. на 100 млрд евро меньше, чем в предыдущий период.

1 Program Konfederacji. S. 15.

Коалицианты обещали, что в случае победы вернут Польшу в число европейских лидеров и добьются того, чтобы ЕС эффективно помогал стране преодолевать вызовы XXI века¹.

Впрочем, обвинения ПиС в антиевропеизме слишком прямолинейны и продиктованы логикой политической борьбы. Партия ни на одном этапе своего существования не отрицала необходимость пребывания Польши в Евросоюзе и определяла сама себя как «евро-реалистскую». Это значит, что она осознает выгоды, вытекающие для страны из членства в ЕС, и пытается использовать представившиеся возможности с наибольшей пользой — как для государства, так и для народа. Именно слабое отстаивание национальных интересов и подчинение их воле ЕС партия Я. Качиньского вменяла в вину предыдущему правительству. Отсюда вытекали и цели политики ПиС в Евросоюзе: порвать с политикой клиентелизма в отношении других государств, защищать польские стратегические интересы, а также национальную идентичность, традиции, культуру, образ жизни от «рискованных культурных элементов». Партия заявляла о стремлении сохранять злотый в качестве национальной валюты, защищать интересы польской промышленности и польских собственников при определении принципов оборота земель. ПиС отрицает как федералистские, так и дезинтеграционные (наподобие «Европы разных скоростей») проекты. Она хочет сильной Европы и намерена бороться с кризисными явлениями в ЕС, но тот должен вернуться к своим истокам и стать союзом суверенных государств, отбросив федералистские устремления, поскольку именно в них кроются причины охватившего Европу кризиса².

Безопасность страны

Немаловажное значение для решения вопроса о будущем страны имеют представления о ее безопасности: с какими угрозами ей предстоит столкнуться и какими средствами следует на них реагировать. Хотя в общественном мнении Польши господствует убеждение, что благодаря членству в НАТО и ЕС ее безопасность обеспечена так надежно, как никогда ранее в истории, эта тема не исчезает из общественной повестки, и нашла свое место, хотя и не центральное, в предвыборной кампании 2019 г. Впрочем, слишком бурной дискуссии не получилось, поскольку польские политические силы (за исключением нескольких маргинальных групп) солидарны в том, что главным источником угрозы является Россия. И если до 2014 г. они еще могли расходиться в оценке степени опасности с ее стороны, то после присоединения Крыма и войны на Донбассе сложился консенсус в понимании того, что она стремится разрушить международный порядок, и для проти-

1 Program Koalicji Obywatelskiej. S. 43.

2 Program PiS 2019. S. 182–185.

востояния этим устремлениям дипломатических усилий недостаточно, а надо опираться на силу. Отсюда солидарность всех партий в желании укрепить армию и сделать более надежной систему международных гарантий. Разногласия имелись только в деталях.

В преддверии парламентских выборов интернет-портал Defence24.pl провел опрос партийных комитетов об их взглядах на необходимые меры в сфере обороны и безопасности. Выяснилось, что все партии выступают за увеличение численности польских вооруженных сил. Но если ГК думает о формировании новых мобильных хорошо оснащенных боевых единиц, то ПиС считает необходимым создание еще одной дивизии и доведение общей численности армии до 150 тыс. человек с нынешних 105 тыс. Правая «Конфедерация» требует еще большего — увеличения размеров вооруженных сил вдвое, по крайней мере до 200 тыс. чел. Нет особых расхождений между партиями и в вопросе о росте военных расходов. ПиС, ГК и ПСЛ согласны с тем, что в соответствии с принятым законом они должны быть подняты с 2% ВВП до 2,5%, а «Конфедерация» считает, что этого недостаточно — необходимо увеличить их еще больше. Точно так же партии только в частностях расходились, говоря о приоритетах модернизации вооруженных сил и развитии оборонной промышленности.

Но в вопросе о ключевых партнерах в деле поддержания безопасности разногласия партий оказались более заметными. Все были солидарны в том, что основой безопасности страны является НАТО и почти все (кроме «Конфедерации») соглашались с тем, что нужно увеличивать американское военное присутствие на территории страны. Однако, если ПиС подчеркивала важность развития двусторонних связей с США, то «Гражданская коалиция» и ПСЛ считали нужным в большей мере опираться на партнеров по ЕС¹. В упомянутой анкете «Конфедерация» согласилась с ориентацией на НАТО и США, но в ходе предвыборной кампании выяснилось, что в своих взглядах она гораздо сильнее выпадает из мейнстрима. В одном из интервью лидер коалиции Януш Корвин-Микке заявил, что присутствие войск США в Польше — это «своего рода провокация» и нарушение соглашения, на основе которого Россия согласилась с вступлением Польши в НАТО (то есть Основопологающего акта 1997 г.) Он сказал, что «нет ни одной причины, по которой они должны были бы тут находиться», и что лучший способ «не быть занятыми Россией — это не вступать в войну с Россией». Корвин-Микке признался также, что «перестал быть сторонником НАТО» и что Польша должна подписать двусторонний договор с США, а если это не удастся сделать, то заключить соглашение с Россией. «Россия

1 *Palowski J.* Jaka przyszłość polskiej armii i zbrojeniówki po wyborach? Defence24. 11.10.2019. URL: <https://www.defence24.pl/jaka-przyszlosc-polskiej-armii-i-zbrojeniowki-po-wyborach-ankieta> (accessed: 24.10.2019).

нам ближе, и благодаря этому мы избежим угрозы войны с ней», — заключил он¹. Такие высказывания вызвали волну критики и едва ли не обвинения в том, что Корвин-Микке является русским агентом, но то, что такая точка зрения имеет в Польше право на существование, показали результаты выборов, по итогам которых «Конфедерация» смогла преодолеть избирательный порог и пробиться в Сейм.

* * *

Рассмотрев важнейшие пункты политической дискуссии в период избирательной кампании 2019 г., можно прийти к выводу, что представления об идеальной Польше («Польше нашей мечты») у партий и их коалиций расходятся не слишком сильно: все выступают за демократическую, стабильную, безопасную, процветающую страну, в которой гражданам будут обеспечены благосостояние, справедливость, доступ к эффективным системам социальной помощи, здравоохранения и образования. Но рецепты достижения этих целей каждая партия предлагает свои. При этом разница в подходах в целом продолжает укладываться в логику разделения Польши на «солидарную» и «либеральную». Первая выступает за укрепление государства, его роли в экономике и социальной жизни, тогда как вторая делает упор на развитие демократических институтов и защите свобод человека. Но соотношение сил между двумя подходами изменилось. Если ранее страна делилась почти поровну, то теперь «солидарная Польша» получила ощутимое преимущество.

На состоявшихся 13 октября 2019 г. выборах в Сейм победу во второй раз подряд одержала партия «Право и Справедливость», получившая 43,6% голосов, что дало ей 235 мандатов (51%) и право вновь сформировать однопартийное правительство. При этом она заняла лидирующие позиции в 15 из 16 воеводств, включая те, где раньше обычно уступала своим оппонентам. «Гражданская коалиция» финишировала второй с 27,4% голосов и 134 мандатами (29%). На третьем месте оказались левые с 12,5% голосов, позволившими получить 49 мандатов (10,6%). В Сейм пробились также ПСЛ (8,55% голосов и 30 (6,5%) мандатов) и «Конфедерация» (6,8% голосов и 11 (2,4%) мандатов)². Если учесть, что к лагерю «либеральной Польши» можно причислить только «Гражданскую коалицию» и (с очень существенными оговорками) СДЛС, то победу «солидарной Польши» можно считать полной.

Не единственным, но важным фактором этой победы стало превосходство ПиС над либералами в формулировании предложений о путях

1 Korwin-Mikke: Polska powinna wyjść z NATO i zawrzeć sojusz z Rosją. Dziennik.PL. 04.10.2019. URL: <https://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/609390,korwin-mikke-usa-rosja-sojusz.html> (accessed: 29.11.2019).

2 Wyniki wyborów 2019 do Sejmu RP. Państwowa Komisja Wyborcza. URL: <https://wybory.gov.pl/sejmsenat2019/pl/wyniki/sejm/pl> (accessed: 29.11.2019).

дальнейшего развития страны. Если оппозиция основное внимание сосредоточила на нарушениях демократии и отходе от европейских ценностей, то правительство не имело конкурентов в экономической и социальной повестке, а также в вопросе об укреплении государственных институтов. Это показывает, что и тридцать лет спустя после начала трансформации ценностные установки большинства поляков по-прежнему отличаются от принятых в Западной Европе: запрос на социальную справедливость и высокую роль государства имеет приоритет над стремлением к защите свободы личности и демократических институтов. Помимо того, на формировании представлений о будущем Польши сказывается рост популистских и консервативных настроений, наблюдаемый в современном мире. В условиях тех трудностей, с которыми сталкивается Европа, меры, предлагаемые ПиС, кажется значительной части поляков лучшим ответом на вызовы сегодняшнего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лыкошина Л.С. «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши. М., 2015.
- Михалев О.Ю. Польский Союз демократических левых сил в начале XXI века // Славяноведение. 2014. № 5.
- Михалев О.Ю. Протест по-польски. Оппозиционные общественные движения в Польше в 2015–2018 гг. // Проблемы стран постсоветского пространства, стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Вып. 2. Воронеж, 2018.
- Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия / под ред. Л.Н. Шишелиной, М.В. Ведерникова. М., 2018.

REFERENCES

- Bliżej ludzi. Manifest samorządowy Platformy Obywatelskiej i .Nowoczesnej. Nowoczesna. Available at: https://nowoczesna.org/wp-content/uploads/2018/02/Manifest_2018-PO-N.pdf (accessed: 29.10.2019).
- Dąbrowska A., Szczerbiak A. Oto jak PiS rujnował państwo: 10 największych afer. Polityka. 2019.11.10. Available at: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1928002,1,oto-jak-pis-rujnowal-panstwo-10-najwiekszych-afer.read> (accessed: 18.10.2019); <http://100aferpis.pl/> (accessed: 8.11.2019).
- Deklaracja założycielska krajowego komitetu “Prawo i Sprawiedliwość”. Polska Scena Polityczna. 2001. № 8.
- Ślōdkowskiej, I., Dołbakowskiej, M. (2006). IV Rzeczpospolita — sprawiedliwość dla wszystkich. Program Prawa i Sprawiedliwości 2005. Wybory 2005. Partie i ich program.
- Kaczyński, J. (2011). Polska naszych marzeń. Lublin.
- Kaczyński: Za 21 lat dogonimy Niemców. Bankier.pl. 2019.8.10. Available at: <https://www.bankier.pl/wiadomosc/Kaczynski-Za-21-lat-dogonimy-Niemcow-Sprawdzamy-7751796.html> (accessed: 12.11.2019).
- Koalicja Europejska. Jak powstała i dlaczego. Koalicja Europejska. Available at: <https://koalicjaeuropejska.pl/o-nas> (accessed: 1.11.2019).
- Konwencja programowa Prawa i Sprawiedliwości w Lublinie. Prawo i Sprawiedliwość. 2019. 7.09. Available at: <http://pis.org.pl/aktualnosci/konwencja-programowa-prawa-i-sprawiedliwosci-w-lublinie> (accessed: 16.11.2019).

- Korwin-Mikke: Polska powinna wyjść z NATO i zawrzeć sojusz z Rosją. Dziennik.PL. 2019. 4.10. Available at: <https://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/609390,korwin-mikke-usa-rosja-sojusz.html> (accessed: 29.11.2019).
- Łączymy Polaków. Program wyborczy 2019. Polskie Stronnictwo Ludowe. Available at: https://www.psl.pl/wp-content/uploads/2019/09/PROGRAM_PSL_2019.pdf (accessed: 1.11.2019).
- Lykoshina, L.S. (2015). «Pol'sko-pol'skaia voina»: politicheskaiia zhizn' sovremennoi Pol'shi. [«Polish-Polish war»: the political life of modern Poland]. Moscow.
- Mikhalev, O.Iu. (2014). Pol'skii Soiuz demokraticeskikh levykh sil v nachale XXI veka [Polish Union of Democratic Left Forces at the beginning of the XXI Century]. Slavianovedenie [Slavic studies]. № 5.
- Mikhalev, O.Iu. (2018). Protest po-pol'ski. Opozitsionnye obshchestvennye dvizheniia v Pol'she v 2015-2018 gg. [Protest in Polish. Opposition social movements in Poland in 2015-2018]. Problemy stran postsovet'skogo prostranstva, stran Tsentral'noi i lugo-Vostochnoi Evropy. Vyp. 2. Voronezh.
- Najważniejsze wybory od 1989 roku? Ponad połowa Polaków uważa, że wynik głosowania wpłynie na ich życie. TokFM. 2019.8.10. Available at: <http://www.tokfm.pl/Tokfm/7,117303,25281162,najwazniejsze-wybory-od-89-roku-ponad-polowa-polakow-uwaza.html> (accessed: 24.10.2019).
- Palowski, J. (2019). Jaka przyszłość polskiej armii i zbrojeniówki po wyborach? [Ankieta Defence24.PL] Defence24. 2019.11.10. Available at: <https://www.defence24.pl/jaka-przyszlosc-polskiej-armii-i-zbrojeniowki-po-wyborach-ankieta> (accessed: 24.10.2019).
- Paszkiewicz, K.A. (2004). Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej. III wyd. Wrocław.
- PiS publikuje «wykaz afer» PO-PSL. WP Wiadomości. 2017. 14.04. Available at: <https://wiadomosci.wp.pl/pis-publikuje-wykaz-afer-po-psl-6111974636738177a> (accessed: 8.11.2019).
- Placa minimalna 2020 netto i brutto. Ile «na rękę» będzie wynosić płaca minimalna? Dziennik Polski. 2019.15.15. Available at: <https://dziennikpolski24.pl/placa-minimalna-2020-netto-i-brutto-ile-na-reke-bedzie-wynosic-placa-minimalna-1511/ar/c11-14261699> (accessed: 18.11.2019).
- Polska dla Ciebie. Program Konfederacji Wolność i Niepodległość. Konfederacja Wolność i Niepodległość. Available at: <https://konfederacja.net/wp-content/uploads/2019/09/KONFEDERACJA-Program-Wyborczy-Polska-dla-Ciebie.pdf> (accessed: 1.11.2019).
- Polska jutro. Główne postulaty Lewicy. Lewica. AVAILABLE AT: https://lewica2019.pl/images/media/Program_Lewicy.pdf (accessed: 1.11.2019).
- Polski model państwa dobrobytu. Program Prawa i Sprawiedliwości 2019. Prawo i Sprawiedliwość. Available at: http://pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf (accessed: 1.11.2019).
- Raport 100 obietnic Zjednoczonej Prawicy. Podsumowanie realizacji stu najważniejszych obietnic rządu. Demagog. Available at: <https://demagog.org.pl/wp-content/uploads/2019/09/100-Obietnic-Zjednoczonej-Prawicy.pdf> (accessed: 15.11.2019).
- Schetyna: podwyższenie wieku emerytalnego było błędem. Polsat News. — 2019. — 12.07. Available at: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2019-07-12/schetyna-podwyzszenie-wieku-emerytalnego-to-byl-bad/> (accessed: 22.11.2019).
- Staińko K. Obietnice wyborcze PiS z 2015 r. Co przez ostatnie cztery lata zrealizowało Prawo i Sprawiedliwość, a czego nie zrobiło? Demaskator24. 2019.14.10. Available at: <https://demaskator24.pl/obietnice-wyborcze-pis-z-2015-r-co-przez-ostatnie-cztery/ar/19217577> (accessed: 15.11.2019).
- Stosunek do przyjmowania uchodźców. Komunikat z badań CBOS 163/2017. Centrum Badań Opinii Społecznej (CBOS). Available at: http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2017/K_163_17.PDF (accessed: 2.10.2019).
- Szymański, D. W 1 bilionie polskiego długu kryje się ważna kwestia, której nie można ignorować. Business Insider Polska. 2019. 12.06. Available at: <https://businessinsider.com.pl/finanse/makroekonomia/dlug-publiczny-polski-a-odsetki-od-dlugu/vhwj9wq> (accessed: 15.11.2019).

Shishelina L.N., Vedernikov M.V. (eds.) (2018) *Tsentral'naia Evropa: politicheskii portret na fone 100-letia* [Central Europe: political portrait on the background of the 100th anniversary]. Moscow.

Twoja Polska. Program Koalicji Obywatelskiej. Koalicja Obywatelska. Available at: <https://koalicjaobywatelska.pl/program> (accessed: 1.11.2019).

Wiatr, J. (2006). *Europa pokomunistyczna. Przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku*. Warszawa.

Wyniki wyborów 2019 do Sejmu RP. Państwowa Komisja Wyborcza. Available at: <https://wybory.gov.pl/sejmsenat2019/pl/wyniki/sejm/pl> (accessed: 29.11.2019).

Zdrowe. Praca. Rodzina. Program Prawa i Sprawiedliwości 2014. Warszawa, 2014. Prawo i Sprawiedliwość. Available at: <http://pis.org.pl/dokumenty> (accessed: 8.11.2019).

Perceptions of the «Poland of our Dreams» Three Decades after the Beginning of Transformation: Analysis of the 2019 Election Campaign

Author. Mikhalev Oleg, Candidate of Sciences (History), Associate Professor Department of International Relations, Voronezh State University. E-mail: mikhalev2003@mail.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the key points of political discussion during the election campaign in Poland in 2019. The importance of the parliamentary elections was determined not only by the much-awaited answer to the question of who would form the next Polish government, but also due to the direction of the country's further development. The author gives detailed information about the issues of democracy, the quality of public administration, social problems, ideological guidelines, and the place of Poland in Europe. It is stressed that all parties and coalitions stand for a democratic, stable, safe, prosperous country in which citizens will be provided with welfare, justice, access to the system of social assistance, health care and education. Finally, the author draws the conclusion that an important factor in the election victory was the superiority of the PiS over the liberals in the ability to formulate the proposals on the ways of further development of the country.

Key words: Poland, parliamentary elections, election campaign 2019, Law and Justice, PiS.

Особенности политической трансформации в постсоциалистических Чехии и Словакии

Михаил Ведерников

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция политической трансформации в Чехословакии (Чехии и Словакии) после «бархатной революции» 1989 г. За падением социализма последовало формирование новой политической системы, которая создавалась практически «с нуля» по образцу западноевропейских парламентских демократий. Впрочем, процесс приобрел и особые центральноевропейские черты: усиление президентской ветви власти, рост авторитарных тенденций, относительная слабость партийных структур и т.п. Однако спустя некоторое время эти «аномалии» стали исчезать. Свидетельством завершения трансформации политического строя по демократическому образцу, можно считать: 1). начало чередования левых и правых правительств в результате свободных выборов; 2). Распространение практики формирования коалиционных правительств и 3). возможность не только сменяемости, но и продолжения нахождения партий у власти в течение нескольких сроков подряд.

Ключевые слова: «бархатная революция», Чехословакия, перестройка, трансформация, В. Гавел.

Особенности «бархатной революции» в Чехословакии

Оценивая масштаб перемен после 1989 г., английский историк Тимоти Гартон Эш отмечал разную протяженность пути, который преодолели центральноевропейские народы ради успеха «бархатных революций»: «В Польше он длился 10 лет, в Венгрии 10 месяцев, в ГДР 10 недель, а в Чехословакии 10 дней»¹. Такое сравнение выглядит эффективным, хотя и не всегда обоснованным. Однако автор прав в том, что к революциям здесь не готовились синхронно. В Чехословакии практически в течение недели прежний коммунистический строй был демонтирован, и на его место пришел демократический, содержание которого на тот момент было мало кому понятно, за исключением небольшой группы интеллектуалов-диссидентов. В прежнее время они были лишены возможности личной самореализации в рамках социалистического государства из-за неприятия официальной идео-

1 Before the Berlin wall Fell. Hungary, Czechoslovakia and Poland towards the Refugees from the East Germany in 1989. Warszawa, 2019. P. 67.

логии и непримиримой позиции по отношению к ней. В этой связи они активнее других включились в процесс реформирования государства, что, впрочем, не всегда соответствовало запросам общества. Подтверждение широкого разброса мнений среди населения Чехословакии накануне «бархатной революции» можно найти в докладах представителей советской печати в Чехословакии, которые в 1989 г. активно информировали о положении дел в стране¹.

В соответствии с их отчетами, только 3% граждан считало, что Чехословакия должна была идти по капиталистическому пути развития; большинство выступало за определенный компромисс между социалистическими и капиталистическими моделями развития (52%), 41% ратовали за сохранение социалистического пути. Денационализация крупных предприятий, как правило, отвергалась. 73% граждан отрицали необходимость её проведения в отношении промышленных предприятий, в сельскохозяйственном секторе несогласие было ещё выше, достигая 83%.

В области внешней политики народ выражал требование большей открытости «в обе стороны», особенно в экономическом сотрудничестве (73%); 60% граждан полагали, что чехословацкий внешнеполитический курс не должен был опираться исключительно на союз с СССР. Принцип коллективной безопасности в рамках ОВД принимался 47% граждан.

Мнения людей по отдельным вопросам в значительной степени расходились в зависимости от их принадлежности к Гражданскому форуму (ГФ), Общественности против насилия (ОПН), политическим движениям, возникшим на волне протестного движения, или Коммунистической партии (КПЧ). В меньшей степени поляризация общества зависела от уровня образования, возраста, места жительства или национальности. Опросы общественного мнения показывали, что 47% поддерживали ГФ и ОПН (в Праге 57%). Люди оказывали доверие, прежде всего, тем организациям и движениям, которые до сих пор не участвовали в политической жизни. Также стоит отметить, что треть граждан считала, что ГФ и ОПН стремились захватить власть (34%). С КПЧ связывали свои надежды на будущее лишь 16% граждан, лучшие позиции были у Демократического форума коммунистов (32%)².

Из документов также явствует, что источником вдохновения для начала реформационного движения в Чехословакии в широких массах стала начавшаяся в 1985 г. в СССР перестройка. Внешний фактор в целом играл куда более важную роль, нежели деятельность мало

1 И. Беляев в работе, посвященной В. Гавелу, приводит данные опросов общественного мнения за декабрь 1989 г., которые соответствуют сводкам советских дипломатов. См.: Беляев И. Вацлав Гавел: жизнь в истории. М., 2020. С. 289.

2 ГАРФ. Ф. Р9587. Оп. 4. Д. 939. Л. 21–25.

кому известных диссидентов. В одном из характерных для того времени писем в редакцию журнала «Тыденник актуалит» говорилось: «То, что происходит в СССР, фантастично. Развитие теории и практики строительства социализма невиданно. Вы очищаете наши идеалы от наносов полуправд. Конечно, всё это могут осуществлять только люди, действительно преданные социализму»¹. Один из авторов связывал начало перемен в Чехословакии с удачным завершением перестройки в Советском союзе: «Я лично болею за перестройку в СССР... Надеюсь, что, если вам удастся справиться с экономическими, политическими и национальными проблемами, начнется перестройка и у нас». В то же время чехословацкие деятели, которые пытались заглушить эхо советской гласности у себя в стране, попадали под сильную критику². Анализ внутривнутриполитической обстановки говорит о том, что в 1989 г. Чехословакия являлась самым консервативным звеном социалистической системы. Даже в самых неангажированных исследованиях западные эксперты не прогнозировали значительных внутривнутриполитических перемен в ближайшие год — два. В издававшейся на Западе газете «Свободная Европа» это объяснялось таким образом: «Имея удовлетворенными свои повседневные материальные желания, рядовые чехи и словаки — несмотря на ворчание широких масс населения и ропот некоторой части коммунистов, а также пример соседей — не смогут решиться на какие-либо серьезные действия для изменения положения в своей стране»³.

Впрочем, случившиеся осенью 1989 г. (17–27 ноября) события в Чехословакии поставили точку в социалистической истории развития страны. Вышедшие на передний план политических преобразований силы ввиду своего особого диссидентского происхождения были явлением уникальным для мировой практики. Возникнув в второй день после начала активных протестов, Гражданский форум был структурой спонтанной, в которой аккумулировались запросы жителей страны на изменения. Отсюда проистекало то, что в момент зарождения вектор его развития не был чётко обозначен и опирался главным образом на несогласие с действующим положением вещей и желание перемен. Лозунги «революционеров» базировались скорее на внешнеполитической повестке, где отказ от социализма связывался с отказом ориентации на Восток в пользу Запада. Также активисты не обходили стороной и внутривнутриполитические проблемы: ставилась задача повышения уровня жизни населения, предоставления ему политических и гражданских свобод.

Неудивительно, что несмотря на звучавшие из уст политических деятелей заявления о желании «вернуть Чехословакию в Европу» у них

1 Там же. Л. 86.

2 Там же. Л. 90.

3 Там же. Л. 84

изначально отсутствовал маршрут возвращения. Заявления сводились к констатации приверженности европейским ценностям и желания поскорее покинуть военно-политические и экономические блоки, созданные под эгидой СССР (ОВД, СЭВ). Под воздействием событий многое тогда представлялось в ином свете, подчас идеалистично. Так, Вацлав Гавел предполагал, что роспуск ОВД приведет к ликвидации НАТО и созданию независимой системы безопасности для Европы, где Чехословакии была бы отведена «нейтральная позиция»¹. В феврале 1991 г. на вопрос Чешского информационного агентства о возможном членстве в Альянсе он ответил, что об этом говорить «преждевременно»².

Анализируя природу успеха ГФ и приход во власть наиболее ярких представителей оппозиции³, стоит отметить, что политическая трансформация в Чехословакии проходила скорее сверху. Подобная трактовка противоречит широко распространенному представлению о событиях 1989 г. как о движении, которое сместило коммунистическое господство снизу. Чешский историк Ян Кржен, например, говорит о «дворцовом перевороте», который приветствовался общественностью и был согласован с представителями коммунистического правительства, которое, в отличие от своих польских и венгерских коллег, не проводило круглых столов с оппозицией, не было поставлено в ситуацию необходимости принятия ультимативного соглашения⁴.

На волне возросшей популярности, успех ГФ на парламентских выборах (июнь 1990 г.) не вызывал сомнений⁵. В тех условиях наличие долгосрочной программы было не обязательно для победы. Между тем становилось очевидно, что Форум с самого начала был структурой временной и необходимой лишь для транзита власти — от её старых представителей к новым. Поэтому его преобразование в Гражданскую демократическую партию (ГДП) стало явлением закономерным и вписывающимся в логику развития «революционного процесса».

Внедрение нового правового порядка и полномасштабная политическая трансформация начались именно после первых выборов — происходил демонтаж основ коммунистического режима и элементов советского присутствия прежде всего в сфере идеологии (например, изменение названия государства, из которого было изъято упоминание

1 Куприянов. Разговор с Гавелом // Комсомольская правда. 1989.

2 Rozhovor prezidenta České a Slovenské Federativní Republiky Václava Havla pro ČTK. Rozhovor V. Havla ke konverzi, organizacím vojáků, VS a NATO. URL: <https://archive.vaclavhavel-library.org/Archive/Detail/37162> (accessed: 10.02.2021).

3 В. Гавел стал президентом Чехословакии, а А. Дубчек — председателем Федерального собрания Чехословакии.

4 Křen J. Čtvrt století střední Evropy. Višegrádské země v globálním příběhu let 1992–2017. Praha: Karolinum, 2019. S. 92.

5 Задорожнюк Э.Г. Чехия // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб: Нестор-История, 2015. С. 442.

о его социалистической сущности; принятие новой конституции, где подчеркивалась приверженность рыночной экономике и говорилось о значении защиты демократических прав и свобод; прекращалась работа организаций советско-чехословацкой дружбы). Параллельно шли переговоры о выводе советских войск.

Новая постсоциалистическая элита в качестве основы устройства создаваемого государства ориентировалась на модель западного многопартийного государства с республиканской формой правления. Впрочем, уже на первых порах подчеркивалась особая роль президентов, которая выходила за рамки их компетенций. Однако в условиях наличия доставшегося в наследство от прежнего государства бюрократического аппарата и существовавших опасений возможной реставрации прежнего политического режима подобный крен был понятен общественному сознанию, поскольку позволял пользоваться теми импульсами, которые возникли в ходе «бархатной революции», и ассоциациями, связанными с главными действующими лицами тех событий.

Особенности постсоциалистической трансформации

Неподготовленность почвы к созданию плюралистической политической системы вела к тому, что возникновение многопартийности было сопряжено с рядом особенностей, которые шли вразрез с инструкциями и советами представителей европейских стран, которые активно включились в процесс демократизации нового государства. Партии и движения здесь возникали практически стихийно под воздействием внешних обстоятельств и активно спонсировались из западноевропейских, в основном немецких, и американских фондов¹. В такой ситуации личная заинтересованность в перспективном деле шла рука об руку с желанием изменить страну к лучшему. Подобный подход, основанный на внешнем финансировании, не мог обеспечить долговечность и прочность устанавливаемой системы².

Несмотря на постоянные отсылки к прошлому, необходимо отметить, что не произошло возрождения партий, функционировавших в докоммунистический период в межвоенной Чехословакии и в Австро-Венгрии — таких как, например, Чехословацкой аграрной партии, Глинковой словацкой народной партии и др. В то же время пробудились партии, которые были сохранены при коммунистическом режиме и которые использовались чехословацким руководством для придания строю видимости демократии, демонстрации наличия многопартийности. В начале 1990-х гг. преимущество таких партий заключалось

1 Йенсен Д. Социально-экономические модели стран Центральной Европы: перезагрузка // Современная Европа. 2018. №7(86). С. 25. DOI: 10.15211/soveurope720181933

2 Mareš P., Kreuzigerová P., Marian J. Zahraniční pomoc v Česku a Československu po listopadu 1989: cíle, formy a výsledky. AMO: Praha, 2006.

в том, что в их рядах уже было значительное количество участников, наличие собственности, газет и функционирующего аппарата. В Чехии показателен пример Чехословацкой народной партии¹, которая благодаря своей центристской позиции в дальнейшем, исповедуя позицию третьей силы, была готова участвовать в работе любых правительств².

Пребывание в социалистическом лагере, отсутствие конкурентной политической жизни вело к тому, что появляющиеся в начале 1990-х гг. партии имели мало схожего с западными образцами — отсутствовала выверенная годами членская база, и поэтому партии представляли собой скорей избирательные союзы, образовывавшиеся для участия в выборах, решения насущных задач и, как это часто случалось, исчезали сразу же после завершения голосования, если итог был неудовлетворительным, или задерживались на короткий период времени, чтобы потом раствориться в резко меняющихся перипетиях чехословацкой, а затем чешской и словацкой жизни. В новых партиях объединялись разные люди — отчасти революционные активисты из рядов ГФ и ОПН, но большая часть была представлена новичками, перебежчиками из рядов коммунистов и карьеристами. Большое влияние имели лица, вернувшиеся в страну после эмиграции.

В Чехословакии, в отличие от остальных вишеградских стран (Польша, Венгрия), коммунистическая партия сохранила электоральную поддержку значительной группы населения, резко выступавшей против реформ и смены политического режима. Объяснение этому можно найти в том, что реформистское крыло, направившее свою деятельность на преобразование партии во время «пражской весны» в 1968 г., было нейтрализовано в результате «нормализации»³ 1970-х гг. Поэтому в конце 1980-х гг. в стране отсутствовали силы в КПЧ, способные к внутренней трансформации в сторону социальной демократии. Это, в частности, объясняло сопротивление чехословацких коммунистов, долгие своих соседей, отказывавшихся уступить власть в 1989 г.

Последовавшая попытка Коммунистической партии Чехии и Моравии стать частью зарождавшегося Левого блока⁴ (также включала Партию демократических левых, «Левой альтернативы») не стала её *modus vivendi*, и поэтому она вернулась к своим корням, оставив в названии указание на принадлежность к коммунистической идеологии

1 Ныне — Христианско-демократический союз — Чехословацкая народная партия.

2 С 1990 г. партия шесть раз участвовала в составлении коалиционных правительств (1990, 1992, 1996, 2002, 2006, 2013).

3 Нормализация в Чехословакии — комплекс мер коммунистического правительства после Пражской весны 1968 г., который был направлен на нейтрализацию последствий данного события. Прежде всего речь идёт об отказе от демократических нововведений, усилении партийного контроля, ограничении гражданских свобод и подчинении внешней политики страны курсу СССР.

4 Коалиция левых партий, которая возникла в 1992 г. Прекратила существование в 1994 г.

и продолжив эксплуатировать «ностальгирующий» по прежнему режиму электорат. Встав в оппозицию к действующей власти, партия при сохранении аудитории, насчитывающей 10–15% населения, была изолирована на политической сцене — правые использовали её в качестве мишени, для сброса своей антикоммунистической риторики, а социал-демократы дистанцировались от неё, презентовав себя в качестве партии модернистского толка. До недавнего времени КПЧМ, остававшаяся «изгоем» политического процесса, в 2018 г. заключила соглашение с движением АНО о поддержке, что позволило его руководителю А. Бабишу сформировать правительство совместно с социал-демократами. Тем самым, можно говорить о беспрецедентном событии в истории «постреволюционной» Чехии, предоставившем некоторым политикам возможность констатировать, что спустя 30 лет после падения коммунизма он начал возрождаться¹.

Впрочем, что касается словацкой части коммунистической партии Чехословакии, то она была преобразована в Партию демократической левой, где присутствовал отчетливый уклон в сторону социал-демократии. Главный её успех состоял в том, что в 2002 г. ей удалось пробиться в парламент, после чего последовало угасание, которое сохраняется и по нынешний день.

Когда речь идёт о лагере правых, то все партии были новообразованными, в основном они возникли после раскола ГФ и ОПН. В череде слияний и угасаний политических сил стабильной звездой правого лагеря Чехии с начала 1990-х гг. была консервативная либеральная партия — Гражданская демократическая партия (ГДП), притягивающая внимание избирателей не только критическим отношением к коммунистическому режиму, но и к ходу проводимых реформ. В Словакии в течение 1990-х гг. не меньшим влиянием обладала партия В. Мечъяра — Движение за демократическую Словакию, — которая была склонна к правой ориентации, но постоянно колебалась из-за зависимости политического курса от предпочтений лидера, лично определявшего его направление.

В отличие от левого, правый фланг стал средой возникновения крайне радикальных партий, например, Словацкой национальной партии (СНП), Республиканской партии Чехословакии, Моравской региональной партии и др. За исключением СНП эти партии были небольшими и неустойчивыми, рассчитанными на один избирательный цикл и конкретную группу населения, поддерживающую озвученный в их программах консервативный национализм, антиевропеизм, антисемитизм, ксенофобию, расизм и антикоммунизм. Несмотря на радикализм их высказываний, им удавалось преодолевать 5%-й рубеж,

1 Petr Fiala. Twitter. 30.06.2018. URL: https://twitter.com/P_Fiala; Jiří Pospíšil. Twitter. 30.06.2018. URL: https://twitter.com/Pospisil_Jiri (accessed: 05.04.2021).

необходимый для прохождения в парламент. В 2006 г. СНП впервые вошла в левое коалиционное правительство Р. Фицо, в 2016 г. ситуация повторилась. Во многом это произошло благодаря смене руководства, а также смягчению высказываний¹.

Стоит отметить, что в вишеградском регионе активизация подобных партий и актуализации их риторики случилась после 2015 г. из-за разразившегося миграционного кризиса и появления опасений среди населения о проникновении инородного, в особенности исламского, элемента в их страны. Парадоксальна ситуация, сложившаяся в Чехии и Словакии, которые оказались практически не затронуты миграционными потоками, но которые наиболее громко заявили о своем несогласии с политикой Брюсселя в отношении беженцев². На волне широкого недовольства в 2016 г. в Словакии и в 2017 г. в Чехии в местные национальные парламенты прошли крайне правые националистические партии, а именно Народная партия — Наша Словакия под руководством Мариана Котлебы и Свобода и прямая демократия Томио Окамуры.

Появившиеся на стадии зарождения центральноевропейской демократии партии страдали общими детскими болезнями — нестабильность партийной сцены вела к возникновению множества расколов, слияний и споров, подчас лично мотивированных. Партии не обладали широкой членской базой как, например, у западных партий, что вело к резкой и ситуативной смене предпочтений у электората. Как отмечают эксперты, отсутствие исторически мотивированной модели поведения политических субъектов вело к тому, что партии возникали и попадали под влияние «мощных финансово заинтересованных групп», что вело к объединению бизнеса и политики. Результатом стало то, что беспрецедентный интерес к политике и избирательному процессу в странах Центральной Европы начал постепенно угасать, что проявилось в снижении явки на выборах. Так, почти 100%-я посещаемость выборов в Чехословакии в начале 1990-х гг. опустилась во второй половине до 80% — в Словакии и 70% — в Чехии. Парламентские выборы 2016–2017 гг. привлекли внимание 60% избирателей. На последних парламентских выборах в Словакии в 2020 г. явка составила 66%.

Стабилизация политической жизни

Побочным эффектом «бархатной революции» в Чехословакии стала гиперболизированная роль президента, чьи компетенции *de facto* превышали прописанные в Конституции *de jure* полномочия. Вацлав

1 На парламентских выборах 2020 г. СНП не сумела преодолеть 5%-й барьер и оказалась «за бортом» национального парламента. Впрочем, такой итог был вызван участием партии в коалиционном правительстве со СМЕР — социальная демократия, которая стала объектом обвинений со стороны оппозиции. Она ставила ей в вину злоупотреблении властью, коррупцию.

2 Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы / под ред. О.Е. Трофимовой. М., 2019. С. 195. DOI: 10.20542/978-5-9535-0562-8

Гавел трижды избранный на пост главы государства в двух странах — Чехословакии и Чехии — был примером не исключительным, но характерным для Центральной Европы (например, Лех Валенса), где возникавшая с нуля политическая система требовала промежуточного этапа для налаживания традиционных политических связей. «Интеллектуал, вплетенный в мир политики, который прилагал усилия изменить реальность не через политику, а через идеи» В. Гавел помог стране подготовиться к наступлению реальной политической жизни, и когда условия были уже сформированы, его деятельность стала ограничиваться, что вписывалось в логику развития парламентской республики¹.

Таким образом, как только закончилось «время постреволюционного президента» и стабилизировалась парламентская система, в политике ключевую роль стали играть правительство, парламент и партии. В странах, где до этого долгое время господствовала коммунистическая партия, обладавшая монополией, это стало отождествлением реальной демократии. Свидетельством завершения трансформации политического строя стало 1) чередование левых правительств с правыми, 2) формирование коалиционных правительств и 3) нахождение их у власти в течение нескольких сроков подряд.

«Коалиционная система, при которой зачастую противники объединяются для совместной работы, по-видимому, является самой подходящей формой, гарантирующей государствам (Центральной) Европы стабильность правительства. ... коалиционная система как будто является единственно правильной, при которой возможна целесообразная работа», — констатировал еще в 1927 г. министр иностранных дел Чехословакии, в дальнейшем второй президент страны Эдвард Бенеш². Таким образом, спустя девять лет после образования независимого государства по итогам Первой мировой войны и спустя такой же срок после «бархатной революции» страна шла по проторенному пути, подтверждая единственно возможный вариант существования демократической системы. Рубеж XX и XXI вв. важен тем, что в это время как в Чехии, так и Словакии произошло подобное чередование — смена одного политического вектора развития на другой. Происходило чередование правительств, были сформированы коалиции и правительства, которые не находились у власти более двух сроков подряд.

Пример Словакии, где долгое время у власти находился В. Мечъяр (1993–1998 гг., с небольшим перерывом в 1994 г.), поставивший под сомнение курс страны на евроинтеграцию и вступление в НАТО, показывает как либеральная оппозиция объединилась для смещения неугодного премьера с «политического Олимпа» и как старалась изменить вектор развития страны, который в их собственном исполнении казался более демократичным и соответствующим интересам страны.

1 Křen J. Op. cit. P. 174.

2 Министр д-р Бенеш об австрийских делах // Центральная Европа. № 11. 1927. С. 4.

Для нанесения поражения В. Мечъяру потребовались три попытки и создание правительственной коалиции из 5 партий во главе с Микулашем Дзуриндой (1998–2002, 2002–2006 гг.), где три партии появились накануне выборов и исчезли после того как миновала опасность возвращения к власти прежнего премьера. После двух сроков Дзуринды, который возглавил правоцентристский Словацкий демократический и христианский союз (СДЗХ), в 2006 г. его сменило левое правительство Роберта Фицо, председателя партии СМЕР — Социальная демократия.

Чешскую «постреволюционную» политическую жизнь определяла Гражданская демократическая партия В. Клауса, продержавшаяся во главе правящих коалиций на протяжении двух сроков подряд (1993–1996, 1996–1998 гг.). После падения правительства В. Клауса правые на внеочередных выборах лишились преимущества. В течение последующих 8 лет во главе кабинета находилась Чешская социал-демократическая партия — в первый срок, сформировав правительство меньшинства после заключения т.н. оппозиционного соглашения с ГДП, во второй — в трехцветной коалиции с Союзом свободы и Христианско-демократическим союзом. В дальнейшем также имело место чередование, когда после 8-летнего доминирования правой ГДП (2006–2014 гг.) к власти пришла левая ЧСДП, которая, впрочем, лишилась достигнутой позиции в 2017 г., уступив лидерство центристскому движению предпринимателя Андрея Бабиша — АНО.

Таким образом, можно констатировать, что в политической жизни стран Центральной Европы чередование левых и правых правительств, приходящих во власть после заключения коалиционного соглашения, стало вполне обыденным явлением. Так, в Чехии с января 1993 г. из 13 правительств — 3 были техническими. В Словакии было 11 правительств. Если оставить в стороне технические правительства, то соотношение правых и левых будет следующим 13 к 8, в пользу правых¹. Важно отметить, что при этом однопартийные кабинеты были единичны в истории как Чехии, так и Словакии (в обоих случаях кабинет возглавили левые партии — с 1998 по 2002 гг. ЧСДП в Чехии, с 2012 по 2016 гг. СМЕР — СД в Словакии). Таким образом, принцип сменяемости власти подтверждал свою работоспособность.

Правые и левые в Чехии и Словакии

Политика всех четырех вишеградских стран характеризуется чрезвычайной поляризацией между правыми и левыми при наблюдаемой в обоих лагерях склонности к перемещению в центр. Впрочем, извечное существование социально-экономического расслоения общества ведет к тому, что стандартное разделение на два лагеря будет сохраняться и дальше.

1 Křen J. Op. cit. S. 177.

Новые левые возникали в результате распада правящих коммунистических партий, причем приверженные сторонники коммунизма по большей части отказались от участия в политике. Решившие же реформировать коммунизм в сторону перехода на социал-демократическую платформу западного образца вдохновлялись примером «третьего пути», продвигаемого в то время английским премьером Э. Блэром и немецким канцлером Г. Шрёдером.

В Словакии, где была ликвидирована коммунистическая партия, в то же время не удалось в самом начале постсоциалистического пути создать конкурентоспособную социал-демократическую партию. Основанная в 1999 г. известным левым политиком Р. Фицо партия СМЕР (третий путь) (после 2005 г. СМЕР — социальная демократия) долгое время не могла заручиться поддержкой электората для формирования правительства. Левизна СМЕР — СД всегда несла в себе уклон в сторону поддержки националистических лозунгов, не всегда сочетавшихся с идеологией трудового интернационала. Впрочем, взяв на вооружение некоторые инструменты, ранее опробованные В. Мечъяром, партии удалось в 2006 г. сформировать правящий кабинет, а затем уже в 2012 г. заполучить большинство голосов избирателей, что позволило сформировать одноцветное правительство — на тот момент второй случай среди стран Вишеградской группы.

Если пример Словакии представляет собой классический образец становления социал-демократической партии, возникновение которой произошло в ходе реформаторского движения постсоциалистических политиков, то чешская социал-демократия возникла иным путем. Ввиду продолжения деятельности коммунистической партии в Чехии социал-демократическая партия появилась благодаря усилиям старых социал-демократов и их единомышленников, которые после событий февраля 1948 г.¹ отказались объединиться с КПЧ и были вынуждены эмигрировать. Возвратившись в 1990-е гг. из добровольной ссылки, они принесли с собой намерение бороться с любыми попытками реставрации коммунизма и желание жестко отстаивать завоевания «бархатной революции».

Многочисленные правые партии, появлявшиеся в 1990-е гг., возникали, как говорилось ранее, практически с нуля, и не имели за собой политического прошлого. В основном это были небольшие партии, наверное, за исключением словацкого Христианско-демократического движения и чешской ГДП. Последняя, пробыв во главе коалиционных правительств суммарно 14 лет, сейчас сильно ослаблена, хотя выборы в Европарламент 2019 г. и региональные выборы 2020г. могли свидетельствовать о намечающимся новом усилении её позиций.

1 В ходе февральских событий 1948 г. к власти пришла Коммунистическая партия Чехословакии. С этого времени начинается преследование оппонентов партии.

Заметной чертой «радикальных» партий как левого, так и правого толка является то, что, даже заручившись поддержкой населения, они спустя относительно короткое время ослабевают: так, партия М. Дзуринды СДЗХ практически распалась, чешская ТОП 09 сохраняла до недавнего времени единство благодаря сотрудничеству с сильной фракцией STAN. Одновременно с этим чешская социал-демократия находится в затяжном кризисе. Сейчас речь идёт всего лишь о ее борьбе за присутствие в национальном парламенте и других представительных органах. В то же время словацкие левые, прежде всего СМЕР — СД, удерживают лидерство, хотя прослеживается отчетливая тенденция их ослабления, подтвердившаяся в ходе выборов 2020 г.

Другой особенностью политической системы стран «четверки» является то, что в отличие от относительно стабильной партийной структуры западных стран здесь накануне выборов наблюдается всплеск строительства малых партий, которые существуют в течение одного избирательного цикла. Некоторые из них попадают в коалиционные правительства, но в основном лишь как расширение представительства сильных партий, которые не видят в них иного предназначения. На данный момент словацкая политика демонстрирует наиболее яркий пример партийной раздробленности.

Итоги

Спустя 30 лет после начала трансформации можно констатировать, что Чехией и Словакией пройден долгий путь демократических преобразований, в ходе которого произошла институциональная партийная консолидация, подразумевающая возникновение работающего механизма чередования правительств между партиями левого и правого толка. Политологи связывают стабилизацию постсоциалистических режимов с тремя факторами: 1) качеством государственного управления, 2) возникновением стандартных демократических институтов и 3) одобрением гражданами проводимых реформ¹. Они подчеркивают, что «до тех пор, пока население не станет воспринимать демократию как единственно возможный путь развития сложно говорить о высоком уровне восприятия демократии». Опираясь на данные ежегодных отчетов Freedom House, стоит признать, что качество демократии в Чехии и Словакии высокое, если дополнительно принять во внимание, что политическая система была установлена относительно недавно². Важное значение имела также традиция межвоенной демократии, благодаря обращению к которой в начале трансформационных про-

- 1 Holzer J., Mareš M. (eds.) *Challenges to Democracies in East Central Europe*. Routledge Advances in European Politics. 2016. P. 23.
- 2 Countries and Territories. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores> (accessed: 10.02.2021).

цессов местные политики не были отягощены выбором подходящей для страны модели политического развития.

Если первые два пункта за время трансформации подтвердили свою работоспособность, то третий аспект завершенности трансформации часто дает почву для размышлений. Так, согласно Евробарометру местное общество испытывает высокое недоверие к собственному правительству, парламенту и партиям, которое в критические моменты истории иногда достигало уровня в 70–80%. Хуже всего отношение к политическим партиям: рейтинг доверия к ним, например, с 1995 по 2002 гг. в Словакии падал до 5%, в Чехии — до 10%. В последнее время ситуация значительно исправилась. Так, деятельностью партий удовлетворены 39% — в Словакии, 38% — в Чехии¹. В 2019 г. не доверяли собственному правительству 60% чехов и 65% словаков. Скептическое отношение к национальному парламенту было выше и составляло соответственно: 64% (Словакия), 75% (Чехия)². Несмотря на высокие показатели, стоит отметить, что они незначительно отклонялись от среднеевропейских данных, которые составляли соответственно 60%.

Рост недоверия является общеевропейским трендом, что подтверждает включенность стран Вишеградской группы в европейскую политическую систему с соответствующими ей тенденциями и отклонениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев И. Вацлав Гавел: жизнь в истории. М., 2020.
- Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. Под ред. Л.Н. Шишлиной. М.: Весь мир, 2010.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р9587. Оп. 4. Д. 939.
- Задорожнюк Э.Г. Чехия // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб.: Нестор-История, 2015.
- Йенсен Д. Социально-экономические модели стран Центральной Европы: перезагрузка // Современная Европа. 2018. №7(86). С. 19–33. DOI: 10.15211/soveurope720181933
- Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы / под ред. О.Е. Трофимовой. М., 2019. DOI: 10.20542/978-5-9535-0562-8

REFERENCES

- Before the Berlin wall Fell. Hungary, Czechoslovakia and Poland towards the Refugees from the East Germany in 1989. Warszawa, 2019.
- Beljaev, I. (2020). Vaclav Havel: zhizn' v istorii [Vaclav Havel: life in history]. Moscow.

- 1 Democracy and elections. September 2018. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/search/democracy/surveyKy/2198> (accessed: 10.02.2021).
- 2 Standard Eurobarometer 91. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2253> (accessed: 10.02.2021).

- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of Russian Federation]. Fund R9587. Op. 4. D. 939.
- Holzer, J., Mareš, M. (eds.) (2016) Challenges to Democracies in East Central Europe. Routledge Advances in European Politics.
- Jensen, D. (2018). Social'no-jekonomicheskie modeli stran Central'noj Evropy: perezagruzka [The socio-economic models of Central European countries: reset], in: *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe]. 7(86). pp. 19–33. DOI: 10.15211/soveurope720181933
- Křen, J. (2019). Čtvrt století střední Evropy. Višegrádské země v globálním příběhu let 1992–2017 [A quarter of a century of Central Europe. Visegrad countries in the global story of 1992–2017]. Praha: Karolinum.
- Mareš, P., Kreuzigerová, P., Marian, J. (2006). Zahraniční pomoc v Česku a Československu po listopadu 1989: cíle, formy a výsledky [Foreign aid in the Czech Republic and Czechoslovakia after November 1989: goals, forms and results]. AMO: Praha.
- Shishelina L.N. (ed.) (2010). Vishegradskaja Evropa: otkuda i kuda? Dva desjatiletija po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovaki i Chehii [Visegrad Europe: Where From — Where To? Twenty Years on the Path of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czech Republic]. Moscow: Ves' mir.
- Trofimova, O.E. (2019). Migracionnye processy v Evrosojuze: sovremennye problemy i vyzovy [Migration processes in the European Union: modern problems and challenges]. Moscow. DOI: 10.20542/978-5-9535-0562-8
- Zadorozhnyuk, Je.G. (2015). Chehija [Czechia], in: *Central'naja i Jugo-Vostochnaja Evropa. Konec XX — nachalo XXI vv. Aspekty obshhestvenno-politicheskogo razvitiya. Istoriko-politologičeskij spravočnik* [Central and South-Eastern Europe. End of XX — beginning of XXI centuries. Aspects of social and political development. Historical and political reference book]. Moscow; Saint-Petersburg.: Nestor-Istorija.

Features of Political Transformation in Post-Socialist Czech Republic and Slovakia

Author. Mikhail Vedernikov, Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate of Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. E-mail: vishma@mail.ru

Abstract. The article examines the results of the political transformation that took place in Czechoslovakia (Czech Republic and Slovakia) after the «Velvet Revolution» of 1989. The collapse of socialism led to the formation of a new political system, which was formed practically according to the pattern of Western European parliamentary democracies. However, the process gradually acquired special Central European features: strong presidential power, growth of authoritarian tendencies, comparative weakness of party structures, etc. However, after a short time these “anomalies” disappeared. The evidence of the completion of the transformation of the political system, as shown in the work, was 1). alternation of left-wing governments with right-wing governments, 2). formation of coalition governments and 3). staying in power for two or even more consecutive terms for some parties.

Key words: Velvet revolution, Czechoslovakia, perestroika, transformation, V. Havel.

ОБ ИТОГАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Оценка экономического развития Вишеградской группы

Анатолий Бажан

Аннотация. В статье анализируются темпы экономического роста стран Вишеградской группы и факторы, определяющие этот рост. Отмечается, что в соответствии с данными статистики Евросоюза относительное значение ВВП на душу населения стран В4 по отношению к среднему показателю по ЕС постоянно возрастало, тогда как некоторые западноевропейские государства всё более утрачивали свои лидирующие позиции. Автор показывает причины экономического прогресса Вишеградской группы, которые включают в себя инвестиционную активность западных корпораций; проведение самостоятельной денежно-кредитной политики Чехией, Венгрией и Польшей; финансовые условия, благоприятствующие росту национальных хозяйств. Автор подчеркивает, что общий уровень государственного долга стран «четвёрки» заметно ниже, чем в целом по Евросоюзу. Вторая часть статьи посвящена ряду негативных факторов, которые способны затормозить экономическое развитие региона. В заключении делается вывод, что в настоящее время мир стоит на пороге массовой роботизации промышленности, к чему страны Вишеградской группы пока не готовы.

Ключевые слова: Вишеградская группа, В4, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия.

Оценить успехи и проблемы экономического развития Вишеградской группы за последние годы не сложно: статистика Евросоюза позволяет с достаточной полнотой проанализировать результаты функционирования экономики этого региона. Трудность состоит лишь в том, что речь идёт об экономике сразу четырех государств, каждое из которых наряду с общими чертами имеет специфические особенности. Детальное рассмотрение последних могло бы погрузить любого исследователя, занимающего это тематикой, в случае стремления наиболее полно отразить картину изменяющегося экономического мира этих стран, в работу, измеряемую весьма объёмным текстом. Однако такое исследование не вписывается в формат, который определён для настоящей публикации. Поэтому в данной небольшой главе акцент сделан

Таблица 1. Темпы прироста валового внутреннего продукта (в %)

	2019/2010	В среднем за год
ЕС в целом	8,3	0,8
Чехия	25,5	2,5
Словакия	34,5	3,4
Польша	42,5	4,2
Венгрия	30,9	3,1
Британия	20,2	2,0
Франция	14,7	1,5
Италия	2,4	0,2
Германия	21,3	2,1
Ирландия	80,5	8,1

Источник: Показатели рассчитаны автором на основе данных Евростата.

См.: Real GDP growth rate – volume. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00115&plugin=1> (дата обращения: 07.07.2020).

на анализе темпов экономического роста стран группы и факторов, определяющих этот рост.

Следует отметить, что на фоне замедляющего роста экономики ЕС Вишеградская группа выглядит неплохо. Прирост её ВВП превышает средние значения этого показателя по Европейскому Союзу, о чём свидетельствуют данные таблицы 1.

За 10 последних лет реальный ВВП Европейского Союза рос в среднем на 0,8% в год, тогда как Чехия увеличивала свой продукт на 2,5%, Словакия на 3,4%, Польша на 4,2%, Венгрия на 3,1%. Поскольку темпы роста были выше средних, то и уровень экономического развития группы стал приближаться к средним по ЕС величинам.

Действительно, в соответствии с данными статистики Евросоюза относительное значение ВВП на душу населения по отношению к среднему показателю по ЕС (принятого за 100%) постоянно возрастало. С 2008 по 2019 гг. оно увеличилось в Чехии с 85 до 92%, Словакии с 73 до 74%, Польше с 56 до 73%, Венгрии с 64 до 73%¹. Интересно отметить, что некоторые западноевропейские государства в этот период всё более утрачивали свои лидирующие позиции, постепенно превращаясь в экономики со средним уровнем развития. Так, данный показатель по

1 GDP per capita in PPS. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00114&plugin=1>. (accessed: 07.07.2020).

Британии в этот период сократился со 113 до 105%, Франции со 108 до 106%, а Италия и Испания и вовсе оказались на периферии ЕС, ибо их уровень ВВП на душу населения стал ниже среднего по союзу.

Чем обусловлен экономический прогресс четвёрки? Можно утверждать, что инвестиционной активностью в этих странах иностранных западных корпораций. В частности, немецкие компании внедрились в наиболее значительные сферы промышленности Польши: в стране, кажется, нет отраслей промышленности, где германский капитал не был бы замечен. С его помощью была существенно перестроена польская национальная экономика. Похожая ситуация в Чехии, в которой свыше 60% произведенной промышленной продукции контролируют иностранцы в основном также немцы. Известные производители европейского автопрома («Фольксваген», «Мерседес-Бенц», «Опель», «Фиат», «Ауди», «Пежо», «Ситроен») инвестировали значительные средства в строительство и модернизацию заводов в Словакии и Венгрии. На базе локализации высокопроизводительного западного капитала страны Вишеграда смогли начать торговое наступление на общий рынок Евросоюза, тесня конкурентов, в том числе из развитых западных стран. Завоевание, или лучше сказать освоение общего рынка Евросоюза, по нашему мнению, послужило одной из главных причин роста национального хозяйства. И действительно, если доля группы в общем взаимном экспорте государств союза в 2008 г. составляла 10,2%, то в 2019 г. — уже 15,2%, превысив уровень Нидерландов (13,5%) и заметно приблизившись к лидеру ЕС — Германии (22,8%). В то же время доля Великобритании сократилась с 8,9% до 5,5%, а Франции — с 10,2% до 8,5%¹.

Другой предпосылкой успеха, на наш взгляд, послужило проведение относительно самостоятельной национально ориентированной денежно-кредитной политики Чехией, Венгрией и Польшей, которые в отличие от Словакии до сих пор не вошли в зону евро и не используют во внутреннем обороте единую европейскую валюту. Это даёт возможность центральным банкам указанных государств стимулировать экспорт и рост производства товаров для внутреннего рынка за счёт снижения курса польского злотого, венгерского форинта и чешской кроны по отношению к евро и другим мировым валютам. Европейская статистика подтверждает, что стимулирующее свойство снижения курса действительно было использовано. Так с 2010 по 2018 гг. эффективный (с учётом инфляции) курс злотого понизили на 6,25%, форинта — на 3,58%, кроны — на 1,43%, несмотря на то, что согласно действующим в Евросоюзе правилам, центральные банки обязаны

1 Intra-EU27 (from 2020) trade, by Member State, total product. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tet00011&language=en>. (accessed: 07.07.2020).

обеспечивать привязку национальных валют к евро, то есть поддерживать неизменным отношение национальных валют к европейской денежной единице.

Фактором успеха выступала также финансовые условия, которые благоприятствовали росту национальных хозяйств. Они способствовали тому, что уровень государственного долга в странах группы находится на довольно низком уровне по сравнению со средним значением по ЕС и по сравнению с установленной в союзе нормой в 60%, превышение которой чревато санкциями. Среди последних, например, предусмотрена весьма эффективная мера — отказ Брюсселя в финансировании национальных проектов из общего бюджета ЕС.

Как показывают цифры таблицы 2 в 2019 г. общий уровень государственного долга стран ЕС по отношению к произведенному ими ВВП составлял 79,3%, в то время как в Чехии — 30,8%, Словакии — 48,0%, Польше — 46,0%. Из стран «четвёрки» лишь в Венгрии долг относительно высокий, но всё-таки он заметно ниже, чем в целом по Евросоюзу.

Государственный долг, в сущности, представляет собой накопленный бюджетный дефицит, ибо именно последний покрывается за счёт заимствований государства, наращивания государственного долга. Низкий уровень государственного долга говорит о том, что страна поддерживает в течение определённого времени режим, при котором расходы государства существенно не превышают доходы. Если такой режим не обусловлен жесткой налоговой и бюджетной политикой, высоким уровнем налогов, сокращением расходов государства и связанным с ними спросом на отечественную продукцию и услуги, то он позитивно влияет на экономический рост. Именно такая ситуация характерна для Вишеградской группы. Низкий уровень финансовых дисбалансов

Таблица 2. Государственный долг стран ЕС (в % к ВВП)

Страны/годы	2007	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2018	2019
ЕС в целом	558,1	779,6	882,0	884,4	886,3	887,0	884,9	880,4	779,3
Еврозона в целом	666,1	885,9	887,8	890,9	992,8	993,0	891,0	886,0	884,3
Чехия	227,5	337,4	339,8	444,5	444,9	442,2	440,0	332,6	330,8
Словакия	330,3	441,0	443,5	551,8	554,7	553,5	551,9	449,4	448,0
Польша	444,5	553,5	554,5	554,1	556,0	550,8	551,3	448,8	446,0
Венгрия	665,7	880,6	880,8	778,6	777,4	776,8	776,2	770,2	666,3

Источник: General government gross debt. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=sdg_17_40&plugin=1 (дата обращения: 07.07.2020).

здесь в значительной степени обусловлен внешнеторговым профицитом и положительным балансом предоставленных и полученных услуг из-за границы. Роль профицита состоит в том, что он позволяет не наращивать корпоративные долги и бюджетный дефицит в той части, которая образуется потому, что государство привлекает заёмные средства в целях финансирования избыточного ввоза товаров и услуг.

Конечно, неправильно считать, что страны «четвёрки» абсолютно не использовали никаких административных мер для урегулирования финансовых дисбалансов. В дополнение к благоприятной для неё торговой конъюнктуре на рынках ЕС и вне организации, группа, начиная с 2011 г., пошла на некоторые меры бюджетной стабилизации (сведения бюджетов с профицитом), хотя государственный долг и не превышал (за исключением Венгрии) установленную в ЕС норму. Цель состояла в том, чтобы полностью исключить возможность появления тренда на возрастание госдолга, что грозило в перспективе прекращением финансирования из структурных фондов. При этом преобладало стремление, главным образом, использовать такие меры, которые существенно не тормозили развитие экономики.

Польша, в частности, не повышала налоги на бизнес, а увеличила на 1% ставки НДС (до 23%), чтобы усилить доходную часть госбюджета. Кроме того, в стране национализированы инвестиции в государственные облигации накопительных пенсионных фондов, что понизило чуть ли на 7% уровень государственного долга.

В Чехии доходную часть бюджета также увеличили за счёт косвенных налогов, а также налогов на физических лиц, сокращены статьи социальных расходов (кроме пенсионных), расходы на оборону, сельское хозяйство, ликвидирована накопительная система, средства переведены в государственную пенсионную систему.

В Словакии бюджетная консолидацию проводили за счёт сжатия текущих расходов: расходы на госаппарат, сокращение заработной платы госслужащих. Была увеличена ставка НДС с 19 до 20%, повышены акцизы на алкоголь, табачные изделия введены новые налоги — на дивиденды, на доходы от продажи недвижимости.

В Венгрии, также были повышены ставки НДС, была национализированы обязательные пенсионные накопления граждан, что сделало государственный бюджет профицитным, но в отличие от остальных стран Вишеградской группы в Венгрии были увеличены налоги на бизнес, что в некоторой степени ухудшило инвестиционный климат в стране.

Было бы неверно считать, что экономический рост в Вишеградской группе осуществляется без проблем. Действует ряд негативных факторов, которые при определённых условиях способны затормозить экономическое развитие региона. И речь здесь не идёт о появлении исключительных форс-мажорных обстоятельств неэкономического

характера (типа коронавирусной пандемии), которые имеют временный характер.

Некоторые сугубо экономические долговременные проблемы способны повлиять на дальнейшее развитие национальных экономик. Речь идёт в первую очередь о том, что экономический рост в существенной части определяется иностранными инвестициями, а не вложениями национального капитала. Сохраняется сильная зависимость от иностранных инвесторов, поведение которых определяется преимущественно конъюнктурой как мирового, так и внутреннего рынка группы. Иностранные компании, как правило, более мобильны, нежели национальные корпорации. Они без колебаний сворачивают свою деятельность в случае, если условия экономической деятельности становятся менее благоприятными или когда открываются лучшие возможности для ведения бизнеса в других регионах.

Другая проблема — слабость собственной научно-исследовательской базы. В странах «четвёрки» национальные компании по этой причине, как правило, не обладают достаточной способностью самостоятельно внедрять инновации, которые реализуются преимущественно на предприятиях с иностранным капиталом на основе исследований, проводимых за границей. Иными словами, существует научно-техническая зависимость Вишеградской группы от высокоразвитых стран.

Отставание в научно-технической сфере связано с недостаточным финансированием. Действительно, в целом по ЕС финансирование научных исследований и инноваций на душу населения составило в 2018 г. 657 евро, тогда как в Чехии на эти цели истратили 377,6, в Венгрии 210, в Польше 158 и в Словакии 138 евро¹.

Низкий уровень финансирования научно-технической сферы порождает, по крайней мере, два негативных последствия для экономики региона. Первое последствие — постоянное отставание национального сектора хозяйства, поскольку он не имеет достаточную научно-техническую поддержку для того, чтобы эффективно осваивать наиболее перспективные направления модернизации производства на инновационной основе. Второе последствие относится к экономическим процессам ближайшего будущего, которому, по нашему мнению, грозит обострение проблемы безработицы и усиление миграции трудоспособного населения в другие более развитые страны Запада.

Конечно, сейчас такая проблема практически отсутствует, ибо до сих пор удавалось поддерживать безработицу на весьма низком уровне. В Чехии она составляет примерно 2% к трудоспособному населению, Польше и Венгрии — 4%, Словакии — 6,5% в то время, как в целом по Евросоюзу — приблизительно 7%.

1 Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=rd_e_gerdtot&lang=en. (дата обращения: 07.07.2020).

Однако мир в настоящее время стоит на пороге массовой роботизации промышленности, что грозит сокращением потребности в рабочей силе в мировом масштабе. Лишь те страны, корпорации которых станут производить и экспортировать роботы, будут способны сохранять занятость на высоком уровне, поскольку ввод в строй предприятий робототехники будет означать появление новых рабочих мест, что позволит компенсировать сокращение занятости.

Но создание структур, производящих роботы, требует наличия мощной научно-исследовательской базы и значительных затрат на исследования и внедрение инноваций, к чему Вишеградская группа, очевидно, пока не готова. Если же здесь роботизацию будут проводить не за счёт развития собственного производства робототехники, а за счёт импорта последней из-за границы, то избежать обострения проблемы безработицы вряд ли удастся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=rd_e_gerdot&lang=en. (дата обращения: 07.07.2020).
- GDP per capita in PPS. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00114&plugin=1>. (дата обращения: 07.07.2020).
- General government gross debt. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=sdg_17_40&plugin=1 (дата обращения: 07.07.2020).
- <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tet00011&language=en> (дата обращения: 07.07.2020).
- Intra-EU27 (from 2020) trade, by Member State, total product. Eurostat. URL:
- Real GDP growth rate — volume. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00115&plugin=1> (дата обращения: 07.07.2020).

Assessment of Economic Development of Visegrad Group

Author. Bazhan Anatoly, Head of the Center for Economic Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **E-mail:** aibazhan@bk.ru

Abstract. The article analyzes the rates of economic growth of the Visegrad countries and the factors that determine it. It is noted that according to the statistics of the European Union, the relative value of GDP per capita of the V4 against the EU average has been constantly increasing, while some Western European countries have lost their leading positions. Meanwhile, the author provides reasons for the economic progress of the Visegrad group, which include the investment activity of Western corporations in these countries; conducting an independent monetary policy by of the Czech Republic, Hungary and Poland; financial conditions weighted towards the growth of national economies. The author emphasizes that the overall level of public debt of the Visegrad four is noticeably lower compared to the estimate for the other countries of the European Union. The second part of the article deals with a number of negative factors that can slow down the economic development of the region. It is concluded that the world is currently on the verge of massive industrial robotization, for which the Visegrad countries are not ready yet.

Key words: Visegrad group, V4, Hungary, Poland, Slovakia, Czech Republic.

Primary and Secondary Privatisation in some Former Communist Countries

Károly Attila Soós

Abstract. The beginning of political transitions towards democracy in the early 1990's was various in (former) communist countries but it followed two general patterns. In some countries, continuity prevailed: the ruling party and/or its satellite organisations and/or the leaders of the given country (formerly Communist party general secretary, president, prime minister, etc.) remained in power (e.g., Russia, Ukraine, Slovenia). Elsewhere (e.g. in Czechia, Hungary, Poland) political transition started with a break: new parties' ruled. In the former countries, the previously prevailing interpenetration between public administration and company management survived and, not surprisingly, insiders, primarily managers, received very important stakes among the new owners after the (primary) privatisation. This was not the case in the other group of countries, where the political break (the election victory of anti-Communist parties) weakened the position of former managers. In Hungary, the new owners were largely foreign buyers. In Chechia and Poland, domestic but not insider (Czechia) or mostly not insider (Poland) new owners had received the most important roles. Primary privatisation was mostly (with the partial exception of Hungary) followed by extensive changes of ownership (secondary privatisation). In the latter process, there were also important differences between the two country groups.

Key words: post-communist countries, political transition, democracy, Czechia, Hungary, Poland, V4.

The author has studied the privatisation process in a few European former Communist countries: in Czechia, Hungary, Poland, Russia, Slovenia and Ukraine and also wrote a book on the results of this research¹. Our research was concentrated on privatisation processes of the 1990s, and basically restricted to processing industries, services, construction and trade.

In this article, we discuss primarily the privatisation process in Poland and Slovenia. Our analysis is extended to both primary and secondary privatisation. By primary privatisation we mean privatisation in the usual sense of the word: publicly owned firms becoming privately owned on the basis of a decision taken by a competent organ of the state. Secondary privatisation

1 Soós K.A. Politics and Policies in Post-Communist Transition. Primary and Secondary Privatisation in Central Europe and the Former Soviet Union. Budapest – New York: Central European University Press, 2010.

(an expression widely used in the Polish privatisation literature¹) is further transformation (for all practical purposes, increasing concentration) in ownership structures after primary privatisation.

We classify the whole process of primary and secondary privatisation into two different types depending on whether political transition happened with or without a break.

Primary privatisation

Transition without a break means that in the political transition from Communism to a (more or less) democratic regime, continuity prevailed: the ruling party and/or its satellite organisations and/or the main leaders of the given country (formerly Communist party general secretary, president, prime minister, etc.) remained in power (in my sample of countries Russia, Ukraine, and Slovenia). Transition without a break entails the subsistence of relatively strong positions of the firm managers, formerly members of the Communist nomenclature. Obviously, with political, organisational, personal continuity in their country's, their country's, etc. leadership, their former contacts to them were maintained. This situation can be characterised as „propensity for consensus” and even interpenetration between firms' management and the public administration. From the point of view of our research, this is important since on the basis of their strong positions, and often in tandem with trade unions, the managers could fight out „insider” privatisation² (voucher privatisation transformed into insider privatisation): extensive ownership of workers and managers. And then, managers could dominate workers. This kind of primary privatisation prevailed in Russia, Slovenia and Ukraine.

As opposed to transition without a break, transition with a break meant political discontinuity. In Czechia, Poland and Hungary, political transition in 1989-90 began with the rule of new, anti-Communist parties. With this, firm managers as former members of the Communist nomenclature, got into rather weak positions. This situation can be characterised as „propensity for conflict”³. And also, the new government's philosophy tended to be more or less liberal. Under such circumstances, privatisation followed more or less neoliberal models.

One such possibility was the sale of firms for cash, basically to foreign investors (since potential, solvent domestic owners were missing). This

1 See, e.g. *Grossfeld I., Hashi I.* The Emergence of Large Shareholders in Mass Privatized Firms: Evidence from Poland and the Czech Republic, William Davidson Working Paper No. 718, Ann Arbor, MI.

2 On the Russian case, see Chubais A. *Privatizatsiia po-rossiiski*. Vagrius, Moscow, 1999.

3 According to *Schöllmann W.* Foreign Participation in Privatisation: What Does It Mean? Empirical Evidence from the Czech Republic, Hungary and Poland // *Post-Communist Economies*. 2001. № 3 (13). the whole Czech privatisation policy was determined mainly by the intent to replace as much of the economic elite as possible.

Table 1. Cumulative privatisation revenues in the six countries in percent of the GDP (cumulative amounts between 1988 and the given years)

Country	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Czechia	5.3	7.1	8.7	9.4	10.2	11.5
Poland	1.9	2.7	3.6	4.8	6	7.2
Slovenia	0	0.4	0.7	1.2	2	2.2
Russia	1.3	1.5	1.7	2.8	3.5	3.6
Ukraine	1.3	1.4	1.7	1.8	2.3	2.9
Total 5 countries	9.8	13.1	16.4	20	24	27.4
Hungary	12.3	20.9	23.4	27.5	28.6	29.8

Source: European Bank for Reconstruction and Development

way was largely chosen by Hungary (partly with the purpose of reducing the country's large public debt, but also in order to engage new owners having resources for restructuring their newly purchased firms). As we can see in Table 1, the Hungarian government's cumulative privatisation revenue in percent of the country's GDP between 1994 and 1999 was persistently higher than the same figure of the other five countries combined¹.

Another kind of neoliberal solution was mostly used in the other two "political-transition-with-a-break" countries. A significant part of the Czech privatisation was based on privatisation vouchers, which were distributed free of charge (indeed at symbolic prices) among all citizens. A technically different but basically similar voucher privatisation was also implemented in Poland. However, in Poland, some methods of "insider" privatisation were also applied. They were promoted by the powerful "Solidarnosc" trade union.

1 Between 1992 and 1998, the share of foreigner ownership in all Hungarian companies applying double-entry bookkeeping increased from 10 to 39%, thus in 1998 it equalled the share of Hungarian private owners (who owned mostly small and some medium-sized firms), see Voszka É. *Ownership and Corporate Governance in Hungarian Large Enterprise Sector // Corporate Governance in a Changing Economic and Political Environment: Trajectories of Institutional Change* / ed. by Federowicz M., Aguilera R.V. Palgrave MacMillan, New York, 2003.

Secondary privatisation

Primary privatisation — as described above — created millions of new small shareholders in all our countries, except in Hungary. But most of these people wanted to get rid of their shares.

- Non-insider small shareholders (Czech and partly Polish model) were exposed to damages caused by bad corporate governance, i. e., by abuses of their shareholders' rights by large shareholders and managers of the firms whose shares they held¹.
- Non-manager insider shareholders, i. e., non-manager workers who became shareholders of the firm in which they worked (Russian, Ukrainian, Slovenian and partly Polish model) were forced to tolerate similar abuses committed by their (co-owner) managers.

The managerial abuses were largely related to decisions, declared intents and expectations of the latter. All this implied that the ownership distribution created by the primary privatisation (in both models) was unsustainable. Thus, the primary privatisation had to be followed during further transformation of the ownership patterns, i.e., by secondary privatisation. And the latter was necessarily leading towards concentration. Buyers were largely foreigners, but the managers of firms, particularly of those firms originally privatised to insiders, usually played outstanding roles in buying the shares of small shareholders. This was the case even in Hungary, where primary privatisation left small space for the secondary one².)

From various sources, we could collect data characterising the level of ownership concentration of largest companies at the end of 2000 (in Czechia, at the end of 2001) in all our countries, except Ukraine. They show higher level of ownership concentration in Czechia and Poland (and also Hungary) than in Russia and Slovenia, see Table 2.

Obviously, secondary privatisation was slower in the countries whose political transition to a more democratic system took place without a break³. This fact can be explained easily.

Acquisitions of firms by foreigners were restrained by the authorities in the three countries following the model of political transition without-a-break. Such restrictions may have been related to the political-economic system born from the political transition without a break. The subsistence of good relations between the political and managerial levels would have been strongly disturbed by new foreign owners.

1 In the Czech case, these abuses have a large literature, see, e.g., Myant M. *Whatever Happened to Voucher Privatisation?* MET Working Paper Series, Business School, University of Paisley, Manchester, 2001.

2 *Boda D., Neumann L. Hungary // The PEPPER III Report: Promotion of Employee Participation in Profits and Enterprise Results in the New Member and Candidate Countries of the European Union* / ed. by Lowitzsch J., Hashi I., Uvalic M. Inter-University Centre Split/Berlin, Institute for Eastern European Studies, Free University of Berlin, Berlin, 2006. pp. 159 – 176.

3 On the slowness of secondary privatisation, as well as on other respects of privatisation in the Slovenian case.

Table 2. Two index numbers of ownership concentration in the year 2000

Country	Number of firms	Biggest owner's ownership share, %	
		median	mean
Hungary	64	43.5	44.7
Czechia	57	52.6	61.1
Poland	210	39.5	44.6
Slovenia	136	22.3	27.4
Russia	277	28.8	24.2

Remark: in Czechia, 2001.

Sources: Dolgopiatova, T.G. (2002), "Corporate Control in the Russian Companies: Models and Mechanisms", Working Paper No. 2002/5, Vysshaya Shkola Ekonomiki, Moscow. Pajuste, A. (2002), "Corporate Governance and Stock Market Performance in Central and Eastern Europe: A Study of Nine Countries, 1994–2001", Working Paper No. 22, University College London, Centre for the Study of Economic and Social Change in Europe, London.

The informal taxation and subsidisation of the firms was an important element of the economic system:

Corruption was heavy in Russia and Ukraine, albeit less so in Slovenia;

Political pressure was exerted on profitable firms in order to finance lossmaking ones, not only in Russia and Ukraine but also in Slovenia¹.

Summary

From the six countries studied, primary privatisation in five was followed by further important changes in the ownership patterns of the firms concerned: a concentration of the dispersed ownership, that we call secondary privatisation.

The kind of political transition had a crucial impact both on primary and secondary privatisation. Where (in Czechia and Poland) political transition had taken place with a break, a neoliberal kind of privatisation — voucher privatisation had a primary (Czechia) or very important role (Poland). And the secondary privatisation was relatively fast in these countries.

1 In the Russian case, the piling up of inter-firm debts and their frequent settlement in natura (which was often labelled, not quite exactly, barter, and which partly served as a tax dodge) was extensively investigated by economists. On the levels of regional and local governments, forcing liquid companies to subsidise illiquid ones became a more or less generally accepted practice. Profitable companies had to subsidise loss-making ones in Ukraine too; sometimes even the central government ordered this.

As opposed to these countries, in Russia, Ukraine and Slovenia, where political transition had taken place without a break, former communist managers remained in relatively strong position, and they could fight out “insider” privatisation (privatisation of firms to workers and managers), with the domination of managers. Trade unions also had a role in achieving this (and thanks to the Solidarnosc trade union, insider privatisation methods were also applied in Poland). Secondary privatisation was relatively slow in Russia, Ukraine and Slovenia, also in relation with the particularities of their political transition.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Луговой О.В. Проблема неплатежей в переходной экономике. М., 2002.
Чубайс А.Б. Приватизация по-русски. М., 1999.

REFERENCES

- Boda, D., Neumann, L. (2006). Hungary, in: Lowitzsch, J., Hashi I., M. Uvalic (eds.) The PEPPER III Report: Promotion of Employee Participation in Profits and Enterprise Results in the New Member and Candidate Countries of the European Union. Inter-University Centre Split/Berlin, Institute for Eastern European Studies, Free University of Berlin, Berlin.
- Czaban, L., Hovevar, M., Jaklic, M., Whitley, R. (2003). Path Dependence and Contractual Relations in Emergent Capitalism: Contrasting State Socialist Legacies and InterFirm Cooperation in Hungary and Slovenia, in: Organization Studies. pp. 7–28.
- Dean, J. (2000). Ukraine: Europe's Forgotten Economy, in: Challenge 43. № 6. pp. 93–108.
- Grossfeld, I., Hashi, I. (2004). The Emergence of Large Shareholders in Mass Privatized Firms: Evidence from Poland and the Czech Republic. William Davidson Working Paper No. 718, Ann Arbor, MI.
- Myant, M. (2001). Whatever Happened to Voucher Privatisation? MET Working Paper Series, Business School, University of Paisley, Manchester.
- Schöllmann, W. (2001). Foreign Participation in Privatisation: What Does It Mean? Empirical Evidence from the Czech Republic, Hungary and Poland, in: Post-Communist Economies 13. № 3.
- Simoneti, M., Böhm, A., Rems M., Rojec, M., Damijan, J., Majcen, B. (2001). Secondary Privatization in Slovenia: Evolution of Ownership Structure and Company Performance Following Mass Privatization. CASE Report No. 46, Centre for Social and Economic Research, Warsaw.
- Soós, K.A. (2010). Politics and Policies in Post-Communist Transition. Primary and Secondary Privatisation in Central Europe and the Former Soviet Union. Budapest — New York: Central European University Press, 2010.
- Vozzka, É. (2003). Ownership and Corporate Governance in Hungarian Large Enterprise Sector, in: Federowicz, M., Aguilera R.V. (eds.) Corporate Governance in a Changing Economic and Political Environment: Trajectories of Institutional Change, Palgrave MacMillan, New York. pp. 170–194.
- World Bank. Slovenia: Economic Transformation and EU Accession; A World Bank Country Study. No. 19020. The World Bank, Washington, DC, 1999.
- Yorke, A. (2003). Business and Politics in Krasnoyarsk Krai, in: Europe — Asia Studies 55. № 2. pp. 241–262.

Первичная и вторичная приватизация в некоторых посткоммунистических странах

Автор. Атила Карой Шоош, старший научный сотрудник Института экономики Венгерской академии наук. E-mail: soos.karolyattila@krtk.mta.hu

Аннотация. Начало политического транзита в сторону демократии в начале 1990-х гг. было различным в странах Восточного блока. Впрочем, можно выделить две общие схемы. В некоторых странах превалировала преемственность: правящая партия и / или преемники (бывший генсек Коммунистической партии, президент, премьер-министр и т.п.) оставались у власти (например, Россия, Украина, Словения). В других странах (например, в Чехии, Венгрии, Польше) политический переход начался с разрыва: здесь воцарились новые партии. В постсоциалистических странах сохранилось существовавшее ранее взаимопроникновение между представителями госуправления и руководством компаний. Неудивительно, что инсайдеры, в первую очередь управленцы, получили очень большие доли собственности после (первичной) приватизации. Этого не произошло в другой группе стран, где политический разрыв (победа на выборах антикоммунистических партий) ослабил позиции бывших управленцев. В Венгрии новыми владельцами были в основном иностранные покупатели. В Чехии и Польше важные роли играли местные, а не зарубежные владельцы. Первичная приватизация в основном (за исключением Венгрии) сопровождалась обширной сменой владельцев (вторичная приватизация). В последнем процессе также наблюдались важные различия между двумя группами стран.

Ключевые слова: посткоммунистические страны, политический переход, демократия, Чехия, Венгрия, Польша, В4.

Эволюция внешнеторговых связей Польши спустя 15 лет после вступления в Европейский союз

Анджей Габарта

Аннотация. В статье рассматриваются особенности внешнеторгового сотрудничества Польши в 2004-2018 гг. После вступления Польши в ЕС в 2004 году произошли значительные изменения в географической направленности польской внешней торговли. Имела место переориентация торговых потоков с бывших социалистических стран на новых партнеров по интеграционному объединению. В настоящее время большая часть польского экспорта и импорта приходится на внутрирегиональную торговлю. В статье анализируется воздействие и роль транснациональных компаний на структуру польской торговли. Выделяются характерные особенности географической структуры внешней торговли Польши, ее масштабы и динамика на современном этапе.

Ключевые слова: Центральная Европа, Польша, ЕС, Россия, внешняя торговля, экспорт, импорт, внутрирегиональная торговля, ТНК.

В последние 30 лет серьезным изменениям подверглись как внешнеэкономические, так и политические связи Польши. Страна в этот короткий по меркам истории промежуток времени сменила социально-экономическую модель, вступила в Европейский союз, провела переориентацию внешнеторговых потоков со стран бывшего социалистического лагеря на развитые государства Западной Европы. Одной из особенностей польской социально-экономической трансформации стало быстрое проведение экономической либерализации, вовлечение в мировую экономику посредством расширения международной торговли, движения капитала, рабочей силы. В 1991–2018 гг. объем экспорта товаров увеличился более чем в 17 раз с 14,9 млрд долл. США до 264,786 млрд долл. США. Подобная тенденция наблюдалась в импорте товаров, объем которого в аналогичном периоде вырос почти в 18 раз с 15,5 млрд долл. США до 270,157 млрд долл. США¹. Несмотря на

1 Рассчитано автором на основе статистических данных Министерства экономического развития Республики Польша. URL: https://www.mr.gov.pl/strony/zadania/analiza-i-ocena-polskiej-gospodarki/analizy-z-obszaru-handlu-gospodarczego/#Informacja_o_handlu_zagranicznym_Polski (accessed: 09.05.2017) и данных польской статистической службы. URL: http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_predefiniowane/RAP_SWAID_HZ_3_13.aspx (accessed: 04.10.2019).

это, позиция Польши в мировой торговле достаточно скромна. Доля Польши в мировом экспорте и импорте товаров составляет 1,34%¹. Характерной особенностью современного торгового баланса Польши, за исключением короткого промежутка времени 2015–2017 гг., стал хронический его дефицит.

Согласно данным Всемирной торговой организации (ВТО), Польша входит в 30-ку стран — лидеров по объему экспорта (22-е место) и импорта (19-е место) в мире², что говорит о значимой роли внешней торговли в экономическом развитии страны и о том, что Польша смогла найти свое место в международном разделении труда.

О роли внешней торговли в экономическом развитии Польши говорят опережающие темпы роста товарного экспорта по сравнению с ВВП. В 2000–2018 гг. ВВП Польши вырос в 1,9 раза, а экспорт товаров более чем в 8 раз³. Но экспортная квота страны, посчитанная как соотношение объема экспорта к ВНД по ППС, пока не столь велика — 22,8%. В 1991–2018 гг. произошел рост товарной диверсификации экспорта. Доля промышленных товаров в экспорте страны возросла с 55,3 до 80,2%, но удельный вес технологичных товаров остается на достаточно низком уровне — 8,5%⁴.

Вступление Польши в ЕС привело к переориентации значительной части торговых потоков с бывших социалистических стран на новых партнеров по интеграционному объединению. В 2017 г. на внутрорегиональную торговлю Польши приходилось 79,7% объема экспорта и 71,3% объема импорта⁵. С одной стороны, ЕС стал большим емким рынком сбыта для польской продукции, с другой — значительно возросла зависимость товарного экспорта Польши от экономической конъюнктуры в странах ЕС. Тем не менее необходимо упомянуть, что в последнее 30 лет в рамках либерализации внешнеэкономической деятельности имело место существенное снижение величины импортного таможенного тарифа. В настоящий момент средневзвешенный уровень торговый защиты польского рынка составляет 5%⁶, а в торговле со странами ЕС вообще отсутствуют какие-либо ограничения, имеет место полная свобода перемещения товаров.

1 World Trade Organization Trade Profiles 2019, World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles19_e.pdf (accessed: 04.10.2019).

2 Ibid.

3 Рассчитано автором на основе статистических данных Всемирного Банка. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/> (accessed: 04.10.2019).

4 Ibid.

5 Handel zagraniczny Polska w Unii Europejskiej, Główny Urząd Statystyczny. Warszawa, 2018 P. 108, 111.

6 World Trade Organization Trade Profiles 2016, World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/tariff_profiles/E28_e.pdf (accessed: 10.10.2019).

Таблица 1. Внешняя торговля Польши в 1991–2018 гг.

Год	Экспорт в млрд долл. США	Импорт в млрд долл. США	Сальдо торгового баланса	Коэффициент по- крытия импорта экспортом
1991	14,903	15,522	-0,619	1,0
1992	13,187	15,913	-2,726	1,2
1993	14,143	18,834	-4,691	1,3
1994	17,24	21,596	-4,356	1,3
1995	22,895	29,05	-6,155	1,3
1996	24,44	37,137	-12,697	1,5
1997	25,751	42,307	-16,556	1,6
1998	28,229	47,054	-18,825	1,7
1999	27,407	45,911	-18,504	1,7
2000	31,596	48,859	-17,263	1,5
2001	36,04	50,191	-14,151	1,4
2002	40,943	55,023	-14,08	1,3
2003	53,45	67,886	-14,436	1,3
2004	73,781	88,156	-14,375	1,2
2005	89,378	101,539	-12,161	1,1
2006	109,584	125,645	-16,061	1,1
2007	138,785	164,172	-25,387	1,2
2008	171,86	210,479	-38,619	1,2
2009	136,641	149,57	-12,929	1,1
2010	159,758	178,063	-18,305	1,1
2011	190,247	212,331	-22,084	1,1
2012	184,661	198,463	-13,802	1,1
2013	206,138	208,78	-2,642	1,0
2014	222,339	225,898	-3,559	1,0
2015	200,342	197,682	2,66	1,0
2016	205,047	200,672	4,375	1,0
2017	231,591	231,034	0,556	1,0
2018	264,786	270,157	-5,371	1,0

Источник: Составлено автором на основе статистических данных польской статистической службы.

Другим следствием вступления в ЕС стало размещение зарубежных производств крупных транснациональных корпораций (ТНК) на территории Польши. Это способствовало формированию производственных цепочек в промышленном производстве, модернизации обрабатывающей промышленности на основе импортных технологий. Противоречивым остается вопрос о влиянии ТНК на эффективность участия Польши в международной торговле. Под влиянием транснационального капитала развиваются отрасли промышленности, ориентированные на экспорт, произошло их встраивание во внутрифирменную систему взаимоотношений в рамках ТНК. Это поставило развитие торговых отношений в зависимость от политики ТНК¹.

Важной особенностью развития товарной структуры польского экспорта — его зависимость от притока иностранного капитала, который является проводником новых технологий и инноваций в национальное хозяйство. Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) также обуславливает импорт в Польшу инвестиционных товаров, доля которых достигает 80% в общей структуре. С одной стороны, ПИИ оказывают огромное влияние на промышленный потенциал польской экономики, ее модернизацию, с другой — являются главной причиной дефицита торгового баланса. Приток ПИИ является одним из катализаторов роста производства экспортных товаров в Польше².

Иностранный капитал оказал большое влияние на структуру польского экспорта. Если в начале периода трансформации в ее основе были товары текстильной промышленности, металлургии, деревообрабатывающей отрасли и добывающих секторов экономики, то к 2018 г. в структуре польского импорта произошли серьезные изменения. Доля электромашиностроения в импорте удвоилась и в 2018 г. составляла около 38%. Объем экспорта товаров химической отрасли вырос до 14%³. Особо стоит отметить, что за последние 30 лет в структуре польского экспорта стремительно растет доля товаров агропромышленного комплекса, которая в 2018 г. превысила 13%⁴.

О конкурентоспособности польских товаров на внешних рынках свидетельствует географическая структура польского экспорта. Более 87% экспорта направляется в развитые страны, среди которых основным рынком сбыта являются партнеры по ЕС (80,6%). Несмотря на то, что в 2004–2018 гг. объем экспорта в страны ЕС вырос в 3,6 раза, их доля

1 Габарта А.А. Анализ состояния польской экономики через семь лет после вступления страны в ЕС // Мировое и национальное хозяйство. 2011. № 3(18).

2 Габарта А.А. Особенности внешнеторговой и инвестиционной политики Польши // Современная Европа. 2016. № 6. (72). С. 98. DOI: 10.15211/soveurope6201697106

3 Рассчитано автором на основе статистических данных польской статистической службы. URL: http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_predefiniowane/RAP_SWAID_HZ_3_12.aspx (accessed: 04.10.2019).

4 Ibid.

Таблица 2. Изменения в географической структуре внешней торговли Польши в 2004–2018 гг. в млн долл. США

	2018			Доля в экспорте, %	Доля в импорте, %	2004			Доля в экспорте, %	Доля в импорте, %
	экспорт	импорт	сальдо			экспорт	импорт	сальдо		
Весь Мир	264 786,00	270 157,60	-5371,60	100	100	73 781,00	88 156,00	-14 375,00	100	100
Развитые страны	230 812,60	178 306,90	52 505,70	87,15	65,95	62 851,10	66 890,40	-4039,30	85,27	75,94
ЕС, в том числе:	213 511,20	158 909,60	54 601,60	80,63	58,77	58 366,90	60 110,50	-1743,60	79,23	68,26
Германия	74 672,80	60 956,40	13 716,40	28,21	22,56	22 134,00	21 481,20	652,80	30,05	24,38
Чехия	16 887,00	9315,00	7572,00	6,38	3,45	3 188,50	3 188,10	0,40	4,32	3,62
Великобритания	16 505,80	6583,50	9922,30	6,24	2,44	3 986,50	2 922,40	1064,10	5,41	3,33
Франция	14 799,50	9927,30	4872,20	5,58	3,67	4 454,30	5 924,10	-1469,80	6,05	6,73
Италия	12 212,40	13 886,60	-1674,20	4,61	5,14	4 507,80	6 934,30	-2426,50	6,12	7,90
Нидерланды	11 960,90	9826,70	2134,20	4,52	3,64	3 166,20	3 072,30	93,90	4,30	3,48
Швеция	7 384,20	4924,80	2459,40	2,79	1,82	2 577,30	2 381,30	196,00	3,51	2,71
Венгрия	7 059,20	4382,80	2676,40	2,67	1,62	1 317,80	1 453,40	-135,60	1,78	1,64
Словакия	6 854,60	4874,20	1980,40	2,59	1,80	1 893,80	1 663,50	230,30	2,56	1,89
Испания	6 784,20	6086,20	698,00	2,55	2,25	1 805,00	2 351,70	-546,70	2,46	2,67

	2018			Доля в экспор-те, %	Доля в импор-те, %	2004			Доля в экспор-те, %	Доля в импор-те, %
	экспорт	импорт	сальдо			экспорт	импорт	сальдо		
Прочие развитые страны, в том числе:	11 746,40	14 128,40	-2382,00	4,44	5,23	2 612,90	4 469,40	-1856,50	3,54	5,07
США	7 276,20	7 690,40	-414,20	2,75	2,85	1 775,60	2 119,40	-343,80	2,40	2,40
Канада	1 407,50	501,90	905,60	0,53	0,19	264,00	245,60	18,40	0,36	0,28
Япония	668,70	4270,20	-3601,50	0,25	1,58	170,90	1 711,20	-1540,30	0,23	1,95
Развивающиеся страны, в том числе:	18 706,90	67 938,60	-49 231,70	7,07	25,15	4 263,70	12 515,90	-8252,20	5,74	14,17
Россия	7 999,60	19 249,40	-11 249,80	3,03	7,13	2 842,70	6 390,60	-3547,90	3,82	7,22
Украина	5 266,80	3024,80	2242,00	1,99	1,12	2 023,40	1 038,50	984,90	2,74	1,18
Беларусь	1 701,70	1441,20	260,50	0,64	0,53	565,20	698,50	-133,30	0,76	0,78
Турция	2 997,30	4522,90	-1525,60	1,12	1,67	901,40	1 111,10	-209,70	1,22	1,26
Китай	2 497,80	31 279,30	-28 781,50	1,12	16,61	555,80	4 064,60	-3508,80	0,75	4,59
Индия	818,70	2136,90	-1318,20	0,31	0,79	84,30	310,40	-226,10	0,11	0,35
ЮАР	743,50	456,30	287,20	0,28	0,17	102,00	122,70	-20,70	0,14	0,14
Бразилия	490,50	1831,30	-1340,80	0,19	0,68	112,60	532,70	-420,10	0,15	0,62

Источник: рассчитано автором на основе данных Польской статистической службы.
URL: http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_predefiniowane/RAP_SWAID_HZ_3_8.aspx (дата обращения: 10.10.2019).

в совокупном польском экспорте увеличилась несущественно, всего на 1,3%¹. Также необходимо отметить, что динамика роста экспорта в новые страны ЕС² была выше, чем в странах ЕС — 15. В анализируемый период объем польского экспорта в новые страны ЕС вырос более чем в 4,7 раза. Данные цифры говорят о том, что уровень внешнеэкономического сотрудничества между Польшей и странами «старой Европы» уже находился на высоком уровне накануне вступления Польши в ЕС, в то время как после 2004 г. наступила интенсификация торговых контактов с новыми странами ЕС, особенно со странами Вишеградской группы. В 2018 г. на рынки стран Вишеградской четверки было направленно 11,6% польского экспорта³.

Необходимо также отметить, что в анализируемый период удвоился товарооборот со странами Южной Европы, прежде всего с Испанией и Италией.

Еще одной важной особенностью внешнеторговых контактов Польши со странами ЕС является положительное сальдо торгового баланса.

Другими по важности торговыми партнерами для Польши являются европейские страны СНГ: Беларусь, Россия и Украина. В 2018 г. их доля в польском экспорте составляла 5,6%⁴. До 2014 г. объем экспорта польских товаров на рынки данных стран стремительно увеличивался. В 2004–2013 гг. величина польского экспорта выросла: в Россию — в 3,5 раза, на Украину — в 2,6 раза, в Беларусь — в 4 раза⁵. В 2014–2016 гг. произошло уменьшение на 30% объемов поставляемой на этих направлениях продукции. Одной из основных причин изменения данного тренда стал экономический кризис в России, обусловленный структурными проблемами национальной экономики, снижением стоимости энергоресурсов, введением санкций, в том числе со стороны ЕС, а также вооруженный конфликт на востоке Украины. В 2018 г. объем экспорта в эти страны составлял 94% от уровня 2014 г.⁶ Экспорт в развивающиеся страны, вырос с 5,74 до 7,07%⁷.

В 2004–2018 гг. товарная структура внешней торговли Польши подверглась существенному изменению. Теперь основу польского экспорта составляют товары с высоким уровнем добавленной стоимости — продукция машиностроения, доля которой в товарном экспорте составляет

1 Ibid.

2 Под новыми странами ЕС подразумеваются страны, которые вступили в ЕС в 2004 г. и последующие годы: Болгария, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония.

3 Рассчитано автором на основе статистических данных польской статистической службы. URL: http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_predefiniowane/RAP_SWAID_HZ_3_8.aspx (accessed: 04.10.2019).

4 Ibid.

5 Ibid.

6 Ibid.

7 Ibid.

почти 40%. В анализируемый период ее величина выросла в 3,6 раза. Одновременно наблюдалась тенденция роста импорта товаров электромашиностроения, транспортного оборудования и полуфабрикатов. Знаковым событием стало достижение профицита в торговле в данной группе товаров.

Второй по значимости статьей польского экспорта является продукция химической промышленности — 13,9%. За 14 лет, прошедших со вступления Польши в ЕС, объем экспорта вырос в 4,9 раза. Несмотря на это, во внешней торговле Польши сохраняется незначительный дефицит в торговле этими товарами. В 2018 г. он составил 8,7 млрд долл. США¹.

После вступления Польши в ЕС в структуре ее экспорта выросло значение продукции агропромышленного комплекса, доля которого возросла до 13,3%. Объем экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья вырос более чем 5,4 раза. Более 80% товаров данной группы направляется на рынки развитых стран.

В анализируемый период Польше удалось уменьшить дефицит торгового баланса. Его отрицательное значение было обусловлено увеличением объема импорта минерального сырья. В 2015–2017 гг. Польша впервые в современной истории смогла достичь положительного сальдо во внешней торговле.

Экономический кризис 2008 г. положил конец долгосрочной положительной динамике роста польского товарооборота. В 2009 г. экспорт уменьшился на 15,5%, а импорт на 25,5% по сравнению с предшествующим годом. В 2009 г. объемы экспорта в страны ЕС уменьшились на 14,5%, в страны СНГ — на 38,1%, в том числе в Россию — на 40,6%, в Украину — на 43,3%. Импорт товаров из ЕС уменьшился на 24,5%, из стран СНГ — 37,7%².

Восстановление объемов экспорта наступило достаточно быстро. Так, в 2010 г. удалось достичь и превысить предкризисный объем экспорта. Восстановление импорта пришлось ждать 3 года. В 2013 г. объем экспорта был на 42% выше, чем в предкризисный 2008 г. Объем экспорта в страны ЕС в анализируемый период вырос на 41,9%. Что касается динамики польского экспорта в страны СНГ, то тут совсем другая ситуация. Несмотря на рост объема экспорта в 2010–2013 гг., в последующие годы произошел спад. В 2015 г. его величина составляла 63,2% докризисного показателя.

- 1 Рассчитано автором на основе статистических данных польской статистической службы. URL: http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_konstruowane/RAP_SWAID_HZ_3_4.aspx (accessed: 10.10.2019).
- 2 Polska 2015. Raport o stanie handlu zagranicznego. Ministerstwo Gospodarki RP, Departament Strategii i Analiz. Warszawa. 2015. P. 36.

Таблица 3. Изменения в товарной структуре внешней торговли Польши в 2004–2018 гг. в млн долл. США

	2018			Доля в экспорте, %	Доля в импорте, %	2004			Доля в экспорте, %	Доля в импорте, %
	экспорт	импорт	сальдо			экспорт	импорт	сальдо		
Всего	264 786,0	270 157,6	-5371,60	100	100	200 342,80	197 682,20	2660,70	100	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	35 168,0	23 729,4	11 438,60	13,3	8,78	6483,6	5453,1	1030,5	8,8	6,2
Минеральные продукты	7400,6	24 678,7	-17 278,10	2,8	9,13	4228,3	9198,8	-4970,5	5,7	10,4
Продукция химической промышленности, каучук	36 756,5	45 452,0	-8695,50	13,9	16,82	7532,5	15 385,8	-7853,3	10,2	17,5
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1218,8	1571,5	-352,70	0,5	0,58	452,4	808,9	-356,5	0,6	0,9

	2018			Доля в экспорте, %	Доля в импорте, %	2004			Доля в экспорте, %	Доля в импорте, %
	экспорт	импорт	сальдо			экспорт	импорт	сальдо		
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	13 366,8	9407,0	3959,80	5,0	3,48	4666,0	3681,6	984,4	6,3	4,2
Текстиль, текстильные изделия и обувь	12 487,6	16 903,5	-4415,90	4,7	6,26	3955,4	5438,8	-1483,4	5,4	6,2
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	6289,0	4147,5	2141,50	2,4	1,54	1965,5	1463,4	502,1	2,7	1,7
Металлы и изделия из них	26 427,1	29 286,5	-2859,40	10,0	10,84	9261,5	9136,3	125,2	12,6	10,4
Машины, оборудование и транспортные средства	105 637,5	102 288,9	3348,60	39,9	37,86	29 656,5	35 939,6	-6283,1	40,2	40,8
Другое	20 034,1	12 692,6	7341,50	7,5	4,70	5579,4	1649,9	3929,5	7,6	1,9

Источник: Рассчитано автором на основе данных Польской статистической службы [Электронный ресурс].
Режим доступа: http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_predefiniowane/RAP_SWAID_HZ_3_12.aspx (дата обращения: 10.10.2019)

Роль Польши во внутрирегиональной торговле ЕС. Экономические отношения с ведущими странами ЕС

Как уже упоминалось ранее, основным торговым партнером Польши являются страны ЕС. В 2004–2018 гг. место и роль Польши во внешней торговле ЕС постепенно возрастали. В 2018 г. на внутрирегиональную торговлю приходилось почти 70% польского товарооборота. Более 80% товарного экспорта было направленно на общеевропейский рынок, 58,8% импортных товаров поступило из стран ЕС.

Высокий удельный вес стран ЕС во внешнеторговых связях Польши делает ее зависимой от общеевропейской конъюнктуры и экономической ситуации у главных торговых партнеров Польши.

В 2018 г. основным торговым партнером Польши как в мире, так и в ЕС являлась Германия. В рамках внутрирегиональной торговли доля этой страны во всем товарообороте Польши составляла более 36%. В 2018 г. более 60% внутрирегионального товарооборота, помимо Германии приходилось еще на 4 государства: на Чехию — 7%, на Италию — 7%, на Францию — 6,6% и на Великобританию — 6,2%¹.

В 2004 — 2018 г. товарооборот с Германией вырос более чем в 3 раза и составил 135,629 млрд долл. США. В анализируемый период товарный экспорт в Германию вырос в 3,4 раза и составил 74,672 млрд долл. США (28,2% от объема внутрирегионального экспорта), импорт из Германии увеличился в 2,8 раза до 60,956 млрд долл. США (22,6% от объема внутрирегионального импорта). В 2018 г. основу польского экспорта в Германию составляли: машины, оборудование и транспортные средства — 37,5%, продукция химической промышленности — 13,5%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 11,4%, металлы и изделия из них — 10,7%, текстильные изделия и обувь — 7,5%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия — 6,6%².

Вторым по значимости торговым партнером, с точки зрения экспорта польской продукции, в 2018 г. была Чехия. В 2004–2018 гг. товарооборот с Чехией вырос более чем в 4 раза и составил 6,376 млрд долл. США. В анализируемый период товарный экспорт в Чехию вырос в 5,3 раза и составил 16,887 млрд долл. США (6,4% от объема внутрирегионального экспорта), импорт из Чехии увеличился в 2,9 раза до 9,315 млрд долл. США (3,4% от объема внутрирегионального импорта). Основу польского экспорта в Чехию составляют: машины, оборудование и транспортные средства — 33,3%, металлы и изделия из них — 16,6%, продукция

1 Рассчитано автором на основе данных Польской статистической службы. URL: http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_predefiniowane/RAP_SWAID_HZ_3_8.aspx (accessed: 10.10.2019).

2 Рассчитано автором на основе данных Польской статистической службы. URL: http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_konstruowane/RAP_SWAID_HZ_3_1.aspx (accessed: 10.10.2019).

Таблица 4. Внутрорегиональная торговля Польши со странами ЕС в 2018 гг. в млн долл. США

Страна	Экспорт	Импорт	Сальдо	Доля в экспорте, %	Доля в импорте, %
Германия	74 672,8	60 956,4	13 716,4	28,21	22,55
Чехия	16 887,0	9315,0	7572,0	6,38	3,44
Великобритания	16 505,8	6583,5	9922,3	6,24	2,44
Франция	14 799,5	9927,3	4872,2	5,58	3,67
Италия	12 212,4	13 886,6	- 1674,2	4,61	5,13
Голландия	11 960,9	9826,7	2134,2	4,52	3,63
Швеция	7384,2	4924,8	2459,4	2,79	1,82
Венгрия	7059,2	4382,8	2676,4	2,67	1,62
Словакия	6854,6	4874,2	1980,4	2,59	1,80
Испания	6784,2	6086,2	698,0	2,55	2,25
Бельгия	6215,9	6726,0	-510,1	2,35	2,49
Румыния	5379,0	2453,2	2925,8	2,03	0,91
Австрия	5270,2	4608,8	661,4	1,99	1,71
Дания	4635,8	3006,1	1629,7	1,75	1,11
Литва	3978,5	2215,3	1763,2	1,50	0,82
Финляндия	2249,5	2033,1	216,4	0,85	0,75
Латвия	1660,2	633,6	1026,6	0,63	0,23
Эстония	1292,3	350,2	942,1	0,49	0,13
Болгария	1276,0	774,8	501,2	0,48	0,29
Ирландия	1189,5	1684,2	-494,7	0,45	0,62
Португалия	1154,1	1069,0	85,1	0,44	0,39
Словения	1108,7	991,3	117,4	0,42	0,37
Греция	1 038,8	598,2	440,6	0,39	0,22
Хорватия	1 011,0	209,9	801,1	0,38	0,08
Люксембург	496,7	523,6	- 26,9	0,18	0,20
Кипр	229,2	127,0	102,2	0,09	0,05
Мальта	75,0	56,5	18,5	0,03	0,02

Источник: рассчитано автором на основе данных Польской статистической службы.

URL: http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_predefiniowane/RAP_SWAID_HZ_3_8.aspx
(дата обращения: 10.10.2019).

химической промышленности — 14,8%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 10,8%, минеральные продукты — 6%¹.

В 2018 г. Великобритания заняла третье место во внутрирегиональном польском экспорте — 6,2%. В 2004–2018 г. товарооборот с Великобританией вырос в 3,3 раза и составил 23,089 млрд долл. США, экспорт вырос в 4,1 раза и составил 16,505 млрд долл., импорт из Великобритании увеличился в 2,3 раза до 6,583 млрд долл. (2,4% от объема внутрирегионального импорта). В 2018 г. основу польского экспорта в Великобританию составляли: машины, оборудование и транспортные средства — 41,5%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 19,7%, продукция химической промышленности — 10,8%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия — 5%, металлы и изделия из них — 4,5%².

В анализируемый период Франция заняла четвертое место во внутрирегиональном польском экспорте — 5,6%. В 2004–2018 гг. товарооборот вырос в 2,4 раза и составил 24,726 млрд долл. США, экспорт вырос в 3,3 раза и составил 14,799 млрд долл., импорт увеличился в 1,7 раза до 9,927 млрд долл. (3,7% от объема внутрирегионального импорта). Основу польского экспорта во Францию составляют: машины, оборудование и транспортные средства — 46,8%, продукция химической промышленности — 14,4%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 12,6%, металлы и изделия из них — 7,8%³.

Пятерку стран-лидеров среди направлений польского экспорта замыкает Италия. В 2004–2018 г. товарооборот с Италией вырос в 2,3 раза и составил 26,099 млрд долл. США, экспорт вырос в 2,7 раза и составил 12,212 млрд долл. США, импорт из Италии увеличился в 2 раза до 13,886 млрд долл. США (5,1% от объема внутрирегионального импорта). Основу польского экспорта в Италию составляют: машины, оборудование и транспортные средства — 46,2%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 15,3%, продукция химической промышленности — 12,3%, металлы и изделия из них — 10,5%⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Габарта А.А. Особенности внешнеторговой и инвестиционной политики Польши // Современная Европа. 2016. № 6. (72). С. 97 — 106. DOI: 10.15211/soveurope6201697106
- Габарта А.А. Анализ состояния польской экономики через семь лет после вступления страны в ЕС // Мировое и национальное хозяйство. 2011. № 3(18).
- Дрыночкин А.В. Внешнеэкономические связи России и Вишеградской группы // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 53–62.
- Куликова Н.В., Синицина И.С. Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2019. № 3 (72). С. 150–160.

- 1 Ibid.
- 2 Ibid.
- 3 Ibid.
- 4 Ibid.

Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2011–2013 гг. Отв. ред. И.И. Орлик. М.: ИЭ РАН, 2014.

Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия. Под ред. Л.Н. Шишелиной, М.В. Ведерникова. М.: ИЕ РАН, 2018.

References

- Drynochkin, A.V.* (2016). Vneshnejeekonomicheskie svyazi Rossii i Vishegradskoj grupy [Economic relations between Russia and Visegrad countries]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe]. 6 (72). pp. 53–62. DOI: 10.15211/soveurope620168287
- Habarta, A.A.* (2011). Analiz sostojanija pol'skoj jekonomiki cherez sem' let posle vstuplenija strany v ES [Analysis of the state of the Polish economy seven years after the country's accession to the EU]. *Mirovye i nacional'noe hozjajstvo* [World and national economy]. 3(18).
- Habarta, A.A.* (2016). Osobennosti vneshnetorgovoj i investicionnoj politiki Pol'shi [Characteristics of Foreign Trade and Investment Policy of Poland]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe]. 6 (72). pp. 97–106. DOI: 10.15211/soveurope6201697106
- Kulikova, N.V., Sinicina, I.S.* (2019). Torgovyje otnoshenija Rossii so stranami Central'no-Vostochnoj Evropy [Trade Relations Between Russia and Central-Eastern European Countries]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe]. 3 (72). pp. 150–160. DOI: 10.15211/soveurope32019150160
- Orlik, I.I.* (2014). Rossiya i Central'no-Vostochnaja Evropa: vzaimootnoshenija v 2011–2013 gg. [Russia and Central-Eastern Europe: relationship in 2011–2013.]. Moscow.
- Shishelina, L.N., Vedernikov, M.V.* (eds.) (2018). Central'naja Evropa: politicheskij portret na fone 100-letija [Central Europe: a political portrait against the backdrop of the 100th anniversary]. Moscow: IE RAN.

The Evolution of Poland's Foreign Trade Relations 15 years after Accessing the European Union

Author. Andrzej Habarta, PhD (Economics), Leading Scientific Researcher Department of Central and Eastern European studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS); Associate Professor, World Economy Department, MGIMO-University. E-mail: andrzej_habarta@yahoo.com

Abstract. The article examines the specifics of Polish foreign trade cooperation in 2004–2018. After Poland's accession to the EU in 2004, significant changes took place, especially in the geographical orientation of Polish foreign trade. Trade flows of Poland were reorientated from the former socialist countries to the new partners in the EU. Now intra-regional trade accounts for most of the Polish exports and imports. The article analyzes the impact and the role of multinational companies on the structure of Polish foreign trade. The article highlights the characteristic features of the geographical structure of foreign trade of Poland, its scale and dynamics at the present stage.

Key words: Central Europe, Poland, EU, Russia, trade, foreign trade, exports, imports, intraregional trade, international capital flows, foreign direct investment, FDI.

The Success of the Polish Economic Transition

Zbigniew Stańczyk

Abstract. The goal of the article is to make a general evaluation of economic reforms that had been undertaken in Poland since the collapse of the socialist system. The article starts with the description of the initial plans of reforms and moves towards the analysis of their realization at the first stage of transition. The author distinguishes the main driving forces of reforms as well as describes the economic policies of all the Polish governments. The result of the economic transition, embodied in continuous growth of GDP and the improvement of the standard of living of the population, leads to the conclusion that transition in Poland was a success. However, like in any other new endeavor mistakes have also been made. Currently some new very worrying trends that need a serious investigation and rethinking are taking place.

Key words: transition of socialist economies, reform strategies, Polish economy.

One of the main goals of the socialist economy was to improve people's standard of living. This goal was supposed to be reached through nationalization of the means of production and implementation of central planning (actually none of the plans have been fully realised)¹. The priority was given to industrialisation, with a special focus on the investment into heavy industry, which was expected to give solid foundations for the whole economy, as well as for the future increase of consumption. Advocates of the system believed that socialist economies would develop without considerable friction, and that they would soon catch up with rich capitalist economies. The socialist economies shared some general characteristics but some of their features differed from those described by ideologists, who preached that it was the best economic system in the history of humankind. The common properties of the system could be described as follows:

- domination of the state sector in the economy which was controlled by the communist party (some small farms or shops could be allowed to work under state supervision),

1 Short descriptions of the socialist economy are given for example by Aslund. See: Aslund, A. *How Capitalism was Built. The Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, and Central Asia*, Cambridge: Cambridge University Press, 2012. pp. 12–15. The most comprehensive description is given by the famous expert in the field, Kornai. See: *Kornai, J. The Socialist System: The Political Economy of Communism*, Oxford: Clarendon Press, 1992. pp. 62–359.

- economic structure with prevalence of an oversized industry, especially the one producing means of production and weapons; many plants larger than optimum, very often in poor locations; high consumption of energy and other resources per one unit of output¹; lack of innovation (though initially, it was not so bad in some specific industries, e.g. in nuclear energy or rocket production),
- heavily distorted prices (including the regime of multiple fixed exchange rates) due to controls and subsidies, and acute shortages of many types of goods,
- an underdeveloped service sector and an insufficient output of consumer goods; consumer goods of low quality and limited variety (even consumers in relatively rich East Germany were dreaming about living in the West).

The socialist economies were not totally uniformed. A specific feature of the Polish system was a high share of private agriculture. Over 70% of agricultural land was in private hands but, in spite of accelerated improvement since the 1970s, it stayed underdeveloped in comparison to Western standards of development.

Communists did not fulfil their promises of a fast-growing standard of living, which resulted in occasional mass protests in Poland. The solution was to use the “stick and carrot” policy; however, usually there was less carrot than stick. Protesters were persecuted, and the government tried to shift resources to the production of consumer goods. The reallocation of resources was never successful because of the inertial, wasteful power of heavy industry (it was using more and more resources), the vested interests of different factions of the *nomenklatura* and the growing inefficiency of the whole economy. The reforms undertaken at the beginning of the 1970s gave high hopes. The government tried to use foreign loans to both modernise companies and to import more consumer goods. More imported goods appeared in the stores, and the authorities planned to use revenues from exported goods to repay foreign debts. However, the plan failed: consumer goods, even from modernized companies, were not sufficiently attractive for foreigners, and the government had to sell natural resources, mainly coal, to repay debts². Big shortages started to occur as early as the first half of the 1970s, and in 1976 coupons for sugar were introduced.

In the second half of the 1970s more and more signs of stagnation of the Polish economy could be observed. Many attempts at partial reforms were undertaken until the decline of the system but in the 1980s even members of the communist party ceased to believe that the system could work.

1 We could also mention destruction of the environment in regions with a concentration of heavy industry and mining.

2 Employment in the coal mining industry was about 4 times higher in the 1980s than it is now.

In 1986 M. Gorbachev was appointed as the General Secretary of the Communist Party of the USSR. He launched some reforms in the USSR and reshaped the relations with the US after the Reykjavik Summit. Changes started to be perceived as a window of opportunity for more comprehensive reforms. The pressure to launch more wide-ranging reforms came from the society as Poles started feeling fed up with partial reforms and could express their opinions about the situation openly. Freedom of speech was greater in Poland than, for example, in the GDR or Czechoslovakia, and in Poland there were also elements of a civic society building up at least since the mid-1970s. Furthermore, the opposition groups found support from the major institution independent of the government, the Catholic Church. On the other hand, each respective communist government in the 1980s was increasingly pragmatic and less communist in its approach to economic policy. Even before the so-called Round Table Talks between the government and the opposition, in December 1988 the last “communist” government passed the bill (The Act on Economic Activity), which came into force at the beginning of 1989, which gave almost complete freedom to start business activity¹. The Act on Economic Activity was drafted by the Industry Minister, Mr Wilczek, who previously run his own company. The act started with the following phrase, “Undertaking economic activity is free and permitted to everyone”, and many libertarians and classical liberals still say that it was the biggest push for freedom in the whole modern history of Poland. In 1989 thousands of Poles set up new, usually small, businesses². It is also worth mentioning that Poland chanced to have the high-quality Commercial Code from the interwar period, which was ready for use at the beginning of the transition.

However, many economic problems were still unresolved. The economy suffered from massive shortages, high inflation, and was burdened with huge foreign debt. In 1989 some progress was made in comparison to the situation in 1988 when sometimes the only available commodity in shops was vinegar, but the shortages in Poland were still much bigger than in the GDR and Czechoslovakia. In August 1989, in the last month of the last “communist” government, the inflation rate was 40%, which means that it was almost hyperinflation³. Such a dramatic increase of prices was brought about by further liberalisation of prices and by the still existing huge monetary overhang. The foreign debt at the end of the 1980s was about 40 billion USD, which would not be substantial now but in those days inefficient economy could not bring enough foreign revenues to service the debt. Moreover, the

1 *Błachucki M.* Liberalizacja zasad działalności gospodarczej // Transformacja systemowa w Polsce / Ed. by K. Żukrowska. Warszawa: Szkoła Główna Handlowa, 2010. pp. 373–378.

2 The spirit of the act was also summed up as “everything which is not forbidden is allowed”.

3 Kołodko claims that it was a result of “(...) unprepared, so-called “marketisation” of agriculture (in August 1989) and the “general wage and indexation system” forced through by Solidarity (...)” See: Kołodko G. Polish Hyperinflation and Stabilization. МОСТ-МОСТ. 1991. № 1. P. 14.

economy still needed restructuring and privatisation, and many new institutions to support and civilise the emerging free-market economy.

All in all, Poland urgently needed both macroeconomic stabilisation and even deeper changes of the economic system. It should be stressed that no other state had introduced such reforms before. A new, Solidarity movement - led government came into power in September 1989. L. Balcerowicz, a professor of economics, became the finance minister and the deputy prime minister in the new government. One of his tasks was to draft a new programme of reforms, and a package of 11 acts was passed in 1989. More acts were subsequently drafted by Balcerowicz and his team (mainly consisting of his deputies and advisors).

Balcerowicz¹ presents his reforms in a very clear way: he assigns the new policies to three categories: stabilisation, liberalisation and deregulation, and introduces institutional changes. Stabilisation policies consisted of a restrictive monetary policy (high central bank interest levels, high required reserve ratios, and special regulations concerning ceilings for loans given by commercial banks), a restrictive fiscal policy (drastic cuts to subsidies for state-owned enterprises), a restrictive income policy (elimination of wage indexing and introduction of severe tax penalties for raising state-owned companies' wage funds), and finally, introduction of a single, fixed exchange rate. Tax penalties for raising wage funds were not a common feature of stabilisation programmes accepted by the IMF, and Balcerowicz was criticised for both the extremely high tax-rates levels and applying them for too long. Balcerowicz wanted to impose some wage discipline on state-owned enterprises and, in this way, not to allow the demand for goods and services to increase too much. His opponents argued that the way the tax was applied hindered the restructuring processes in many companies. The same was said about unexpectedly high increases of interest rates: the companies and farms which had got some loans to modernise their equipment were suffering the most. A fixed exchange rate was to signal the commitment of the government to sticking to new rules.

Liberalisation and deregulation included liquidation of remnants of the central allocation of inputs and further price liberalisation, removal of the few remaining restrictions with respect to private activity (arguably, a very small change in comparison with Wilczek's Act on Economic Activity), foreign trade liberalisation and unification of the exchange rate. The above mentioned unification was accompanied by a huge devaluation, from 6,500 zł/USD to 9,500 zł/USD, which softened the shock of the substantial lowering of the tariffs but brought some additional problems. For example, households held a substantial amount of foreign currencies on saving accounts (or "under mattress"), so the value of the holding expressed in

1 *Balcerowicz L. Socjalizm, kapitalizm, transformacja – szkice z przełomu epok. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997.*

domestic currency went up, causing an upward pressure on the demand for goods and services.

Institutional changes could not be introduced in one year, and it is doubtful if Balcerowicz had a complete vision of such changes as early as 1989. In 1990 anti-monopoly legislation was passed and an anti-monopoly office was established but it was only later that more comprehensive reforms of the tax system and financial regulations were undertaken. For example, the Law on the Securities Stock Exchange and Mutual Funds was passed in 1991. The Warsaw Stock Exchange started to operate in May 1991, and initially it was opened once a week and only five companies were listed at the exchange. (In a bizarre twist of fate, the stock exchange was located in the former headquarters of the communist party.) In 1991 a new, more liberal, Foreign Investment Law was passed, and one year later new norms for bank behaviour and accounting were introduced¹. A new personal income tax was introduced in 1992, and a new value-added tax in 1993.

The privatisation process could be a topic for another, even more extensive paper. There were many ways of privatising state-owned enterprises, and there were also some changes in privatisation law. At the beginning of the reforms the two main ways of privatisation were introduced: capital privatisation and “privatisation through liquidation”. The second term can be a little misleading because it simply meant discontinuing firm’s activity under previous legislation, and a whole firm, usually a small company or a shop, or even a part of it, was sold out. Such kind of privatisation was quite rapid, especially in comparison to the capital privatisation which was designed for big companies — only 5 companies were selected for such a process of privatisation in 1990, and 6 in 1991. The capital privatisation was speeded up a little later but many big companies, especially coal mines, were not privatised. The mass privatisation scheme was launched in 1993. 512 state-owned companies were selected for the scheme, but they were mainly medium-sized enterprises. The mass privatisation played a minor role in the Polish transition, especially in comparison to mass privatisation in the Russian Federation and the Czech Republic, and it was not a success².

Even before the Balcerowicz programme was launched, some elements of the social safety net were established: in 1989 a new Employment Law (1989) was passed. It opened the foundation for the creation of employment offices and the introduction of unemployment benefits. In later years Balcerowicz repeated many times that the Employment Law was not sufficiently strict because unemployment benefits could be granted to graduates, too. A decentralised system of social aid for the poor was introduced in 1991.

1 In January 1989 reforms of the banking system and the central bank were launched for the first time, but in later years several more changes took place.

2 *Kaliński J. Prywatyzacja // Transformacja systemowa w Polsce / Ed. by K. Żukrowska. Warszawa: Szkoła Główna Handlowa, 2010. pp. 325–334.*

All in all, many institutional changes introduced by the government did not matter for the economic situation in 1990.

The early debates about the transition policy choices focused on two main areas:

- the speed of reforms (which was epitomised in the slogan, “shock therapy vs. gradualism”),
- sequencing and complementarity of reforms.

Hungary was presented as the evidence that a gradual approach worked better but Balcerowicz argued that Poland’s economy suffered from so many imbalances that there was an urgent need for fast and comprehensive reforms¹. Balcerowicz claimed that there even was a window of opportunity for fast reforms: people were disillusioned with partial reforms, and if reforms were to last too long, the support for them would fade away. He also argued that stabilisation without liberalisation and some attempts at restructuring would lead to the abuse of the monopolistic power of some state-owned enterprises. Balcerowicz’s reforms were called a big bang, a shock therapy or even a cold-turkey treatment. However, some economists, including Gomułka² argue that it is an exaggeration to talk about a shock because the majority of policies were neither extremely tough nor extremely fast.

Debates on many specific policy choices also took place: on the income policy, exchange rate regime, industrial policy, privatisation methods, and so on³. On the other hand, some debates on more general issues, namely the theoretical or ideological background of the reforms were conducted. Balcerowicz’s reforms were very often criticised as an almost direct application of the Washington Consensus,⁴ which in turn was frequently presented as strongly inspired by neoliberal ideology. It is perfectly true that Balcerowicz wanted to have a capitalist economy in Poland — he wanted to emulate the best, or at least the well-functioning free-market solutions. According to him, experimenting with any third way would lead to the Third World⁵. However, one

1 Due to the lack of spectacular successes of Hungarian reforms in the 1990s, a bigger number of economists who advocated partial and slower reforms started to use the example of China (see, for instance. See: *Roland G. Ten Years After ...Transition and Economics*. IMF Staff Papers, Special Issue. 2001. Vol. 48. pp. 28–59.

2 *Gomułka S. Transformacja gospodarczo-społeczna Polski 1989–2014 i współczesne wyzwania*. 2014. pp. 7–16.

3 The industry minister of the first non-communist government in Poland used to say that the best industrial policy was no industrial policy. See: *Syryjczyk T. 30 lat wolnego rynku*. Tadeusz Syryjczyk: Nie wierzę w politykę przemysłową, Rzeczpospolita. 2020.

4 The term coined by J. Williamson, meaning the agreement among the IMF, the World Bank and the U.S. State Treasury about the basic, necessary elements of reforms in developing countries. See: *Williamson J. In Search of a Manual for Technopolis // The Political Economy of Policy Reform*. Washington, D.C.: Institute for International Economics. 1994. pp. 9–28.

5 Kuczyński who was an economic advisor to Mazowiecki, the prime minister when the Balcerowicz Plan was introduced, gives an interesting account of Balcerowicz’s views and attitude towards policymaking. See: *Kuczyński W. Zwierzenia zauszniaka*, Warszawa: polska oficyna Wydawnicza „BGW”. 1992. pp. 97–133.

cannot say that Poland could be a prime example of neoliberal or libertarian reforms: there is a kind of social safety net working in Poland, some industries have hardly been privatised, the health care system is partly private but it is because the private sector started to replace some simpler and cheaper health care services that are undersupplied by the public sector. Almost the whole public health care system remains inefficient and underfunded but it provides the majority of expensive and complicated procedures, for example heart or cancer surgeries. Private tertiary education has developed substantially; still, almost all prestigious higher education institutions are state owned.

The first year of reforms did not bring prosperity to Polish households: according to Transition Report¹ the official GDP went down by 11.6%, the unemployment rate started to rise at the beginning of the year and was above 6.1% at the end of the year, and there was a dramatic fall in consumption (11.7%). However, Balcerowicz's advocates argued that it always happened when stabilisation programmes were introduced. There were also some macroeconomic successes: the government recorded a budget surplus, and there was a trade surplus². Balcerowicz's opponents, including Kołodko among the most prominent ones, argued that there were so many mistakes in the programme that in fact it was not "a shock therapy" but "no therapy"³. For example, a sudden, previously unannounced and extremely high rise of central bank rates affected private farms and companies (including the state-owned ones) which had already begun the process of modernisation (they usually started to invest in new machinery and were deep in debt). Finally, the real interest rates became negative but it did not help if one paid high interest and was still waiting for sale proceeds. The devaluation of the zloty was dramatic, which did not help in fighting inflation. And, as previously mentioned, the tax levied on excessive growth of the wage fund was too heavy and applied for too long.

The main arguments in favour of the programme are as follows:

- there was no "transition manual" (some mistakes were unavoidable),
- the fall of GDP was overestimated (due to statistical errors and overlooking the growth of the shadow economy)⁴;
- part of the GDP fall was unavoidable; it was not related to stabilisation but should be attributed to the change of the system:

1 Transition Report London: European Bank for Reconstruction Development, 1994.

2 Critics of the plan argue that both surpluses were excessive or unnecessary in that specific situation.

3 *Kołodko G.* From Shock to Therapy. The Political Economy of Post-socialist Transformation. Oxford: Oxford University Press, 2000.

4 *Berg A.* Measurement and mismeasurement of economic activity during transition to the market // Eastern Europe in Transition from Recession to Growth / Ed. by M.I. Blejer, G.A. Calvo, F. Coricelli, A.H. Gelb. Washington, D.C.: The World Bank, 1993; *Bratkowski A.* Wyniki gospodarcze w latach 1990–1991 – próba oszacowania efektu błędów metodologicznych i luk w statystyce // Polityka gospodarcza okresu transformacji / Ed. by M. Dąbrowski. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1995. pp. 23–45.

Table 1 Real GDP rates of growth in Poland in 1991–2019

Year	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Growth rate	-7,0	2,5	3,7	5,3	7,0	6,1	6,5	4,6	4,6	4,6

Year	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Growth rate	-7,0	2,5	3,7	5,3	7,0	6,1	6,5	4,6	4,6	4,6

Year	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019*	
Growth rate	5,0	1,6	1,4	3,3	3,8	3,1	4,9	5,1	4,0	

Source: The World Bank national accounts data (2020); (*) Central Statistical Office (2020)

some state-owned companies stopped producing low-quality goods unwanted by consumers¹,

- all transition economies experienced recessions, and the recession in Poland was the shortest one; moreover, the growth rates after the recovery were quite high²,
- the recovery might have occurred even earlier (in less than 1.5 year) if it were not for the collapse of the COMECON and, at the same time, breaking down the old supply chains³,
- the reforms of 1990 established the foundation for long-term future growth: Poland has since experienced almost 28 years of uninterrupted economic growth.

The last point is worth analysing in more depth. It is not very difficult to find some mistakes in complex, comprehensive and long-lasting reforms. However, one should admit that such a long period of growth is not very common in the economic history of the world, and it can be only compared to the 13 success stories from the famous Growth Report⁴ (Growth Report 2008: 20).

It is obvious that Poland's (relative) success cannot be attributed solely to either Wilczek's bill or Balcerowicz's package of reforms. All governments since 1989, in spite of some propaganda, have shared a vision of the direction of the changes. All politicians wanted to have institutional arrangements similar to those in the West (both the society and politicians wanted our *long dreamed*

1 Havrylyshyn O., Wolf T. Growth in Transition Countries, 1990 – 1998: The Main Lessons // A Decade of Transition: Achievements and Challenges / Ed. by O. Havrylyshyn, S.M. Nsouli. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2001. pp. 83 – 128.

2 Piątek D., Szarzec K. Transformacja gospodarcza – analiza porównawcza krajów transformujących się. Przebieg procesów transformacyjnych // Liberlane przesłanki polskiej transformacji gospodarczej / Ed. by W. Jarmołowicz, K. Szarzec. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2011. pp. 233-248.

3 Transition Report London: European Bank for Reconstruction Development, 1994.

4 The Growth Report. Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development. Washington, D.C.: The World Bank, 2008.

dreams to become true)¹. The boom of the mid-1990s helped to sustain support for free-market economy and democratic policies but then there was one more uniting aim for almost all people and almost all parties: the accession to the EU². The relatively fast implementation and consistent continuation of reforms, small reversals, and little corruption in the privatisation process has resulted in the fact that Poland does not have an oligarchic system which would in turn hinder reform and restrict entry for new business³. One of the proofs of the shared driving forces (to join the West, and the EU in particular) was that all parties agreed to introduce some constraints on the policies which would help to build institutional stability needed for the economy. One of the constraints is the constitutional 60% limit on the public debt⁴. The second is an independent central bank with its inflation-targeting monetary policy strategy.

According to many surveys, Poland has very high public support for the membership in the European Union. Despite their many complaints, Poles are quite happy that their country is a member of the EU and the Schengen Area. Economic indicators show that the accession exerted an important positive impact. Poland has been a positive net recipient of the funds from Brussels, and agricultural subsidies resulted in the fact that some farmers who were initially resistant to the accession now support it. However, trade and FDI played a much more important role in sustaining Poland's growth. For example, Poland is currently Germany's more important trading partner than Russia. Labour force migration has also had some positive impact on the Polish economy. It has reduced the unemployment rate in Poland and brought substantial inflow of private transfers to Poland (mainly from the U.K. and Germany). However, there are some concerns as to the human capital because a number of well-educated Poles have left the country. Emigration (and insufficient salaries) have increased shortages of doctors and nurses in the Polish health care system.

For the last couple of years Poland has been presented as a great success story in some economic and financial reports. According to the OECD Survey of Poland: "Poland scores at or above the average OECD country in terms of work-life balance, personal safety and education (reflecting above-average PISA scores and high average educational attainment) based on the OECD

- 1 In the opinion of the author of the paper, the current government very often expresses contradictory opinions about its aims. Its actions seem to be ambiguous: on the one hand, there are many statements about building solid foundations for Polish entrepreneurship, but on the other hand, Poland has been going down in the Doing Business rankings. See: Doing Business Report 2020 (2019), p. 4, Washington, D.C.: The World Bank; Doing Business Report 2019 (2018), p. 5, Washington, D.C.: The World Bank.
- 2 Arguably, the ambitions to join NATO and OECD have also played an important role, albeit not as prominent as in the case of the EU.
- 3 That is not to say that Poland is free of corruption and the influence of many vested interests.
- 4 Governments in Poland has been using some "creative accounting" from time to time but none of the major political forces has declared that it wants to change fiscal constraints or to make the central bank dependent on decisions of politicians.

Better Life Index (...). Thanks to a longstanding tertiary education boom Poland has a highly qualified workforce and it has been very successful in integrating into global trade, most recently with a boom as an outsourcing destination for increasingly high value added business services. Life expectancy has increased faster over the last 25 years than in most OECD countries and is projected to increase further"¹. Experiencing higher rates of GDP growth², Poland was expected to achieve a higher GDP per capita than Portugal in 2020 but there are signs that the economy may slow down³. The key factor, not unique to Poland, is population ageing and simultaneous shrinking of the labour force⁴. Poland would already face huge labour market shortages, especially in agriculture, if it were not for the influx of Ukrainian immigrant workers. Labour costs increases are concurrent with energy costs rises for businesses. Poland's electricity production largely depends on coal-fired power plants, and Poland has to pay more and more for CO₂ emission, which in turn increases electricity costs. On the other hand, the contribution of investment spending to GDP is lower than the average contribution in the euro area (which consists mainly of countries richer than Poland), and much lower than in the neighbouring countries. R&D spending is also very low in Poland. It has also very weak vocational and adult education. It is obvious for economists that lower costs of production will not be an advantage for Poland but it is hard to expect a fast rise of productivity when spending on new machinery and new technologies is low.

The success of the Polish economy has not been a success for all people. At the beginning of the reforms many people working for state-owned farms, or for big but collapsing state-owned companies located in small towns, or those owning a small plot of land, found themselves in dire straits. Ten years after the beginning of transition unemployment rates were about 20% for whole Poland, and in some areas it was over 30%⁵. Moreover, poverty started to be transmitted from one individual to another. Some anti-poverty programmes have been launched by different governments, and emigration and farm subsidies have alleviated some problems. The last major social programme of the current government, 500 PLN a month for every

1 OECD Economic Surveys. Poland, 2018 (2018), Paris: OECD Publishing. P. 14.

2 Eurostat. Gross domestic product, volumes, percentage change (2020). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=teina011>, (accessed: 20.01.2020).

3 In 2018 GDP per capita PPS index for Poland was 71, and for Portugal 74; the EU average is standardized as 100. See: Eurostat. GDP per capita in PPS (2019). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00114> (accessed: 20.01.2020).

4 World Population Prospects: The 2017 Revision (2017). New York: Department of Economic and Social Affairs, UN United Nations.

5 According to the Eurostat Poland had the second lowest, after Chechia, unemployment rates in the EU in 2011. See: Eurostat. Harmonised unemployment rate (2020). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=teilm020> (accessed: 20.01.2020).

child (the so-called “500+ Programme”), was designed mainly to improve the demographic trends in Poland. In fact, its impact on the fertility rate is negligible but it is said to be lifting many families out of poverty. However, the long-term effects of the programme are yet to be seen.

There are also many other problems which should be dealt with even at the current level of GDP per capita, without waiting for catching-up with the richest countries. For example, the health care system needs urgent, deep reforms.

There are some challenging social issues, inherited not only from the communist days: Poles have got low propensity for cooperation (and insufficient levels of trust), as well as a virtually feudal (very autocratic) system of managing organisations¹. Regrettably, the author of this paper cannot propose a recipe for solving the above-referred problems.

REFERENCES

- 15 years of Poland’s membership in the European Union (2019). CBOS Polish Public Opinion. № 4. pp. 1–2.
- Aslund, A. (2012). *How Capitalism was Built. The Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, and Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Balcerowicz, L. (1997). *Socjalizm, kapitalizm, transformacja — szkice z przełomu epok* [Socialism, capitalism, transformation — sketches from the turn of the eras]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish).
- Berg, A. (1993). Measurement and mismeasurement of economic activity during transition to the market, in: Blejer M. I., A.Calvo G., Coricelli F., Gelb A.H. (eds.) *Eastern Europe in Transition from Recession to Growth*. Washington, D.C.: The World Bank.
- Błachucki, M. (2010). Liberalizacja zasad działalności gospodarczej [Liberalization of the principles of economic activity], in: Żukowska K. (ed.) *Transformacja systemowa w Polsce* [System transformation in Poland]. Warszawa: Szkoła Główna Handlowa. pp. 373–378. (In Polish)
- Bratkowski, A. (1995). Wyniki gospodarcze w latach 1990–1991 — próba oszacowania efektu błędów metodologicznych i luk w statystyce [Economic results in 1990–1991 - an attempt to estimate the effect of methodological errors and gaps in statistics], in: Dąbrowski M. (ed.) *Polityka gospodarcza okresu transformacji* [Economic policy of the transformation period]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. pp. 23–45. (In Polish)
- Central Statistical Office. Gross Domestic Product in 2019. Preliminary estimate (2020). Available at: <https://stat.gov.pl/en/topics/national-accounts/annual-national-accounts/gross-domestic-product-in-2019-preliminary-estimate,1,9.html> (accessed 29.01.2020).
- Czapiński, J., Panek, T. (eds.) (2015). *Diagnoza społeczna 2015. Warunki i jakość życia Polaków* [Social diagnosis 2015. Conditions and quality of life of Poles]. Warszawa: Rada Monitoringu Społecznego.
- Doing Business Report 2019 (2018). Washington, D.C.: The World Bank.
- Doing Business Report 2020 (2019). Washington, D.C.: The World Bank.
- Eurostat. GDP per capita in PPS (2019). Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tec00114> (accessed 20.10.2019).
- Eurostat. Gross domestic product, volumes, percentage change (2020). Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=teina011> (accessed 20.01.2020).
- Eurostat. Harmonised unemployment rate (2020). Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=teilm020> (accessed 20.01.2020).

1 Czapiński, J., Panek, T. (eds.) (2015). *Diagnoza społeczna 2015. Warunki i jakość życia Polaków*, Warszawa: Rada Monitoringu Społecznego. s. 22; Hryniewicz, J. T. (2007). *Stosunki pracy w polskich organizacjach*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar. S. 120.

- Gomułka, S. (2014). Transformacja gospodarczo-społeczna Polski 1989–2014 i współczesne wyzwania [Poland's economic and social transformation 1989–2014 and contemporary challenges]. 2. pp. 7–16. (In Polish)
- Havrylyshyn, O., Wolf, T. (2001). Growth in Transition Countries, 1990–1998: The Main Lessons, in: Havrylyshyn O., Nsouli S.M. (eds.) A Decade of Transition: Achievements and Challenges. Washington, D.C.: International Monetary Fund. pp. 83–128.
- Hryniewicz, J.T. (2007). Stosunki pracy w polskich organizacjach [Labor relations in Polish organizations]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar. (In Polish).
- Kaliński, J. (2010). Prywatyzacja, in: Żukrowska K. (ed.) Transformacja systemowa w Polsce [System transformation in Poland]. pp. 325–334. Warszawa: Szkoła Główna Handlowa. (In Polish).
- Kołodko, G. (1991). Polish Hyperinflation and Stabilization. MOCT-MOST. no 1. pp. 9–36.
- Kołodko, G. (2000). From Shock to Therapy. The Political Economy of Post-socialist Transformation. Oxford: Oxford University Press.
- Kornai, J. (1992). The Socialist System: The Political Economy of Communism, Oxford: Clarendon Press.
- Kuczyński, W (1992). Zwierzenia zausznika [Temple confidences]. Warszawa: polska oficyna Wydawnicza „BGW”. (In Polish).
- OECD Economic Surveys. Poland, 2018 (2018). Paris: OECD Publishing.
- Piątek, D., Szarzec, K. (2011). Transformacja gospodarcza — analiza porównawcza krajów transformujących się. Przebieg procesów transformacyjnych [Economic transformation - comparative analysis of transition countries. The course of transformation processes], in: Jarmołowicz W., Szarzec K. (eds.) Liberlane przesłanki polskiej transformacji gospodarczej. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne. pp. 233–248. (In Polish)
- Polska 1989–2019. Społeczeństwo, gospodarka, kultura [Poland 1989–2019. Society, economy, culture] (2019). Warszawa: Polski Instytut Ekonomiczny. (In Polish).
- Roland, G. (2001). Ten Years After... Transition and Economics. IMF Staff Papers, Special Issue. Vol. 48. pp. 28–59.
- The Growth Report. Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development (2008) Washington, D.C.: The World Bank.
- The World Bank national accounts data (2020). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2018&locations=PL&start=1991> (accessed 20.01.2020).
- Transition Report (1994), London: European Bank for Reconstruction Development.
- Williamson, J. (1994). In Search of a Manual for Technopolis, in: Williamson J. (ed.) The Political Economy of Policy Reform. Washington, D.C.: Institute for International Economics. pp. 9–28.
- World Population Prospects: The 2017 Revision (2017) New York: Department of Economic and Social Affairs, UN United Nations.

Успех экономического транзита в Польше

Автор. Збигнев Станчик, профессор Кафедры макроэкономики Краковского экономического университета. E-mail: stanczyz@uek.krakow.pl

Аннотация. Цель данной статьи — дать общую оценку экономическим реформам, проведенным в Польше после распада социалистической системы. Статья начинается с описания первоначальных планов реформ и переходит к анализу их реализации на первом этапе переходного периода. Автор выделяет основные движущие силы реформ, а также описывает экономическую политику всех польских правительств. Результат, воплощенный в непрерывном росте ВВП и повышении уровня жизни населения, приводит к выводу, что переходный период в Польше прошел успешно. Однако, как и в любом другом начинаемом с нуля предприятии, были допущены ошибки. К сожалению, сейчас вновь происходят некоторые очень тревожные тенденции, требующие серьезного осмысления.

Ключевые слова: реформа социалистических экономик, стратегии реформ, польская экономика.

The Role of the Exchange Rate Regime in the Systemic Transition and Economic Integration: the Evidence from Poland's Economy

Marta Wajda-Lichy

Abstract. The choice of the exchange rate regime is one of the top issues in international economics. This article presents the evolution of the exchange rate regime adopted in Poland over a span of thirty years. It reviews the role of exchange rate arrangements in the transition process from a planned to a free-market economy, and during the membership in the EU. The main conclusion is that Poland actively adjusted the exchange rate system to its macroeconomic goals. Nowadays, a maintenance of free floating is determined by a lack of full economic convergence of Poland's economy with the Eurozone countries, and a preference of Polish monetary policy for inflation targeting.

Key words: exchange rate regime, transition of Poland's economy, European integration, euro.

Introduction

The year 2019 was a time of celebrating two crucial events in the history of Europe. The first one is related to the 30th anniversary of the fall of a socialist regime in Central and Eastern Europe, and the second one was the 15th anniversary of the big European Union enlargement. Both historical episodes entailed far-reaching economic, political and social changes in Europe, as a whole. Thirty years that passed since the beginning of the systemic transition in Central and Eastern European countries, as well as a span of fifteen years of their membership in the European Union, had become occasions to review these events from a long-term perspective.

In 2004 eight European post-socialist countries joined the European Union. Complying with the EU regulations, the membership requires to fulfill several criteria, including a respect for the human rights and fundamental freedoms, a capacity of adoption of so-called "*acquis communautaire*", and the rules of a free-market economy. In practice, the accomplishment of the EU admission requirements meant the adherence to the rules of democracy and the implementation of high-quality institutions in public and private sector. A systemic transition that started in 1989 was a milestone in a process of the European integration. It enhanced pivotal political and

economic changes that put post-socialist countries on the track of economic reforms based on the rules of democracy and free-market economy. Although systemic reforms, including legal changes, like constitutional and business regulations, were introduced relatively fast, the real effects of the transformation revealed themselves in the subsequent years.

The aim of this article is to demonstrate how an exchange rate regime was used to support the systemic transition and integration processes of Poland's economy. The analysis of the arguments behind the choice of the exchange rate regime in Poland accounts for macroeconomic objectives, including monetary policy targets. The study covers the period between 1990 - 2019, i.e. since the implementation of the Balcerowicz's plan, till the latest available data. The evolution of the exchange rate regime in Poland over a span of thirty years allows to review its effectiveness in achieving macroeconomic goals, like stable prices, trade competitiveness and sustainable growth.

This article is divided into four sections. The first presents a brief overview of the classification of exchange rate regimes. The second section characterizes exchange arrangements introduced in Poland in the decade of the 1990s and analyses the reasons behind policy-makers' decisions on switching the regime of Polish currency from a hard peg to a free floating. Section three discusses arguments for keeping zloty in a free-float regime during Poland's membership in the European Union. Section four presents conclusions.

I. A classification of exchange rate regimes

The choice of the exchange rate regime is one of the top issues in international economics. Its relevance seems to increase in times of currency crises, balance of payments turbulences or when the new institutional arrangements, for example, a euro-zone, are established. Traditional approach to the exchange rate systems assumes that the choice is between fixing and floating. Such alternative is a useful simplicity, which underlines major features of these two extremes. In fact, a bi-polar classification helps to emphasize the differences between completely fixed and floating exchange rates, however it does not allow to consider an option of any intermediate regime, like crawling pegs, pegs with horizontal bands, or managed floating.

According to the International Monetary Fund (IMF), the classification of the exchange rate arrangements should be based on the assessment of real exchange rate fluctuations and countries' *de facto* policies. In 1998, the IMF revealed that countries' declarations on their exchange rate regimes did not comply with what happened in practice, i.e. how policy-makers behaved in the forex markets. Since then, the economists have intensively elaborated the methods of exchange rate typology, that could range countries in terms of their real exchange rate arrangements. In this

Table 1. Exchange rate regimes in 2018

Exchange Rate Arrangement	Percent of IMF members as of April 30, 2018	Number of IMF members as of April 30, 2018
Hard peg:	12.5	24
No separate legal tender	6.8	13
Currency board	5.7	11
Soft peg:	46.4	89
Conventional peg	22.4	43
Stabilized arrangement	14.1	27
Crawling peg	1.6	3
Crawl-like arrangement	7.8	15
Pegged within horizontal band	0.5	1
Floating:	34.4	66
Floatig	18.2	35
Free floating	16.1	31
Residual: Other managed arrangements	6.8	13

Source: Annual report on exchange arrangements and exchange restrictions 2018,
International Monetary Fund, 2019.

context, two key questions emerged: how to measure and aggregate the exchange rate flexibility, and how to establish the ranks of the exchange rates¹. Implementing the rules of de facto classification, the IMF revised the exchange rate regimes accounting for central bank's interventions and currencies flexibility. Table 1 presents the IMF classification of the exchange rate regimes, ranging from hard pegs, that comprise no separate legal tender and currency board, through soft pegs, like: conventional pegged and stabilized arrangement, pegged exchange rate with, crawling peg, crawl-like arrangement, to the market-determined exchange rates: floating and free floating.

Table 1 presents the IMF classification of the exchange rate arrangements in 2018. It covers 189 countries and three territories (Aruba and Curacao, Saint Martin, and Hong Kong). Looking at the broad categories we see, that soft pegs dominate (46.4%) over floating exchange regimes (34.4) and hard pegs (12.5%). Despite a prevailing popularity of soft pegs, it cannot be claimed that this system is universal. When the narrow cate-

1 Ghosh A.R., Gulde A-M., Wolf H. Exchange rate regimes: causes and consequences. Cambridge: MIT Press, 2002; Shambaugh J. The effect of fixed exchange rates on monetary policy // Quarterly Journal of Economics. 2004. Vol. 119(1). pp. 301–352; Levy-Yeyati E., Sturzenegger F. Classifying exchange rate regimes: deeds versus words // European Economic Review. 2005. Vol. 49(3). pp. 1603–1635; Reinhart C. M., Rogoff K. The modern history of exchange rate arrangements: a re-interpretation // Quarterly Journal of Economics. 2004. Vol. 119. pp. 1–48.

gories are considered, the evidence reveals how countries differ in terms of the exchange rate arrangements. This evidence can be concluded with a quote of J. Frankel, who argued that “no single currency regime is right for all countries or at all times”¹.

II. Exchange rate arrangements in Poland's economy during the transition process

This section characterizes exchange arrangements introduced in Poland in the 1990s and analyses the reasons behind policy-makers' decisions on shifting the regime of Polish zloty from a hard peg to free floating.

The transition from a centrally planned to a market economy resulted in new institutional and legal framework. It comprises a free access to the market, i.e. domestic agents were allowed to set up their firms and running business activity. Moreover, a removal of public subsidies and privatization of the state-owned enterprises increased market competitiveness. Another pivotal transition reform introduced market-determined prices of goods and services, that started to be set as a result of combination of a supply and a demand side factors. A characteristic feature of post-socialist countries were shortages in meeting consumer satisfaction. Price liberalization, associated with the abolition of trade and financial barriers, led to a sharp increase in inflation (figure 1). Higher prices resulted also from more expensive imports. As domestic supply shortages were met by foreign production, trade balance deteriorated and Polish currency depreciated. A substantial depreciation was caused by the so-called “run-out of money” syndrome,

Figure 1. Rate of inflation and nominal exchange rate of Polish currency

Source: Data from OECD database

1 Frankel J.A. No single currency regime is right for all countries or at all times. NBER, 1999. № 7338. DOI: 10.3386/w7338

which refers to the domestic agent behaviour. As high inflation reduced real value of domestic money, the households intensively exchanged the domestic weakening currency for a foreign one, regarded as safe and stable. Such behaviour is typical for high-inflated economies. When in 1990 the yearly rate of inflation reached almost 600% (figure 1), a radical therapy was introduced by the Polish government. Its crucial element was a rigid fixing of the Polish zloty to the US dollar, which constituted a nominal anchor in monetary policy. On the one hand, this hard peg arrangement eliminated a substantial channel of inflation. On the other hand, fixing to the US dollar increased credibility of the National Bank of Poland, whose status inherited from the centrally planned economy, was rather poor. It was a consequence of the pressure from the socialist government to monetize public deficits.

Additionally, anti-inflation policy was supported by new regulations, including the Constitution of Poland, which was adopted in 1997. It provided legal rules which enforced the position of the National Bank of Poland by implementing the fiscal rule (art. 216), according to which public debt cannot exceed $\frac{3}{5}$ of the GDP. Moreover, the new Constitution guaranteed a high level of independence to the central bank, i.e. the National Bank of Poland (NBP). Art. 227 stipulates that the NBP “has the exclusive right to issue money as well as to formulate and implement monetary policy”. The constitutional act enforced strategy of monetary policy by introducing provisions which stipulated that “The National Bank of Poland shall be responsible for the value of Polish currency” (art. 227 of the Constitution of the Republic of Poland). The primary objective of the Polish central bank strategy, which was price stability, as well as many other regulations on a banking sector, was embedded in the Banking Law Act enforced in 1997.

It should be noted, that hard peg to the US dollar was performed from January 1990 till May 1991. Despite a sharp decline in inflation in 1991, prices continued growing at the two-digit pace (Figure 1). Such trend was registered till the end of the 1990s. As prices grew, Polish products became less competitive and exports deteriorated. Under a fixed exchange rate regime, trade deficit could not be offset by nominal depreciation. Thereby, the National Bank of Poland realigned its currency by devaluating it against the US dollar. A devaluation by 46.2% was not enough to improve competitiveness related to the European trade partners, therefore Polish zloty was pegged to the basket of currencies composed of the US dollar (45%) and four European currencies: German mark (35%), British pound (10%), French franc (5%), and Swiss franc (5%). Moreover, the upholding two-digit inflation caused that hard peg was shifted to crawling peg with a 1.8% monthly rate of devaluation. A strategy of monthly devaluations (crawling exchange rate realignments) was continued till April 2000, when Poland shifted to free floating (Table 2).

To sum up, it can be concluded that the anti-inflationary policy, implemented in Poland in the decade of the 1990s, was supported by a fixed

Table 2. Evolution of the exchange rate regime in Poland

Date	Changes in exchange rate regime	Reasons justifying the changes in the exchange rate regime
January, 1990	Hard peg of the Polish zloty to the US dollar (1USD = 9500 PLN). Devaluation of PLN by 46.2%.	Anti-inflation policy. Fixed parity to the US dollar as a nominal anchor in monetary policy.
May, 1991	Fixed exchange rate of the PLN to the basket of 5 currencies (45% USD, 35% DM, 10% GBP, 5% FRF, 5% SFR). Devaluation of the PLN by 16.8%.	Growing prices and loss of trade competitiveness, trade deficit
October, 1991	Crawling peg with 1.8% monthly rate of devaluation	Loss of trade competitiveness, trade deficit
February, 1992	Devaluation of the PLN by 12%	Growing prices and loss of trade competitiveness
August, 1993	Devaluation of the PLN by 8%, reduction of monthly rate of devaluation to 1.6%	Growing prices and loss of trade competitiveness. Reduction of the rate of inflation.
September, 1994	Reduction of monthly rate of devaluation to 1.5%	Reduction of the rate of inflation
December, 1994	Reduction of monthly rate of devaluation to 1.4%	Reduction of the rate of inflation
February, 1995	Reduction of monthly rate of devaluation to 1.2%	Reduction of the rate of inflation
May, 1995	Peg with crawling bands (+/-7%)	More freedom for monetary policy. Reduction of costly interventions at the forex market.
December, 1995	Revaluation of the PLN (6%)	Realignment of the nominal fixed exchange rate of PLN to the market exchange rate
January, 1996	Reduction of monthly rate of devaluation to 1.0%	Reduction of the rate of inflation
February, 1998	Reduction of monthly rate of devaluation to 0.8%. Extension of the fluctuation bands to +/-10%.	Reduction of capital inflows.
July, 1998	Reduction of monthly rate of devaluation to 0.5%	Reduction of the rate of inflation
October, 1998	Extension of the fluctuation bands to +/-12.5%.	Adoption of monetary policy strategy oriented to inflation targeting

Table 2. Continued

Date	Changes in exchange rate regime	Reasons justifying the changes in the exchange rate regime
January, 1999	Revision of the composition of currency basket (45% US, 55% €)	Establishing the Economic and Monetary Union in Europe and conversion 11 national currencies to the euro
March, 1999	Reduction of monthly rate of devaluation to 0.3%. Extension of the fluctuation bands to +/-15%.	Reduction of the rate of inflation. Reduction of speculative capital inflows.
April, 2000	Free floating	Reduction of speculative capital inflows. Ensure high level of instrumental independence to the central bank, that pursued inflation targeting

Source: own elaboration

exchange rate regime. Pegging Polish currency, first, to the base foreign currency — the US dollar, and then, to a basket of foreign currencies composed of strong and stable money (US dollar, British pound, Deutsche mark, Swiss franc, and French franc) improved inflation performance. The commitment of the National Bank of Poland to exchange domestic currency for foreign one at a fixed price disciplined Polish central bank and prevented from issuing the excessive money supply. It is worth noting, however, that there is also a downside of the coincidence of high inflation and a fixed exchange regime. It relates to the deterioration of trade competitiveness. The empirical evidence confirms that such an unfavorable effect occurred in Poland. Ergo, in October 1991 Poland adopted a crawling peg, originally, with a 1.8% rate of monthly devaluation. Then, having succeeded a disinflation process, the rate of monthly devaluation was consequently reduced: to 1.6% (August 1993), 1.5% (September 1994), 1.4% (December 1994), 1.2% (February 1995), 1% (January 1996), 0.8% (February 1998), 0.5% (July 1998), and 0.3% (March 1999). The subsequent monthly devaluations helped to restore trade competitiveness.

As institutional reforms consolidated and integration strengthened, Poland became an attractive place to invest. Since the mid-1990s, substantial capital inflows, to a large extent in the form of foreign direct investments, caused appreciation of Polish currency. The central bank's interventions consisting in delivering money supply started to undermined a disinflation process. Thus, in May 1995 the National Bank of Poland introduced a crawling band system with +/- 7% margins of fluctuations (Figure 2). In the subsequent years, the corridor of the Polish zloty acceptable volatility was expended to 10% (February 1998), +/-12.5% (October 1998), and +/-15%

Figure 2. Poland's crawling band

Source: Baldwin, Wyplasz (2012)

(January 1999). Finally, in 2000 Poland adopted a free floating regime. The decision of the Polish authorities on floating was determined by two factors. First, the central bank of Poland focused its strategy on inflation targeting, that needed instrumental independence. Second, under a fixed exchange rate regime, the immense capital flows impelled the National Bank of Poland to costly interventions, which undermined the effects of disinflation policy. Floating exchange rate arrangement by increasing a risk of exchange volatility, prevented, to a large extent, from speculative inflows.

III. Free floating during the membership in the EU

Since May 2004 Poland, among other nine European countries (of which seven were post-socialist economies) has been a full member of the European Union. It is worth noting that formal integration began much earlier, in 1991, when the Association Agreement with the European Communities was signed. It provided a 10-year transitional period, divided into two stages (each of 5 years) to complete a free trade area between Poland and EEC countries. As the majority of the integration effects is transmitted through international channels, such as trade, capital flows, and migration, the role of the exchange rate is crucial.

During the 15 years that passed since the accession to the EU, Poland performed under independently floating exchange rate regime. From a theoretical point of view, this arrangement is determined by a coincidence of the financial integration and monetary independence. A well-known scheme of the "impossible trinity" illustrates the solutions (corner hypothesis) that emerge from monetary policy preferences.

The “impossible trinity”, known also as the “inconsistency triangle”, implies that any two of the three desirable monetary policy aims (presented on the sides of the triangle) can be attained. However, the achievement of all the three monetary policy goals is not possible. For example, a preference of exchange rate stability and free capital flows implies a fixed exchange rate regime (currency union). When monetary independence and financial integration is desired, an exchange rate solution is free floating. In other words, exchange rate volatility is a permanent feature of financial integration and central bank independence. The third option implies that the coexistence of exchange rate stability and the central bank’s independence is possible only if capital control is imposed. The last alternative is not feasible for members of the common market, because of its core pillars, which are free mobility of goods, services, money, and people.

The choice to float was not only a consequence of Poland’s participation in the common market, and a preference to ensure the feasibility of inflation targeting. The decision of keeping Polish zloty in a free floating regime was also determined by a weak real convergence of the Polish economy with the EU rich countries and a fear of asymmetric shocks. It should be noted that a floating exchange rate regime allows authorities to stabilize economy with the adjustments of interest rates and money supply. Moreover, a floating exchange rate operates as an automatic stabilizer.

The global financial crisis of 2008 revealed a relatively high resistance of Poland’s economy to the external shock. Poland, as the only economy in the European Union, registered a positive rate of growth during the whole crisis period. That is why it was called “a green island”. This phenomenon made Poland an extremely interesting objective of the research. A breakdown of

Figure 3. Impossible trinity of currency policy

Source: Frankel J.A. *No Single Currency Regime is Right for All Countries or At All Times*, NBER Working Paper No. 7338, Issued in September 1999. DOI: 10.3386/w7338

Figure 4. Decomposition of Poland's GDP rate of growth in 2009

Source: own elaboration based on data from Główny Urząd Statystyczny (GUS statistics).

Poland's GDP growth rate in 2009 shows (Figure 4) that while a contribution of total domestic expenditures was negative (-1.1 p.p.), a positive rate of GDP growth (1.6%) was driven mainly by net exports. It contributed by 2.7 p.p. to the GDP growth.

A positive role of foreign trade in supporting economic growth of Poland in 2009 was related to the income and exchange rate factors. As an adverse shock reduced income growth, it resulted in the reduction of import expenditures, thus trade balance ameliorated. On the other hand, negative external shock weakened the value of a Polish currency, which deteriorated terms of trade, i.e. imported products become more expensive in relation to the exported goods. Assuming a complete pass-through of nominal exchange rate changes on prices, currency depreciation made exports cheaper for foreigners, thus they were expected to purchase more, whereas less competitive imports shrank.

Many studies confirm the significant role of the exchange rate in smoothing the GDP volatility in 2009¹. For example, Matysek-Jędrych et al.² identified that a 1% real depreciation of Polish currency increases Poland's exports by 2.5%. Their findings also confirmed a statistically significant dependence of imports on exchange rate changes. A 1% depreciation of Polish zloty implies a deterioration of Polish imports by 1.8%. Such evidence explains why Poland favors its currency to float.

- 1 Dąbrowski M., Wróblewska J. Exchange rate as a shock absorber in Poland and Slovakia: Evidence from Bayesian SVAR models with common serial correlation // *Economic Modelling*. 2015. Vol. 58(16). pp. 249–262.; Matysek-Jędrych A., Wajda-Lichy M., Fijorek K., Denkowska S. Poland during the Global Financial Crisis. Looking for drivers of positive growth // *Poland in the Single Market* / Ed. by A. Visvizi. Routledge, 2020.
- 2 Matysek-Jędrych A., Wajda-Lichy M., Fijorek K., Denkowska S. Poland during the Global Financial Crisis... 2020.

IV. Conclusions

This study shows that the exchange rate regime was actively used by Poland's authorities, especially during the transition period. Since the exchange rate arrangement constrains the achievement of some economic policy goals simultaneously, the decision on whether currency is fixed or free floats depends on the actual policy-makers preferences. By pegging the domestic currency to a credible foreign currency, countries discipline their monetary policy and tend to reduce inflation. At the same time, a fixed exchange rate eliminates risk of fluctuation and enhances trade and foreign investments. Such priorities prevailed in Poland in the early 1990s. First, a hard peg of Polish zloty to the US dollar, and then to the basket of five international currencies, helped to curb hyper-inflation and gain, by a Polish central bank, a reputation of a credible monetary institution.

On the other hand, a flexible exchange rate allows a country to pursue an independent monetary policy, including a response to economic shocks. This solution has been preferable in Polish policy-making since the adoption of inflation targeting. Moreover, the decision on floating has been enhanced by the full financial integration effectuated in the framework of the European common market. By setting interest rates and allowing for exchange rate fluctuations, Poland's economy avoided a recession in 2009. A number of the empirical studies confirmed that Polish currency operated as an automatic stabilizer, which meant that it has offset a lot of external turbulences.

However, in the era of globalization, policymakers should be aware that exchange rate fluctuations may cause additional economic disturbances. In other words, the ability of floating exchange rates to stabilize adverse shocks cannot be taken for granted. This argument is often used by proponents of the euro adoption, who claim that a common currency will stimulate GDP growth by enhancing trade and investments, whereas exchange rate volatility generates transaction costs and hampers economic prosperity. As the traditional theory of the exchange rate demonstrates, a currency union is an optimal solution for countries that are closely converged. The experience of Greece, which adopted the euro in 2001, despite its weak economic convergence with the rich EU economies, proved how big could be the scale of economic turbulence. Concerning the lessons from the last financial crisis, the Polish authorities remain skeptical about joining the Eurozone. They claim, that as long as income is below the EU average, the probability that asymmetric shock occurs is high. Thus, a decision about joining the Economic and Monetary Union has not been made so far. It is very likely, that closer convergence with the high-income EU economies, as well as, full recovery and sustainable development of the Eurozone economies, will bring about a shift of Polish zloty from a free floating to a peg with the euro, and finally, to the irrevocable conversion to a common EU currency.

REFERENCES

- Baldwin, R., Wyplosz, Ch. (2012). *Economics of the European Integration*, McGraw Hill, London.
- Dąbrowski, M., Wróblewska, J. (2015). Exchange rate as a shock absorber in Poland and Slovakia: Evidence from Bayesian SVAR models with common serial correlation, in: *Economic Modelling*. 58(16). pp. 249–262.
- Frankel, J.A. (1999). No Single Currency Regime is Right for All Countries or At All Times, NBER Working Paper No. 7338, Issued in September 1999. DOI: 10.3386/w7338
- Ghosh, A.R., Gulde, A-M., Wolf, H. (2002). *Exchange rate regimes: causes and consequences*, MIT Press, Cambridge.
- International Monetary Fund, (2019). Annual report on exchange arrangements and exchange restrictions 2018. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2019/04/24/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2018-46162> (accessed 12.11.2020).
- Levy-Yeyati, E., Sturzenegger, F. (2005). Classifying exchange rate regimes: deeds versus words, in: *European Economic Review*. 49(3). pp. 1603–1635.
- Matysek-Jędrych, A., Wajda-Lichy, M., Fijorek, K., Denkowska, S. (2020). Poland during the Global Financial Crisis. Looking for drivers of positive growth, in: Visvizi A. (ed.) *Poland in the Single Market*. Routledge.
- Reinhart, C., M., Rogoff, K. (2004). The modern history of exchange rate arrangements: a re-interpretation, in: *Quarterly Journal of Economics*. 119. pp. 1–48.
- Shambaugh, J. (2004). The effect of fixed exchange rates on monetary policy, in: *Quarterly Journal of Economics*. 119(1). pp. 301–352.

Роль режима валютного курса в системном переходе и экономической интеграции. На примере формирования экономики Польши

Автор. Марта Вайда-Лихи, PhD, доцент Кафедры макроэкономики Краковского экономического университета. E-mail: wajdam@uek.krakow.pl

Аннотация. Выбор режима валютного курса – один из важнейших вопросов международной экономики. В данной статье прослеживается эволюция валютного режима, принятого в Польше на протяжении тридцати лет. Автор рассматривает роль механизмов валютного курса в процессе перехода от плановой экономики к свободной рыночной, а также в период членства страны в ЕС. Главный вывод состоит в том, что Польша активно приспосабливала валютную систему к своим макроэкономическим целям. В настоящее время сохранение свободно плавающего курса определяется отсутствием полной экономической конвергенции экономики Польши со странами еврозоны и предпочтением, которое польская денежно-кредитная политика уделяет таргетированию инфляции.

Ключевые слова: режим обменного курса, переход экономики Польши, европейская интеграция, евро.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Central Europe under Pressure of the New Geopolitical Context: Time for Decisions and Choices

Witold Rodkiewicz

Abstract. The article analyses the fundamental changes in relations between Russia and Central Europe. Despite the achievement of the objectives and the integration of Central Europe with the West, new geopolitical realities raised important issues, namely the desire of the countries of the region for equality, the prevention of the EU institutions' «policy of double standards», and elimination of erosion of large institutional structures. It is noted that now the inhabitants of Central Europe are confronted with a deep crisis of the Western community – a rift between the EU and the United States. Tracing the Russian foreign policy discourse and foreign policy practice, the author highlights the changes that have taken place in the state policy in recent years, emphasizing the increasing interest of the Russian Federation in Central Europe. It is concluded that in the new geopolitical realities, relations with immediate neighbors and the ability to concert efforts have a key role in foreign policy.

Key words: Central Europe, Russia, Czech Republic, Poland, Slovakia, Hungary

My remarks here are intentionally formulated in a way that is meant to provoke a discussion. They are inspired, on the one hand, by the title of our Conference (“Russia and Central Europe in the new geopolitical realities”), and on the other, by the fact that thirty years have passed since those “new geopolitical realities” to which the title of the Conference makes a reference, have taken shape.

My main point is, that for the first time in the twenty five years of this Conference's lifespan, we are witnessing what might turn out to be a fundamental transformation of the geopolitical realities that would be comparable to the geopolitical revolution that had occurred between the late 1980s

and the beginning of the 1990s. It is this potential (ongoing?) geopolitical transformation that should be the main object of our discussion here today.

When in 1994, Doctor Lyubov Shishelina was launching the “Russia and Central Europe in the new geopolitical realities” conference project, the term “new geopolitical realities” signified above all two facts: on the one hand, the disintegration of the Soviet Union, which had dominated the region since 1945, and on the other, the increasing power of the West, under the informal leadership of the United States. In Europe “the West” was represented by the European Communities (EC). The “new geopolitical realities” included fundamental changes in relations between Russia and Central Europe: Central European states were no longer under military and political domination of the Soviet Union.

At that time, it was crystal clear what were the aspirations of the Central European states and what political course they should pursue. Their aim was to integrate with the West, under the slogan of a “Return to Europe,” which in practice meant membership in NATO and European Community (European Union). These objectives were formally achieved in, respectively, 1999 and 2004¹.

There is a saying in Russian: “За что боролись, на то и напоролись.” It roughly means that after you have reached an objective for which you have fought, you might discover that it is this objective which becomes your main headache. I don’t want to be misunderstood. I happen to think that those “headaches” connected with the new situation, which obtained in 1990s were incomparably of a “lighter” nature than those from which the region escaped in 1991 and if one looks at it from a historical perspective, the region “never had it so good” — in terms of stability, economic well-being and political freedom.

Nevertheless, in spite of subtle and perhaps not openly expressed expectations that Central Europe would enjoy a regional version of the “end of history” utopia, the new geopolitical realities brought their own set of problems. The entry into Western institution definitely did not lead to the End of History or geopolitical paradise. The main fundamental problem was how to achieve within these institutions the level of influence that would correspond to the needs and aspirations of the region (usually formulated in terms of “quest for equality”) and to prevent the application of “double standards.” A good example of such difficulty encountered by Central Europeans in trying to make the institutions they had recently joined to move in the direction that provided for their interests (as they defined them) is the story of their efforts to persuade NATO to draw up defense plans for the region and then to take practical steps to implement them. The first goal was achieved only in 2010 and the latter only after 2014. In both cases that “success” was achieved due to a “little help” from the Kremlin — the

1 Slovakia was an exception — it joined NATO only in 2004.

war with Georgia in 2008 and the annexation of Crimea and war against Ukraine in 2014.

The problem of „double standards” applied by the EU institutions in their treatment and policies towards its new members is too well known to require special elaboration here.

At the same time Russian policy towards the region was intended to block, or at least to slow down the region’s integration with NATO. In the first half of the 1990s Moscow declared that its aim is to create a collective security system in Europe, which in practice would have meant Central Europe’s “finlandization” and transformation into a buffer zone between the West and Russia.

What is the situation today? Central Europeans have achieved membership in key Western institutions and are gradually converting formal membership into real influence (with more success in NATO than in the EU). However, we are now confronted with a deep crisis of the Western community — a rift between the EU or the majority of Western European political establishment on the one hand and the United States on the other. We have been also witnessing that strategically the United States is shifting its main attention and its main activities towards Asia-Pacific and away from Europe, which is being increasingly seen in Washington as a secondary concern and interest. We are also dealing with the “rise of China” as global superpower and a new geopolitical player. We are also, from 2006-2007, facing Russian geopolitical revisionism and a growing toughness of Russian foreign policy.

In this context I would like to take note of two changes that are apparent when one follows Russian foreign policy discourse and foreign policy practice.

First, during the last five years there has been a growing instrumentalization of foreign policy which is increasingly utilized by the Kremlin as a tool for stabilization of the existing political system in Russia. It is utilized in three ways. First, to detract attention from internal problems due to economic stagnation and deteriorating living standards. Second, to invoke external threats in order to consolidate the nation around the leadership. And third, to use foreign policy successes — real or virtual — to “compensate” for internal political difficulties and to provide legitimacy for the current ruling team. By the way, my last two days in Moscow, brought fresh impressions confirming my view that the political system has entered a stage of “stagnation.” It does not mean that it is about to collapse tomorrow, it may well stagnate for several years but those who head the political system are seeing the preservation of the system as increasingly problematic and requiring “special measures.”

Second, there has been a fundamental transformation in the way the Russian foreign policy elite conceptualizes its view of the current situation in the world and how it sees Russia’s place in it. This transformation has been partly masked by the formal and ritualistic adherence to the notion and principle of multipolarity which had, since the mid-1990s, organized

the thinking of Russian ruling elite about international affairs. Multipolarity was seen as both an objectively emerging new international system and at the same time as a desirable arrangement that best guaranteed Russia's great power position and thus protected Russian ruling elite from external interference and allowed it a free hand in internal politics.

In the last two-three years however there has been increasing signs that the Russian elite began to realize that multipolarity is an unrealizable dream and began to entertain growing doubts about its practicality as the foreign policy objective. Instead, there has been a growing realization that the unipolar world dominated by the US that has emerged after the collapse of the Soviet Union is being replaced by a new bipolarity, with the conflict/rivalry between Washington and Beijing emerging as the central axis in world politics.

How Russia is to position itself in this new situation? Since mid-1990s, it has been an axiom of Russian elite's foreign policy consensus that under no circumstances could Russia afford a conflict with China. The Russian policy can vacillate between that of neutrality and that of quasi-alliance with China. Ultimately, when faced with a choice between Western (American) dominated international system and a Pax Sinica the current Russian ruling elite would by far prefer the latter. It perceives China-dominated world as a "lesser evil" than Pax Americana and would act accordingly. In other words, Russia's policy is to position itself in such a way as to take the best possible place in the coming Sino-centric international system. That means that the current Russian elite would never choose a policy of balancing against China. Instead it would continue to follow a policy combining "band-wagoning" with China with that of hedging against its preponderance, by diversifying its ties with other middle-sized powers.

After 2014 Russia began to demonstrate increasing interest in Central Europe — in comparison with its neglect of the region in the late 1990s and the first decade of the 21st century. Russian policy in the region began to be more active; it is, however, guided first of all by strategic considerations, and therefore approaches the region instrumentally, from the point of view of a broader conflict with the United States. The primary aim of that policy is the neutralization of the region as well as of Western Europe in the conflict/rivalry between the United States and China. Europe, including Central Europe, should be "finlandized." This is the guiding strategic objective behind current Russian activities and propaganda directed at and towards the Central European states.

In a certain way this increased interest that is accorded to Central Europe by the Kremlin can be interpreted as a reflection of a relative growth of its political and economic weight, which however still is not equal to that of Germany or France.

However, it can no longer be simply disregarded and left to its own devices.

There is one more phenomenon that accompanies the current geopolitical transformation and is relevant from the point of view of Central Europe. It is an erosion of large institutional structures — international organizations, regimes, formal alliances demonstrate decreasing efficiency, effectiveness and internal cohesion and discipline. This is accompanied by a growing strivings of “middle powers” to act independently and assertively. One can observe this on the example of Turkey, the ASEAN states or the Republic of Korea.

Perhaps we are witnessing a structural change in the international system which provides smaller states with greater freedom of maneuver and gives them greater voice in influencing decisions by major powers and international organizations. However, to take full advantage of that opportunity the states of our region must learn how to coordinate their policies while at the same time demonstrating sensitivity to individual differences, applying the principle *In pluribus Unum*. In new geopolitical realities relations with our immediate neighbors and our ability to concert our efforts might turn out to be more significant than decisions taken in Washington, Brussels, Beijing or Moscow.

Центральная Европа в новом геополитическом контексте: время для решений и выбора

Автор. Витольд Родкевич, научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований Варшавского университета. E-mail: witold.rodiewicz@osw.waw.pl

Аннотация. В статье анализируются фундаментальные изменения в отношениях между Россией и Центральной Европой. Несмотря на достижение поставленных целей и интеграцию Центральной Европы с Западом, новые геополитические реалии подняли такие важные вопросы, как стремление стран региона к равенству, отказ от применения институтами ЕС «политики двойных стандартов», а также борьба с эрозией крупных институциональных структур. Отмечается, что сейчас жители Центральной Европы сталкиваются с глубоким кризисом западного сообщества — расколом между ЕС и США. Прослеживая российский внешнеполитический дискурс и внешнеполитическую практику, автор выделяет изменения произошедшие в политике государства за последние годы, подчеркивая растущий интерес РФ к Центральной Европе. В заключении делается вывод, что в новых геополитических реалиях отношения с непосредственными соседями и способность согласовывать усилия играет ключевую роль во внешней политике.

Ключевые слова: Центральная Европа, Россия, Чехия, Польша, Словакия, Венгрия.

Внешняя политика Венгрии и кризис либерального международного порядка. Балансируя между мировыми державами и национальными интересами

Ласло Чичманн

Аннотация. Исследование ставит своей целью рассмотреть недавнее изменение внешней политики Венгрии, которое получило название «политики глобальной открытости». Внешняя политика Венгрии базировалась на трех связанных между собой принципах мирового порядка после 1989 года, которые оказались под угрозой из-за череды кризисных ситуаций в Европейском Союзе. Венгрия осознала, что в настоящий момент формируется новый мировой порядок, в котором восходящие силы, такие как Китай и Индия, а также старые партнеры, такие как Россия, являются одинаково важными политическими игроками. «Глобальная открытость» — это цель внешней политики Венгрии, для реализации которой она пытается балансировать между крупными игроками мировой политики: США, Европейским Союзом, Россией, Китаем и Индией.

Ключевые слова: Венгрия, либерализм, внешняя политика, «Открытие на Восток», мировые державы.

Введение

Целью данного исследования является оценка влияния текущих перемен мировой политики на Венгрию, страну, находящуюся в сердце Европы. Некоторые исследователи недавно обратили внимание на феномен, называемый «кризис либерального мирового порядка». Г. Джон Айкенберри, известный исследователь международных отношений, в своей недавно опубликованной статье писал о том, что либеральный мировой порядок, основанный на гегемонии Соединенных Штатов, находится в кризисе. В статье он ссылается на политику администрации Д. Трампа, враждебную либеральному интернационализму. Брекзит и неопределенность европейской политики в этом свете также являются частью кризиса¹. Айкенберри заявляет, что происходит глобальная трансформация, в рамках которой статус гегемона от США перейдет к другому государству или группе государств. Распространение новой

1 *Ikenberry G.J. The end of liberal international order? // International Affairs. 2018. № 1(94). pp. 7–23.*

формы авторитаризма также характеризует формирующийся мировой порядок. Не только Айкенберри, но и другие ученые фокусируют внимание на кризисе либерального мирового порядка. Джон Миршаймер, создатель теории наступательного реализма, заявляет, что в кризисе либерального мирового порядка виноват не Трамп, а более сложные скрытые структурные факторы, изменяющие сложившийся статус-кво¹. Миршаймер пишет о том, что «гиперглобализация» повлекла за собой проблемы для либеральных государств, а именно растущее неравенство, рост безработицы, европейский финансовый кризис.

Европейский Союз столкнулся с рядом кризисов на разных уровнях своей организации, которые помешали объединению выступать в качестве значимого игрока в глобальной политике. Кризис государственного долга, миграционный кризис 2015 года и последующих лет, а также Брекзит — все эти события являются частью одного феномена, который ставит под сомнение пользу от углубления интеграции. Противоречием являются призывы мирового либерального порядка к открытию границ и созданию мультикультурного сообщества в качестве альтернативы этнически и религиозно однородным национальным государствам. Консервативные ученые, такие как недавно скончавшийся Роджер Скратон, призвали к усилению национальных государств и укреплению государственных границ против волн непредсказуемых событий, которые делают государства уязвимыми².

Венгрия, будучи страной Центральной Европы, недавно стала частью либерального мирового порядка с учетом того факта, что после Второй мировой войны она была частью социалистического блока до разрушения биполярного мирового порядка в 1989 году. Вскоре, после того как она стала частью либерального мирового порядка, начался его упадок. После долгих политических и юридических процедур, Венгрия стала полноценным членом Европейского Союза в 2004 году и вступила в НАТО в 1999 г., накануне Косовского кризиса. В 2020 году Венгрия встретила так называемую 100-ю годовщину Трианонского договора, территориальные потери в связи с которым по-прежнему во многом определяют коллективную память венгерской нации. Трианон является важным элементом в построении лидерами Венгрии внешнеполитической стратегии страны.

Исследование нацелено на изучение недавно возникших трендов в венгерской внешней политике, а именно того, как венгерская политика балансирует между крупными игроками глобальной политики. Венгрия, будучи маленькой страной Центральной Европы, стремится

1 Mearsheimer J.J. Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. 2019. № 4 (43). pp. 7–50.

2 Scruton R. England and the Need for Nations. Civitas, Institute of the Study of Civil Society, London, 2004.

поддерживать баланс между национальными интересами и глобальными амбициями США, крупных стран Европы, России и Китая. Исторически Венгрия служила мостом между Востоком и Западом: знаменитый венгерский поэт Эндре Ади использовал термин «страна-паром», говоря о Венгрии. Этот синдром «страны-парома» определяет восприятие глобальных политических изменений и идентичность поколений политической элиты, появившихся после событий 1989 года¹.

Принципы внешней политики Венгрии и новый мировой порядок

Распад биполярного мирового порядка бросил вызов Венгрии, оказавшейся в совершенно новом международном окружении. Процесс дезинтеграции Советского Союза, в прошлом сверхдержавы, был запущен в 1989 году и побудил бывших членов социалистического блока из Восточной Европы заново определить цели своей внешней политики. В рамках формата данной статьи сложно подробно описать, как менялась система с 1989 года, однако попытаемся обозначить некоторые общие моменты. Внешняя политика Венгрии в «новом мировом порядке» базировалась на трех взаимосвязанных принципах:

1. Принцип евроатлантической интеграции означает, что Венгрия стремится быть членом наиболее значимых европейских и трансатлантических международных организаций — в первую очередь Европейского Союза и НАТО;
2. Венгрия стремится развивать и укреплять сотрудничество со странами-соседями;
3. Венгрия стремится защищать венгерские меньшинства за рубежом.

Эти три внешнеполитических принципа взаимно дополняли друг друга: так в случае поддержания хороших отношений с соседними странами, одновременно реализовались задачи по защите венгров, живущих за рубежом. Так же вступление в Европейский Союз способствовало интеграции венгерской диаспоры в публичную сферу всей Европы. Правительства Венгрии после 1989 года балансировали между этими принципами, лишь незначительно меняя подход. В то время как первое демократически избранное правительство Анталла (1990–1994 гг.) в большей степени подчеркивало значимость венгерской диаспоры и добрососедства, правительство Хорна (1994–1998 гг.) фокусировалось на переговорах о вступлении в Европейский Союз. Первое правительство Орбана (1998–2002 гг.) приняло «Закон о статусе», предлагающий гражданство Венгрии представителям венгерской

1 *Kovács A., Horváth A., Vidra Zs. The Ferry-Country between East and West: Debates on Modernity and Europe in Hungary // Europe, Nations and Modernity / Ed. by Ichijo A. Palgrave Macmillan, 2011.*

диаспоры, живущим за пределами страны. В течение первого десятилетия независимости внешняя политика Венгрии преимущественно игнорировала старые связи с постсоветским пространством, а также азиатскими и африканскими странами. Эта политика Будапешта была проамериканской, проевропейской, ориентированной на трансатлантическое партнерство, и страна последовательно продвигала ценности, которые считаются принципами либерального мирового порядка.

Однако в 2008 году из-за распространения последствий мирового финансового кризиса малые страны, такие как Венгрия, оказались в ситуации, когда результаты политического и экономического транзита 1990-х годов, оказались под угрозой. В Венгрии есть поговорка о зависимости экономики страны: «Если Германия чихает, Венгрия заболевает гриппом». Примерно две трети экспорта Венгрии направляются в другие страны-члены Европейского Союза, среди которых наибольший процент экспорта приходится на Германию. Из-за того, что Европейский Союз серьезно пострадал от финансового кризиса, экономика Венгрии между 2008 и 2010 годами переживала спад. Следующий кризис воздействовал на Венгрию напрямую, когда беженцы с Ближнего Востока, в основном из Сирии, мигрировали через территорию страны в 2015 году. Это послужило первым тревожным звонком, что Европейский Союз не может в краткие сроки предложить решение для этой проблемы. Именно ощущение того, что страна переживает период неопределенности и может опираться только на собственные силы, не рассчитывая на международные организации, вызвало смену вектора внешней политики Венгрии. По случаю 60-й годовщины подписания Римского договора, который создал организацию-предшественника Европейского Союза, премьер-министр Орбан заявил: «Если мы хотим обеспечить безопасность Венгрии, мы должны полагаться сами на себя, именно мы должны сделать её безопасной... никто не сделает эту работу за нас, и никакая торжественная декларация не изменит положения дел»¹. Важно сделать акцент на этом высказывании, чтобы понять подоплеку т.н. «открытия на Восток» во внешней политике Венгрии.

Альтернативный мировой порядок?

Открытие Венгрии на Восток и на Юг.

Кризис либерального международного порядка напрямую воздействовал на мировоззрение правящих элит Венгрии и соседних с ней стран. Будучи жертвой холодной войны и репрессивного социалистического строя, а в настоящий момент переживая последствия много-

1 Magyar Nemzet. March 25, 2017. URL: <https://magyarnemzet.hu/archivum/kulfold-archivum/orban-csak-magunkra-szamithatunk-3899008> (accessed: 31.12.2020).

численных кризисов Европейского Союза, Венгрия приняла решение диверсифицировать свою внешнюю торговлю. Будапешт также осознал, что, в связи с усилением стран Восточной Азии и более активным вмешательством России в мировую политику, малые государства не могут игнорировать трансформацию международного порядка, в котором Европейский Союз становится менее конкурентоспособным игроком, а США теряют свой статус гегемона. Официальные политические документы Венгрии одновременно используют термины «стратегия глобального открытия» и «стратегия открытия на Восток». В 2012 году Венгрия приняла Новый план Сечени, включающий в себя новую стратегию внешней торговли, названную «открытием на Восток». Целью этой экономической стратегии является диверсификация структуры экспорта и импорта Венгрии с целью усиления присутствия на развивающихся рынках Азии, а именно Китая и Индии. План подразумевает не столько полный пересмотр направлений внешнеэкономической деятельности Венгрии, а, скорее, дополнение интеграции Венгрии с экономиками стран Европы развитием экономического сотрудничества с Китаем, Россией и другими не западными странами¹.

Еще один документ, принятый Министерством иностранных дел в 2011 году, называется «Внешняя политика Венгрии после председательства в Совете Европейского Союза». Текст этой стратегии начинается с общего описания последних политических и экономических изменений в мировой политике, подчеркивается «относительный упадок» политического и экономического влияния стран Запада в мировой политике. Эта стратегия призывает к глобальному «открытию» Венгрии, распределяя приоритет регионов мира в виде концентрических кругов, среди которых собственный регион и региональная кооперация являются наиболее важным приоритетом². Переформатированная таким образом внешняя политика Венгрии должна принимать во внимание развивающиеся экономики Индии и Китая, а также другие значимые не западные силы, такие как Россия.

В 2020 году была принята новая Стратегия национальной безопасности, которая заново определяет региональные угрозы национальной безопасности Венгрии. Документ говорит о том, что «альтернативный мировой порядок» находится в процессе формирования, что создает новый глобальный контекст для национальной безопасности. Венгрия в первую очередь должна сконцентрироваться на следующих новых угрозах: нелегальная миграция, кибербезопасность и, среди прочих, вопросы здравоохранения. Стратегия призывает к взаимодействию

1 Bernek Á. Hazánk keleti nyitás politikája és a 21. századi geopolitikai stratégiák összefüggései // Külügyi Szemle. 2018. pp. 122–144.

2 Hungary's foreign policy after the Hungarian Presidency of the Council of the European Union. Ministry of Foreign Affairs of Hungary. 2011. URL: https://brexit.kormany.hu/admin/download/f/1b/30000/foreign_policy_20111219.pdf (accessed: 31.12.2020).

с Россией и Китаем, основанному на взаимной политической и экономической выгоде¹.

Политика «открытия на Восток» была представлена в виде двух фаз. Первая ориентирована на крупные азиатские державы: Китай, Индию, Россию, — на укрепление политического диалога с ними и подписание двусторонних соглашений. Вторая фаза, «открытие на Юг», запущенная в 2015 году, направлена на укрепление сотрудничества со странами Африки и Латинской Америки, в которых Венгрия присутствовала и поддерживала крепкие связи исторически. В апреле 2019 года Венгрия приняла стратегию в отношении Африки в качестве элемента политики «открытия на Юг». После системной трансформации 1989 года Будапешт поддерживал незначительный уровень сотрудничества с крупными африканскими странами и закрыл многие дипломатические представительства в связи с ограниченными финансами. В рамках новой стратегии Венгрия пытается действовать на африканском направлении как держава среднего масштаба, призывая к созданию всеобъемлющей стратегии по развитию Африки, в том числе, и на уровне Европейского Союза².

Новый подход к внешней политике не подразумевает игнорирования крупных европейских и западных союзников, но он признает сложность мирового порядка, в котором малая держава должна использовать стратегию балансирования. В одной из своих речей премьер-министр Виктор Орбан сказал: «Дипломатия Венгрии имеет систему координат для ориентации: Стамбул, Берлин и Москва». Венгрия должна избегать вступления или принуждения к вступлению в любой антитурецкий, антироссийский или антинемецкий блок³. Поскольку отношения Европейского Союза и с Турцией, и с Россией являются напряженными по многим политическим вопросам, это геополитическое обоснование венгерской внешней политики означает её стремление придерживаться статуса «страны-парома» между Европейским Союзом, Турцией и Россией.

Отношения с мировыми державами — сдвиг во внешней политике?

Основные принципы внешней политики не изменились полностью, хотя стране и пришлось подстраиваться под новую реальность мировой политики. Венгрия, будучи членом НАТО и Европейского Союза, стремится формулировать повестку дня в различных международных

- 1 National Security Strategy. A Secure Hungary In a Changing World. 2020. URL: <https://magyarkozlony.hu/dokumentumok/6c9e9f4be48fd1bc620655a7f249f81681f8ba67/letoltes> (accessed: 31.12.2020).
- 2 Hungary's Africa strategy. 2019. URL: <https://magyarkozlony.hu/dokumentumok/8e4d0b087f893994fe545c1fd4bd7ba3aaea9869/letoltes> (accessed: 31.12.2020).
- 3 Lendvai P. Orbán. Hungary's Strongman. Oxford University Press, New York, 2017.

организациях. Частью этой стратегии является тесное сотрудничество с тремя основными политическими центрами: Соединенными Штатами, Россией и Китаем.

В отношении России Венгрия во многих моментах находится в уязвимом положении. Будапешт критикует санкции, введенные Европейским Союзом против России в связи с кризисом на Украине. С другой стороны, Венгрия поддерживает санкционный режим, введенный Европейским Союзом, но при этом запустила политический диалог между президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Венгрии В. Орбаном. Ежегодные саммиты двух лидеров укрепляют двусторонние отношения, что вызывает критику со стороны Брюсселя и внутри самой Венгрии. В отношении венгерского меньшинства, проживающего на Украине, Венгрия использует сбалансированный подход, основанный на принципах, которые были проанализированы в начале статьи. Венгрия использовала свое право вето в рамках НАТО, запретив вступление Украины в альянс из-за украинского закона «Об образовании». В 2014 году Венгрия и Россия подписали соглашение о расширении атомной станции в Пакше (т.н. станция «Пакш-2») к 2023 году с финансовой и технологической помощью России. Соглашение важно для энергетической сферы Венгрии, хотя против него выступили некоторые оппозиционные политические партии в связи с возможным воздействием на экологию и растущей экономической зависимостью от России.

Если мы говорим о Китае, инициатива «17+1» является ключевым инструментом для взаимодействия Пекина с государствами в восточной части Европы. Венгрия играет ключевую роль в инициативе «17+1», и между Китаем и Венгрией подписано соглашение о стратегическом партнерстве. Целью для Венгрии является подъем статуса отношений до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства. Венгрия также является важным участником Инициативы пояса и пути: наиболее важным её совместным проектом с Китаем является железная дорога Будапешт — Белград, которая строится в настоящий момент. В 2017 году Венгрия вступила в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и в ближайшем будущем примет на своей территории другие китайские банки.

Можно задать вопрос, какой смысл Китаю и России стремиться сотрудничать с небольшим государством, таким как Венгрия. Часто высказывается тезис о том, что мировые державы могут использовать небольшие государства в качестве «троянского коня», продвигая свои национальные интересы. Возникает вопрос: не является ли Венгрия инструментом в руках российских и китайских политиков, используемым для влияния на Европейский Союз, который в настоящее время не имеет общего голоса в вопросах внешней политики?

Третье государство, которое нужно брать в расчет — это Соединенные Штаты, важный союзник для Венгрии. Отношения между США и Венгрией в целом находятся на хорошем уровне, хотя существуют некоторые политические сложности. Во внешней политике США в отношении Центральной Европы Венгрия не является стратегически наиболее важной страной. Несмотря на факт того, что премьер-министр Венгрии во время избирательной кампании в США открыто поддержал Д. Трампа, какого-либо значимого прорыва в отношениях не произошло. Положение Центрально-европейского университета, а также проблема ослабления демократической политической системы Венгрии ослабляют отношения страны с США. В 2019 году премьер-министр Орбан совершил давно ожидаемый визит в Белый дом в качестве четвертого лидера Вишеградской группы. Этот саммит сделал возможным развитие хода переговоров по вопросу поставок вооружения. Было интересно наблюдать за пресс-конференцией, в ходе которой Трамп высказался о торговой войне между США и Китаем. Это представляется серьезным вызовом для таких стран, как Венгрия. Как раньше говорил премьер-министр Венгрии, участвовать в блоке, имеющем антикитайскую или антиросийскую направленность, противоречит интересам Венгрии, следовательно, Венгрия должна всегда балансировать между мировыми державами.

REFERENCES

- Berneke, Á.* (2018). Hazánk keleti nyitás politikája és a 21. századi geopolitikai stratégiák összefüggései [Our Nation's Eastern opening policy and the connection with the geopolitical strategies of the 21st century]. *Külügyi Szemle*. pp. 122–144.
- Hungary's Africa strategy (2019). Available at: <https://magyarkozlony.hu/dokumentumok/8e4d0b087f893994fe545c1fd4bd7ba3aaea9869/letoltes> (accessed 31.12.2020).
- Hungary's foreign policy after the Hungarian Presidency of the Council of the European Union (2011). Ministry of Foreign Affairs of Hungary. Available at: https://brexit.kormany.hu/admin/download/f/1b/30000/foreign_policy_20111219.pdf (accessed 31.12.2020).
- Ikenberry, G. J.* (2018). The end of liberal international order?, in: *International Affairs*. № 1 (94). pp. 7–23.
- Lendvai, P.* (2017). Orbán. Hungary's Strongman. Oxford University Press, New York.
- Mearsheimer, J. J.* (2019). Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order, in: *International Security*. № 4 (43). pp. 7–50.
- National Security Strategy (2020). A Secure Hungary In a Changing World. Available at: <https://magyarkozlony.hu/dokumentumok/6c9e9f4be48fd1bc620655a7f249f81681f8ba67/letoltes> (accessed 31.12.2020).
- Scruton, R.* (2004). England and the Need for Nations. Civitas, Institute of the Study of Civil Society, London.
- Kovács, A., Horváth A., Vidra, Zs.* (2011). The Ferry-Country between East and West: Debates on Modernity and Europe in Hungary, in: Ichijo, A. (ed.) *Europe, Nations and Modernity*. Palgrave Macmillan.
- Orbán: csak magunkra számíthatunk [Orbán: We should rely only on ourselves]. Magyar Nemzet. March 25, 2017. Available at: <https://magyarnemzet.hu/archivum/kulfold-archivum/orban-csak-magunkra-szamithatunk-3899008> (accessed 31.12.2020).

Hungarian Foreign Policy and the Crisis of the Liberal International Order. Balancing between Global Powers and National Interest

Author. László Csicsmann, CUB Vice Rector for Faculty. E-mail: laszlo.csicsmann@uni-corvinus.hu

Abstract. This study is aimed at exploring the recent shift in the Hungarian foreign policy, which was called the Global opening policy. Hungarian foreign policy has been based on three interrelated principles in the post-1989 world order, which have been challenged by a wave of crises within the European Union. Hungary has realized that an alternative world order is under evolution, in which emerging countries like China and India, and old partners, like Russia are equally important stakeholders. The Global opening is a foreign policy objective, with which Hungary tries to balance among the major players in World politics: the US, the EU, Russia, China and India.

Key words: Hungary, liberalism, foreign policy, Eastern opening, Global powers.

Отношения России и Польши — возможен ли выход из тупика

Максим Саморуков

Аннотация. Анализируя современный этап российско-польских отношений, автор приходит к выводу о том, что они фактически перестали существовать. Россия и Польша превратились друг для друга в мифологизированные образы, которые гораздо удобнее использовать во внутренней пропаганде, чем заниматься выстраиванием отношений с реальным соседним государством. Выгода от этих пропагандистских образов огромна и для российских, и для польских властей. Риски потерять эти выгоды, если заняться реальным диалогом и выстраиванием отношений, тоже велики, поэтому найти выход из нынешнего тупика очень непросто. Ведь этот выход связан с немалыми потенциальными потерями для обеих сторон. Поэтому — делает вывод автор — в обозримом будущем, в среднесрочной перспективе это вряд ли возможно. Скорее необходима смена поколений в руководстве стран, чтобы они могли по-новому посмотреть на свое место в мире. Все это делает маловероятными сколько-нибудь значимые перемены в российско-польских отношениях в ближайшие пять-шесть лет. Потребуется какая-то более долгая перспектива и более четкое осознание обеими странами своего места в новой геополитической реальности, чтобы перейти к более продуктивным взаимоотношениям и диалогу.

Ключевые слова: Россия, Польша, европейский союз, российско-польские отношения, мифологизация.

Отношения России и Польши никогда не были простыми и регулярно становились жертвой многочисленных взаимных претензий и непонимания. Но тот кризис, который они переживают в последние годы, качественно отличается от предыдущих. Главное его отличие состоит в том, что отношения фактически перестали существовать. Раньше даже в самые напряженные моменты с обеих сторон велась предметная дискуссия о том, что нужно или не нужно менять, что улучшить, где возможен компромисс, как добиться большей эффективности. Эта дискуссия была важной частью политической жизни, особенно в Польше по поводу России, но и в России связи с Польшей тоже обсуждались весьма активно. Причем обсуждение вели преимущественно компетентные люди, которые хоть и не были полностью свободны от негативных стереотипов, но все-таки старались не терять связи с реальностью.

Сейчас страны превратились друг для друга в мифологизированные образы, которые гораздо удобнее использовать во внутренней пропаганде, чем заниматься выстраиванием отношений с реальным соседним государством. И России, и Польше оказалось выгоднее создать искаженные образы друг друга и с их помощью поднимать рейтинги дома, формируя “правильную” картину мира у населения, чем разбираться в тонкостях потенциальных проектов для сотрудничества. Мало того, практическое сотрудничество стало даже опасно, потому что может разрушить стройную картину, выстроенную внутренней пропагандой.

В Польше Россия играет важную роль сразу в нескольких пропагандистских нарративах. Прежде всего образ враждебной и реваншистской России необходим для того, чтобы представлять польско-американские отношения как успешные. Ситуация, когда страна приглашает на свою территорию иностранную военную базу и готова сама за нее заплатить, вместо того, чтобы получить плату — не самая стандартная. Но и такое положение дел можно представить как победу, если добавить в картину образ «агрессивной России», которая в любой момент готова напасть на Польшу. В такой ситуации размещение дополнительных войск или американской базы в Польше за польские деньги оказывается успехом.

То же самое можно сказать об энергетической независимости Польши. Миллиардные инвестиции в развитие газовой инфраструктуры, в том числе строительство терминалов для приема сжиженного газа или нового газопровода из Норвегии, не гарантируют того, что газ, поставляемый по новым каналам, окажется дешевле российского. Экономическая оправданность этих проектов может вызывать немало вопросов. Однако, если добавить в картину образ “ненадежной и враждебной России”, готовой в любой момент использовать свой газовый экспорт как геополитическое оружие, то отказ от него автоматически превращается в победу, а соображения экономической целесообразности отступают на второй план.

Наконец, есть еще один польский нарратив, в котором Россия играет ключевую роль. Он менее универсальный, более нишевый, но, тем не менее, чрезвычайно важен для легитимации нынешних властей Польши. Это нарратив о смоленской трагедии, в которой в апреле 2010 года погиб президент Польши Лех Качиньский. Для значительной части представителей польской правящей партии «Право и справедливость» и их сторонников Качиньский погиб не в результате цепочки трагических случайностей, а был намеренно убит в ходе заговора между «группой польских предателей» и все той же «враждебной Россией». Этот нарратив принципиально не совместим с реальной Россией, с которой Польша могла бы сотрудничать, потому что невозможно сотрудничать со страной, готовой убить вашего президента.

Польша в российской пропаганде играет не такую важную роль, как Россия в польской, но все равно имеет довольно большое значение. Есть ключевые пропагандистские нарративы для России, где Польша незаменима. Главный из них — конфликт с Украиной. В этом контексте российскую пропаганду устраивают напряженные отношения между Польшей и Украиной, которые представляются как то, что «у Украины существуют проблемы со всеми соседями». Таким образом, российско-украинский конфликт девальвируется, а главным источником проблем оказывается Украина. Это Украина — такая страна, у которой плохие отношения со всеми соседними народами, а, значит, к России особых претензий быть не может. Пример Польши служит важным аргументом в пользу этого утверждения. Заниматься изучением того, как реально обстоят дела в польско-украинских отношениях, чем суть польских претензий к Украине отличается от сути российских, никому не интересно и даже опасно, потому что это может разрушить цельность картины.

Другой важный для России нарратив — это неблагодарность европейских народов за освобождение от немецкой оккупации в ходе Второй Мировой войны. Если Польша неправильно относится к российским памятникам или имеет какие-то претензии к последующему присутствию советских войск на ее территории, с российской точки зрения, этого достаточно, чтобы записать поляков в «неблагодарные» народы и совершенно не задумываться о том, как в реальности Польша относится к немецкой оккупации, чем ее подход к событиям ВМВ отличается от подхода, скажем, украинских или литовских националистов.

Наконец, образ «неблагодарной и вечно враждебной» Польши удачно вписывается в еще один ключевой нарратив российской пропаганды — о патологической русофобии Запада. В соответствии с этой линией рассуждений, что бы Россия ни сделала, на какие бы уступки ни пошла, это не будет оценено и не принесет никакой пользы. Потому что на Западе все равно будет достаточно патологически русофобских стран вроде Польши, готовых отринуть любую уступку, любой жест доброй воли и снова повернуть западную политику в антироссийском направлении.

Выгода от этих пропагандистских образов огромна и для российских, и для польских властей. Риски потерять эти выгоды, если заняться реальным диалогом и выстраиванием отношений, тоже велики, поэтому найти выход из нынешнего тупика очень непросто. Ведь этот выход связан с немалыми потенциальными потерями для обеих сторон. Поэтому, на мой взгляд, в обозримом будущем, в среднесрочной перспективе это вряд ли возможно. Скорее необходима смена поколений в руководстве стран, чтобы они могли по-новому посмотреть на свое место в мире.

Нынешней Польшей по-прежнему руководят люди, чье мировоззрение сформировалось в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда регион действительно был в центре международной политики. Однако за 30 лет многое изменилось. Из-за смещения мировых центров силы Польша хоть и укрепила свой экономический потенциал, но ощутимо потеряла свое геополитическое значение. Интересы ведущих держав, особенно США, сместились из Центральной Европы в Азию и на Ближний Восток. Поэтому сейчас, в отличие от 1990-х гг., для польского руководства не очень реалистично рассчитывать, что союз с Вашингтоном может стать лучшей гарантией для дальнейших внешнеполитических успехов.

Такая же необходимость обновления картины мира актуальна и для России. Доминирующий сейчас подход состоит в том, что регион Центральной и Восточной Европы — необязательный для российской внешней политики. Россия может позволить себе выбирать, с кем там сотрудничать, с кем не сотрудничать, и в принципе в российской политике ничего не поменяется, даже если со всеми странами региона будут очень плохие отношения. Россия по-прежнему уверена, что она может договориться с крупными странами Западной Европы и этого вполне достаточно. Она считает себя слишком важным партнером Европы в целом — настолько важным, что отдельные страны Западной Европы будут готовы пожертвовать европейской солидарностью ради того, чтобы достичь особой сделки с Москвой. Этот подход доказывает свою необоснованность на протяжении последних десяти лет, но, видимо, потребуются гораздо более серьезные перемены в российском внешнеполитическом мировоззрении, чтобы его пересмотреть.

Все это делает маловероятными сколько-нибудь значимые перемены в российско-польских отношениях в ближайшие пять-шесть лет. Потребуется какая-то более долгая перспектива и более четкое осознание обеими странами своего места в новой геополитической реальности, чтобы перейти к более продуктивным взаимоотношениям и диалогу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Как выборы в Европарламент отодвинули Восточную Европу от власти в ЕС. Московский центр Карнеги. 29.05.2019. URL: <https://carnegie.ru/2019/05/29/ru-pub-79225> (дата обращения: 10.02.2021).
- Пока Брюссель не смотрит. Как изменит Польшу и Европу новая победа Качиньского. Московский центр Карнеги. 14.10.2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80061> (дата обращения: 10.02.2021).
- Почему ЕС проиграл войну с Польшей. Московский центр Карнеги. 28.02.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/68114> (дата обращения: 10.02.2021).
- Саморуков М., Кобринская И., Кобаладзе Ю. Восточная Европа: правый поворот? Московский центр Карнеги. 24.10.2017. URL: <https://carnegie.ru/2017/10/24/ru-pub-74605> (дата обращения: 10.02.2021).

Я привезу вам новый мир: что изменил визит Трампа в Польшу. Московский центр Карнеги. 7.07.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71463> (дата обращения: 10.02.2021).

REFERENCES

- Ja privezu vam novyj mir: chto izmenil vizit Trampa v Pol'shu [I will bring you a new world: what changed Trump's visit to Poland]. Carnegie Moscow Center. 7.07.2017. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/71463> (accessed 10.02.2021).
- Kak vybory v Evroparlament otodvinuli Vostochnuju Evropu ot vlasti v ES [How European Parliament elections pushed Eastern Europe out of EU power]. Carnegie Moscow Center. 29.05.2019. Available at: <https://carnegie.ru/2019/05/29/ru-pub-79225> (accessed 10.02.2021).
- Pochemu ES proigral vojnu s Pol'shej [Why the EU lost the war with Poland]. Carnegie Moscow Center. 28.02.2017. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/68114> (accessed 10.02.2021).
- Poka Brjussel' ne smotrit. Kak izmenit Pol'shu i Evropu novaja pobeda Ka-chin'skogo [While Brussels is not looking. How Poland and Europe will be changed by Kachynski's new victory]. Carnegie Moscow Center. 14.10.2019. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/80061> (accessed 10.02.2021).
- Samorukov M., Kobrinskaja I., Kobaladze Ju.* Vostochnaja Evropa: pravyy po-vorot? [Eastern Europe: right turn]. Carnegie Moscow Center. 24.10.2017. Available at: <https://carnegie.ru/2017/10/24/ru-pub-74605> (accessed 10.02.2021).

Relations between Russia and Poland – is it Possible to Break the Deadlock

Author. Maxim Samorukov, a Fellow at the Carnegie Moscow Center and deputy editor of Carnegie. E-mail: msamorukov@carnegie.ru

Abstract. Analyzing the current stage of Russian-Polish relations, the author comes to the conclusion that virtually they have ceased to exist. Russia and Poland have become mythologized images for each other, which are much more convenient to use in domestic propaganda than to build relations with a real neighboring state. The benefits of these propaganda images are enormous for both Russian and Polish authorities. The risks of losing these benefits if you start to develop a real dialogue and relationship are also great, so it is very difficult to find a way out of the current impasse. After all, this exit is associated with considerable potential losses for both sides. Therefore, the author concludes, that in the foreseeable future, in the medium term, this is hardly possible. Rather, it is necessary to change the generations in the leadership of these countries, so that they can take a new look at their place in the world. All this makes it unlikely that there will be any significant changes in Russian-Polish relations in the next five or six years. It will take some longer perspective and a clearer understanding by both countries of their place in the new geopolitical reality to move on to a more productive relationship and dialogue.

Key words: Russia, Poland, European Union, Russian-Polish relations, mythologization.

Польская восточная политика и политика России по отношению к Западу – возможен ли диалог?

Рафал Лисякевич

Аннотация. В медийных образах польско-российских отношений все чаще можно наблюдать картину практически полного взаимного неприятия, балансирующего на грани агрессивности. В основном это происходит в политической среде, где политики сами выстраивают, а потом используют образ другой стороны в качестве вызова. Главными предметами взаимной критики являются интеграция стран Восточного Партнерства с ЕС, сфера энергетики и сотрудничество с НАТО и США. К такому состоянию польско-российские отношения пришли из-за особенностей, которые являлись основой отношений двух стран и были заметны уже много лет назад. В статье автор пытается обозначить основные черты польской восточной политики и внешней политики России. Он предлагает объективно посмотреть на польско-российские отношения и найти реальные причины проблем в двустороннем восприятии. Анализ причин столкновения интересов двух стран на международной арене позволяет автору наметить возможности выхода из конфликтной ситуации. Главный тезис статьи заключается в том, что парадокс польско-российских отношений заключается в отсутствии серьезных политических проблем в сугубо двусторонних отношениях.

Ключевые слова: Польша, Россия, польско-российские отношения, международные отношения, внешняя политика Польши, внешняя политика России.

Начнем нашу статью с попытки обоснования тезиса, который не часто встречается среди экспертов в области польско-российских отношений. Он заключается в том, что парадокс польско-российских отношений заключается как раз в отсутствии серьезных политических проблем в двусторонних отношениях. Подчеркнем, что тезис работает только в отношении контактов именно этих двух государств. Мы действительно наблюдаем низкий уровень политических и экономических отношений между Польшей и Россией. На инерцию оказывают влияние и интеграционные векторы наших государств. В то время как Польша интегрируется с западными структурами, прежде всего с ЕС и НАТО, для России наиболее важным интеграционным регионом является СНГ, и она уже много лет является лидером Евразийского экономического союза. Несмотря на важность экономического сотрудничества Российской Федерации с Западной Европой, официальные декларации

свидетельствуют о приоритете контактов с Азией. Если посмотреть глубже на причины разногласий между Польшей и Россией, то можно заметить, что чаще всего они возникают в контексте политики в отношении третьих стран. Вопрос Украины является самым важным, потому что в XXI в. два серьезных кризиса между Польшей и Россией возникли именно после революций на Украине (2000–2005 и 2014 гг.). Схожая ситуация наблюдается в отношениях Польши и России с США и НАТО.

Следующий вопрос, который влияет на сотрудничество Польши и России — экономический. Здесь можно выделить несколько моделей развития и сотрудничества. С одной стороны, необходимо подчеркнуть статус *petro-state*, присущий российской экономике, и энергетические вызовы сотрудничества государств; с другой — очень низкий уровень контактов между странами и одновременно очевидную асимметрию этих контактов.

Главные векторы политики Польши и России и их взаимное восприятие

Стоит отметить, что как в Польше нет продуманной политики в отношении России, так и в России отсутствует обоснованная политика в отношении Польши. Фактически в двусторонних отношениях наблюдается застой. Проблемы и споры, широко обсуждаемые в СМИ, появляются в контексте внешней политики обоих государств. Эта ситуация знакома с начала 1990-х годов, когда после падения «железного занавеса» во взаимных контактах возобладала инерция. Последовав-

Схема 1. Векторы политики Польши и России

Источник: выполнено автором

ший взаимный интерес имел краткосрочный характер и был связан с польскими намерениями вывода советских войск и интеграции с НАТО и Западом.

Теоретически международные отношения — это отношения между государствами. На основе концепции внешней политики разрабатываются методы ее реализации¹. Однако в польско-российских контактах наблюдается полная инерция. В важнейших российских документах, таких как Концепция внешней политики, отсутствует само упоминание Польши. Российский исследователь Л. Шишелина обращала внимание на то, что в Концепции внешней политики 2000 года всему региону Центрально-Восточной Европы посвящено всего 4,5 строки². Следовательно, для России Польша является страной третьего плана. В то же время для Польши Россия является вызовом или, как об этом говорил бывший премьер-министр страны Дональд Туск, «стратегической проблемой»³. Польские консерваторы из партии «Право и справедливость» подходят к отношениям с Россией еще более критично, утверждая, что нет даже смысла строить отношений с ней, потому что она не признает субъектности Польши⁴.

Ситуация усугубилась после 2014 года. С другой стороны, можно поставить вопрос: является ли это проблемой? Возможно, стоит посмотреть на отношения иначе, и тогда можно будет найти и положительные моменты: если нет контактов, то не должно быть и проблем? Какие реальные трудности мы можем обозначить в двусторонних отношениях? Еще в 2015 году с появлением в Польше нового консервативного правительства польская сторона направила в Россию перечень проблем в отношениях, в которых, как утверждал представитель польского МИД, наблюдалось несколько десятков нерешенных вопросов⁵. По заявлениям польских дипломатов, знакомых с выводами работы польско-российской группы по сложным вопросам, можно выделить как минимум три группы проблем: исторические вопросы и связанные с ними взаимные обиды; имущественное неравенство в распоряжении дипломатии; низкий уровень торговли. Оставляя вопросы истории историкам, а дипломатические — дипломатам, остановимся на проблемах экономических связей. Что мы реально наблюдаем в торговле

1 Współczesne stosunki międzynarodowe / Ed. by T. Łoś-Nowak. Wrocław. S. 11–12.

2 Шишелина Л.Н. Расширение Евронеийского союза и интересы России. М., 2006. С. 246.

3 Туск назвал Россию «стратегической проблемой» Евросоюза. ТАСС. 13.11.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7111873> (дата обращения: 01.12.2019).

4 Raport o stanie Rzeczypospolitej. Prawo i Sprawiedliwość. 2011. S. 26. URL: <http://www.pis.org.pl/dokumenty.php> (дата обращения: 10.09.2011).

5 Rzecznik MSZ: dialog z Rosją wstrzymany z inicjatywy strony rosyjskiej. Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP. URL: https://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/msz_w_mediach/rzecznik_msz_dialog_z_rosja_wstrzymany_z_inicjatywy_strony_rosyjskiej_depesza_pap_z_22_grudnia_br_channel=www (accessed: 10.02.2020).

График 1. Участие России (СССР) в польской торговле (1970–2010)

Источник: Составлено автором на основе *Rocznik statystyczny GUS*.

за последние десятилетия? График 1 показывает резкое снижение товарооборота после падения коммунизма.

Графики 2 и 3 указывают на колебание динамики торговли между Польшей и Россией в XXI в. Можем также отметить, что, если Россия является для Польши весьма значительным партнером (График 3), то для России Польша находится на третьих позициях (График 4).

График 2. Доля России в торговом обороте Польши (2005–2018), в %

Источник: Составлено автором на основе: *Główny Urząd Statystyczny 2006–2019*.

График 3. Участие Польши в торговом обороте Российской Федерации (2005–2017), в %

Источник: Составлено автором на основе: Россия в цифрах (2006–2018), ROSSTAT.

График 4. Россия среди экономических партнеров Польши (польский экспорт), доли в %

Источник: Составлено автором на основе: Rocznik statystyczny GUS

График 4 указывает на смену торговых партнеров Польши после падения коммунизма. Уже в начале 1990-х годов вместо СССР/России главным партнером стала Германия, на втором месте также оказался партнер из ЕС.

По данным Евростата, Россия направляет в ЕС преимущественно энергоресурсы. Данные показывают, что 50% экспорта российских

График 5. Торговля ЕС—Россия

Most traded goods between EU-28 and Russia, top 20 of SITC level 3 products, 2018 (EUR billion)

Note: While the trade balance provides information on the absolute value of trading positions, the cover ratio provides a relative measure that is based on the ratio (expressed in percentage terms) between the value of exports and the value of imports; if exports are higher than imports then the cover ratio will be above 100.

Источник: Eurostat.

углеводородов приходится на ЕС¹. Эти показатели важны и дают возможность сравнить их со структурой двусторонних торговых отношений Польши и России (прежде всего импорта), которая представлена на графике 5.

График 5 показывает, что в польском импорте из России наиболее важной товарной группой являются энергоресурсы. За 2018 г. поставки сырья составили 67,4% в общем объеме польского импорта из России. Это свидетельствует о том, что тезис о польской зависимости от энергетических ресурсов из России вполне обоснован и попытки Польши диверсифицировать направления поставок также понятны. С другой

1 Bilateral trade between Russian Federation and Poland (2020). Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c616%7c%7c27%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (accessed: 10.02.2020).

График 6. Структура импорта из России

Источник: Составлено автором на основе: Import i eksport według krajów z wymienieniem sekcji CN/SITC/PKWiu/BEC, SWAID, URL:

http://swaid.stat.gov.pl/HandelZagraniczny_dashboards/Raporty_predefiniowane/RAP_SWAID_HZ_3_7.aspx

стороны, если Россия зависима от рынка сбыта ресурсов в ЕС, то появление споров с Польшей, особенно в вопросе об ограничении импорта газа в ЕС из России, обоснованы.

Следует подчеркнуть, что споры всегда ведутся вокруг газа, но, если внимательно посмотреть на структуру российского импорта в Польшу минерального топлива, там можно заметить очень интересные цифры. Например, в 2018 году импорт российской нефти перевесил по ценам импорт газа в 12 раз! Даже импорт российского угля был выше газа¹! Но всегда речь идет о газе, который вызывает споры, — но почему? Ответ слишком прост — Россию как поставщика угля и нефти в Польшу можно легко заменить, используя, например, морской терминал в Гданьске. Что касается газа, то его большая часть транспортируется трубами, и поэтому т.н. геополитика трубопроводов сильно влияет на отношения между покупателями и поставщиками.

Обратим также внимание на взаимные инвестиции. В этой сфере наблюдается более резкое снижение кооперации (таблицы 1 и 2), чем в области торговли.

Эмпирическое исследование торговых и политических отношений между странами не демонстрирует однозначного влияния динамики и наполнения торговли на сотрудничество между странами. Польско-российские отношения показывают, что несбалансированная структура торговли вредит отношениям между Польшей и Россией. Однако большинство исследователей придерживаются мнения, что

1 Ibid.

Таблица 1. Прямые инвестиции в Российскую Федерацию по странам-партнерам (участие в капитале, реинвестирование доходов и долговые инструменты), млн долл. США

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Польша	29	185	85	17	6	17	-49	70	20	116	5	-27
Германия	7626	3379	2914	3196	2234	2265	335	349	1483	224	470	341
США	1860	2161	2296	435	276	285	485	708	209	402	495	376

Источник: Статистика внешнего сектора, Центральный Банк Российской Федерации,
https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Таблица 2. Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж: операции по инструментам и странам-партнерам (по данным платежного баланса Российской Федерации – сальдо операций)*, млн долл. США

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Польша	28	-50	13	-2	30	-2	73	31	67	55	-15	-1
Германия	673	1860	1488	1880	971	1118	1334	1016	738	393	724	1078
США	973	7264	1634	1060	1625	688	739	1654	819	873	126	653

Источник: Статистика внешнего сектора, Центральный Банк Российской Федерации.
 URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

торговля смягчает конфликты¹. В польско-российских отношениях эта связь не является осязаемой, поскольку существуют различия, вытекающие из экономических потенциалов Польши и России, произошедших в странах реформ, и изменений в сотрудничестве в географическом плане. Авторы теории комплексной взаимозависимости, такие как Р. Кохэн и Дж. С. Най, утверждали, что взаимозависимость благоприятствует международному сотрудничеству, но только в условиях такого рода взаимной зависимости, когда издержки ее разрыва высоки для обеих сторон² (Ripsman, 2000: 5). В польско-российских отношениях такой длительной взаимозависимости не наблюдалось. Они даже демонстрируют явную асимметрию, усиленную энергетической зависимостью Польши от России, что вызывает попытки Польши преодолеть эту ситуацию.

- 1 Mansfield E.D. Quantitative Approaches to the International Political Economy // Cases, Numbers, Models: International Relations Research Methods / Ed. by F. Detlef Sprinz, Y. Wolinsky. REVISED, 2002. pp. 177 – 179.
- 2 Ripsman N.M. The Political Economy of Security: A Research and Teaching Agenda // Journal of Military and Strategic Studies. 2000. Vol. 3. №. 1. p. 5.

Если нет политических контактов — откуда проблемы?

Парадокс польско-российских отношений, особенно после 2014 года, заключается в том, что в них практически отсутствуют официальные контакты между политиками стран. Впрочем, перед 2014 годом также не наблюдалось серьезного диалога. Но, если нет серьезных проектов развития двухсторонних отношений, нет контактов, диалога, то откуда берутся проблемы? Автор статьи предлагает обратить внимание на три сферы:

- безопасность;
- интеграция стран Восточного партнерства с ЕС и сотрудничество с НАТО;
- энергетика.

В таблицах 3 и 4 на основе стратегических документов Польши и России собраны причины конфликтности в Восточной Европе и по вопросам безопасности. Хотелось бы обратить внимание на серьез-

Таблица 3. СНГ в политике России и Польши

Россия	Польша
<ul style="list-style-type: none">• Стратегический регион, пытается монополизировать влияние• Цветные революции — противодействие России	<ul style="list-style-type: none">• Основа восточной политики — отношения с Украиной, Грузией, Молдовой, Беларусией — гаранты независимости и развития Польши• Цветные революции — расширение зоны стабильности

Источник: составлено автором на основе стратегических документов России и Польши.

Таблица 4. Вопросы безопасности в отношениях Польша — Россия

Польша	Россия
<ul style="list-style-type: none">• Россия — одна из основных проблем для польской безопасности (прежде всего в военной и энергетической сферах) с точки зрения польской геополитики• Отсутствие доверия к России• Зависимость других областей (таких как: политика, энергетика, история) при выстраивании атмосферы безопасности• США и НАТО — гаранты польской безопасности — стратегия <i>badwagoning</i>	<ul style="list-style-type: none">• Польша — незначимый субъект (значение возрастает благодаря НАТО, США, ЕС)• Отсутствие доверия к намерениям Польши• Подчинение иных областей принципам политики безопасности в России• США и НАТО — вызовы мировому порядку

Источник: составлено автором на основе стратегических документов России и Польши.

ные последствия этих конфликтов для отношений между Польшей и Россией. Например, Польша старается поддерживать проевропейские стремления стран СНГ, прежде всего, когда речь идет об интеграции с ЕС и НАТО. То же самое происходит в контексте атлантического вектора польской политики (сотрудничество с США и проекты новых баз США в Польше). Она наталкивается на политику России, которая стремится развивать отношения со странами постсоветского пространства и старается ограничить присутствие США в Европе и их влияние в данном регионе.

Динамика политических отношений между Польшей и Россией показывает, что международный контекст и контакты с третьими сторонами (как Украина и НАТО) значительно влияли на уровень контактов между Польшей и Россией. Эта зависимость проявляется следующим образом:

Россия — Польша, ЦВЕ и энергетика

Сегодня Польша реализует следующие энергетические проекты:

- Создание энергетического рынка — примером является терминал СПГ в Свиноуйсьце;
- Поставки газа из США и других стран;
- Газопровод из Скандинавии.

Польша старается развивать энергетические проекты, которые направлены на повышение энергетической независимости страны. Чтобы они были реально экономически оправданы, Польша стремится включить в эти проекты другие государства Центральной Европы. В этой связи появился проект энергетического Триморья, в котором также должны участвовать США и балканские страны¹. Целью данных проектов является укрепление энергетической независимости и солидарности между странами ЦВЕ — прежде всего в отношении Российской Федерации. Энергетические стратегии Польши и России носят различный характер и во многом противоположны. Примером этого являются проект «Северного потока-1 и «Северного потока-2», польская идея газопровода из Скандинавии и поставки газа из США. Эти проекты рождаются прежде всего из-за того, что Россия является основным поставщиком газа и нефти в Европу. В то же время Польша остается их покупателем и старается проводить диверсификацию поставок газа². Россия проводит политику укрепления энергетических отношений с ЕС и одновременно стремится диверсифицировать инфраструктурные связи на евразийском пространстве — «доля европейского направления в общем объеме экспорта российских топливно-энергетических ресурсов будет неуклонно сокращаться за счет диверсификации экспортных энергетических рынков в восточном направлении (Китай, Япония, Республика Корея, страны Азиатско-Тихоокеанского региона)» («Энергетическая стратегия России на период до 2030 года»). Одновременно, чтобы укрепить свою позицию на энергорынке, Российская Федерация инвестирует в энергетический сектор ЕС. Россия в том числе создает новые маршруты поставок в ЕС. В то же время польские интересы в энергетике совсем иные. Польша проводит политику диверсификации поставок энергоносителей. В том числе старается выстраивать новые маршруты поставок. Варшава поддерживает проекты ЕС, направленные на диверсификацию поставок российского сырья. Польша поддерживает антимонопольную политику

1 Petrović P. Amerykańskie LNG rozbija rosyjski monopol. Polska hubem dla całego Trójmorza. TVP INFO. 15.06.2019. URL: <https://www.tvp.info/43091107/amerykanskie-lng-rozbija-rosyjski-monopol-polska-hubem-dla-calego-trojmorza-opinia> (accessed: 15.03.2020).

2 Polityka energetyczna Polski do 2030 roku. Ministerstwo Gospodarki RP. URL: <http://www.me.gov.pl/files/upload/8134/Polityka%20energetyczna%20ost.pdf> (accessed: 20.11.2019).

ЕС по энергетическим вопросам, которая часто направлена на борьбу с российскими компаниями.

Все это приводит к конфликту или, как минимум, к конкуренции между энергетическими проектами России и Польши.

Причины проблем — теория

Как научные теории и подходы объясняют суть споров между Польшей и Россией? Назовем три теории, которые определяют экономико-политические проблемы между Польшей и Россией: теория гегемонистской стабильности; теория комплексной взаимозависимости; теоретические наблюдения по теме зависимости от доходов от ресурсов (*petro-state syndrome*).

Теория гегемонистской стабильности. Теория гегемонистской стабильности указывает на то, что гегемон старается расширить зону влияния. В 1990-х гг. ослабление СССР порождает пустоту в системе, которую необходимо было заполнить, введя в нее нового лидера — США¹. Возрождение России в XXI в. привело к конкуренции за влияние в Центральной Европе. Польша приняла стратегию *bandwagoning* по отношению к США, которая характерна для малых и средних стран, являющимися дополнительно ослабленными в экономическом плане². Это было причиной присоединения Польши к НАТО, последствием чего являются проблемные отношения с Россией.

Теория комплексной взаимозависимости. Р. Коэн и Дж. С. Най писали, что взаимозависимость благоприятствует международному сотрудничеству, но только в условиях такого рода взаимной зависимости, когда издержки от разрыва высоки для обеих сторон³. Однако в польско-российских отношениях наблюдается явная асимметрия торговых отношений и одновременно энергетическая зависимость Польши от России. По этой причине возникают проблемы с развитием взаимных отношений.

Petro-state. Исследования по теме экономической зависимости от доходов от ресурсов указывают на взаимосвязь между сырьевыми ресурсами и политикой. Экономика, базирующаяся на сырье, одновременно подвержена колебаниям сырьевой конъюнктуры. Поставщики сырья чувствительны к барьерам, возникающим при его экспорте⁴. Польша

1 Gilpin R. War and Change in International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. p. 186.

2 Walt S.M. Balancing and Bandwagoning // Anarchy and its Consequences. Reprinted from: The Origins of Alliances. Cornell University, 1987. p. 112; Schimmelfennig F. The EU, NATO and the integration of Europe: rules and rhetoric. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. p. 29.

3 Ripsman N.M. Op.cit. p. 5.

4 Auty R. M. Natural Resources and Civil Strife: A Two-Stage Process // Geopolitics. 2004. Vol. 9. № 1. p. 39.

критикует энергетическое сотрудничество между Россией и Европой и пытается ограничить присутствие российских углеводородов в Европе.

Итоги: перспективы диалога Россия — Польша

О перспективах диалога между Польшей и Россией очень трудно писать, потому что изменения в политической среде обеих стран постоянны. Но, учитывая анализ проблем, который был представлен выше, автор собрал некоторые идеи (таблица 5), которые, по его мнению, должны помочь наладить отношения между странами. Все эти предложения основываются на необходимости более открытого диалога и отказа от попыток достижения только своих национальных интересов. Также следует обратить внимание на то, что существует ряд объективных моментов, таких как интеграционные процессы в Европе, которые влияют на польско-российские отношения и которые не всегда подвластны двум странам.

Таблица 5. Перспективы диалога Польша—Россия

Проблема	Предложение решений
1. Энергетическая зависимость 2. Безопасность 3. СНГ и интеграционные процессы. 4. Исторические проблемы. 5. Стереотипы.	<i>Совет 1.</i> Построение либерального рынка – ограничивает напряженность + происходит диверсификация; <i>Совет 2.</i> Стабильная система безопасности; <i>Совет 3.</i> а) Определение интеграционных направлений и завершение этих процессов. или б) Смена целей России в СНГ или в польской восточной политике. <i>Совет 4.</i> Оставим историю историкам! <i>Совет 5.</i> Задача для науки, университетов и экспертов!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Туск назвал Россию «стратегической проблемой» Евросоюза. ТАСС. 13.11.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7111873> (дата обращения: 01.12.2019).
- Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза и интересы России. М., 2006.
- Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Министерство энергетики Российской Федерации. URL: <http://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 01.12.2019).

REFERENCES

- Auty, R.M. (2004). Natural Resources and Civil Strife: A Two-Stage Process. Geopolitics. Vol. 9, № 1.
- Bilateral trade between Russian Federation and European Union (EU 28) (2020) Trade Map. Available at: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c14719%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (accessed 10.02.2020)
- Bilateral trade between Russian Federation and Poland (2020), Trade Map. Available at: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c616%7c%7c27%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (accessed 10.02.2020)
- Gilpin, R. (1981). War and Change in International Politics, Cambridge: Cambridge University Press.

- Łoś-Nowak, T. (ed.) (1997). *Współczesne stosunki międzynarodowe*, Wrocław.
- Mansfield, E.D. (2002). *Quantitative Approaches to the International Political Economy*, in: Detlef F. Sprinz and Wolinsky, Y. (eds.) *Cases, Numbers, Models: International Relations Research Methods, REVISED*.
- Petrović, P. (2019). *Amerykańskie LNG rozbija rosyjski monopol. Polska hubem dla całego Trójmorza*, TVP INFO, 15.06. Available at: <https://www.tvp.info/43091107/amerykanskie-lng-rozbija-rosyjski-monopol-polska-hubem-dla-calego-trojmorza-opinia> (accessed 20.11.2019)
- Polityka energetyczna Polski do 2030 roku, Ministerstwo Gospodarki RP Available at: <http://www.me.gov.pl/files/upload/8134/Polityka%20energetyczna%20ost.pdf> (accessed 20.11.2019)
- Raport o stanie Rzeczypospolitej (2011). *Prawo i Sprawiedliwość*. Available at: <http://www.pis.org.pl/dokumenty.php> (accessed 10.09.2011).
- Ripsman, N.M. (2000). *The Political Economy of Security: A Research and Teaching Agenda*, in: *Journal of Military and Strategic Studies*. Vol. 3, №. 1.
- Rzecznik MSZ: dialog z Rosją wstrzymany z inicjatywy strony rosyjskiej, depesza PAP z 22 grudnia br., Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP. Available at: https://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/msz_w_mediach/rzecznik_msz_dialog_z_rosja_wstrzymany_z_inicjatywy_strony_rosyjskiej_depesza_pap_z_22_grudnia_br?channel=www (accessed 10.02.2020)
- Schimmelfennig, F. (2003). *The EU, NATO and the integration of Europe: rules and rhetoric*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Walt, S.M. (1987). *Balancing and Bandwagoning*, in: *Anarchy and its Consequences*. Reprinted from: *The Origins of Alliances*, Cornell University.
- Tusk nazwał Rosję «strategicheskoy problemoy» Yevrosoyuz (2019), TASS, 13.11. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7111873> (accessed 1.12.2019)
- Shishelina, L.N. (2006). *Rasshireniye Yevroneyskogo soyuza i interesy Rossii* [EU enlargement and Russian interests]. Moskva.
- Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 goda, Ministerstvo energetiki Rossiyskoy Federatsii. Available at: <http://minenergo.gov.ru/node/1026> (accessed 31.01.2020)

Polish Eastern Policy and Russia's Policy towards the West – Can we Find the Ground for the Dialogue?

Author. Lisiakiewicz Rafal, PhD, Assistant Professor. Department of Political Science, Cracow University of Economics. E-mail: lisiakir@uek.krakow.pl

Abstract. In the Polish and Russian media the image of the mutual relations is presented from the totally different perspective and as the example of battlefield. This kind of perception we can observe especially in a political environment where politicians are building and then using the image of the other side as a threat. Disputes appear especially around the issue of the integration of the Eastern Partnership countries with the EU, the energy sphere and cooperation with NATO and the United States as well. The number of features accompanied the challenges in mutual relations between Poland and Russia and they were noticeable many years ago. The author will try to outline these main features in the Polish Eastern policy and foreign policy of Russia. We will try to objectively look at the Polish-Russian relations and find the causes of the problems in two-sided perception. Although observing a clash of interests between the two countries in the international arena, the author wants to present opportunities for a way out of the conflict situation between two countries. The main thesis of the article is that the paradox of Polish-Russian relations is contained by the absence of serious political problems in purely mutual relations.

Key words: Poland, Russia, Polish-Russian relations, international relations, Polish foreign policy, Russian foreign policy.

(Sub)regionalism and Foreign Policy: Case of the Visegrad Group

Bernadett Lehoczki

Abstract. Visegrad Group, a subregional political organisation was established in 1991 and has been the primary forum of Central Eastern European cooperation since then. After a summary of historical proceedings, focusing on the post-2015 period, when V4 gained wider international attention, the article examines the changing role, opportunities and challenges of Visegrad Group. V4 depends highly on the actual political elites of the member states and their foreign policy objectives, therefore it is most typically 'activated' in case of overlapping foreign policy objectives of member states. Possible functions of the Visegrad Group are: to become an autonomous international actor, raise bargaining power of member states in various international forums and build relations/coalitions with extra-regional actors on its own; without coherence and lack of permanent structures, success depends highly on the future of member states' domestic policy and next leaders elected.

Key words: regionalism, foreign policy, Visegrad Group, Central Eastern Europe, European Union.

Introduction

The end of the Cold War brought a new era in regionalism as the decline of the East-West divide in international relations served a barrier to regional cooperation. Although a series of regional organisations emerged from the 1950s in all the World regions — basically following the European integration as a model —, most of them soon proved to be a failure because of political conflicts, economic competition among member states or as a result of disinterest. At the same time, the end of the Cold War offered new opportunities and led to the establishment of the new regional organisations and the revival of old ones. Motivations behind 'new regionalism' or 'open regionalism' as often put, were diverse: the collapse of the Soviet Union brought uncertainty for many smaller and weaker countries that previously belonged to the Eastern bloc; globalization brought a denser and denser network of interdependencies and strong competition in world

economy forcing smaller and weaker economies to get closer; democratisation started in different regions, such as Central Eastern Europe and Latin America and regional cooperation seemed to offer a perfect forum for exchange of experiences and settle regional conflicts in order to guarantee supportive circumstances for democratic institutions and harmonious relations between neighbouring states. A fourth motivation was that the rise of regional cooperation in itself, the emergence of new institutions all around the world led to some sort of a competition to build regional links in order not be left out or alone in the new, uncertain world order.

Visegrad Group was established in 1991 as part of the process described above. To this day, it is an operating forum. What is more, it has become much more visible and influential during the last years, which is not a typical pattern in the evolution of regionalism. The article studies the Visegrad Group as a foreign policy tool in the hands of the member states and — after a summary of historical proceedings — focusing on the period of 2015–2020. It examines the changing role, opportunities and challenges of the Visegrad Group as the most important Central Eastern European regional forum.

Historical background

Subregional groupings have different forms and purposes depending on the circumstances of their establishment, the region involved and the period examined. Originally, Visegrad Group was a typical example of ‘complementary/pre-accession instrument category’ of regional groupings meaning that primary motivation of its establishment was ‘to support and assist the EU pre-accession exercise’ as ‘the participating states aspire to join a larger and more developed regional project’¹. Besides, the emergence of the Visegrad Triangle in 1991 (original members were Poland, Hungary and Czechoslovakia) filled in the power vacuum in Central Eastern Europe resulting from the dissolution of the Soviet Union and the break-up of the Eastern Bloc in general. Member states formed this regional forum to guarantee their independence from Moscow and to harmonize their efforts to accomplish North-Atlantic integration (joining NATO and the European Union) as soon as possible. Besides, from a constructivist perspective, members of Visegrad Group had similar historical experience during the 20th century and their role as satellite states during the Cold War also connected them. According to the Visegrad Declaration signed in 1991:

‘A favourable basis for intensive development of cooperation is ensured by the similar character of the significant changes occurring in these countries, their traditional, historically shaped system of mutual contacts, cultural and spiritual heritage and common roots of religious traditions. The diverse and rich

1 Dangerfield M. The Visegrád Group in the Expanded European Union: From Preaccession to Postaccession Cooperation // East European Politics and Societies. 2008. Vol. 22, № 3. pp. 631–633.

cultures of these nations also embody the fundamental values of the achievements of European thought. The mutual spiritual, cultural and economic influences exerted over a long period of time, resulting from the fact of proximity, could support cooperation based on natural historical development.'

On the other hand, Western European countries supported the idea of Visegrad Group as they perceived it could be a good forum to reinforce friendly relations between the participants, and an opportunity to guarantee ethnic minority rights; as maintaining harmonious relations between neighbouring states was an essential requirement of membership capable of preventing the 'import' of ethnic tensions.

Despite these promising circumstances, during the 1990s, Visegrad Group was not able to become a coherent group and harmonize member states' foreign policy actions. Underlying reasons were the dissolution of Czechoslovakia, the self-perception of Hungary and the Czech Republic as 'more developed' countries within the bloc, tense relations between Hungary and Slovakia under the Mečiar era (1994–1998), emergence of parallel forums, such as CEFTA (Central European Free Trade Agreement, 1992). Meanwhile, a strong Visegrad platform did not serve the interests of the European Union as it could have raised the bargaining power of the states involved during the accession negotiation process¹.

After Václav Klaus and Vladimir Mečiar had resigned in the Czech Republic and Slovakia respectively, in 1999 the member states accepted a declaration entitled *Contents of the Visegrad Cooperation* in Bratislava, which resulted in re-activation of the group in the following years. It settled regular Prime Ministers' meetings with a coordinating chairmanship on a rotating basis among the member states, with a one-year mandate. The Contents also targeted the establishment of the International Visegrad Fund, which has been the sole permanent institutionalized body of the Visegrad Group till today and started its work in 2000. But these developments came to a halt in February 2002, when 'Hungarian Prime Minister Viktor Orbán proposed to launch an investigation into the so-called Beneš Decrees — directly related to the Czech Republic and Slovakia — and their compatibility with EU legislation'².

After joining the EU in 2004, the original objective was accomplished, and the future of V4 became uncertain: optimists believed that it had become a permanent structure in Europe and will survive, while pessimists emphasized internal contradictions, conflicts of interests and the unstable nature of the group suggesting that it would cease to exist³. The Visegrad Group survived — with a re-formulated objective to have a louder voice in

1 Inotai A., Sass M. Economic Integration of the Visegrád Countries: Facts and Scenarios // Eastern European Economics. 1994. Vol. 32, № 6. pp. 9–12.

2 Mykulanyets L. Whither V4? EU Entry as a Turning Point in Visegrad Cooperation. 2007. URL: <http://www.visegradgroup.eu/students-section/whither-v4-eu-entry-as>

3 Dangerfield M. The Visegrád Group... 2008. p. 637.

the EU and encourage stronger representation of Central Eastern European political and economic interests in various EU bodies. The necessity of future cooperation was reinforced by the Kroměříž Declaration accepted in 2004 'rooted in centuries of interlinked history and based on similar political, economic and social developments in the past decades. The Declaration also stated that V4 members 'are ... ready to cooperate in specific areas of common interest with countries within the wider region, with other regional groupings in Europe as well as with third countries and international organizations'. This reinforced the role of Visegrad Group as an international actor on its own, capable of building external relations with other actors all around the world.

The first decade of EU membership brought similar ups and downs in regional cooperation, as were experienced in the pre-accession period of Visegrad Group. Passive periods took place when tensions emerged between member states (most typically between Hungary and Slovakia, after the 2002 conflict mentioned above, diplomatic tensions also arose in 2009 regarding the language law amendment in Bratislava) or when one or another member state became an 'outlier'. Typical example is the V4 biggest member — Poland: 'due to its size and relevance in European politics, it has always had more opportunities to join other coalitions and alliances, such as the Weimar Triangle, or to ally itself with the Baltic countries or Scandinavia'¹. A strong Europeanization of Polish foreign policy after 2004 was motivated by its ambition to get a more influential role in the European Union and be able to shape EU policies instead of simply following them. A fairly spectacular result of this foreign policy attitude was that Donald Tusk (Prime Minister of Poland from 2007 till 2014) served as a President of the European Council (2014–2019).

Visegrad Group as an old-new opportunity in foreign policy making

After 2015, internal dynamics and external perception of the Visegrad Group changed significantly. Internally, the most essential turning point was Poland's parliamentary and presidential elections in 2015 bringing victory of the opposition, the conservative, Eurosceptic Law and Justice (PiS) party (that also won parliamentary elections in 2019). It resulted in a strong political-ideological axis formed by Poland and Hungary within the group. The foreign policy turn in Poland brought a different attitude towards the European integration, as 'Poland is no longer an engine of European integration, nor does it seem to value its relationship with Germany and France. Instead, the new government has pledged to revive an interwar alliance of Central and Eastern European (CEE) states ... To justify this revolution, it

1 *Niž M.* The Visegrád Group in the EU: 2016 as a turning-point? // *European View*. 2016. № 15. p. 284.

has deployed the familiar claim that Poland must protect its sovereignty and national interests in Brussels and Berlin. In particular, Poland must defend itself against the European Union's ... unchristian, liberal values'.

These political developments reflected the shifting perception of the role that Central Eastern European countries (and especially V4 members) played in the European integration process. Visegrad Group was built on the self-perception that the founding members were the most developed, most competitive and promising members of the Eastern bloc in terms of political structure, economic development and social attitude, 'worthy of early accession'. However, after a decade of EU membership, this identity shifted to being 'secondary/second-class members of EU', not being able to influence decisions but forced into a disadvantaged position. Costs and benefits of EU membership were re-evaluated and the beneficial nature of membership was doubted. This altered perception of EU membership was mainly driven by the frustration resulting from the spatial economic gap existing between the core members and the Central Eastern European members¹, as a metaphor explains 'the bride turned out not as pretty as advertised'². After forty years of subordinated position within the Eastern bloc, members of the Visegrad Group believed that joining the European integration would finally result in 'catching up' with the Western world. Although differences in economic and social indicators obviously narrowed, they still exist causing disappointments in V4.

Another important issue was the question of democracy. Its detailed analysis reaches beyond the scope of this article, but it can be stated that governments in Hungary (after 2010) and Poland (after 2015) gradually started to take steps towards weakening essential elements of the so-called liberal democracy, especially in terms of the rule of law and freedom of the media. Prime Minister Viktor Orbán stated in 2014, that 'The new state we build in Hungary, is an illiberal state, not a liberal state'³ that is often connected to the phenomenon described by Fareed Zakaria's article *The Rise of Illiberal Democracy* published in *Foreign Affairs* in 1997: democratically elected governments neglect constitutional limitations of governance dispossessing citizens from basic rights and freedoms, thus 'Democracy does not necessarily bring about constitutional liberalism'⁴. In September 2018, the European Parliament demanded that the European Council act to pre-

1 Schmölz B. Misunderstanding, conflict and divisions between the Visegrad Group and the European Union – an analytical discourse beyond the public cliché of the migration crisis // CES Working papers. 2019. Vol. 11, № 1. p. 28.

2 Kazharski A. The End of 'Central Europe'? The Rise of the Radical Right and the Contestation of Identities in Slovakia and the Visegrad Four // Geopolitics. 2017. Vol. 23, № 4. p. 13.

3 Orbán V. A munkaalapú állam korszaka következik [Era of Work-based State Comes] Prime Minister Speech at XXV. Bálványosi Nyári Szabadegyetem és Diáktábor, Tusnádfürdő (Báile Tusnad). 2014. URL: <https://www.kormany.hu/hu/a-miniszterelnok/beszedek-publikaciok-interjuk/a-munkaalapu-allam-korszaka-kovetkezik>

4 Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76, № 6. p. 27.

vent the Hungarian authorities from breaching the EU's founding values¹. In the case of Poland, the European Commission requested EU action in December 2017 in view of the perceived threats to the independence of the judiciary². These procedures go beyond conflicts of interests as they 'institutionalize' the conflict between Brussels and the Polish-Hungarian 'alliance' and they reflect different approaches towards political institutions and way of governance.

These factors and the perception of asymmetrical relations with 'Brussels' led to a stronger emphasis on sovereignty and independence in Visegrad countries' foreign policy making and foreign policy rhetoric. Visegrad Group — as an already existing regional framework — proved to be a perfect platform to harmonize foreign policy objectives of member states, to embody the resistance and 'rebellious behaviour' against a stronger actor (EU) and to be a more visible actor, a unified bloc against the original or core members of the European Union. Formulating the 'Us versus Them' foreign policy line on behalf of the Visegrad countries was supported by the Visegrad Group as a regional forum, as it represented 'Us' as a single actor, while its existence proved the long existing links and common interest between 'Us' (the Visegrad Group member states).

Externally, the so-called refugee crises starting in 2015 was the most essential event that led to cementing the Visegrad Group when member states shared a similar vision as to how to tackle the crisis and were united in resisting the idea of 'burden-sharing' within EU member states and presented jointly the idea of a 'flexible solidarity' at the European Council in Bratislava in September 2016. It means that 'the distribution of refugees would be purely voluntary, allowing Member States to refrain from receiving any additional refugees and contributing financial support and expertise instead'³. It represented a new approach within the European Union contrasting the idea of the refugee quota system proposed by the core members and it was identified with the Visegrad Group which appeared as a unified, coherent actor. In international media, 'the rise' of V4 was closely associated with the refugee crisis and the conflicting policies of the Visegrad Group and Western Europe — though the latter was neither united on the issue. As Radko Hokovsky puts it: 'the Visegrad Group has not yet played a highly

- 1 Members of European Parliament (MEPs) were chiefly concerned about judicial independence, freedom of expression, corruption, rights of minorities, and the situation of migrants and refugees.
- 2 In a resolution adopted in March 2018, the European Parliament agreed with the European Commission on the risks to the rule of law in Poland. In detail see: European Parliament, Rule of law in Poland and Hungary has worsened. 2020. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20200109IPR69907/rule-of-law-in-poland-and-hungary-has-worsened>.
- 3 Zsuzsanna N. States as Gatekeepers in EU Asylum Politics: Explaining the Non-adoption of a Refugee Quota System // Journal of Common Market Studies. 2018. Vol. 56, № 1. p. 45.

significant or visible role throughout the course of most of its existence. This has changed with the migration crisis in 2015¹.

Among external factors, Brexit has to be mentioned, too. As basically the strongest Eurosceptic member was about to leave the European Union after the referendum in 2016, a need to balance a probably strengthening Franco-German axis emerged and the Visegrad Group is a possible — though weak on its own — actor to participate in balancing the two strongest EU member states. Besides, 'the rise of populism' not only in Central Eastern Europe, but also in the United States with the election of Donald Trump (2016) and by strengthening populist parties from Italy to Sweden has challenged the Visegrad countries for the search of allies and partners in other countries to build and reinforce a wider nationalist, anti-immigrant stance in Europe. Political developments in Europe (and other parts of the world) encouraged and legitimized the Visegrad approach to state sovereignty and the right to protect borders and keep migrants out of the country — they became a symbol of resistance and/or alternative to the liberal mainstream in Europe.

The migration crisis in 2015 proved that the Visegrad Group as a regional cooperation is highly flexible. Regardless of conflicts and disagreements within the bloc (often referred as Visegrad 2+2²), V4 as a regional forum projects coherence and common grounds in foreign policy making and is perceived as a 'brand' with its own values and ideas.

Conclusion

Visegrad Group is to celebrate its 30th birthday in 2021 and it has shown a significant change of role and identity during its history.

'The post-Cold War narrative of Central Europe was a story of 'returning to the West', which in practice meant that normative conformity with the West was a precondition of membership in key Western institution. The situation has changed visibly after the migrant crisis, as the V4 political elites have now been constructing new identities, in partial juxtaposition with Western European liberalism. These new identities favour a culturalist, conservative interpretation of the nation and reject humanitarian universalism, epitomized by the European Union's decision to welcome the refugees'³.

This shift makes it obvious that as a regional platform, Visegrad Group depends highly on the actual political elites of the member states and their foreign policy objectives. It is a flexible, changing forum without permanent institutions (except for Visegrad Fund), emphasizing member states'

- 1 Cabada L., Waisová S. The Visegrad Group as an Ambitious Actor of (Central-) European Foreign and Security Policy // *Politics in Central Europe*. 2018. Vol. 14, № 2. p. 11.
- 2 The idea of V2+2 puts emphasis on the dividedness within the group: Hungary and Poland represent a more provocative attitude in different EU forums, while the Czech Republic and Slovakia attempt to keep relations with Brussels more harmonious.
- 3 Kazharski A. The End of 'Central Europe'? ... 2017. p. 754.

sovereignty and independence of action from other international actors. Obviously, member states represent only their overlapping foreign policy objectives at regional level, while conflicting foreign policy interests are overlooked at the forum. Thus – as a common ground –, the four members use V4 to have a stronger position in the EU strengthening bargaining power against the more powerful EU members when it comes to issues, such as immigration, budget of the EU or relations with the Western Balkans. These are questions on which member states have similar positions. This feature is beneficial on the one side, as they are capable of building coalitions with other actors and might have stronger influence on international affairs, but on the other side, it increases the likelihood that the history of more active and more passive periods of cooperation will continue in the future.

Apparently, the international recognition of the Visegrad Group has widened in the last years, which is a major achievement and is rather rare in case of a regional forum celebrating its thirty years anniversary. But this recognition has brought a dual external perception: while it is seen as obstructionist, uncooperative, a ‘toxic brand’ in Western Europe¹ and a rising threat to European values, it has emerged as a promising partner for emerging markets, such as China² and a possible partner for other actors through the V4+ formula. Balancing between East and West would most probably determine the next decades of Visegrad Group, while elections in member states would have a deep impact on the coherence and joint action of the cooperation.

REFERENCES

- Cabada, L., Waisová, S.* (2018). The Visegrad Group as an Ambitious Actor of (Central) European Foreign and Security Policy. *Politics in Central Europe*. Vol. 14. № 2. pp. 9–20. DOI: 10.2478/pce-2018-0006
- Dangerfield, M.* (2008). The Visegrád Group in the Expanded European Union: From Preaccession to Postaccession Cooperation. *East European Politics and Societies*. Vol. 22. № 3. pp. 630–667. DOI: 10.1177/0888325408315840 16
- Fawn, R.* (2018). External assessments of Visegrad since its international recognition over the “migrant” crisis. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. Vol. 27. № 1–2. pp. 63–79.
- Inotai, A., Sass, M.* (1994). Economic Integration of the Visegrád Countries: Facts and Scenarios. *Eastern European Economics*. Vol. 32. № 6. pp. 6–28. DOI: 10.1080/00128775.1994.11648548
- Kazharski, A.* (2017). The End of ‘Central Europe’? The Rise of the Radical Right and the Contestation of Identities in Slovakia and the Visegrad Four. *Geopolitics*. Vol. 23. № 4. pp. 754–780. DOI: 10.1080/14650045.2017.1389720
- Mykulanyets, L.* (2007). Whither V4? EU Entry as a Turning Point in Visegrad Cooperation. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/students-section/whither-v4-eu-entry-as> (accessed 21.12.2020).

1 *Fawn R.* External assessments of Visegrad... 2018. p. 74.

2 In detail see: Chinese investments and financial engagement in Visegrad countries: myth or reality? / Ed. by Á. Szunomár. Budapest, 2014; China's Relations with Central and Eastern Europe: from 'Old Comrades' to New Partners / Ed. by W. Song. Routledge Contemporary China Series, 2017.

- Niž, M. (2016). The Visegrád Group in the EU: 2016 as a turning point? *European View*. № 15. pp. 281–290. DOI: 10.1007/s12290-016-0422-6
- Schmölz, B. (2019). Misunderstanding, conflict and divisions between the Visegrad Group and the European Union — an analytical discourse beyond the public cliché of the migration crisis. *CES Working papers*. Vol. 11. № 1. pp. 22–34.
- Zakaria, F. (1997). The Rise of Illiberal Democracy. *Foreign Affairs*. Vol. 76. № 6. pp. 22–43. DOI: 10.2307/20048274
- Zaun, N. (2018). States as Gatekeepers in EU Asylum Politics: Explaining the Non-adoption of a Refugee Quota System. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 56. № 1. pp. 44–62. DOI: 10.1111/jcms.12663

(Суб)регионализм и внешняя политика: пример Вишеградской группы

Автор. Бернадет Лехоцки, PhD, доцент Университета Корвинус (Будапешт, Венгрия). E-mail: bernadett.lehoczki@uni-corvinus.hu

Аннотация. Вишеградская группа, субрегиональная политическая организация, была создана в 1991 году и с тех пор является основным форумом центральноевропейского сотрудничества. После краткого обзора документов и работ, посвященных периоду после 2015 года, когда на В4 было обращено более широкое международное внимание, в статье рассматривается меняющаяся роль, возможности Вишеградской группы, а также новые вызовы, с которыми ей пришлось столкнуться. В4 во многом зависит от находящихся у власти политических элит государств-членов и их внешнеполитических целей, поэтому, как правило, «активизируется» в случае совпадения внешнеполитических целей государств-членов. Функции Вишеградской группы могут заключаются в том, чтобы: стать автономным субъектом международных отношений; повысить суммарный вес государств-членов при представлении позиций на различных международных форумах, а также самостоятельно строить отношения/коалиции с нерегиональными акторами. В условиях отсутствия постоянных структур и согласованности успешных совместных действий в значительной степени зависит от внутренней политики государств-членов и избранных лидеров.

Ключевые слова: регионализм, внешняя политика, Вишеградская группа, Центрально-Восточная Европа, Европейский Союз.

Trends of the Visegrad Foreign Policy 2019. Selected Results

Pavína Janebová

Abstract. The article presents selected results of a research conducted by the Association for International Affairs (AMO) together with the Slovak Foreign Policy Association and Visegrad Insight in 2019. The purpose of the research ‘Trends of the Visegrad Foreign Policy 2019’ was to explore the opinions of representatives of the foreign policy communities on some of the most important foreign and European policy issues of V4. The article shows the research method, key findings in assessing partnerships with Germany, the United States, Russia and China, as well as confirms the strong connection between the Visegrad countries. In conclusion, the author notes that the foreign policy of Poland, the Czech Republic, Slovakia and Hungary is firmly rooted in the Euro-Atlantic structures, and the Visegrad cooperation is generally perceived rather favourably.

Key words: Visegrad group, Central Europe, Czech Republic, Slovakia, Poland, Hungary.

Introduction

The following article presents selected results of a research conducted by the Association for International Affairs (AMO) together with the Slovak Foreign Policy Association and Visegrad Insight in 2019 with support of the Konrad-Adenauer-Stiftung. Purpose of the research titled “Trends of Visegrad Foreign Policy 2019”¹ was to explore the opinions of foreign policy communities in the four countries of the Visegrad Group on some of the most crucial issues and developments concerning the countries’ foreign and European policy. As such, the research followed up on similar projects undertaken since 2011². Its results provide a unique glimpse at the thinking of people who shape and influence foreign policies in the Visegrad Group countries.

The following text first describes how the research was conducted and the method that was used. It then presents key results regarding the Visegrad countries’ foreign policies’ overall orientation, key bilateral partnerships and the assessment of the Visegrad cooperation as such.

- 1 Detailed analysis of the research results can be found in a report: Janebová P., Végh Zs. (2019) Trend of Visegrad Foreign Policy. URL: https://trendy.amo.cz/assets/2019/paper_en.pdf (accessed: 01.01.2021).
- 2 Results of the previous surveys available at: <https://trendy.amo.cz/> (accessed: 01.01.2021).

Research and method

The research was conducted via on-line survey containing 21 questions covering several broader areas, such as bilateral issues, European integration, Visegrad cooperation, EU external affairs, transatlantic relations. The survey was addressed to 1970 people in total. The group consisted of representatives of all four countries and several categories based on professional occupation. Among stakeholders approached, there were members of national parliaments, members of the European Parliament, government ministers, civil servants up to a certain level and ambassadors, researchers and analysts from academia and think-tanks, journalists writing about foreign and European policy, business and trade unions representatives and finally representatives of parliamentary political parties. The response rate in all Visegrad countries was 23%. The highest response rate (40%) was in case of the Czech stakeholders, probably as a consequence of their familiarity with AMO. The lowest response rate was the Polish one (7%). However, the absolute numbers of responses in the four countries are still comparable. The most represented group of respondents who answered the questionnaire were civil servants (42%) and researchers and analysts (30 %).

Main findings

Especially since 2015 and their shared strong positions regarding the so called migration crisis in the European Union, the four states of the Visegrad Group tend to be perceived, at least by some media as well as some political personalities, as a block that is both unified and united behind their political priorities and at the same not constructive in their approach towards asserting those priorities, i.e. not willing to contribute to finding common EU-wide solution to the mentioned crisis. With the migration debate largely subsiding, this unified and at the same time “toxic” image of the Visegrad Group has persisted. Despite that, results of the research revealed an overwhelmingly pro-European and pro-Western orientation of the Visegrad foreign policy elites. Membership of the four countries in the European Union was almost unanimously assessed as positive. Moreover, both the membership in the European Union and in NATO is expected to grow in importance in the next five years.

Germany, US as important allies

Somewhat unsurprisingly, Germany turned out to be perceived as the most important partner for all four Visegrad countries, as nearly 100% of the respondents identified Germany as “important” or “somewhat important” for their country’s foreign policy, with little difference among individual countries. Similarly, between 98% and 100% of the respondents picked Germany as one of the five most important partners for their country’s foreign policy. Regarding the perception of quality of the relations with Germany on the scale from 1 (very good) to 5 (very bad), the average figure for the whole

Share of respondents who picked Germany as one of the five most important partners for their country's foreign policy:

Average rating obtained for Germany in the question: Evaluate the quality of your country's relations with the following countries (very good =1, very bad = 5).

Visegrad group was 2.2. The worst (but still not bad) was the assessment of the Polish-German (2.7) and Hungarian-German (2.2) relations — probably due to the German criticism of the state of the rule of law in both countries. The best assessment was the one of the Slovak-German relations (1.3). The perception of the quality of the mutual relation of their country with Germany improved between 2017 and 2019 in case of all four countries, most likely resulting from the fact that the topic of migration somewhat lost its prominence. At the same time, German attention was aimed elsewhere in the past years and the political relations between Germany and the Visegrad countries had not been as intense.

Similar as in case of Germany, the USA are perceived as an important partner for all four Visegrad countries' foreign policies by nearly 90 % of the respondents. Share of the respondents who chose USA as one of the five most important partners varies from 74% in Slovakia to 98% in Poland. While the relationship with the US clearly is crucial for all Visegrad countries, Poland sticks out with its traditionally even

bigger emphasis it puts on its relations with Washington. When it comes to perception of quality of the relations, the assessment of the Polish stakeholders was the best (1.5). Polish case was also the single one among the Visegrad countries where the number of mentions of the US among the five most important partners was similar to the number of mentions of Germany. In the other three countries, Germany was mentioned more often than the US. The worst perception of the quality of their country's relations with the US was in case of the Hungarian respondents (2.4). However, it was also Hungary where there was the biggest perceived improvement in the quality of mutual relations with the US between 2015 and 2019, probably given the changed approach of the Trump administration

compared to the Obama one which was much more vocal about the democracy decline in the country.

Different perceptions of Russia and China

Regarding the assessment of bilateral relations with Russia, the case of Hungary seems to be an outlier. Both the importance and quality of the mutual relations is perceived as better by the Hungarian respondents. Almost 71 % of them mentioned Russia as one of the five most important partners. That does not mean that the other three countries do not see Russia as an important partner, according to the results of assessing its importance on a scale from “very important” to “not important” – the respondents just did not tend to mention it among the top five. The lowest rate of mentions was in case of the Czech Republic. It was also the Czech respondents who deem the quality of the bilateral relations of their country with Russia as the worst among the Visegrad countries with the average of 3.47. The Hungarian respondents on the other hand assessed the quality of relations between Hungary and Russia as rather good – 1.83. Of course, the friendly nature of mutual relations between the two countries has been fairly obvious for some time. It is however interesting to point out that the assessment of quality of mutual relations with Russia by Hungarian respondents is better than with both Germany and the US.

Perception of the importance and quality of bilateral relations with China differs slightly among

Share of respondents who picked the USA as one of the five most important partners for their country's foreign policy:

Average rating obtained for the USA in the question: Evaluate the quality of your country's relations with the following countries (very good =1, very bad = 5)

Share of respondents who picked Russia as one of the five most important partners for their country's foreign policy:

the four Visegrad countries. Overall, not many respondents consider China to be among the top five bilateral partners in terms of importance. The numbers are however much lower in case of the Czech Republic (4.6 %) and Slovakia (5.4 %) on one hand and Poland (23 %) and Hungary (32.3 %) on the other. Assessment of the quality of the relations is again the best in case of Hungary (1.9 – again, better than the assessment of relations with Germany or the US) and the worst in case of the Czech Republic (3). In the Czech case, the mutual relations with China worsened in 2019 due to the growing assertiveness of the Chinese foreign policy and the tendency of (at least some) Czech political actors to stand up to Chinese pressure. At the same time, majority of respondents in all four Visegrad countries believe that Chinese activities in the region pose a security threat. Still, while over 70 % of Polish and Slovak respondents and 60 % of Czech respondents think that the EU should adopt protectionist measures in response to Chinese exports, only 34 % of the Hungarian respondents agree.

Visegrad cooperation

Regarding the bilateral relations among the Visegrad countries, the results of the survey confirm a persisting strong bond between the Czech Republic and Slovakia, where 81 % and 90 %, respectively, mentioned the

WHICH COUNTRIES (BOTH EUROPEAN AND NON-EUROPEAN) ARE THE 5 MOST IMPORTANT PARTNERS FOR (YOUR COUNTRY)'S FOREIGN POLICY?

other country as one of the five most important partners. Placing the fellow Visegrad states on a scale, the mutual assessment for all four countries was mostly “important” or “somewhat important”, although for all four countries there are partners outside of the Visegrad groups whom the respondents consider more important. Similar applies to the assessment of quality of the bilateral relations among the Visegrad states — they were also mostly seen as “very good” or “good” but the quality of relations with certain partners outside the Visegrad Group has been evaluated as better.

Majority of respondents in all four countries consider the Visegrad cooperation as important for their countries, mostly so in case of the Hungarian respondents (95 %). The biggest number of respondents not agreeing with the Visegrad cooperation being important for their country was in the Czech Republic, though only 29 %. Czech respondents were also the ones who most often (39 %) disagreed that the Visegrad Group should more often strive for a joint approach. On the other hand, majority of respondents in all countries believe that the opposite is true — 73 % on average.

Looking at the Visegrad Group as an actor in the European Union, the overall perception is slightly negative — on average 58 % of the respondents disagree with the Visegrad Group being a concerted actor, while 54 % disagree with the Visegrad Group being an influential actor. In both cases

TO WHAT EXTENT DO YOU AGREE WITH THE FOLLOWING STATEMENTS ABOUT THE ROLE OF THE VISEGRAD GROUP?

Participation in the visegrad group is important for [your country]

The V4 should more often strive for a joint approach

Answers: Disagree Somewhat disagree Somewhat agree Agree I don't know

however, Hungarian respondents seem to be the most optimistic, with 60 % of them believing that the Visegrad Group is concerted and 59 % that it is influential in the EU. Only 35 % respondents on average believes that the Visegrad Group is a constructive actor in the EU. Again, the biggest percentage of respondents agreeing to this claim is among the Hungarians, but only 46 %. The lowest rate of agreement with the statement was among the Czech respondents.

The Visegrad group is a concerted actor in the EU

The Visegrad group is an influential actor in the EU

The Visegrad group plays a constructive role in the EU

Answers: Disagree Somewhat disagree Somewhat agree Agree I don't know

Conclusion

The key conclusion of the research is that regardless of the harsh rhetoric, controversial policies, and compromised image since 2015, the Visegrad countries' foreign policies, according to their foreign policy communities, are firmly embedded in the Euro-Atlantic framework. The Visegrad cooperation itself is overall perceived rather positively. That being said, the four Visegrad countries differ in multiple aspects, regarding their preferred bilateral partners or opinions on certain topics. Perceiving the Visegrad Group as a unified actor regarding their views on foreign and European policy thus would be misleading.

Тренды внешней политики Вишеградской группы в 2019 г. Избранные итоги

Автор. Павлина Янебова, зам. директора по науке Ассоциации по международным вопросам (Прага). E-mail: pavlina.janebova@amo.cz

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты исследования, проведенного Ассоциацией по международным вопросам (АМО) совместно со Словацкой ассоциацией внешней политики и платформой Visegrad Insight в 2019 г. Целью исследования «Тенденции внешней политики Вишеградской группы в 2019 году» стало изучение мнения представителей внешнеполитических кругов «четверки» по некоторым из наиболее важных вопросов, касающихся внешней и европейской политики В4. В статье описывается метод исследования, а также приводятся ключевые выводы оценки партнерства с Германией, США, Россией и Китаем. Авторы исследования подтверждают прочную связь между странами Вишеградской группы. В заключении отмечается, что внешняя политика Польши, Чехии, Словакии и Венгрии прочно ассоциирует себя с евроатлантическими структурами, а Вишеградское сотрудничество в целом воспринимается довольно положительно.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Центральная Европа, Чехия, Словакия, Польша, Венгрия.

Сотрудничество стран Вишеградской группы в образовательной сфере

Луциана Гоптова

Аннотация. В первые годы своего существования Вишеградская группа ориентировалась, в первую очередь, на сотрудничество в областях внешней политики, экономики и безопасности. Несмотря на то, что в ее отдельных документах были указаны и другие области сотрудничества, в том числе и сфера образования, никаких реальных шагов в данной области не наблюдалось. Ситуация изменилась только после 1998 г., когда произошел заметный сдвиг в сотрудничестве — от первоначальных политических и экономических тем к другим областям, непосредственно затрагивающим жизнь граждан Вишеградской группы, включая образование (напр. создание Международного Вишеградского фонда в 2000 г.). Важной вехой в развитии Вишеградской группы стал также 2004 г., в котором была подписана не только новая Вишеградская декларация, но и был принят документ «Руководство по будущим направлениям Вишеградского сотрудничества». В данном документе были четко определены направления совместной деятельности государств-членов Вишеградской группы. Одним из основных направлений была и сфера образования. Таким образом, с 2004 г. заявленное в документах сотрудничество в образовательной сфере началось и реально осуществляться. Свидетельством того является не только поддержка стипендиальных программ, финансируемых Международным Вишеградским фондом, сотрудничество в области информатизации и преподавании иностранных языков в начальных и средних школах, но и реализация активного взаимодействия Вишеградской группы со странами Восточного партнерства, Японией и Республикой Корея посредством проведения совместных семинаров, круглых столов и конференций. Плодотворная и эффективная работа проводится и по укреплению и интенсификации профессиональных контактов с ведущими представителями академий наук, а также по совместному обучению военнослужащих и судей, государств Центральной Европы.

Ключевые слова: Вишеградская группа, В4, сотрудничество, образование, Международный Вишеградский фонд.

Вишеградская группа (В4) с самого начала своего существования была сосредоточена на сотрудничестве по трансформации посткоммунистических стран В4 в развитые демократические государства. В документах «четверки» были определены основные направления сотрудничества, среди которых особое место отводилось сфере образования. Уже в Декларации от 15 февраля 1991 г.¹ указывалось, что го-

1 Visegrad Declaration 1991 — Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration. URL: www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-2 (accessed: 06.02.2020).

сударства В4 будут активно развивать взаимодействие в данной сфере, однако никаких реальных шагов на тот момент еще не наблюдалось. Предпочтение отдавалось вопросам внутриполитического развития, построению демократии, внешней политике и политике безопасности. Ситуация, однако, изменилась после 1998 г., когда произошел заметный сдвиг в сотрудничестве — от общих политических и экономических тем к другим областям, непосредственно затрагивающим жизнь граждан Вишеградской группы, включая образование¹.

Во время официальных встреч и переговоров сферы образования и науки все больше выходили на первый план. Важное значение имела встреча премьер-министров четырех государств В4, прошедшая 14 мая 1999 г. в Братиславе. Принявшие участие главы правительств — В. Орбан, Е. Бузек, М. Земан и М. Дзуринда — сосредоточились на темах внешней политики и политики безопасности. Принятие документа «Содержание Вишеградского сотрудничества» имело особое значение для дальнейшего развития сотрудничества. Именно этот документ определил основные рамки дальнейшего взаимодействия В4, установил ее приоритеты, а также создал механизм действий на различных уровнях². Согласно данному документу, к числу основных направлений относились: внешняя политика, внутренние дела, окружающая среда, инфраструктура, трансграничное сотрудничество, сфера образования, культуры, молодежная политика, спорт, а также поддержка развития науки и техники³.

В рамках сферы образования, культуры, молодежной политики и спорта, были установлены следующие приоритетные цели:

- создание совместных культурных программ, направленных на изучение истории, искусства, традиций и ценностей стран В4, а также на защиту прав и свобод человека;
- создание общего официального веб-сайта и, возможно, телевизионного канала;
- сотрудничество в области подготовки дипломатов и государственных служащих на базе общего учебного центра (напр. дипломатической академии);
- основание фонда для поощрения лиц и учреждений, которые приложили особые усилия для развития сотрудничества между странами региона Центральной и Восточной Европы;
- создание общего фонда для финансирования совместной деятельности в области образования, культуры и спорта;
- содействие спортивному образованию, установлению контактов между молодыми спортсменами, а также создание условий

1 Lukášek L. Visegrádská skupina a její vývoj v letech 1991–2004. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum, 2010. S. 78.

2 Ibid. S. 82.

3 Contents of Visegrad Cooperation 1999. URL: www.visegradgroup.eu/cooperation/contents-of-visegrad-110412 (accessed: 06.02.2020).

для спортивного образования и занятий спортсменов-инвалидов — поощрение их участия в специализированных лагерях, конференциях и региональных чемпионатах¹.

Что касается развития науки и технологий, то в документе говорилось: «Приоритетом является продвижение научно-технологических контактов, обмен опытом и подготовка совместных проектов для участия в 5-й Рамочной программе исследований и технологического развития ЕС и в целях осуществления регионального сотрудничества»².

Определенную значимость для сотрудничества стран В4 в области образования представляла и неформальная встреча премьер-министров В4, проходившая с 15 по 16 октября 1999 г. в словацкой Татранской Яворине. Несмотря на то, что в ходе данной встречи доминировали такие вопросы, как укрепление безопасности региона, борьба с преступностью, визовая политика, были также заложены основы единого института В4 со штаб-квартирой в Братиславе — Международного Вишеградского фонда³ — цель которого заключалась в координации и поддержке культуры, науки и исследований, образования, трансграничного сотрудничества и спорта. Соглашение об учреждении Международного Вишеградского фонда⁴, однако, было официально подписано на встрече премьер-министров В4 9 июня 2000 г. в чешском замке в Штиржине⁵.

2004 г. стал переломным в развитии дальнейшего сотрудничества стран В4. 12 мая 2004 г. в чешском Кромержиже была торжественно подписана новая Вишеградская декларация — «Декларация премьер-министров Чешской Республики, Венгерской Республики, Польской Республики и Словацкой Республики о сотрудничестве стран Вишеградской группы после их вступления в Европейский Союз»⁶. В данной декларации были оценены результаты деятельности Вишеградской группы, а также сформулированы направления будущего сотрудничества. Историческое значение встречи заключалось в том, что это была первая встреча стран В4, которые уже являлись полноправными членами НАТО и ЕС. В дополнение к новой декларации, представители В4 подписали еще один важный документ — «Руководство

1 Ibid.

2 Ibid.

3 Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишлиной. М.: Весь Мир, 2010. С. 247.

4 Agreement concerning the Establishment of the International Visegrad Fund. URL: https://s3.eu-central-1.amazonaws.com/uploads.mangoweb.org/shared-prod/visegradfund.org/uploads/2018/12/IVF_statute.pdf (accessed: 06.02.2020).

5 Вишеградская Европа: откуда и куда?.. С. 247.

6 Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrad Group countries after their accession to the European Union, 12 May 2004. URL: www.visegradgroup.eu/2004/declaration-of-prime (accessed: 06.02.2020).

по будущим направлениям Вишеградского сотрудничества»¹. В нем были четко обозначены направления совместной деятельности стран В4, среди которых были также упомянуты образование, молодежный обмен и наука.

На основании проведенного анализа программ председательств Словакии, Чехии, Польши и Венгрии в В4 и их итоговых отчетов можно констатировать, что с 2004 г. страны «четверки» сосредоточивают внимание на нескольких направлениях в области образования и науки.

Первое направление — поддержка образования при содействии Международного Вишеградского фонда. Основная миссия и цель деятельности Международного Вишеградского фонда — это продвижение идей вишеградской идентичности, дружбы и тесного сотрудничества между странами В4, а также укрепление связей между жителями данного региона². Фонд финансирует совместные проекты в области образования, науки, исследований, культуры; способствует молодежному обмену; спонсирует проекты содействия трансграничному сотрудничеству и развитию туризма, а также предоставляет индивидуальные стипендии. При этом годовой бюджет Фонда с 2014 г. составляет 8 млн евро. Страны В4 вносят равный вклад по 2 млн евро. Помимо членских взносов, Фонд с 2012 г. также получает внешние пожертвования от Нидерландов, Южной Кореи, Швейцарии, Швеции, Германии, США и Канады. Благодаря их финансовой поддержке в бюджет Фонда к настоящему времени добавлено еще около 10 млн евро³. Получателями гранта могут быть неправительственные организации, организации гражданского общества, муниципалитеты и местные или региональные органы власти, школы, университеты, частные компании, а также отдельные граждане.

Одним из проектов, поддерживаемых Международным Вишеградским фондом в долгосрочной перспективе, является Вишеградский молодежный форум. Цель этого проекта — «создать платформу для налаживания связей, инновационного образования, но, прежде всего, для повышения интереса молодежи к текущим событиям и будущему Вишеградской группы»⁴. Вишеградский молодежный форум, который является одним из основных проектов Евроатлантического центра, состоит из нескольких этапов. При этом кульминацией его деятельности является ежегодная трехдневная конференция в словацком городе Банска-Бистрица. В ней принимают участие политические деятели, эксперты академического сообщества, а также представители част-

1 Guidelines on the Future Areas of Visegrad Cooperation. URL: www.visegradgroup.eu/cooperation/guidelines-on-the-future-110412 (accessed: 06.02.2020).

2 Visegrad Fund — About us. URL: www.visegradfund.org/about-us/the-fund/ (accessed: 06.02.2020).

3 Ibid.

4 Visegrad Youth Forum — Home. URL: www.vyf.eac.sk/ (accessed: 06.02.2020).

ного сектора из стран В4. Во время панельных дискуссий участники конференции отвечают на вопросы студентов, а также участвуют в различных семинарах. Так, восьмая по счету, конференция проходила 4–6 декабря 2019 г. под эгидой министра иностранных и европейских дел Словакии М. Лайчака¹. В целом, Вишеградский молодежный форум создает пространство для обмена идеями, информацией и опытом между молодым и старшим поколениями, что в конечном итоге способствует продвижению идеи вишеградского сотрудничества².

Важным элементом сотрудничества В4 является платформа для участия в дискуссиях не только между самими членами В4, но и с третьими странами, что представляет собой второе направление деятельности в образовательной сфере. С точки зрения сотрудничества в данной области, в фокусе внимания долгие годы находится взаимодействие В4 с Украиной, а также другими государствами Восточного партнерства и Западных Балкан. Реализация сотрудничества при этом осуществляется посредством проведения круглых столов, семинаров, конференций и лекций, в рамках которых представители стран В4 передают свой накопленный педагогический опыт. Примером такого сотрудничества является конференция, проходившая 13 октября 2015 г. в Черновицком национальном университете имени Ю. Федьковича, которая была направлена на реформирование высшего профессионального образования, науки и исследований. Конференция была организована МИД государств В4 и Украиной при поддержке Международного Вишеградского фонда³.

Необходимо, однако, отметить, что сотрудничество В4 со странами Восточного партнерства и государствами Западных Балкан также отражается в предоставлении Международным Вишеградским фондом стипендий и грантов гражданам этих стран⁴. Например, Украина, согласно заявлениям, прозвучавшим на Конференции министров иностранных дел стран В4 в 2015 г., является одним из стратегических приоритетов Международного Вишеградского фонда⁵. Первые 29 стипендий для украинских аспирантов и молодых ученых были предоставлены во время председательства Польши в В4 в 2004–2005 гг.⁶ В последующие годы их число увеличилось, о чем свидетельствует тот факт, что во время председательства Словакии в В4 в 2006–2007 гг. украинским

1 Visegrad Youth Forum – News. URL: www.vyf.eac.sk/wordpress/news/ (accessed: 06.02.2020).

2 Ibid.

3 Šesť akadémii vied vytvára spoločnú platform. URL: www.sav.sk/index.php?lang=sk&doc=services-news&source_no=20&news_no=8590&fbclid=IwAR2MMRdgVKTyjVUcNzZBl8nrt-VF7kF6g-5YRM9A2vNdWc8pc5-MKLWNHh2Y (accessed: 08.02.2020).

4 Visegrad Fund – About us...

5 Ukrajina je pre Medzinárodný vyšehradský fond strategickou prioritou. URL: www.euractiv.sk/section/zahranicie-a-bezpecnost/news/ukrajina-je-pre-medzinarodny-vysehradsky-fond-strategickou-prioritou-023264/ (accessed: 06.02.2020).

6 2004/2005 Polish Presidency. URL: www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/2004-2005-polish-110412 (accessed: 06.02.2020).

студентам было предоставлено уже 73 стипендии для обучения в университетах стран В4. Тем самым Международный Вишеградский фонд стал одним из крупнейших институтов, предоставляющих стипендии для украинских граждан¹. Поддержка студентов и молодых ученых из Украины, а также государств Восточного партнерства и Западных Балкан, продолжается по сей день.

Помимо европейских стран в области образования В4 также сотрудничает со странами Азии — Японией и Республикой Корея. Фундаментальные основы сотрудничества В4 с Японией были заложены 28 мая 2007 г. на встрече министров иностранных дел пяти государств. Была достигнута договоренность не только о сотрудничестве в сфере инвестиций, малого и среднего бизнеса, туризма, но и в сфере культуры и образования². Обмен опытом и взаимное сотрудничество в области образования и науки с Японией также продолжается по сей день. Подтверждает это и заявление японского премьер-министра Шинзо Абэ, сделанное в ходе саммита стран В4 и Японии 25 апреля 2019 г. в Братиславе, согласно которому научно-технологические контакты вишеградских стран со страной восходящего солнца постепенно укрепляются³. Хорошим примером в данном контексте выступает эффективное сотрудничество «Японского научно-технического агентства» с учеными государств В4, которые плодотворно взаимодействуют в инновационной сфере в рамках различных научно-технологических проектов⁴.

Страны В4 также стремятся углубить сотрудничество в различных областях с Республикой Корея. 17 июля 2014 г. в Братиславе состоялась первая официальная встреча министров иностранных дел стран В4 и Республики Корея. По итогам встречи корейская сторона внесла финансовый вклад в размере 336 тыс. евро на поддержку 7 проектов Международного Вишеградского фонда, ориентированных на Западные Балканы. Участники встречи также призвали к укреплению дружественных отношений между странами В4 и Республикой Корея в различных сферах, включая науку, образование, молодежный обмен и культуру⁵. Кроме того, об углублении отношений с Республикой Корея было также заявлено на встрече премьер-министров стран В4 — Б. Сobotки, Б. Шидло, В. Орбана и Р. Фицо с президентом Республики Корея Пак Кын Хе 4 декабря 2015 г. в Праге⁶, а также на встрече пред-

1 Zhodnotenie slovenského predsedníctva vo V4 (2006–2007). URL: www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/zhodnotenie-sk (accessed: 06.02.2020)

2 Ibid.

3 3. samit vo formáte „V4+Japonsko“. URL: www.sk.emb-japan.go.jp/itpr_sk/00_000784.html (accessed: 07.02.2020).

4 The V4-Japan Joint Research Program (the V4 countries : Czech Republic, Hungary, Poland and Slovakia). URL: www.jst.go.jp/inter/english/sicorp/country/v4.html (accessed: 07.02.2020).

5 2014/2015 Slovak Presidency. URL: www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/annual-report-sk-v4-pres (accessed: 06.02.2020).

6 Visegrád countries and South Korea to deepen relations. URL: www.minizsterelnok.hu/visegrad-countries-and-south-korea-to-deepen-relations/ (accessed: 07.02.2020).

ставителей государств В4 с главой внешнеполитического ведомства Республики Корея Кан Гён Хва, проходившей 26 марта 2019 г. в Сеуле¹.

Немаловажной составляющей сотрудничества стран Вишеградской группы является сфера среднего и высшего образования, представляющая собой третье приоритетное направление стран В4 в образовательной сфере. Основной акцент при этом делается на сотрудничестве между средними школами в области преподавания иностранных языков; на поддержке обмена (краткосрочными и долгосрочными) учителями и учениками средних школ; на взаимодействии в борьбе с насилием и агрессией в школах; помощи в организации летних школ для средних и старших классов, а также студентов высших учебных заведений (напр. Вишеградская летняя школа в Кракове). Фонд поддерживает программы интеграции представителей цыганского этноса в образовательный процесс профессиональные программы в средних специализированных школах.

Кроме того, страны В4 активно взаимодействуют в области профессионального образования. Долголетнее сотрудничество осуществляется в области военного образования. В 2018 г. был подписан совместный меморандум, который способствовал образованию сертификационного международного военного курса, который изучается в Академии вооруженных сил Словацкой Республики им. М.Р Штефаника в городе Липтовски-Микулаш. Интересным фактом является то, что в процессе разработки программы участвовали все государства В4, в частности их университеты и академии в Варшаве, в Брно, Будапеште и Липтовски-Микулаше².

Анализируя сотрудничество стран В4 в области профессионального образования, нельзя не затронуть такую форму взаимодействия, как юридическая подготовка. Основы сотрудничества между юридическими академиями стран В4 были заложены в 2011 г. Целью данной профессиональной подготовки является сотрудничество по общим образовательным проектам, а также организация различных семинаров для представителей судебной системы. В рамках данной инициативы было реализовано несколько проектов, среди которых «Языковая подготовка в области судебного сотрудничества по уголовным делам» и «Судебная система и защита жертв», которые реализовались в 2014–2015 гг.³ Сотрудничество между судебными органами стран В4 также закреплено в приоритетах председательства Чехии в В4 на 2019–2020 гг. Програм-

1 FM Meets with Delegation from Visegrad Group (V4). URL: www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5674/view.do?seq=319842 (accessed: 07.02.2020).

2 Krajiny Vyšehradskej skupiny podporia spoluprácu v oblasti vojenského vzdelávania. URL: www.mosr.sk/43112-sk/krajiny-vysehradskej-skupiny-podporia-spolupracu-v-oblasti-vojenskeho-vzdelavania/ (accessed: 07.02.2020).

3 Ředitelé justičních akademií zemí V4 hodnotili a plánovali spolupráci v justičním vzdělávání. URL: <https://www.jacz.cz/aktuality/787-reditele-justicnich-akademii-zemi-v4-hodnotili-a-planovali-spolupraci-v-justicnim-vzdelavani> (accessed: 08.02.2020).

ма чешского председательства в В4 подчеркивает важность дальнейшего развития международного сотрудничества судебных органов в гражданских и уголовных делах; рационализацию международного сотрудничества в борьбе с коррупцией, а также оценку и сравнение систем подготовки будущих судей, картирование эволюции уголовного правосудия в странах В4 после падения тоталитаризма¹.

Помимо сотрудничества стран В4 в судебной сфере, весьма эффективное и плодотворное взаимодействие наблюдается и в научной области. Представители словацкой, чешской, польской и венгерской академий наук уже более 20 лет² проводят конструктивные ежегодные научно-исследовательские встречи, предметными темами которых являются: представление научной деятельности отдельных академий, укрепление взаимного сотрудничества и расширение участия стран В4 в европейских исследованиях, вопросы, связанные с обменом исследователями В4, а также обсуждение актуальных проблем науки, форм и инструментов сотрудничества между университетами и академиями наук в странах Центральной Европы³. Следует, однако, добавить, что диапазон тем в силу происходящих событий, в последние годы расширился и такие темы, как отток студентов из Центральной Европы⁴, а также (не)успех стран В4 в получении проектов в рамках «Горизонт 2020»⁵. Кроме того, ежегодные встречи глав академий наук стран В4 также включают в себя выступления молодых ученых и исследователей, которые презентуют результаты своих исследовательских проектов, а затем отвечают на вопросы экспертов, чем не только обогащают научное сообщество новыми знаниями и достижениями в сфере науки, но и вносят в него определенный исследовательский дискурс «молодого поколения» ученых.

На основании вышеизложенного можно заключить, что сотрудничество стран В4 в области образования активно осуществляется с 1998 г. и по сей день. Значительную роль и место в продвижении идеи и самой реализации сотрудничества занимает Международный Вишеградский фонд, который при политической и финансовой поддержке правительств государств В4, а также внешних пожертвований других

- 1 Program předsednictví České republiky ve Visegrádské skupině 2019/2020 – V4 pro rozumnou Evropu. URL: www.mzv.cz/file/3572186/program_CZ_V4_PRE2019_2020.pdf (accessed: 08.02.2020).
- 2 1999/2000 Czech Presidency. URL: www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/1999-2000-czech-110412 (accessed: 06.02.2020).
- 3 Visegrad 4. Academies of Sciences. March 1st, 2016. URL: www.slord.sk/buxus/docs///Brochure-merged-compressed.pdf (accessed: 08.02.2020).
- 4 Šéfovia akadémií vied V4 navrhnu legislatívne zmeny. URL: https://vedanadosah.cvtisr.sk/sefovia-akademii-vied-v4-navrhnu-legislativne-zmeny?fbclid=IwAR0lii4lP_rtgRn51toblrvultaMrmK_3eXDEMAEd3S_JhkUnr2VaatNCgw (accessed: 08.02.2020).
- 5 Šesť akadémií vied vytvára spoločnú platformu. URL: www.sav.sk/index.php?lang=sk&doc=services-news&source_no=20&news_no=8590&fbclid=IwAR2MMRdgVKTyjVUcNzZBl8nrt-VF7kF6g-5YRM9A2vNdWc8pc5-MKLWNHh2Y (accessed: 08.02.2020).

государств мира (Нидерландов, Южной Кореи, Швейцарии, Швеции, Германии, США и Канады), формирует благоприятные условия для эффективного и плодотворного сотрудничества и взаимодействия в образовательной сфере. Следует, однако, отметить, что в ближайшем будущем при сохранении сегодняшних тенденций странам В4 придется иметь дело с продолжающимся миграционным оттоком студентов и ученых. С другой стороны, им придется реагировать на рост числа средних школ и высших учебных заведений, оценивать научно-технологические достижения и внедрять их в образовательный процесс. Все эти факторы прямо или косвенно окажут влияние на уровень и качество взаимного сотрудничества стран В4 в образовательной сфере.

REFERENCES

- 1999/2000 Czech Presidency. URL: www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/1999-2000-czech-110412 (дата обращения: 06.02.2020).
- 2004/2005 Polish Presidency. URL: www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/2004-2005-polish-110412 (дата обращения: 06.02.2020).
- 2014/2015 Slovak Presidency. URL: www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/annual-report-sk-v4-pres (дата обращения: 06.02.2020).
3. samit vo formáte „V4+Japonsko“. URL: www.sk.emb-japan.go.jp/itpr_sk/00_000784.html (дата обращения: 07.02.2020).
- Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л. Н. Шишелиной. М. : Весь Мир, 2010.
- Agreement concerning the Establishment of the International Visegrad Fund. URL: https://s3.eu-central-1.amazonaws.com/uploads.mangoweb.org/shared-prod/visegradfund.org/uploads/2018/12/IVF_statute.pdf (дата обращения: 06.02.2020).
- Contents of Visegrad Cooperation 1999. URL: www.visegradgroup.eu/cooperation/contents-of-visegrad-110412 (дата обращения: 06.02.2020).
- Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrad Group countries after their accession to the European Union, 12 May 2004. URL: www.visegradgroup.eu/2004/declaration-of-prime (дата обращения: 06.02.2020).
- FM Meets with Delegation from Visegrad Group (V4). URL: www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5674/view.do?seq=319842 (дата обращения: 07.02.2020).
- Guidelines on the Future Areas of Visegrad Cooperation. URL: www.visegradgroup.eu/cooperation/guidelines-on-the-future-110412 (дата обращения: 06.02.2020).
- Krajiny Vyšehradskej skupiny podpora spoluprácu v oblasti vojenského vzdelávania URL: www.mosr.sk/43112-sk/krajiny-vysehradskej-skupiny-podporia-spolupracu-v-oblasti-vojenskoho-vzdelavania/ (дата обращения: 07.02.2020).
- Lukášek L. Visegrádská skupina a její vývoj v letech 1991–2004. Praha : Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum, 2010.
- Program předsednictví České republiky ve Visegrádské skupině 2019/2020 — V4 pro rozumnou Evropu. URL: www.mzv.cz/file/3572186/program_CZ_V4_PRE_2019_2020.pdf (дата обращения: 08.02.2020).
- Ředitelé justičních akademií zemí V4 hodnotili a plánovali spolupráci v justičním vzdělávání. URL: <https://www.jacz.cz/aktuality/787-reditele-justicnich-akademii-zemi-v4-hodnotili-a-planovali-spolupraci-v-justicnim-vzdelavani> (дата обращения: 08.02.2020).
- Šéfovia akademií vied V4 navrhnu legislatívne zmeny. URL: https://vedanadosah.cvtisr.sk/sefovia-akademii-vied-v4-navrhnu-legislativne-zmeny?fbclid=IwAR0liH4lP_rtgRn51toBjrvultaMrmK_3eXDEMAED3S_JhkUnr2VaatNCgw (дата обращения: 08.02.2020).

- Šesť akadémii vied vytvára spoločnú platformu. URL: www.sav.sk/index.php?lang=sk&doc=services-news&source_no=20&news_no=8590&fbclid=IwAR2MMRdgVKTvjVUcNZzBl8n-rtVF7kF6g-5YRM9A2vNdWc8pc5-MKLWNHh2Y (дата обращения: 08.02.2020).
- The V4-Japan Joint Research Program (the V4 countries : Czech Republic, Hungary, Poland and Slovakia). URL: www.jst.go.jp/inter/english/sicorp/country/v4.html (дата обращения: 07.02.2020).
- Ukrajina je pre Medzinárodný vyšehradský fond strategickou prioritou. URL: www.euractiv.sk/section/zahranicie-a-bezpecnost/news/ukrajina-je-pre-medzinarodny-vysehradsky-fond-strategickou-prioritou-023264/ (дата обращения: 06.02.2020).
- V4 — Ukraine: Chernivtsi Conference on Higher Education Reform/Funding of Higher Education and Science. URL: www.amo.cz/cs/predavani-zkusenosti-se-skolskym-managementem-a-mezinarodni-spolupraci-phdpu/akce/v4-ukraine-chernivtsi-conference-on-higher-education-reform-funding-of-higher-education-and-science/ (дата обращения: 06.02.2020).
- Visegrad 4. Academies of Sciences. March 1st, 2016. URL: www.slord.sk/buxus/docs///Brochure-merged-compressed.pdf (дата обращения: 08.02.2020).
- Visegrád countries and South Korea to deepen relations. URL: www.miniszterelnok.hu/visegrad-countries-and-south-korea-to-deepen-relations/ (дата обращения: 07.02.2020).
- Visegrad Declaration 1991 — Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration. URL: www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-2 (дата обращения: 06.02.2020).
- Visegrad Fund — About us URL: www.visegradfund.org/about-us/the-fund/ (дата обращения: 06.02.2020).
- Visegrad Youth Forum — Home. URL: www.vyf.eac.sk/ (дата обращения: 06.02.2020).
- Visegrad Youth Forum — News URL: www.vyf.eac.sk/wordpress/news/ (дата обращения: 06.02.2020).
- Zhodnotenie slovenského predsedníctva vo V4 (2006–2007). URL:– www.visegradgroup.eu/documents/annual-reports/zhodnotenie-sk (дата обращения: 06.02.2020).

Cooperation of the Visegrad Group Countries in the Educational Sphere

Author. Luciana Hoptová, PhD, researcher at the Institute of History of the Prešov University (Slovakia), Department of philosophy. E-mail: luciana.hoptova@gmail.com

Abstract. In the first years of its existence, the Visegrad group focused primarily on cooperation in the fields of foreign policy, economy and security. Despite the fact that in its separate documents other areas of cooperation were indicated, including the field of education, no real steps were taken in this area. The situation changed only after 1998, when there was a noticeable shift in cooperation — from the initial political and economic topics to other areas directly affecting the lives of citizens of the Visegrad group, including education. Thus in 2000 the International Visegrad Fund was established. An important milestone in the development of the Visegrad group was also 2004, when not only the new Visegrad declaration was signed, but also the document “Guidelines on the Future Areas of Visegrad Cooperation” was adopted. In this document, the directions of joint activities of the member states of the Visegrad Group were clearly defined. One of the main directions was the sphere of education. Thus, since 2004, the cooperation in the educational field was — among other sources — supported also by the Foundation. It supported not only scholarship programs, cooperation in the field of informatization and teaching foreign languages in primary and secondary schools, but also the implementation of the active interaction of the Visegrad Group with the Eastern Partnership countries, Japan and the Republic of Korea through joint seminars, roundtables tables, and conferences. Fruitful and effective work is also being done to strengthen and intensify professional contacts with leading representatives of the academies of sciences, as well as to jointly train military personnel and judges of Central Europe.

Key words: Visegrad Group, V4, cooperation, education, International Visegrad Fund.

Страны ЦВЕ и балканские дилеммы ЕС

Павел Кандель

Аннотация. В статье анализируется позиция стран Центральной и Восточной Европы относительно расширения ЕС на Западные Балканы. Автор также отмечает критическую позицию президента Франции к «евроинтеграции» Балкан. Этим Э. Макрон фактически обнажил одну из главных дилемм балканской политики Брюсселя: расширять ЕС в нынешнем виде, рискуя обострить внутрисоюзные противоречия и парализовать процесс принятия решений, либо предварительно реформировать его. Отмечается, что, столкнувшись с критикой и почувствовав себя довольно изолированно, Париж подготовил свои предложения по реформированию переговорного процесса с кандидатами в Евросоюз, однако критики расценили их как попытку затормозить расширение. Между тем автор подчеркивает, что ЕК разработала свою методологию — «Усиление процесса присоединения — надежная перспектива ЕС для Западных Балкан», которая также оказалась скупа на конкретику. В заключении делается вывод, что нерешенными остались главные и принципиальные вопросы, которые и являются подлинной подоплекой конфликта вокруг расширения.

Ключевые слова: Западные Балканы, расширение Европейского союза, «евроинтеграция», Э. Макрон, Европейская Комиссия.

Общеизвестно, что государства Центральной и Восточной Европы (включая и членов Евросоюза в Юго-Восточной Европе: Словению, Хорватию, Румынию и Болгарию) давно и активно выступают за ускоренное расширение ЕС на Западные Балканы. Их интересы понятны: увеличение числа членов Евросоюза усилит «Новую Европу» за счет «Старой», а на фоне явно проблемных новых членов Варшаве, Будапешту и прочим «фрондерам» легче будет парировать претензии Брюсселя из-за их отклонений от брюссельских стандартов. В этой политике они могут опираться на поддержку своего общественного мнения. Как свидетельствуют данные Евробарометра, осенью 2019 г. в ЕС-28 за расширение было 44%, против — 42%, при том подавляющее большинство его сторонников было в странах «Новой Европы», а противников — в «Старой»¹.

Между тем и правительства таких видных членов ЕС, как ФРГ, Австрия и Италия, также ратовали за неотложное начало предвступитель-

1 Standard Eurobarometer 92. Autumn 2019. Public opinion in the European Union. Annex. T128. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2255> (accessed: 24.12.2020).

ных переговоров с Северной Македонией и Албанией, хотя их граждане вовсе не разделяли энтузиазма своих руководителей (в Германии против расширения 55%, в Австрии — 59%, в Италии — 44%)¹. Для Брюсселя и западноевропейских лидеров нескрываема цель декларируемой «евроинтеграции» Западных Балкан — геополитическая. Соответственно, она сама — лишь средство, чтобы стабилизировать и закрепить за ЕС важный геополитический и геоэкономический перекресток, оградив его от влияния соперников. Переговорный же процесс, как показывает практика, можно ускорять или продлевать по мере надобности.

Картина станет намного красочнее, и вместе с тем проще для понимания, если привести другие цифры: использование бюджета ЕС на поддержку соседей, в том числе кандидатов на вступление, которых в Евросоюзе поддерживает 6%, в ФРГ — 4%². Не удивительно, что в развернувшейся схватке вокруг параметров нового семилетнего бюджета Евросоюза рьяные поборники расширения ожесточенно боролись за собственные приоритеты, но не слышно, чтобы кто-то отстаивал выделение большей суммы кандидатам.

Мнимое единодушие в ЕС нарушил президент Франции Э. Макрон, который также разделяет общую цель: понадежнее «пристыковать», по его выражению, государства региона к ЕС.³ Однако его вовсе не устраивала ситуация, когда исходом «евроинтеграции» стало бы снижение удельного веса «грандов»-доноров ЕС и его дальнейшее разрыхление. Поэтому французский президент, вынуждавший несколько раз переносить давно обещанное и с нетерпением ожидавшееся решение о начале предвступительных переговоров с Северной Македонией и Албанией, отважился на вызывающий шаг: на заседании Европейского Совета 15 октября 2019 г., где большинство участников было готово дать старт переговорному процессу, он при поддержке Нидерландов и Дании его заблокировал.

Все, и прежние, и новые руководители основных институтов ЕС, Европарламент, принявший специальную резолюцию, власти ФРГ, государственный департамент США, лидеры десяти стран ЦВЕ, которые совместно с Италией, Австрией и Мальтой еще 11 июня призывали Совет безотлагательно запустить переговоры с двумя этими государствами, назвали случившееся «исторической ошибкой ЕС» и с разной степенью жесткости осудили позицию Франции. Потрясенный пре-

1 Ibid.

2 Standard Eurobarometer 92. Nationaler Bericht. Die öffentliche Meinung in der Europäischen Union. Deutschland. Herbst 2019. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2255> (accessed: 24.12.2020).

3 Макрон призвал ЕС усилить борьбу с терроризмом. ИТАР-ТАСС. Международная панорама. 26.09.2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4593979> (дата обращения: 24.12.2020).

мьер-министр Северной Македонии Зоран Заев, поставивший на кон свою политическую судьбу, рискнул даже инициировать досрочные выборы в парламент 12 апреля 2020 г. (которые были отложены из-за эпидемии коронавируса), чтобы граждане подтвердили свое доверие курсу правительства.

В нашумевшем интервью британскому журналу *The Economist* Э. Макрон объяснил свою позицию так: «Если мы хотим иметь сильную Европу, нам нужно действовать быстрее и быть более сплоченными. Но это не совместимо с открытием процесса расширения в настоящее время... те, кто выступает сегодня за расширение, предлагают сохранить 1% бюджета... Я добавлю, что большинство членов согласились открыть доступ в ЕС для Северной Македонии, но почти половина была против кандидатуры Албании. Трагическая ошибка... Если мы откажем Албании, мы создадим ужасную ситуацию в регионе. Албаноязычные общины есть повсюду. Если мы унижим Албанию, то надолго дестабилизируем регион... нужно реформировать наши процедуры приема новых членов до начала переговоров. Если мы проведем реформу ЕС в ближайшие несколько месяцев, я готов начать переговоры. Если потенциальные кандидаты также по возможности приложат дополнительные усилия. Но пока мы не реформируем сам Европейский Союз, я против расширения»¹. Стоит подчеркнуть, что французский президент говорил, по сути, о двух разных темах: об изменении процедуры переговоров с кандидатами и о приеме в ЕС. Но согласие Франции он в обоих случаях обуславливал предварительным проведением необходимых преобразований.

Позволительно предположить, что Э. Макрон преследовал одновременно несколько целей, и внешне- и внутривнутриполитических, но скорее касающихся устройства ЕС, нежели судьбы Западных Балкан. Видимо, данный вопрос был сочтен подходящим поводом в нужное время, чтобы, выступив возмутителем спокойствия, инициировать желательную тему. При этом надо отдать должное его последовательности: к идее, что расширению должна предшествовать реформа самого ЕС, он пришел раньше² и повторял не раз на самых разных форумах на протяжении нескольких последних лет.

Э. Макрон фактически обнажил одну из главных дилемм балканской политики Брюсселя: расширять ли ЕС в нынешнем виде, рискуя обострить внутрисоюзные противоречия и парализовать процесс

1 The Economist (Великобритания): Эмманюэль Макрон своими словами. URL: <https://inosmi.ru/politic/20191108/246190685.html> (дата обращения: 24.12.2020).

2 Емануел Макрон: ЕУ не треба да прима нове чланице док се дубље не интегрише и спроведе реформе; Јоханес Хан: Макронова изјава није у супротности с политиком ЕУ. Нова српска политичка мисао. Хроника. 17.04.2018. URL: <http://www.nspm.rs/hronika/emanuel-makron-eu-ne-treba-da-prima-nove-clanice-dok-se-dublje-ne-integrise-i-sprovede-reforme.html> (accessed: 24.12.2020).

принятия решений, либо предварительно реформировать его? Но эта дилемма не единственная. Евросоюзу свойственны постоянные колебания: между намерением «европеизировать» регион и боязнью нарушить стабильность существующих «недоевропейских» режимов; между стремлением утвердить демократический правопорядок и решением задач геополитической конкуренции, ради чего можно и закрыть глаза на разительное несоответствие лояльных лидеров демократическим стандартам; между необходимостью массовой помощи для ускоренного экономического развития западнобалканских государств и небезвыгодного использования их в качестве источника трудовых ресурсов для экономик ведущих стран ЕС. Причем предпочтение всякий раз отдавалось не основополагающим ценностям ЕС, а конъюнктурным соображениям. Все это и привело к утрате доверия к Брюсселю: его «пряники» кажутся несвежими, а «кну́т» уже не пугает.

За примерами не надо далеко ходить. Даже соединенных усилий ЕС и США не хватило, чтобы заставить косовских, албанских и боснийских политиков отказаться от показного своеволия и внять неоднократно повторенным наставлениям всесильных, казалось бы, патронов. Премьер Косово Р. Харадинай упорно отказывался отменить 100-процентные пошлины на импорт из Сербии, срывая тем самым и возобновление переговоров Приштины и Белграда. В Албании оппозиционная Демократическая партия грозила саботировать выборы, нанося тяжелые репутационные потери своей стране накануне начала переговоров о приеме в ЕС. В Боснии и Герцеговине вожди ведущих партий более года после выборов потратили на выяснение отношений, прежде чем смогли сформировать правительство, однако тут же вернулись к привычному занятию.

Мотивы и намерения Э. Макрона аналитики объясняли по-разному. Одни трактовали подобный демонстративный жест как своеобразное подтверждение заявки на лидерство в дальнейшем развитии ЕС и выяснение отношений в не лишенном противоречивых страстей франко-германском романе — неформальной опоре Евросоюза.¹

Другие усматривали внутривнутриполитические расчеты: желание свести к минимуму риск потерять несколько процентов голосов на местных выборах в марте 2020 г. и на президентских — в апреле 2022 г.² Уместно напомнить в данной связи несколько сюжетов. Тема расширения ЕС среди французов не слишком популярна: согласно Евробарометру, в

1 *Воронов К.В.* Жаркие споры в ЕС: торможение углубления евроинтеграции сдерживает и процесс её расширения. ИМЭМО РАН. Публикации. Актуальные комментарии. 02.11.2019. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=5372&p=3&ret=527 (дата обращения: 24.12.2020).

2 *Makronovo zamazivanje očiju zemljama Zapadnog Balkana.* DW.18.11.2019. URL: <https://www.dw.com/sr/makronovo-zamazivanje-ociju-zemljama-zapadnog-balkana/a-51305782> (accessed: 24.12.2020).

2019 г. за расширение были 29%, против — 59%¹. Именно Париж пятнадцать лет назад настоял на приеме в ЕС Румынии и Болгарии, что и сегодня многие небезосновательно воспринимают как шаг скоропалительный и опрометчивый. Франция лидирует по числу просителей убежища, причем на первом месте среди них грузины и албанцы — выходцы из стран, которые считаются безопасными² С точки зрения экономических связей регион, где сильнее всего ощущается влияние ФРГ, Италии и Австрии, не имеет существенного значения для Франции.

Столкнувшись с массовой критикой и почувствовав себя довольно изолировано, Париж к очередной встрече Совета министров по общим и европейским вопросам ЕС (17-18 ноября 2019 г.) подготовил свои предложения по реформированию переговорного процесса с кандидатами в Евросоюз. Представленный рабочий документ призван был продемонстрировать: Франция не против дальнейшего расширения, но лишь стремится его усовершенствовать и сделать более функциональным. В основу французского подхода положено четыре принципа: постепенное подключение претендентов к деятельности институтов ЕС еще до формального вступления, более жесткий мониторинг осуществления необходимых реформ, большая финансовая помощь и предоставление доступа к структурным фондам ЕС на определенном этапе, обратимость процесса присоединения при появлении регрессивных тенденций. Вместо нынешней практики переговоров по 35 тематическим главам предлагалось разделить процесс присоединения на семь следующих строго друг за другом фаз в соответствующих секторах: верховенство права, образование и наука, труд и социальные вопросы, финансы, единый рынок, сельское хозяйство и рыболовство, внешняя политика, прочее³.

Французская версия реформирования процесса расширения была встречена достаточно скептически. Критики вполне обоснованно расценили ее как попытку затормозить расширение⁴. Чтобы эффективно ей противодействовать, но позволить Э. Макрону сохранить лицо, избежав прямой конфронтации, что в Брюсселе справедливо считается дурным тоном, потребовалось уравновесить французское предложение альтернативным. Оно внешне должно было удовлетворить француз-

- 1 Standard Eurobarometer 92. The key indicators. FRANCE. Autumn 2019. URL: http://eb92_fact_fr_en.pdf (accessed: 24.12.2020).
- 2 Франция вышла на первое место в Европе по запросам о предоставлении убежища. News.ru. 21.11.2019. URL: <https://news.rambler.ru/europe/43208356-frantsiya-vyshla-na-pervoe-mesto-v-evrope-po-zaprosam-o-predostavlenii-ubezhischa/> (дата обращения: 24.12.2020).
- 3 France unveils new model EU enlargement. EUobserver. 16.11.2019. URL: <https://euobserver.com/enlargement/146624> (accessed: 24.12.2020).
- 4 Procene iz Berlina: Francuski predlog usporava proširenje. DW. 19.11.2019. URL: <https://www.dw.com/sr/procene-iz-berlina-francuski-predlog-usporava-proširenje/a-51308291> (accessed: 24.12.2020).

ские амбиции, но исключить при этом возможность блокировать начало предвступительных переговоров. Именно с таким проектом под названием «Элементы усовершенствованного процесса расширения и реализуемой и ускоренной интеграции Западных Балкан» выступили девять членов ЕС: Австрия, Италия, Мальта, Польша, Чехия, Словения, Эстония, Латвия и Литва¹.

В документе подчеркивалось, что реформа процесса расширения не ставит под вопрос начало переговоров с Северной Македонией и Албанией. Принята французская группировка отдельных глав в тематические кластеры. Но главное и принципиальное отличие в том, что все они могут открываться и закрываться параллельно, а не последовательно. Предложено проводить ежегодные встречи Европейского Совета с лидерами государств региона, допустить участие их представителей в заседаниях Совета, его комитетов и рабочих групп Еврокомиссии. Расширение ЕС должно стать темой Конференции о будущем Европы, запланированной на 2020 – 2022 гг.

На основе двух предложений ЕК разработала свою, явно компромиссную версию новой методологии — «Усиление процесса присоединения — надежная перспектива ЕС для Западных Балкан», которую и адресовала соответствующим институтам ЕС 5 февраля 2020 г.² Документ ЕК словесно вторит обоим предлагавшимся вариантам и заимствует из них многие элементы. Но, щедрый на посулы, он оказался на редкость скуп на конкретику, определяющую параметры процесса (его скорость, важнейшие индикаторы прогресса или регресса), а также объем и порядок распределения финансовых средств, которые собираются вложить в данный проект. Так, неоднократно упоминаются «дорожные карты», касающиеся верховенства права и демократических институтов, программы экономических реформ, контрольные показатели для начала переговоров по каждому кластеру и для завершения переговоров по каждой главе внутри них. Между тем все это предстоит наполнять конкретным содержанием на основе ежегодных отчетов ЕК, мониторинга органов ССА и межправительственных конференций.

Столь же обтекаемо сформулированы положения о возможных действиях при застое или попятном движении в определенных областях. «В серьезных случаях комиссия самостоятельно или по обоснованной просьбе государства-члена может в любое время вносить предложения

1 Devet članica EU objavilo novi predlog reforme procesa proširenja. European Western Balkans. 11.12.2019. URL: <https://europeanwesternbalkans.rs/devet-clanica-eu-objavilo-novi-predlog-reforme-procesa-prosirenja/> (accessed: 24.12.2020).

2 Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. Enhancing the accession process – A credible EU perspective for the Western Balkans. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enlargement-metodology_en.pdf (accessed: 24.12.2020).

[о санкциях] ... посредством, когда это уместно, упрощенных процедур, включая «реверсивное» голосование¹ квалифицированным большинством».² Среди мер реагирования значатся: приостановка (частичная или полная) переговоров, возможное повторное обращение к новым переговорам по главам, которые уже считались завершенными, сокращение объема и интенсивности финансирования, приостановка или отмена преимуществ более тесной интеграции, например, доступа к программам ЕС и общему рынку.

Стремление избежать каких-либо ясных обязательств и точных цифр заметно и в разделе, касающемся поощрения успешных кандидатов. Наградой должны стать «более тесная интеграция с ЕС и поэтапный доступ к отдельным политикам и программам ЕС и общему рынку»; увеличение финансирования и инвестиций, в том числе за счет Инструмента предвступительной поддержки (ИРА3) и более тесного сотрудничества с международными финансовыми институтами. Однако запрошенная ЕК сумма для ИРА3 (14,5 млрд €) на 2021–2027 гг. при сравнении с ИРА2 (11,7 млрд € на 2014–2020 гг.) не слишком впечатляет. В документе ЕК указывается, что евроинтеграция Западных Балкан — «геополитическая инвестиция» ЕС. Но трудно избавиться от впечатления, что Брюссель собирается «инвестировать» скорее слова, нежели деньги.

Особо оговорено, что Черногория и Сербия, уже ведущие предвступительные переговоры, не обязаны переходить на новую методологию, но могут это сделать, если посчитают целесообразным.

Из прежней стратегии перекочевало положение, что диалог между Белградом и Приштиной при посредничестве ЕС должен быть завершен всеобъемлющим, юридически обязывающим соглашением о нормализации взаимоотношений.

Если суммировать нововведения ЕК, легко прийти к выводу: почти все эти «новации» и прежде были в распоряжении институтов ЕС, но почему-то не применялись. Логичен оставшийся без ответа вопрос: что этому мешало и почему подобные помехи теперь исчезнут? Сомнительно, что еще один бюрократический документ способен изменить ситуацию.

Вскоре после обнародования своего документа ЕК поспешила закрепить успех. Уже 2 марта она выпустила отчеты, где констатировала прогресс Северной Македонии и Албании в осуществлении ранее им предписанных преобразований и подтвердила свою рекомендацию: начать с ними предвступительные переговоры.³ Окончательное реше-

1 При подобном голосовании квалифицированное большинство требуется не для принятия решения, а для его предотвращения.

2 Op. cit. P. 5 – 6

3 Commission reports on progress made by Albania and North Macedonia. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_347 (accessed: 24.12.2020).

ние оставалось за Советом, который планировали провести в последних числах марта, и на котором ожидался положительный исход. Появились симптомы, что Э. Макрон смягчил свою позицию — выступая на Мюнхенской конференции по безопасности, он заявил о готовности поддержать переговоры с двумя этими странами, если в докладах им будут даны позитивные оценки¹. Символически увенчать наступление «новой эры» в расширении должна встреча в верхах ЕС – Западные Балканы в Загребе, назначенная на май 2020 г. Однако эпидемия коронавируса сильно скорректировала первоначальные замыслы, приоритеты и бюджеты.

Оценивая новую переговорную методологию ЕК, германский политолог Б. Вебер справедливо заметил, что при всех ее достоинствах и недостатках нерешенными остались главные и принципиальные вопросы, которые и являются подлинной подоплекой конфликта вокруг расширения: спор, в первую очередь между Германией и Францией, о будущем ЕС — быть ли ему политическим союзом или экономическим объединением?² Стоит добавить, что активными участниками упомянутого спора являются также государства ЦВЕ. Эта коллизия всплывет еще не раз, сказываясь так или иначе на судьбе балканского расширения. Обозначая интеграцию региона в ЕС «геостратегической инвестицией», Брюссель наводит на опасные параллели: он уже сделал однажды подобную «инвестицию», ускоренно и в валовом порядке приняв в свои ряды государства Центральной и Юго-Восточной Европы, — что, мягко говоря, оценивается неоднозначно.

Анализ истории, столь переполошившей и ЕС, и его партнеров на Западных Балканах, позволяет сделать два вывода. Тема расширения обречена стать постоянной в повестке дня ЕС, а переговорный процесс будет интенсифицирован, по крайней мере за счет существенного умножения многочисленных совместных мероприятий и насыщенного двустороннего бумагооборота. Брюссель намерен «взять на короткий поводок» своих западнобалканских подопечных, неотступно контролируя каждый их шаг, предотвратив тем самым усиление в регионе геополитических соперников, каковыми числятся Россия, Китай, Турция, а в последнее время не гласно и США. Все остальное (в первую очередь, скорость реального расширения) не предрешено. Зависеть это будет, как и ранее, от множества трудно предсказуемых факторов и привходящих обстоятельств. От политической конъюнктуры в са-

- 1 Macron: Podržat ćemo pregovore sa Albanijom i Sjevernom Makedonijom. URL: <https://www.klix.ba/vijesti/regija/macron-podrzat-emo-pregovore-sa-albanijom-i-sjevernomo-makedonijom/200215073> (accessed: 24.12.2020).
- 2 Usluga Makronu i, možda, nešto više. Deutsche Welle. 09.02.2020. URL: <https://www.dw.com/sr/usluga-makronu-i-mozda-neshto-vise/a-52310093> (accessed: 25.02.2020).

мом ЕС и в регионе, степени ангажированности и политического веса внутрисоюзных лоббистов и их противников. От прочности позиций лидеров в своих странах и их самостоятельности. От эффективности шантажа Евросоюза со стороны его строптивых подопечных. Наконец, от гипотетической реформы ЕС, о которой пока достоверно можно сказать лишь одно: неизвестно дойдет ли до нее дело, когда это случится и чем закончится?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- The Economist (Великобритания): Эммануэль Макрон своими словами. URL: <https://inosmi.ru/politic/20191108/246190685.html> 1. (дата обращения: 25.02.2020).
- Воронов К.В. Жаркие споры в ЕС: торможение углубления евроинтеграции сдерживает и процесс её расширения. ИМЭМО РАН. Публикации. Актуальные комментарии. 02.11.2019. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=5372&p=3&ret=527 (дата обращения: 25.02.2020).
- Макрон призвал ЕС усилить борьбу с терроризмом. ИТАР-ТАСС. Международная панорама. 26.09.2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4593979> (дата обращения: 25.02.2020).

REFERENCES

- Commission reports on progress made by Albania and North Macedonia. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_347 (accessed 25.02.2020).
- Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. Enhancing the accession process — A credible EU perspective for the Western Balkans. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enlargement-metodology_en.pdf (accessed 25.02.2020).
- Macron prizval ES usilit' bor'bu s terrorizmom [Macron called on the EU to step up the fight against terrorism]. ИТАР-ТАСС. Mezhdunarodnaia panorama. 26.09.2017. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4593979> (accessed 25.02.2020).
- Standard Eurobarometer 92. Autumn 2019. Public opinion in the European Union. Annex.T128. Available at: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2255> (accessed 25.02.2020).
- Standard Eurobarometer 92. Nationaler Bericht. Die öffentliche Meinung in der Europäischen Union. Deutschland. Herbst 2019. Available at: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2255> (accessed 25.02.2020).
- Standard Eurobarometer 92. The key indicators. FRANCE. Autumn 2019. Available at: http://eb92_fact_fr_en.pdf (accessed 25.02.2020).
- Voronov K. V. Zharkie spory v ES: tormozhenie uglublennii evrointegratsii sderzhivaet i protsess ee rasshirenii [Disputes in the EU: the strengthening of European integration is also holding back the process of its expansion]. ИМЭМО РАН. Publikatsii. Aktual'nye kommentarii. 02.11.2019. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=5372&p=3&ret=527 (accessed 25.02.2020).

Central and Eastern European Countries and Balkan Dilemmas of the EU

Author. Pavel Kandel, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.
E-mail: xpekan@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the position of Central and Eastern Europe countries regarding the EU enlargement into the Western Balkans. The author especially notes the attitude of the French President to the «European integration» of the Balkans, which was severely condemned by other member states. However, E. Macron actually unpacked one of the main dilemmas of the Balkan policy of Brussels: whether to expand the EU in its current form (having risk to exacerbate contradictions within the Union and paralyzing the decision-making process), or first to reform the model of integration. The author notes that, being confronted with criticism and feeling itself isolated, Paris actually started preparing the reform proposals concerning the negotiation process within the candidate states. Critics actually regarded them as an attempt to slow down the expansion process. Meanwhile the EU has developed its own version of the new methodology described in "Enhancing the accession process - A credible perspective for the Western Balkans", which also turned out to be stingy with specifics. It is concluded that the main and fundamental issues remained unresolved and thus continue to be the reasons for the conflict around expansion.

Key words: Western Balkans, enlargement of the European Union, European Integration, E. Macron, European Commission.

AFTERWORD

Taking into consideration the history of our international scientific project «Russia and Central Europe in new Geopolitical realities» which marked its 25-th anniversary in December 2019, this book should have been the 13-th volume based on the discussions we had been carrying out for a quarter of a century in Moscow. Still, with a desire to make this volume as a watershed in pre- and “post-covid” geopolitical realities and approaches, we have decided to leave it without number as a kind of peak of the previous period of our project and a start for a new stage.

This volume comprises the best contributions to our project made during its history by the acknowledged experts from Central European countries and Russia. All of them are based on a long experience and profound knowledge of the region, its history, labyrinths of politics, peculiarities of economics, international challenges. 30 years since the beginning of reforms is a long period almost adequate to the most active period in lives of citizens. The results of the transformations - as the majority of our authors prove — are convincing and instructive. In fact, within three decades the Central European region has made an impressive evolution from the status of the periphery of world politics to its most important political subject. And this encourages and enables us to continue our international scientific project.

As it happened, our jubilee conference turned out to be the last in the “pre-pandemic” period. In those December days of 2019, carried away by the discussion, we hoped for a continuation, wished each other a Merry Christmas and a New Year, and thought that we shall meet again next December. Being then concentrated on analyzing other challenges, we could not even imagine that we were on the verge of a great tragedy that would bypass few people and condemn us to periods of prolonged isolation worrying about relatives and colleagues. One way or another, everything that happened to us in December 2019 was «before the pandemic». Now we can only remember that time with warmth and kindness, hope for the overcoming of the «corona-crisis» and as soon as possible return of life to the course we used to.

We would like to continue our project. Yes, these will be completely different conferences. The drama of the situation is also in the fact that the chaos and despair that arose at the beginning of 2020 spread to other spheres of our life, disrupting its progressive development. The nervousness of hopelessness started reflected itself in sharp decisions that turned back interstate relations. Suddenly, it turned out that many of the achievements of the previous years were simply gone and it is as if our relations have appeared again at the very beginning of the path of reforms. But we are sure that this should not be the case. We will continue our work, our meetings

and discussions, united, perhaps, by another common title, and we will strive to return to the atmosphere of our discussions that we had managed to achieve within the past quarter of a century. Yes, it used to be every two years for a quarter of a century (!) that we met with our colleagues from Central European countries to discuss global and regional issues of concern to us, issues of reforming our economies and social structure, new trends in regional policy and prospects for our relations, and we hoped that our recommendations would be useful to those who make decisions at the highest level.

In this book alongside with the articles by well-known scientists we had also included some contributions of our young colleagues, who — we hope — will continue our traditions of dialogue and common work. In accordance with the long-standing rules of our publications, we publish texts without changes, preserving the style of the authors and their statements, allowing the reader to feel the acuteness and intensity of the discussion, although we do not share some of the points of view that seem to us insufficiently reasoned. An open and direct dialogue has always been an important feature and a mark of our conferences. Whatever the points of view might be, it is a great achievement that our dialogue has been going on for more than a quarter of a century, giving hope for the possibility of overcoming the difficulties and even crises that arise from time to time in relations between our countries and regions.

This conference would certainly have taken place, but perhaps its atmosphere would have been different without the help of the Ambassador of the Czech Republic in Moscow, Vítězslav Pivoňka, and the embassy's co-workers — Counselor-Envoy dr. Petr Vágner, to whose memory we are dedicating this book today, Deputy Ambassador Luboš Veselý and an employee of the Embassy's political Department Jan Jindřich.

*Author and head of the project
«Russia and Central Europe in new Geopolitical realities»
Doctor of Historical Sciences
Lyubov Shishelina*

CONTENTS

Introduction	8
-------------------------------	---

CENTRAL EUROPE ON THE THRESHOLD OF ITS SECOND CENTURY: THE MOST IMPORTANT HISTORICAL MILESTONES SINCE ITS ESTABLISHMENT AND THEIR LESSONS

Central Europe: Three Decades after the “Velvet Revolutions” <i>Lyubov Shishelina</i>	10
The Long Shadow of August 1968: Czech View of Russia <i>Oldřich Tůma</i>	22
Soviet Authorities and their Relation to the Events in East European Countries in 1989 <i>Mikhail Prozumenshchikov</i>	30
Some Interpretations of the Place of the Events of 1989 – 1990 in 20th Century History. Hungarian Perspectives <i>Attila Pók</i>	42

30 YEARS OF REFORMS: RESULTS OF POLITICAL DEVELOPMENT OF CENTRAL EUROPEAN COUNTRIES

1989–2019: Thirty Years after: Re-Enchanting Europe? <i>Ferenc Miszlivetz</i>	58
The Role of Civil Society in Liberal Democracy. The Czech Republic Thirty Years down the Road <i>Karel B. Müller</i>	78
Evolution of Ideological Discourse on post-1989 Society in Slovakia <i>Peter Dinuš, Dominika Dinušová</i>	92

CONTEMPORARY PROBLEMS OF DEMOCRATIZATION

«Trans» without «Formation» — Reloaded. The Social Models of the Eastern and Central European Countries <i>Jody Jensen</i>	101
Barriers to Consolidation of Democracy in Poland <i>Joanna Dzwonczyk</i>	120
Stable Instabilities: the Czech Political Landscape of the Eighth Electoral Cycle <i>Ella Zadorozhnyuk</i>	134
Perceptions of the «Poland of Our Dreams» Three Decades After the Beginning of Transformation: Analysis of the 2019 Election Campaign <i>Oleg Mikhalev</i>	158
Features of Political Transformation in Post-Socialist Czech Republic and Slovakia <i>Mikhail Vedernikov</i>	182

ON THE RESULTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Assessment of Economic Development of Visegrad Group <i>Anatoly Bazhan</i>	196
Primary and Secondary Privatisation in some Former Communist Countries <i>Károly Attila Soós</i>	203
The Evolution of Poland's Foreign Trade Relations 15 Years after Accessing the European Union <i>Andrzej Habarta</i>	210
The Success of the Polish Economic Transition <i>Zbigniew Stańczyk</i>	224
The Role of the Exchange Rate Regime in the Systemic Transition and Economic Integration: the Evidence from Poland's Economy <i>Marta Wajda-Lichy</i>	236

REGIONAL POLITICS AND BILATERAL RELATIONS. NEW CHALLENGES FOR CENTRAL EUROPE

Central Europe under Pressure of the New Geopolitical Context: Time for Decisions and Choices <i>Witold Rodkiewicz</i>	248
Hungarian Foreign Policy and the Crisis of the Liberal International Order. Balancing between Global Powers and National Interest <i>László Csicsmann</i>	253
Relations between Russia and Poland — is it Possible to Break the Deadlock <i>Maxim Samorukov</i>	262
Polish Eastern Policy and Russia's Policy towards the West — Can we Find the Ground for the Dialogue? <i>Rafał Lisiakiewicz</i>	267

THE VISEGRAD GROUP — A RISING FACTOR OF EUROPEAN POLICY

(Sub)regionalism and Foreign Policy: Case of the Visegrad Group <i>Bernadett Lehocski</i>	281
Trends of the Visegrad Foreign Policy 2019. Selected Results <i>Pavína Janebová</i>	290
Cooperation of Countries of Visegrad Group in the Educational Sphere <i>Luciana Hoptová</i>	298
Central and Eastern European Countries and EU Balkan Dilemmas <i>Pavel Kandel</i>	308
Afterword	318
About authors	324

Бажан Анатолий Иванович — д.э.н., руководитель Отдела экономических исследований Института Европы РАН.

Вайда-Лихи Марта — PhD, доцент Кафедры макроэкономики Краковского экономического университета.

Ведерников Михаил Владимирович — к.и.н., старший научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

Габарта Анджей Артурович — к.э.н., ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН; доцент кафедры Мировой экономики МГИМО МИД России.

Гоптова Луциана — PhD, научный сотрудник Института истории Философского факультета Прешовского университета в Прешове.

Дзвончик Иоанна — PhD, профессор Кафедры политических наук Краковского экономического университета.

Динуш Петер — PhD, научный сотрудник Института политических наук Словацкой академии наук.

Динушова Доминика — PhD, доцент Кафедры общественных наук Академии внутренних дел в Братиславе.

Задорожнюк Элла Григорьевна — д.и.н., заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

Йенсен Джоди — PhD, старший научный сотрудник Института политических наук Венгерской Академии наук, директор центра Полани Института перспективных исследований в Кёсеге.

Кандель Павел Ефимович — к.и.н., ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

Лехоцки Бернадет — PhD, доцент Кафедры международных, политических и региональных исследований Университета Корвинус (Будапешт, Венгрия).

Лисякевич Рафал — PhD, доцент Кафедры политических исследований Краковского экономического университета.

Мисливец Ференц — Доктор ВАН, Профессор, основатель и генеральный директор Института перспективных исследований в г. Кёсег.

Михалёв Олег Юрьевич — к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета.

Мюллер Карел — PhD, профессор, заведующий Кафедрой политических наук факультета международных отношений, Экономический университет в Праге.

Пок Аттила — PhD, профессор Института истории Венгерской академии наук; старший научный сотрудник Института перспективных исследований (iASK) в г. Кёсег.

Прозуменщиков Михаил Юрьевич — к.и.н., зам. директора Российского государственного архива новейшей истории.

Родкевич Витольд — PhD, научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований Варшавского университета.

Саморуков Максим — заместитель главного редактора Carnegie.ru.

Станчик Збигнев — PhD, профессор Кафедры макроэкономики Краковского экономического университета.

Чичманн Ласло — Доктор наук, Профессор, проректор по науке Университета Корвинус в Будапеште.

Шишелина Любовь Николаевна — д.и.н., заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы, и Вишеградским центром Института Европы РАН.

Шоош Аттила Карой — Доктор экономических наук, Профессор, старший научный сотрудник Института экономики Венгерской академии наук.

Янебова Павлина — PhD, зам. директора по науке Ассоциации по международным вопросам (Прага).

AUTHORS

Bazhan Anatoly — Doctor of Sciences (Economics), Head of the Center for Economic Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

Dinuš Peter — PhD, an senior researcher at the Institute of Political Sciences, Slovak Academy of Sciences in Bratislava.

Dinušová Dominika — PhD, Associate Professor, Department of Social Sciences, Academy of Police Force in Bratislava.

Dzwończyk Joanna — PhD, Dr Hab., Professor, Department of Political Studies, Cracow University of Economics.

Habarta Andrzej — Candidate of Sciences (Economics), leading scientific researcher Department of Central and Eastern European studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS).

Janebová Pavlína — Ph.D., Deputy Director of Research, Association for International Affairs (AMO).

Jensen Jody — PhD, Director of the Polányi Centre at iASK, senior research fellow at the Institute of Political Sciences at the Hungarian Academy of Sciences.

Kandel Pavel — Candidate of Sciences (History), leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

László Csicsmann — Doctor of Sciences, Professor, Vice-Rector for Faculty at Corvinus University Budapest.

Lehoczki Bernadett — PhD, Associate professor at the Institute for International, Political and Regional Studies, Corvinus University Budapest.

Lisiakiewicz Rafal — PhD, Assistant Professor, Department of Political Science, Cracow University of Economics.

Hoptova Luciana — PhD, researcher at the Department of philosophy, Institute of History of the Prešov University (Slovakia),

Maxim Samorukov — Deputy Editor of Carnegie.ru.

Mikhalev Oleg — Candidate of Sciences (History), Associate Professor Department of International Relations, Voronezh State University.

Miszlivetz Ferenc — Doctor of Sciences (International relations), Professor, Founder and Director of the Institute of Advanced Studies Kőszeg (iASK).

Müller Karel B. — PhD, Professor, Head of the Department of Political Science, Faculty of International Relations, University of Economics in Prague.

Pók Attila — PhD, Professor, Institute of History of the Hungarian Academy of Sciences; senior researcher at the Institute of Advanced Studies Kőszeg (iASK).

Prozumenshchikov Mikhail — Candidate of Sciences (History), Deputy Director of the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI).

Rodkiewicz Witold — PhD, Adjunct-Professor of the Centre for East European Studies, University of Warsaw.

Shishelina Lyubov — Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Central and Eastern European studies and the Visegrad Centre at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

Soós Attila Károly — Doctor of Sciences (Economics), senior research fellow of the Institute of Economics of the Hungarian Academy of Sciences.

Stańczyk Zbigniew — PhD, senior lecturer at the Department of Macroeconomics, Cracow University of Economics.

Vedernikov Mikhail — Candidate of Sciences (History), senior research fellow at the Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

Wajda-Lichy Marta — PhD, Assistant Professor of the Cracow University of Economics.

Zadorozhnyuk Ella — Doctor of Sciences (History), Head of the Department for the Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Научное издание

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПО ПУТИ РЕФОРМ
Проблемы, вызовы, перспективы**

Монография

Подписано в печать 20.07.2021. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.печ. л. 20,38. Тираж 300 экз. Заказ № .

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт Европы Российской академии наук

125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.

Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96.

E-mail: europe-ins@mail.ru

Web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Технология ЦД»

Представляем Вашему вниманию очередную книгу серии «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» на тему «Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы». В ее основу легли материалы конференции, посвященной 25-летию юбилею нашего международного научного проекта, который мы отметили в декабре 2019 года. Книге предшествовали 12 томов, изданных нами выступлений участников за четверть века конференций. Отчасти во избежание числа «13», отчасти из желания подчеркнуть важность самой конференции 2019 года - и с точки зрения рассматриваемой темы, и с точки зрения достижения определенного рубежа в развитии региона, его взаимоотношений с Россией, - мы решили издать ее книгой вне нумерации. Книга таким образом завершает один длительный, но поступательный период нашего проекта и открывает новый этап в его развитии.

Любовь Шишлина, основатель проекта

We present to your attention the next book in the series "Russia and Central Europe in the new Geopolitical Realities" entitled "Central Europe: 30 years of Reforms. Problems, challenges, prospects". It is based on the materials of the jubilee conference of our international scientific project, which celebrated its 25th anniversary in December 2019. The book was preceded by another 12 volumes published within a quarter of a century. Partly in order to avoid number "13", partly in a desire to emphasize the importance of the 2019 conference itself, both from the point of view of the topic under consideration, and from the point of view of achieving a certain milestone in the development of the region and in relations with Russia, we decided to publish this book outside the numbering. Thus, it completes one long, but progressive period of our project and opens a new stage in its development.

Lyubov Shishelina, founder of the project